

801-18
2314

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

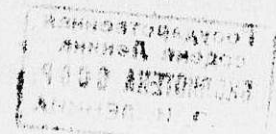
R⁷₂ 96

Личныя и служебныя воспоминанія

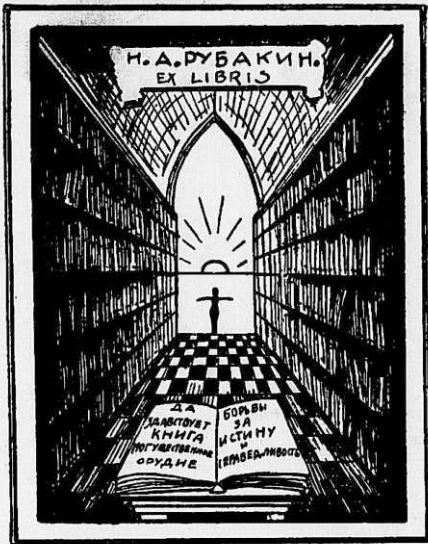
П. П. Карцова.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1876 — 1878 годъ.

4110

2007077802

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Письма», Бол. Подъяческая, № 39.
1888.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

1876.

Знакомство съ новою дивизіею. — Лагерь въ Москвѣ. — Взгляды начальника округа. — Сербскіе добровольцы. — Приѣздъ принца Гумберта. — Его военно-административныя взгляды. — Приѣздъ Государыни Цесаревны, королей датскаго и греческаго. — Представленіе имъ лагеря и войскъ. — Разсказъ о проспавшей тревогѣ. — Перевозъ семьи въ Нижний. — Нѣтъ худа безъ добра.

Узнавъ, что 3-я дивизія назначается на лѣто въ лагерь подѣ Москвою, я оставилъ семью въ Тамбовѣ и отправился принимать новую дивизію. Она была уже мнѣ нѣсколько знакома: въ ней я началъ въ 1857 году мою армейскую службу, въ званіи командира 3-го стрѣлковаго баталіона, въ ней же, черезъ 20 лѣтъ, пришлось окончить строевую службу, подѣ стѣнами Константинополя. Двухъ ея полковыхъ командировъ я зналъ лично.

Проѣздомъ черезъ Москву надо было представиться Гильденштуббе, который счелъ нужнымъ передать мнѣ свои взгляды на полки и ихъ командировъ. Что онъ скрылъ отъ меня бѣдность полковъ и расхваливалъ ихъ, это понятно; но что крайне пристрастно рекомендовалъ одного изъ командировъ, — это осталось для меня загадкою. „Что касается до командира 3-го полка, — говорилъ командующій войсками, — то совѣтую имѣть за нимъ глазъ да глазъ. Это былъ любимчикъ вашего предмѣстника, а между тѣмъ я знаю, что онъ командуетъ полкомъ, какъ говорится, изъ халата!“ Такъ было сказано о полковникѣ Кусовѣ, тогда какъ это былъ несомнѣнно лучший полковой командиръ въ дивизіи, да я думаю и въ округѣ. Человѣкъ достойнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ, клавшій въ полкъ свою душу, Кусовъ держалъ его въ рукахъ и, какъ

Изъ Прошлаго.

Государственная
срдеца Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
И. И. ЛЕНИНА

63087-48

имѣвшій хорошія собственные средства, ничего не жалѣлъ для полка. Невѣрная оцѣнка людей, сколько я замѣчалъ, происходила у почтеннаго А. И. Гильденштуббе отъ того, что онъ любилъ иногда собирать свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ войскахъ, побочными, часто далеко невѣрными путями и отъ кого попало.

Видъ Нижняго-Новгорода, въ которомъ я до того не бывалъ, произвелъ на меня самое пріятное впечатлѣніе. Въ то время Ока и Волга еще не вполне вступили въ берега, такъ что картина отъ вокзала на подымающійся террасами городъ и съ откоса на разливы Волги представляла одну изъ рѣдкихъ, по своей красотѣ и величію. Три дня, проведенные въ городѣ, были употреблены мною на первое инспектированіе обонхъ стоящихъ въ немъ полковъ и на официальные визиты, начиная съ архіерея и губернатора. Первый плѣнилъ меня своею привѣтливостію и простотою приѣма, второй — удивилъ беззащитною бойкостью и роскошью своей обстановки. Впрочемъ, послѣднему помогало то, что едва-ли кто изъ губернаторовъ въ Россіи пользуется помѣщеніемъ въ такомъ дворцѣ, какъ нижегородскій, отданный въ полное его распоряженіе, со всѣмъ его убранствомъ, прекрасными залами и даже съ церковью.

На обратномъ пути, проѣзжая Ковровъ, я встрѣтился на станціи съ вновь назначеннымъ ко мнѣ въ дивизію командиромъ бригады, генераломъ В. Д. Давыдовымъ, сыномъ знаменитаго партизана отечественной войны. Если по своей тучности и вообще комплекціи онъ не былъ похожъ на отца, то по игривости и бойкости ума вѣроятно походилъ на него. Возвращаясь въ Тамбовъ, я заѣхалъ въ Рязань проститься съ Тульскимъ полкомъ, который только-что былъ сданъ Уфнярскимъ новому командиру. Достаточно было взглянуть на послѣдняго передъ строемъ, чтобы пожалѣть, что этотъ прекрасный полкъ попадаетъ въ такія руки.

Къ 1-му іюня полки собрались въ лагерь; къ этому же времени я пріѣхалъ въ Москву, гдѣ и началось болѣе близкое знакомство съ дивизіею. Она оказалась далеко не такою, какою рекомендовалъ ее Гильденштуббе. Впрочемъ это не удивило меня, такъ какъ я издавна зналъ его манеру рекомендовать новому начальнику принимаемую часть съ лучшей сто-

роны, а потомъ говорить, что часть распускается. Въ дѣйствительности строевое дѣло было вовсе не дурно, но хозяйство и манера начальствованія похвалы не заслуживали. Болѣе же всего поражала меня какая-то запуганность, въ которой я засталъ офицеровъ. Они были такъ засучены и такъ невоспріимчивы и равнодушны, точно съ ними никогда никто не обращался и не говорилъ по-человѣчески. При первомъ объѣздѣ лагеря командующимъ войсками, остановясь у фланга 1-го полка, гдѣ были всѣ его офицеры, Гильденштуббе весьма любезно привѣтствовалъ ихъ, желая имъ благополучнаго лагеря. Они выслушали его слова въ позѣ нижнихъ чиновъ, отдающихъ честь; никто не отвѣчалъ даже поклономъ, ни одинъ штабъ-офицеръ не нашелся поблагодарить за привѣтъ, хотя бы солдатскимъ отвѣтомъ „покорно благодаримъ“. Когда я выразилъ полковому командиру мое удивленіе, то онъ отвѣтилъ:

— Трудно, ваше превосходительство, ожидать инаго, когда офицеры, кромѣ распеканій, ничего не слышали; они уже привыкли къ безмолвію.

Странно, что такой бывалый начальникъ, какъ Гильденштуббе, не измѣнилъ подобнаго направленія. Хотя онъ самъ, быть можетъ, иногда и не совсѣмъ справедливо, а по какому-либо другимъ мотивамъ, обрушивался на кого-либо, но при надобности умѣлъ и поднять духъ части, ободрить, успокоить ее. О замѣченномъ въ дивизіи мы часто говаривали съ Александромъ Ивановичемъ, и однажды я даже вызвалъ его на извиненіе передъ полковымъ командиромъ. Было это такъ: только-что прибывшій въ роту новобранецъ не могъ ему назвать фамиліи своего ротнаго командира. Старикъ страшно разсердился и сильно распекъ всѣхъ начальниковъ этого солдата. Мы выслушали крутые выговоры безъ возраженій, но когда горячность миновала, я доложилъ, что онъ напрасно принималъ такъ близко случившееся, потому что въ немъ виноваты—ни неумѣвшій отвѣтить, ни его начальники, такъ какъ спрошенный былъ чувашъ, только недѣлю назадъ прибывшій въ роту и вовсе непонимающій по-русски. Гильденштуббе немедленно извинился передъ тѣми, кого распекалъ.

Вспомню при этомъ и другой случай. Мы на столько знали другъ друга, что я могъ позволить себѣ, бывши глазъ-на-глазъ

съ Александромъ Ивановичемъ, оспаривать нѣкоторые его взгляды и дѣйствія. У него была манера ежедневно выѣзжать на учебное поле, при домашнихъ занятіяхъ и особенно на стрѣльбу. Какъ старый служака, онъ не могъ переносить самой мелкой неисправности и недосмотра, а потому ни одно его посѣщеніе не обходилось безъ замѣчаній и выговоровъ. Извѣстно, что никакое занятіе не требуетъ отъ солдата такого внутренняго спокойствія, какъ стрѣльба, а могъ ли солдатъ быть спокоенъ, когда зналъ, что за нимъ командующій войсками, отъ глаза котораго не скроются ни длинные волосы, ни скривившійся каблукъ. Можно ли было этому стрѣлку сохранять хладнокровіе, думать о правильномъ прицѣливаніи, сосредоточиться на выстрѣлѣ? Объясняя это Гильденштуббе, я сознавался, что самъ избѣгаю бывать на стрѣльбѣ ежедневно, а предоставляя это дѣло полковымъ и батальоннымъ командирамъ, пріѣзжаю на стрѣльбу изрѣдка, невзначай, иногда разъ въ недѣлю, а другой разъ и два раза въ день.

— А кто же мнѣ будетъ порукою, — возразилъ Гильденштуббе, — что если я не буду появляться ежедневно, то иной ротный командиръ тоже не пожалуетъ къ ротѣ?

— Во-первыхъ, порукою будетъ то, что полковой командиръ узнаетъ объ этомъ, а во-вторыхъ — страхъ, что вы или я можемъ наѣхать нечаянно и серьезно взыскать съ манкирующаго, что мнѣ и случалось дѣлать, но не болѣе 3-хъ разъ въ теченіи 10-ти-лѣтняго командованія дивизіями.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіи всего лагеря, старикъ обыкновенно издали здоровался съ стрѣлявшими, и только два раза приближался къ нимъ, приказывая при этомъ продолжать занятія. Онъ призналъ, что мои доводы о ежедневномъ пребываніи старшаго начальника, на такомъ занятіи какъ домашняя стрѣльба, совершенно бесполезны для дѣла.

Съ приходомъ въ лагерь уже было извѣстно, что въ этомъ году Государь не будетъ смотрѣть собранныхъ подъ Москвою полковъ, и что Высочайшіе смотры будутъ замѣнены смотрами командующаго войсками. Это производило невыгодное впечатлѣніе, потому, во-первыхъ, что офицеры теряли надежду получить награды сверхъ нормы, а во-вторыхъ — всѣ знали обычай Гильденштуббе, все время распекаетъ и хвалитъ только

въ концѣ, желая показать, что войска, бывши слабыми, выучились и поправились только вслѣдствіе его трудовъ и указаній. Сдѣланный имъ въ началѣ лагеря парадъ вполне подтвердилъ это. Онъ такъ распекъ всѣхъ полковыхъ командировъ, такъ энергично поручалъ мнѣ подтянуть полки, что они впали въ уныніе, и мнѣ же надо было успокоивать и ободрять ихъ. Къ счастью, полковые командиры вѣрили въ мое вліяніе на строгаго начальника и знали мои къ нему отношенія. Вскорѣ послѣ парада началась переборка учений по батальонно, по полкамъ и бригадамъ. Я зналъ, что на первыхъ будутъ грозы, на вторыхъ появится пасмурность и только при бригадныхъ ученьяхъ проглянетъ солнышко. Такъ оно и было, но, къ сожалѣнію, батальонныя ученья едва не кончились грустнымъ фактомъ. Смотри полкъ полковника Кусова, командующій войсками, за негромкую и не сноровистую команду одного батальоннаго командира, до того круто отнесся къ полковому, что тотъ, сказавшись больнымъ, уѣхалъ съ ученья. Онъ былъ такъ огорченъ новымъ доказательствомъ нерасположенія главнаго начальника, что на другой же день подалъ въ отставку. Мнѣ было жаль расстаться съ лучшимъ полковымъ командиромъ дивизіи; хотя и съ большимъ трудомъ, но я уговорилъ Кусова взять прошеніе назадъ и далъ ему слово употребить все мое вліяніе, чтобы командующій войсками увидѣлъ, въ какой мѣрѣ онъ ошибался въ оцѣнкѣ его службы.

Въ началѣ іюня Гильденштуббе заболѣлъ подагрой и передалъ мнѣ, какъ старшему послѣ него, начальствованіе лагернымъ сборомъ, но только въ наружномъ отношеніи; всѣ же распоряженія о занятіяхъ оставилъ за собою, объявляя ихъ черезъ своего новаго начальника штаба, такъ какъ прежній получилъ дивизію. Этой перемены войска не симпатизировали уже потому, что мѣняли опытнаго, 8 лѣтъ имъ извѣстнаго начальника штаба, на лицо, совершенно имъ чуждое. Первый, имѣя значительное вліяніе на дѣла округа, зналъ всѣхъ и его всѣ знали, о новомъ-же никто не слыхалъ и надо было еще узнать, что изъ него выйдетъ. Болѣзнь Гильденштуббе заключилась весьма не кстати, такъ какъ съ половины іюля начались пріѣзды въ Москву иностранныхъ гостей. Первымъ прибылъ итальянскій наслѣдный принцъ Гумбертъ, съ супругою. Прежде чѣмъ описывать его посѣщеніе, скажу нѣсколько

словъ о злобѣ дня того времени, о сербско-турецкой войнѣ и ея вліяніи.

Политическія событія на Балканскомъ полуостровѣ уже два года волновали русское общество. Возстаніе герцеговинцевъ, война въ Черногоріи и въ особенности неистовства турокъ въ Болгаріи возбуждали сочувствіе не только нашей интеллигенціи, но и народа. Сначала оно состояло въ денежныхъ и вещественныхъ пожертвованіяхъ, но съ открытіемъ военныхъ дѣйствій въ Сербіи, выразилось уже въ личной помощи. Правительство разрѣшило желающимъ офицерамъ, по выходѣ въ отставку, поступать въ сербскія войска, съ правомъ, по окончаніи войны, возвратиться въ свои части, а славянскіе комитеты приглашали желающихъ изъ народа, выдавая таковымъ пособія на одежду и путевые расходы. Охотниковъ попробовать счастья нашлось не мало, они были названы добровольцами. Одни пошли по призванію, съ цѣлью быть защитниками единовѣрцевъ, другіе—испытать себя въ боевомъ дѣлѣ, но большая часть была искателями приключеній. Что касается добровольцевъ изъ офицеровъ армейскихъ полковъ, то они раздѣлялись на двѣ категоріи: нѣкоторые шли съ убѣжденіемъ принести пользу и себѣ, и дѣлу славянства, но много было и такихъ, объ уходѣ которыхъ мы не жалѣли. Сознаюсь, что тѣхъ, которые просились по минутному увлеченію, я старался удерживать, предсказывая, что въ недалекомъ будущемъ они могутъ удовлетворить свое стремленіе быть въ дѣлахъ, въ составѣ своихъ полковъ, вмѣстѣ съ товарищами, а не среди необученныхъ и не дисциплинированныхъ сербскихъ ополченій. Многіе послѣвали моему совѣту, а отправившіеся, по возвращеніи сознавались, что мало чему выучились.

Перехожу къ посѣщенію Москвы принцемъ Гумбертомъ. Онъ имѣлъ соизволеніе Государя видѣть собранныя въ лагерѣ войска, а потому, по болѣзни командующаго войсками, мнѣ довелось все представлять ему и всюду сопровождать его. Три дня бытности при немъ привели меня къ убѣжденію, что это человекъ вѣрныхъ взглядовъ на строевое дѣло и дисциплину, чуждый излишней гуманности. Принцу было показано ученіе 1-й гренадерской дивизіи, послѣ котораго онъ пожелалъ видѣть лагерные полковые лазареты. Сѣвъ въ коляску, мы отправились въ Всесвятскіе бараки, которыми онъ остался ви-

димо доволенъ; да и трудно было не похвалить ихъ, потому что чистота и порядокъ въ лазаретахъ были доведены до щегольства. Спрашивая во что обходится казнѣ содержаніе каждаго больного, его высочество былъ крайне удивленъ, когда я доложилъ, что полки получаютъ менѣе франка на человѣка. При выѣздѣ изъ бараконъ, встрѣтившійся судебный слѣдователь обратилъ на себя вниманіе принца, цвѣтомъ своего малиноваго воротника и околыша.

— Какого полка этотъ офицеръ? спросилъ онъ.

— Это не офицеръ, а военный судья,—было моимъ отвѣтомъ.

— Что значитъ военный судья и между тѣмъ не офицеръ полка? вновь спрашиваетъ принцъ.

Пришлось объяснить ему, что у насъ существуетъ особое военно-судебное учрежденіе, вѣдающее тѣ проступки солдатъ, которые не предоставлено судить въ полкахъ, и что въ этомъ учрежденіи три инстанціи, изъ коихъ высшая называется главнымъ военно-суднымъ управленіемъ.

Онъ слушалъ очень внимательно и потомъ сказалъ:

— Я этого не понимаю. Развѣ можетъ судить и наказывать солдата кто-либо, кромѣ офицера, его начальника?

Возвращаясь во дворецъ, намъ пришлось проѣзжать лагерный оврагъ, въ одномъ изъ береговъ котораго было устроено нѣсколько карцеровъ, въ видѣ вытянутыхъ въ линію землянокъ, возлѣ которыхъ расхаживали часовые. Это вновь возбудило любопытство принца. Чтобы удовлетворить его, надо было рассказать, что со времени уничтоженія тѣлеснаго наказанія, солдаты, за маловажные поступки, подвергаются, на основаніи дисциплинарнаго устава, аресту, смотря по винѣ, на однѣ или нѣсколько сутокъ.

Тогда его высочество удивилъ меня вопросомъ:

— Да развѣ это наказаніе?

Я не зналъ что отвѣтить, а онъ продолжалъ:

— Значитъ, у васъ того мнѣнія, что за пьянство, самовольную отлучку, за неряшество или лѣность,—надо давать солдату отдыхъ. Какое же это наказаніе, если въ то время, когда товарищи виновнаго на ученіи, въ караулѣ или на тяжелой работѣ, ему даютъ возможность ничего не дѣлать и спать сколько угодно? Нѣтъ, у насъ смотреть на подобныя вещи

вѣрнѣе, практичнѣе: лишаютъ свободы только того, кого ожидаетъ серьезное наказаніе по суду, а за текущія, обыкновенныя поступки ставятъ солдата въ ранцѣ, съ насыпаннымъ въ него пескомъ, подѣ особое тяжелое ружье, сдѣланное изъ свинца, лицомъ плотно къ стѣнѣ. Какъ онъ простоитъ такъ часовъ 5, подѣ нашимъ итальянскимъ солнцемъ, такъ не захочетъ впередъ ни отлучаться, ни лѣниться. Повѣрьте, что это гораздо дѣйствительнѣе вашихъ арестованій.

Итальянскіе гости оставались въ Москвѣ дня четыре. Въ это время, кромѣ осмотра достопримѣчательностей города, князь В. А. Долгоруковъ старался доставлять имъ доступныя по сезону развлеченія. Мнѣ, какъ временно замѣнявшему представителя военной среды, привелось быть вездѣ съ ними. Помню обѣдъ у генералъ-губернатора, поѣздку на Воробьевы горы, вечеръ въ Нескучномъ, съ иллюминаціею и неизбѣжнымъ цыганскимъ хоромъ въ саду.

Въ день отъѣзда принца Гумберта, всѣмъ тѣмъ гражданскимъ чинамъ, которые состояли во главѣ осмотровъ имъ заведеній, были пожалованы итальянскіе ордена, причемъ не были обойдены и чины полиціи. Потомъ оказалось, что и нѣкоторые изъ военныхъ, ничего не представлявшіе, получили такія-же награды. Я всегда удивлялся, какъ это жаждущіе крестиковъ умѣютъ устраиваться такъ, что получаютъ ихъ. Другой не имѣлъ случая слова сказать пріѣзжему принцу, а смотришь уже со звѣздою отъ него; а тотъ, кто былъ служебно-близокъ къ нему, остается безъ ордена.

Вскорѣ по отъѣздѣ итальянцевъ, получено было увѣдомленіе, что Москву посѣтитъ Государыня Цесаревна и съ нею короли Датскій и Греческій, съ ихъ супругами. За нѣсколько дней до ихъ пріѣзда сообщено было изъ Петербурга, чтобы, кромѣ почетнаго караула, ничего другаго не представлять. Предупреждая меня объ этомъ, Гильденштуббе подтвердилъ, отнюдь не предлагать высокимъ посѣтителямъ что-либо смотрѣть въ лагерѣ, и стараться кончать занятія пораньше, дабы они, катаясь, не могли видѣть войскъ издали. Я удивлялся подобному приказанію, потому что предлагать что-либо смотрѣть было-бы вообще безтактно и неумѣстно, а не показать войскъ, если высокія особы пожелаютъ ихъ видѣть, нельзя. Такъ оно и случилось.

Почетный караулъ былъ принятъ королемъ Датскимъ въ вокзалѣ желѣзной дороги. Тамъ-же передали всѣмъ генераламъ, что Цесаревна приказала пригласить ихъ въ 6 часовъ вечера, къ своему столу, въ большой Кремлевскій дворецъ. Послѣ обѣда Ея Высочество и Ихъ Величества обходили присутствовавшихъ, говоря со многими. Въ это время Цесаревна спросила о чемъ-то коменданта, генерала Фредерикса, который, отвѣчая, указалъ на меня. Замѣтя это, я поспѣшилъ подойти, и тогда Ея Высочество изволила обратиться ко мнѣ съ словами:

— Я желала-бы видѣть войска въ ихъ лагерѣ. Когда вы можете показать ихъ?

— Во всякое время, когда Вашему Высочеству угодно будетъ назначить, отвѣчалъ я.

— Въ такомъ случаѣ, самое лучшее, завтра вечеромъ; мы думаемъ быть въ 7 часовъ на скачкахъ и прямо оттуда проѣхали-бы въ лагерь.

Я отвѣтилъ:—Войска будутъ счастливы видѣть Ваше Высочество и привѣтствовать Вашихъ августѣйшихъ родителей.

Слышавшій это, новый начальникъ штаба, съ видимымъ удивленіемъ, потомъ спрашиваетъ меня:

— Какимъ-же образомъ вы будете показывать войска, когда знаете, что есть бумага не дѣлать никакихъ представленій?

— А какимъ образомъ, отвѣтилъ я, возможно не исполнить волю Цесаревны, разъ что ей угодно объѣхать лагерь! Поѣзжайте къ Гильденштуббе, расскажите все, что слышали, и передайте, что я сейчасъ же сдѣлаю всѣ распоряженія для встрѣчи Ея высочества, по уставу.

На слѣдующій день, въ 7 часовъ вечера, войска были поставлены у своихъ палатокъ, имѣя на определенныхъ мѣстахъ музыкантскіе хоры и пѣсенниковъ, а на флангахъ полковъ—своихъ офицеровъ. Въ 8 часовъ, отъ павильона скачекъ, показался поѣздъ изъ нѣсколькихъ, запряженныхъ четвернями въ рядъ, колясокъ. Въ первой находились: Цесаревна съ датскою королевскою четою и ихъ младшею дочерью, во второй—король греческій съ супругою, а затѣмъ лица ихъ свить. Ея высочество привѣтствовала офицеровъ каждаго полка и здоровалась отдѣльно съ каждымъ батальономъ. Находясь на конѣ, возлѣ ея экипажа, я докладывалъ названіе

каждой проезжаемой части и фамилию ея командира. По окончании объезда, продолжавшагося около часа, когда экипажи выехали на шоссе, ведущее через учебное поле къ Петровскому дворцу, передняя коляска остановилась. Король датскій подошелъ ко мнѣ и, подавъ руку, благодарилъ за доставленный ему случай видѣть прекрасныя войска. Послѣ этого Государыня Цесаревна подозвала меня и изволила сказать:

— Я буду рада передать Государю, что видѣ вашихъ полковъ доставилъ мнѣ большое удовольствіе. Но отчего же я не видала кавалеріи?

— Она расквартирована по окрестнымъ деревнямъ, а Вашему высочеству угодно было видѣть лагерь.

— Во всякомъ случаѣ, я желала бы видѣть и кавалерійскіе полки.

— Если вамъ угодно назначить время, когда и гдѣ они должны представиться, то все будетъ съ точностью исполнено.

— Завтра, — продолжала Цесаревна, — въ 6 часовъ мы ѣдемъ въ Троицкую лавру. Нельзя ли сдѣлать такъ, чтобы я видѣла ихъ гдѣ-либо по пути къ желѣзной дорогѣ.

— Я прикажу имъ прибыть, къ часу вашего отъѣзда, на площадь передъ вокзалами Ярославской и Николаевской дороги.

Это желаніе Великой княгини вновь возбудило сомнѣніе въ штабѣ округа, какъ поступить. Покуда тамъ раздумывали, не запросить ли Петербургъ, я отдалъ приказаніе полкамъ 1-й кавалерійской дивизіи прибыть на слѣдующій день, къ 5 часамъ, изъ загороднаго расположенія и стать въ полковыхъ эскадронныхъ колонахъ на площади, лицомъ къ вокзаламъ, гдѣ ихъ и видѣла Цесаревна, проездомъ, несмотря на накрапывавшій дождь, въ открытой коляскѣ, по фронту.

Послѣ отъѣзда высокихъ посѣтителей въ Петербургъ, Гильденштуббе нѣсколько разъ требовалъ меня къ себѣ по вечерамъ и всякій разъ заставлялъ рассказывать, какъ и что происходило, причемъ въ немъ постоянно проглядывало безпокойство о томъ, что въ Петербургѣ можетъ не понравится, зачѣмъ совершился объездъ лагеря, когда была бумага, чтобы не представлять войскъ.

Въ смыслѣ буквального исполненія формальностей, покойный Александръ Ивановичъ имѣлъ преоригинальные взгляды и часто возводилъ самые обыкновенные случаи въ событія особенной важности. Однажды, мѣсяцевъ черезъ 5 послѣ лагеря, онъ встрѣтилъ меня, пріѣхавшаго изъ Тамбова, такой фразой:

— Вообразите, что со мною случилось?

— Что такое? — спрашиваю я, видя, что старикъ начинаетъ съ перваго слова волноваться.

— Нѣтъ, вы только вообразите! Я, который отстоялъ въ моей службѣ 54 лагеря, проспалъ, — замѣйте, буквально проспалъ тревогу, сдѣланную Государемъ.

— Я уже слышалъ объ этомъ еще осенью въ Тамбовѣ, — проговорилъ я съ улыбкою.

— Вамъ это забавно, а каково было мнѣ? Я до сихъ поръ не могу хладнокровно вспомнить объ этомъ!

— Да развѣ это имѣло для васъ какія-либо непріятныя послѣдствія?

— Никакихъ; напротивъ, Государь много смѣялся надъ этимъ. Вотъ какъ это было. Я, какъ обыкновенно, имѣлъ на время лагеря помѣщеніе въ Петровскомъ дворцѣ, но передъ прибытіемъ Двора, переѣхалъ въ городъ. Это оказалось совершенно напраснымъ, потому что Дворъ занялъ Ильинское, но мнѣ казалось неловкимъ оставаться во дворцѣ, когда Государь могъ во всякое время пріѣхать въ него. Хотя мною и были приняты всѣ мѣры, чтобы во всякую минуту знать происходящее въ лагерьѣ и моментально явиться туда, а именно: въ мою приемную былъ проведенъ телеграфъ, при которомъ день и ночь находился сигналистъ, пара лошадей стояла въ хомутахъ, верховья находились въ лагерномъ штабѣ, но все это ни къ чему не привело. Въ одно прекрасное утро, часа въ два, Государь пріѣхалъ изъ Ильинскаго прямо въ лагерь и приказалъ ударить тревогу. Полки вышли быстро и въ порядкѣ; сдѣланное имъ ученіе прошло прекрасно. Ко мнѣ изъ штаба посылали одну телеграмму за другою, а я преспокойно спалъ, ничего не подозрѣвая, такъ какъ бездѣльникъ писарь тоже не пробудно храпѣлъ. Вдругъ, часу въ 6-мъ, вбѣгаетъ въ спальню растрепанный камердинеръ съ словами, что Государь прислалъ

ко мнѣ дежурнаго флигель-адъютанта. Я тороплюсь одѣться, чтобы принять его.

— Государь Императоръ—говоритъ онъ, приказалъ передать вашему высокопревосходительству, что Его Величество остался вполне доволенъ, какъ быстротою, съ которою полки вышли по тревогѣ, такъ и произведеннымъ ими ученіемъ.

— Какой тревогой, какимъ ученіемъ? спрашиваю я, глядя на него съ удивленіемъ.

— Развѣ вамъ еще не извѣстно, что въ 3 часа утра въ лагерѣ была тревога?

— Я такъ и отшатнулся—продолжалъ Александръ Ивановичъ,—и какъ удержался на ногахъ—самъ не знаю.

— Я все-таки не вижу причины, почему это встревожило васъ до того, что вы до сихъ поръ говорите съ беспокойствомъ о случаѣ, который могъ произойти со всякимъ.

— Ну, такъ и есть!—возразилъ старикъ,—вотъ и вы, какъ тотъ флигель-адъютантъ, воображаете, что я могъ знать о тревогѣ и не быть на ней.

— Я вовсе этого не воображаю, но увѣренъ, что Его Величество приписалъ ваше отсутствіе невольному случаю. Развѣ вы не могли заболѣть, развѣ экипажъ вашъ не могъ сломаться по пути въ лагерь?

— Вамъ легко такъ разсуждать. Потомъ мнѣ и самому все это приходило въ голову, а тогда только одна мысль и была у меня, что я проспалъ тревогу. Къ счастью, около полудня я получилъ изъ Ильинскаго телеграмму, что приглашаюсь туда въ 6 часовъ, къ Высочайшему столу. Это, какъ знакъ того, что Государь не гнѣвается на меня, нѣсколько меня успокоило, но все-таки я подѣзжалъ къ Ильинскому съ волненіемъ, велѣлъ кучеру остановиться у садовой калитки и пошелъ къ дворцу по боковой аллеѣ. Вдругъ, почти натыкаясь на Государя, прогуливавшагося подъ руку съ Императрицей. Оба они улыбались, и въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ, начали подтрунивать надо мною, а за обѣдомъ заставили разсказать какъ случилось, что я проспалъ тревогу.

— Вотъ видите—говорю я,—ваше отсутствіе не было приписано служебной неисправности.

— Да; но я отношу это только къ особенной добротѣ и снисходительности Государя; въ сущности-же это все-таки

была непростительная неисправность, которую въ службѣ извинять нельзя. Разъ, что офицеръ не на своемъ мѣстѣ, онъ виновать. Вотъ почему я и не могу, что бы тамъ ни говорили, простить себя.

Описанный случай лучше всего доказываетъ, какъ прежніе служаки смотрѣли на исполненіе своего долга.

По окончаніи лагеря, я поѣхалъ вмѣстѣ съ сыномъ, прибывшимъ изъ корпуса въ отпускъ, въ Тамбовъ за семействомъ, чтобы самому перевезти его въ Нижній-Новгородъ. Поѣздка эта произошла не безъ приключеній. Не доѣзжая 8 верстъ до Тамбова, дорожный сторожъ, видя, что изъ-подъ крыши багажного вагона идетъ дымъ, далъ сигналъ остановить поѣздъ. Быстрота остановки встревожила пассажировъ; а когда они узнали причину, то всѣ, въ томъ числѣ и мы, бросились къ локомотиву, который уже отводилъ горѣвшій вагонъ шаговъ на 100 впередъ. Прежде всего надо было открыть его, и тутъ-то вполне обнаружилось не только равнодушіе служащихъ при дорогѣ, но и полная ихъ неисправность. Ключъ отъ вагона оказался у багажного кондуктора, который вмѣсто того, чтобы быть при вагонѣ, забрался въ самый задній, гдѣ едва розыскали его. Когда открыли вагонъ, пламя хлынуло съ такою силою, что трудно было подступиться; но не смотря на это, нѣсколько пассажировъ пробовали вытаскивать то, что было ближе; но и это было неисполнимо. Верхніе, загоравшіеся сундуки, такъ придавили нижніе, что не было возможности что-либо вытащить. Такимъ образомъ бѣднымъ пассажирамъ, въ томъ числѣ и мнѣ съ сыномъ, оставалось одно: сѣсть на откосъ дороги и смотрѣть, какъ на ихъ глазахъ горѣло ихъ имущество. Мое положеніе было еще далеко не изъ худшихъ, потому что, ѣхавши налегкѣ, я лишился только бывшего со мною въ лагерѣ бѣлья и обмундировки; но были пассажиры, понесшіе чувствительные убытки. Такъ, одинъ офицеръ, ѣхавшій въ Саратовъ принимать наслѣдство послѣ умершаго родственника, лишился всѣхъ документовъ, доказывавшихъ его права на огромное имѣніе. Дама, возвращавшаяся изъ Парижа, потеряла богатое приданое, сдѣланное тамъ для двухъ дочерей, въ числѣ котораго было на нѣсколько тысячъ однихъ брилліантовъ.

Такъ какъ путь былъ загроможденъ горѣвшимъ вагономъ,

то изъ Тамбова былъ присланъ встрѣчный поѣздъ, пришедшій тогда, когда багажъ пассажировъ уже догоралъ. При этой катастрофѣ не обошлось и безъ комическихъ сценъ. Вѣроятно кто-либо изъ купцовъ везъ закупленный въ Москвѣ товаръ съѣдобнаго свойства. Обгорѣлые ящики съ апельсинами и икрою, всякаго рода колбаса, коробки съ папиросами, тающій отъ жара сахаръ,—все это валялось на рельсахъ и въ канабахъ откосовъ. Мужички изъ III-го класса расхаживали, подвирая остатки и лакомились ими, съ разными прибаутками.

— Бери, братъ, папироски-то,—и раскуривать не надо.

— Да, говоритъ другой,—дорожники народъ учтивый, сами и огонекъ поднесли.

— Ты что не выпивши закусывать собираешься?—спрашиваетъ третій, парня въ чуйкѣ, нагибающагося за кускомъ сыра.

— Эхъ, братцы, смотри какой шугай-то продырявило, восклицаетъ одинъ изъ рабочихъ, подымая тлѣющую дамскую кофту,—а ему въ отвѣтъ:

— Да ты затопчи искорки-то, твоей жонкѣ и дырявый годится.

На другой день, лишившимся багажа выдавали за него деньги, по рублю за фунтъ. Кто везъ что-либо тяжелое, въ родѣ торгующаго бакалейными товарами, тотъ не остался въ накладѣ; но бѣдныя дамы, за свои сотенныя невѣскія платья, получили пустяки.

Въ Тамбовѣ я засталъ мой домъ уже въ полномъ разстройствѣ: все, что стоило перевозки, укладывалось въ ящики; остальное, выставленное частію на дворѣ, частію въ комнатахъ, распродалось, конечно, за безцѣнокъ. Впрочемъ, мнѣ было не привыкать къ этому, такъ какъ, прхидилось въ 7-й разъ испытывать, отъ новыхъ назначеній и переводовъ, полное разстройство.

Послѣднюю недѣлю моего пребыванія въ Тамбовѣ прожили мы въ гостинницѣ. Наконецъ, насталъ и день отъѣзда. Грустно было, послѣ 8 лѣтъ пріятной жизни, разставаться съ добрыми знакомыми и друзьями. Всѣ они, равно многіе изъ купцовъ и когда-либо служившая у меня прислуга, пришли въ вокзалъ проводить насъ. Съ нѣкоторыми изъ пріятелей это прощанье было послѣднимъ въ жизни,—ихъ не стало, но память о нихъ

навсегда сохранится въ душѣ моей. Не стало А. И. Козаковой, не стало Комсина, Поповыхъ, Вечесловой, Ветчинина, Чечериной. Какъ теперь вижу послѣдній взглядъ и прощальный жестъ въ окно вагона, у котораго я стоялъ, моего незабвеннаго друга Ил. Ив. Ознобишина. Черезъ годъ, за Дунаемъ, я узналъ о его кончинѣ и о томъ, что, за нѣсколько минутъ до послѣдняго вздоха, онъ велѣлъ подать себѣ мою фотографію, и смотря на нее, сказалъ женѣ своей: „Передай ему, что я уношу нашу дружбу туда, гдѣ нѣтъ ей ни конца, ни измѣны“. Теперь, почти единственнымъ свидѣтелемъ и участникомъ этой дружбы остался дорогой для меня Ив. Ив. Величко, отношенія мои къ которому не испытаютъ измѣны и на землѣ.

Переѣздъ семьи до Москвы, по любезности правленій желѣзныхъ дорогъ, мнѣ ничего не стоилъ. Всѣ тяжести и багажъ были тоже перевезены бесплатно. Приписываю это участію добрыхъ людей къ моему безцеремонному переводу, въ память восьми-лѣтнихъ отношеній моихъ къ мѣстному обществу. Могу безъ хвастовства сказать, что общее расположеніе къ намъ выразилось при нашемъ отъѣздѣ сильнѣе, чѣмъ я ожидалъ и заслуживалъ. Это заставляетъ меня забыть и тѣ столкновенія, о которыхъ я упоминалъ выше.

Читатели вѣроятно замѣтили, что въ моихъ запискахъ и частенько перехожу отъ послѣдовательности разсказа фактовъ, къ различнымъ изъ нихъ выводамъ, если считаю ихъ полезными для лицъ, дѣятельность которыхъ касается того или другаго слоя общества. Быть можетъ одни осудятъ, а кто нибудь и похвалитъ меня за это. Дѣлаю это и теперь, по поводу полученнаго мною, проѣздомъ черезъ Москву, отъ моего 14-лѣтняго сына, письма изъ корпуса. То, что я намѣренъ разсказать, можетъ быть пригодится и педагогамъ. Сильно самолюбивый, честно относившійся къ своимъ обязанностямъ, мальчикъ былъ, по сильной глазной болѣзни, уволенъ на лѣто въ отпускъ ранѣе начала весеннихъ экзаменовъ, а потому долженъ былъ, для перехода изъ 4-го класса въ 5-й, держать экзамены осенью. Зная его стараніе и хорошія отмѣтки въ теченіи курса, я, да и онъ самъ, не сомнѣвался въ этомъ переводѣ. Вдругъ я получаю отъ него самое горькое, исполненное отчаянія письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что съ

нимъ сдѣлана величайшая несправедливость. Изъ всѣхъ предметовъ онъ получилъ при экзаменѣ хорошіе баллы и только изъ одной ариметики 6, баллъ тоже переводный,—и, несмотря на это, его оставили въ классѣ. Въ каждомъ словѣ этого письма видно было неутѣшное горе. Ему казалось, что все въ жизни для него погибло, и что уже ничѣмъ нельзя исправить случившагося. По первому впечатлѣнію, я былъ въ недоумѣніи, чему приписать явное нарушеніе справедливости. Это заставило меня письменно обратиться къ инспектору классовъ, съ просьбою объ увѣдомленіи, что послужило поводомъ къ оставленію сына въ томъ же классѣ? Инспекторъ немедленно отвѣчалъ, что имъ руководило желаніе принести моему сыну пользу въ будущемъ; что, при нетвердости въ математикѣ, ему было-бы слишкомъ трудно идти далѣе; что, оставшись въ классѣ, гдѣ онъ изъ лучшихъ, въ слѣдующемъ онъ могъ-бы сдѣлаться худшимъ, а это, при извѣстномъ самолюбіи, могло-бы совершенно обезкуражить его; что составъ класса, въ который онъ имѣлъ бы право перейти, далеко не такъ хорошъ, какъ тотъ, въ которомъ онъ остается. Въ заключеніе, инспекторъ писалъ, что если я непременно желаю, то мальчикъ будетъ немедленно переведенъ. Конечно, мнѣ пришлось только благодарить инспектора за его участіе, а за тѣмъ остается сказать, что „нѣтъ худа безъ добра“ и пожелать, чтобы въ нашихъ корпусахъ было побольше такихъ инспекторовъ и побольше начальства, которое смотрѣло бы на свои обязанности не съ одной формальной стороны, а вкладывало-бы въ свои отношенія къ ввѣреннымъ имъ дѣтямъ побольше сердечности.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

1876 г.

Переѣздъ въ Нижній Новгородъ.—Первые знакомые.—Встрѣча съ моимъ учителемъ.—Корпусныя воспоминанія.—Военная гимназія.—Клубы и удовольствія.—Приготовленія къ войнѣ.—Выгодные заказы.—Зимнія занятія.—Моя бесѣды съ офицерами.—Первая мобилизація.—Нижегородское общество.

Переѣздъ нашъ изъ Москвы до Нижняго совершился также удобно какъ и до Москвы. 30 августа, въ 10 часовъ утра, мы были уже у цѣли нашего путешествія. Хотя въ это время знаменитая нижегородская ярмарка была уже официально закрыта, но торговля еще продолжалась, а потому оживленіе какъ на ней, такъ и въ городѣ было еще сильно замѣтно. Вскорѣ, по устройствѣ заранѣ нанятой квартиры, начались обычныя, по переѣздѣ на новое мѣсто, знакомства съ обществомъ. Здѣсь оно оказалось гораздо многочисленнѣе, чѣмъ въ Тамбовѣ, такъ-что знакомиться со всѣми было трудно. Съ первыхъ же дней прибытія мы во многихъ встрѣтили вполне русское радушіе и желаніе сблизиться; это было причиною, что, по прошествіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ, мы не только вполне освоились, но подружились со многими. Иначе, впрочемъ, и быть не могло, потому что нижегородское общество того времени представляло рѣдкое соединеніе людей образованныхъ и гостепріимныхъ. Различіе между нимъ и тамбовскимъ обществомъ было то, что здѣсь находилось болѣе лицъ, не принадлежавшихъ мѣстной администраціи, слѣдовательно болѣе или менѣе независимыхъ отъ ея представителя. Въ Нижнемъ было много директоровъ различныхъ банковъ, председателей пароходныхъ обществъ. Большая часть служащихъ при пароходныхъ кампаніяхъ были морскіе офицеры хорошихъ фамилій, женившіеся на дочеряхъ мѣстныхъ помѣщиковъ. Можно было насчитать до десятка до-

мовъ, жившихъ открыто и принимавшихъ постоянно; у прочихъ были назначенные дни, и если-бы была возможность посѣщать всѣхъ, то въ одинъ и тотъ-же вечеръ пришлось бы пересѣдывать у многихъ.

Такъ какъ, кромѣ четырехъ дѣтей моихъ, находившихся въ корпусѣ и институтѣ, у меня оставалось еще столько же требовавшихъ подготовительнаго обученія, то для нихъ предстояло пріискать учителей. Въ военной гимназій мнѣ рекомендовали для нѣмецкаго языка учителя Юргенса. Бѣду къ нему—и вижу передъ собою почтеннаго, но еще вполне бодраго старика Карла Андреевича, который 40 лѣтъ назадъ училъ меня самого. Мы встрѣтились съ нимъ какъ родные, хотя когда разстались, то я былъ 17-ти-лѣтнимъ юношей, а онъ 23-хъ лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ; но и тогда въ немъ былъ уже видѣнъ будущій прекрасный учитель, съ большимъ вліяніемъ на учащуюся молодежь. Съ перваго дня открытія новгородскаго кадетскаго корпуса въ 1834 году, въ теченіи 48 лѣтъ, онъ былъ въ немъ преподавателемъ нѣмецкаго языка. Его характеристика можетъ быть выражена въ нѣсколькихъ словахъ: внимательное и сердечное отношеніе къ своей обязанности, терпѣливое и настойчивое преподаваніе, съ постепеннымъ пріобрѣтеніемъ, переработываніемъ и провѣркою практическихъ приѣмовъ передачи познаній кадетамъ. Я до сихъ поръ помню, какъ онъ придумывалъ упрощенныя и всякому понятныя объясненія трудныхъ грамматическихъ правилъ, какъ онъ считалъ праздникомъ, когда ему удавалось добиться, если малоспособный изъ насъ уразумѣвалъ дѣло изъ подысканнаго Юргенсомъ примѣра. Классная дисциплина и порядокъ были его первыми требованіями, а между тѣмъ онъ любилъ пошутить, и посредствомъ простаго разсказа, анекдота, сравненія и уподобленія, умѣлъ, никого не оскорбляя, повліять на нравственность, вызвать сознаніе необходимости благовоспитанія и выдержки. Память Карла Андреевича была изумительна: онъ помнилъ весь ходъ постепенныхъ успѣховъ, отбѣнокъ характера и шалостей каждаго изъ пріѣзжавшихъ въ корпусъ, лѣтъ черезъ 20 или 25 по выпускѣ, генераловъ и полковниковъ, говорилъ, въ которомъ году они выпущены, какіе за ними были грѣшки. Такова была большая часть нашихъ учителей того времени.

Въ Нижнемъ я нашелъ родной для меня, бывшій Новгородскій графа Аракчеева кадетскій корпусъ, переведеннымъ туда изъ-подъ Новгорода и превращеннымъ въ Нижегородскую, графа-же Аракчеева, военную гимназію. Фактъ этого перевода и переименованіе совершенно извращали историческое значеніе идеи учрежденія этого корпуса, созданнаго по волѣ Императора Николая I-го, собственно для воспитанія дѣтей дворянъ Новгородской и Тверской губерній, отчасти на средства самихъ дворянъ, и на капиталъ, пожертвованный графомъ Аракчеевымъ. По смыслу духовнаго его завѣщанія, въ которомъ онъ просилъ Государя передать все движимое и недвижимое его имѣніе такому наслѣднику, который никогда не растратилъ-бы его, Императоръ повелѣлъ передать все достояніе Аракчеева Новгородскому корпусу. Слѣдовательно, переименованіе его въ Нижегородскій, и самый переводъ съ береговъ Мсты на Волгу, нарушили и волю жертвователя, и Высочайшее повелѣніе, такъ какъ въ немъ было сказано, что названіе Новгородскаго корпуса Аракчеевскимъ дѣлается на вѣчныя времена. Спрашивается, какой смыслъ имѣетъ для Нижняго имя Аракчеева, вся служба и дѣятельность котораго сосредоточивались въ Новгородѣ? Это все равно, что какому-либо заведенію, устроенному въ Могилевѣ, дать имя Минина или Пожарскаго. Развѣ и по переводѣ въ Нижній, нельзя было оставить за нимъ его историческое имя Новгородскаго? У насъ почти всѣ полки носятъ названіе различныхъ городовъ, однако-же Петербургскій полкъ находится въ Варшавѣ, Тверской—на Кавказѣ, Минскій—въ Кишиневѣ. Къ сожалѣнію, наши реформаторы 60-хъ годовъ, при осуществленіи своихъ идей, не обращали вниманія на то, что своими передѣлками они подрывали нравственную и историческую связь прошедшаго съ настоящимъ.

Вскорѣ, по переселеніи въ Нижній, я былъ приглашенъ посѣтить военную гимназію.

— Вѣдь это колыбель вашего воспитанія,—говорилъ мнѣ директоръ,—вы кадетъ перваго приѣма и перваго выпуска.

— Послѣднее вѣрно, отвѣчалъ я; но что касается перваго, то эту надломленную колыбель перенесли съ ея родины на мѣсто, неимѣющее ничего общаго съ моимъ дѣтствомъ. Повѣрьте, что при прежнихъ порядкахъ, я и безъ приглашенія явился бы къ вамъ, и если у васъ сохранилось что-либо изъ

вещей моего времени, то указаль бы то, чего вы не знаете. Но въ настоящее время военныя гимназіи не имѣютъ ничего общаго съ войсками. Это не то, что прежде, когда всякій командиръ части, а тѣмъ болѣе генералъ, смотрѣлъ на кадетскій корпусъ, какъ на что-то родственное. Теперь ваше обозначенное начальство можетъ взглянуть на мое посѣщеніе вашей гимназіи, какъ на вмѣшательство въ чужое вѣдомство.

По настоятельной просьбѣ, я все-таки обѣщалъ пріѣхать въ гимназію въ ближайшее воскресенье, къ обѣднѣ. Это посѣщеніе, сряду по входѣ въ церковь, заставило меня подумать: зачѣмъ гимназіи оставлено названіе военной, и неужели стоячіи воротникъ и свѣтлыя пуговицы достаточны для того, чтобы носить такое наименованіе? Правда, воспитанники стояли въ порядкѣ, имѣвшемъ подобіе строя; но какъ стояли они! Признака рядовъ и шеренгъ не существовало, ранжира тоже, многіе безпрестанно оглядывались, а тѣ, кто постарше, сложа руки на груди à la Napoleon, опираясь спиною или плечами о стѣну. По краямъ этой пародіи на строй, передъ которымъ строй институтокъ можно назвать идеальнымъ, находились господа во фракахъ. Для нихъ какъ это, такъ и то, что воспитанникъ, вышедшій читать псалтырь, имѣлъ разорванную куртку, а у пѣвчихъ, стоявшихъ на клиросѣ, волосы могли бы быть завиты на затылкѣ, казалось дѣломъ обыкновеннымъ. При обходѣ заведенія, въ читальной комнатѣ находилось пять или шесть читавшихъ воспитанниковъ; нѣкоторые изъ нихъ привстали, прочіе только оглянулись черезъ плечо: какое дескать, намъ до него дѣло. Все это плоды гуманнхъ нововведеній и реформъ 60-хъ годовъ, къ несчастію еще проявляющіеся въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ.

Бывалъ я не разъ въ военной гимназіи на балахъ, концертахъ и спектакляхъ. Тутъ уже исчезало всякое различіе чиновъ, званій и возрастовъ. Мальчики такъ отъ души увлекались, что ни сѣдины старика, ни густые эполеты, ни условія вѣжливости къ старшимъ для нихъ не существовали. Все суетилось, бѣгало, шумѣло, — оживленіе точно было удивительное, доходившее до забвенія всего остальнаго. Вѣроятно этого требовала новая педагогія, думалось мнѣ, но все-таки не понимаю, причѣмъ тутъ наименованіе гимназіи *военною*. Но, довольно!

Благодаря Бога, имя кадета воскресло; военныя гимназіи, съ ихъ антивоеннымъ направленіемъ, канули въ вѣчность.

Мы застали въ Нижнемъ три клуба: дворянскій, коммерческій и всесословный. Первый былъ наименѣе посѣщаемъ, во второмъ два раза въ мѣсяцъ бывали танцевальныя вечера, а третій отличался многочисленностію членовъ. Вообще же въ теченіи зимы недостатка въ удовольствіяхъ не было. Отсутствие постоянной труппы замѣнялось любительскими спектаклями, частыми вечерами въ частныхъ домахъ и пикниками.

Со времени сформированія, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, дѣйствующей арміи, повсюду, гдѣ сходилось общество, главнымъ предметомъ разговоровъ были событія на Балканскомъ полуостровѣ и переговоры тянувшіеся въ Константинополѣ. Все предвѣщало войну, близость которой, такъ сказать, носилась въ воздухѣ. Главною моею заботою было привести скорѣе въ извѣстность, чего недостаетъ въ полкахъ для военнаго времени и не мало при этомъ пришлось встрѣтить сюрпризовъ.

Какъ только полки приступили къ приведенію подъемной части въ порядокъ, деньги изъ казенныхъ ящиковъ такъ и посыпались, и только тогда полковые командиры повѣрили, какъ важно имѣть въ полку лишнее, или экономическое, на черный день. Интересно было бы въ подобныя минуты поглядѣть на тѣхъ, кто проповѣдуетъ, что полковая экономія вредна и ведетъ къ злоупотребленіямъ. Такъ простительно говорить только людямъ, ни за что не отвѣчающимъ, не имѣющимъ ничего въ своемъ командованіи, умѣющимъ только приказывать, но не исполнять; а кто видѣлъ въ своей жизни солдата и забнувшимъ, и голоднымъ, да привыкъ любить его, тотъ всегда побережетъ лишнюю для него копѣйку.

Сряду по возвращеніи изъ лагеря стали поступать предписанія требовать и пополнять то или другое, и когда на многое пришлось отвѣчать, что довольствующее интендантство отказывается по неимѣнію требуемаго, то приказывали обратиться въ другой складъ, или къ полкамъ, которые не мобилизовались. Помню, напримѣръ, что лазаретныя фургоны были назначены въ дивизію изъ гвардейскихъ полковъ и изъ Динабургскаго склада. Много было въ то время анекдотическаго и много поучительнаго для будущаго. Однажды является ко мнѣ

чиновникъ и докладываетъ, что привезъ изъ Динабурга фургоны. Я спрашиваю его:

— Гдѣ строились эти фургоны, и гдѣ ручательство, что они достаточно прочны для похода?

— Всѣ они, отвѣчалъ чиновникъ, построены съ подряда. Что же касается прочности, то ничего не могу сказать, хотя подробно знаю дѣло о ихъ постройкѣ.

— Это интересно, расскажите пожалуйста.

— Когда вышло положеніе о подвижныхъ лазаретахъ, продолжалъ чиновникъ, то предстояло построить болѣе 200 фургоновъ. Сначала было приказано объявить торги на ихъ поставку въ мѣстахъ, откуда было бы удобнѣе и ближе разослать фургоны въ разные пункты квартированія войскъ. Но какъ динабургскій подрядчикъ заявилъ цѣну на 10 руб. дешевле другихъ, то было рѣшено отдать весь подрядъ ему одному. Вотъ теперь изъ Динабурга и разсылаются эти повозки въ Кіевъ, Кишиневъ, Одессу и въ Нижній

— А что же стоила вамъ эта перевозка до Нижняго?

— Перевозка сюда обошлась по 60 руб. съ повозки; но въ Кіевъ и Одессу стоитъ дороже, смотря по разстоянію.

— Значитъ тогда пожалѣли 10 руб., а теперь платятъ 100.

За справедливость и точность сказаннаго не ручаюсь, но рассказъ чиновника переданъ дословно.

Были и другія, крайне оригинальныя распоряженія того времени. Вотъ для примѣра: ротѣ носильщиковъ полагается имѣть фельдфебеля, а въ форму его вооруженія входитъ сабля на портупелѣ. Казалось чего бы проще какъ выслать за нее деньги и приказать купить. Нѣтъ, интендантство нашло практичнѣе прислать саблю изъ петербургскаго склада, а портупелю къ ней приказано потребовать изъ варшавскаго. Самъ интендантъ Кіевскаго округа рассказывалъ мнѣ, что ему было предписано отправить въ Тифлисъ одну манерку.

— Если сосчитать, говорилъ онъ, что стоила укупорка этой манерки и пересылка за подторы тысячи верстъ по почтѣ, то въ Тифлисъ могли бы за эти деньги купить нейзильберовую.

Замѣчательна была, въ описываемое время, тоже безцеремонность пользованія телеграфомъ, за что казна все-таки оплачивалась. Приведу одинъ изъ многихъ случаевъ, бывшихъ со мною. Для того, чтобы открыть въ казначействѣ кредитъ

на полученіе 142 р. для покупки въ дивизіонный лазаретъ разныхъ мелочей, въ родѣ стакановъ, ножей, вилокъ, ножницъ, свѣтильниковъ, иголокъ и проч., я получилъ телеграмму словъ въ 60, съ перечнемъ цѣны на каждую вещь, и это было сдѣлано безъ всякой экстренности, за мѣсяць до выступленія.

Мнѣ почти одновременно приходилось знакомиться и съ подчиненными, и съ обществомъ. Сдѣлать это было не долго и не трудно, потому что тѣ и другіе оказались на столько симпатичными, что оставалось только благодарить судьбу за то, что я встрѣтилъ въ Нижнемъ. Хотя надъ многими пришлось поработать въ полкахъ, многое измѣнить, многое направить иначе; но причины, вызывавшія это, были не въ полкахъ и ихъ командирахъ, а въ оригинальности, во взглядахъ и манерѣ моего предмѣстника. Работать надъ этимъ было пріятно, потому что въ моихъ помощникахъ я встрѣтилъ людей мнѣ сочувствовавшихъ и радовавшихся вводимымъ мною перемѣнамъ.

Что же касается городского общества, среди котораго проходила частная наша жизнь, то оно представляло рѣдкую для губернскаго города среду, обладавшую всѣми данными для самаго пріятнаго знакомства. Правда, что и оно не было чуждо партій, но ихъ было только двѣ: губернаторская, состоявшая исключительно изъ чиновниковъ, и независимая, — къ которой принадлежали помѣщики, директора банковъ, пароходныхъ компаній и обществъ, и мы военные, соблюдавшіе полный нейтралитетъ, но внутренне сочувствовавшіе независимымъ. Соединить эти два лагеря, при всемъ желаніи, не было никакой возможности. Между тѣмъ эта рознь сильно мѣшала многому, не только въ смыслѣ удовольствій, но и въ отношеніи всякаго общественнаго предпріятія. Подобное разъединеніе было тѣмъ чувствительнѣе, что, по рассказамъ старожиловъ, 5 лѣтъ назадъ, при губернаторѣ Одинцовѣ, никакихъ партій не существовало, и нижегородское общество представляло рѣдкій примѣръ единодушія.

Центромъ соединенія независимой или помѣщичьей партіи были дома: Жадовскихъ, Андреевыхъ, Мессинга, Черкасовыхъ и Зыбиныхъ. Всѣ посѣщавшіе ихъ нерѣдко собирались и у меня; у всѣхъ насъ были назначенные дни и мы проводили осенніе и зимніе вечера другъ у друга, или собирались въ

представлявшемъ въ то время коммерческомъ клубѣ. Послѣ неизбежныхъ карточныхъ пулекъ, главнымъ предметомъ разговоровъ были конечно разсужденія и предположенія о предстоящей войнѣ. Читальная комната клуба, гдѣ была вывѣшена большая карта Балканскаго полуострова, съ наколотыми у Кишинева разноцвѣтными булавками, всегда была полнехонька. Всѣ передовыя телеграммы, газетныя корреспонденціи и частныя извѣстія съ юга читались съ жадностью. Взгляды на совершившіяся назначенія лицъ Главной квартиры были различны; но мы, военные, безъ всякаго исключенія, душевно радовались, что дѣйствующая армія ввѣрнется Великому князю Николаю Николаевичу. Мы видѣли въ Его высочествѣ, — да оно такъ и было — единственнаго представителя того типа начальниковъ, которые знаютъ духъ арміи, знаютъ и любятъ солдата и обладаютъ великимъ даромъ одушевлять массы. Кто сроднился съ военнымъ дѣломъ, тотъ понимаетъ какъ это важно и цѣнимо въ начальникѣ, не только въ военное, но и въ мирное время.

Все это оправдалось на дѣлѣ. Во время войны мнѣ не разъ доводилось имѣть подъ начальствомъ такіа армейскія части, которымъ еще не доводилось видѣть своего главнокомандующаго, но онѣ знали его; онѣ уже вошли въ составъ арміи вѣрующими въ него. Вотъ почему очень часто приходилось слышать, что солдаты, толкуя о немъ, не называли его ни Великимъ княземъ, ни главнокомандующимъ, а говорили „нашъ Николай Николаевичъ!“ Вотъ почему и нижегородское общество, узнавъ, что Его высочество серьезно болѣнъ въ Одессѣ, было сильно опечалено и взволновано этимъ извѣстіемъ.

Чѣмъ болѣе продолжалась безплодная стоянка дѣйствующей арміи подъ Кишиневомъ, названная однимъ изъ корреспондентовъ „Кишиневскимъ сидѣньемъ“, тѣмъ замѣтнѣе выяснилось общественное мнѣніе противъ безконечно длившихся переговоровъ. Провинціальная публика, не всегда имѣющая возможность знать дѣйствительныя причины взглядовъ и дѣйствій правительства, понемногу начала привыкать къ мысли, что вѣроятно войны не будетъ. Это значительно охладило тотъ патріотизмъ, который проявлялся осенью. То же самое, по получаемымъ изъ Кишинева свѣдѣніямъ, замѣчалось и въ арміи. Тамъ, въ первое время по мобилизаціи, всѣ были полны самаго горячаго воодушевле-

нія, всѣ были готовы на всевозможныя жертвы; но продолжительное бездѣйствіе и тщетное ожиданіе открытія компаніи значительно уменьшили патріотическіе порывы: „Насталъ періодъ сомнѣній — писалъ официальный корреспондентъ — въ силѣ арміи и государства, въ силѣ его внѣшнихъ союзовъ. Интимные разговоры въ кружкахъ на эту тему становятся все громче и громче“. Если тамъ, на рубежѣ Имперіи, въ сосредоточеніи семидесятитысячной арміи, продолжительность неопредѣленнаго положенія имѣла охлаждающее вліяніе, то весьма естественно, что внутри государства, вдали отъ правительственнаго центра, мѣстное общество, при неимѣнніи оживляющихъ его извѣстій, постепенно приходило къ мысли, что войны не будетъ, что мы вѣроятно не готовы къ ней, и что все кончится одними переговорами. При этомъ, конечно, толкамъ и пересудамъ конца не было; но наконецъ и они затихли. Какъ въ клубѣ, такъ и въ частныхъ домахъ перестали говорить о Болгаріи; рѣдко кто интересовался телеграммами, и вмѣсто разсматриванія карты Бессарабіи, принялись за карты воспитательнаго дома. Только въ военной средѣ еще поддерживалась надежда на возможность войны; но и это, какъ все, что тянется долго, постепенно слабѣло. Я самъ задавалъ себѣ вопросъ: тронуть ли насъ или не тронуть, и не лучше ли, вмѣсто мечтаній о войнѣ, заняться мирными работами.

Узнавъ, что въ дивизіи еще не было приступлено къ тактическимъ занятіямъ и военнымъ бесѣдамъ съ офицерами, я хотѣлъ ввести ихъ. Но, прежде приступа къ этому, считалъ необходимымъ ознакомить офицеровъ съ моимъ взглядомъ на подобныя занятія и откровенно высказать о тѣхъ недостаткахъ, которые замѣчены мною. Привожу выдержку изъ первой моей бесѣды въ настоящихъ воспоминаніяхъ, въ томъ предположеніи, что, быть можетъ, тѣ юные военные читатели, которые прочтутъ эти строки, найдутъ въ нихъ что либо полезное и примѣнимое къ ихъ дѣятельности. Вотъ что говорилъ я 12 лѣтъ назадъ моимъ подчиненнымъ:

„Прежде чѣмъ начать съ вами тактическія занятія, я предложилъ вамъ собраться здѣсь, съ цѣлью выслушать мои софты, которые давно желалъ высказать и которые отчасти уже сообщены вашимъ ближайшимъ начальникамъ, въ видѣ конфиденціальныя моихъ писемъ.

„Прошу васъ не ожидать отъ настоящей моей бесѣды чего либо новаго, не смотрѣть на нее какъ на лекцію. Я намѣренъ говорить о недостаткахъ нашихъ, предоставляя другимъ судить о нашихъ достоинствахъ. Бесѣда моя будетъ ни что иное, какъ наставленіе, основанное на 35-лѣтней службѣ и на желаніи принести пользу тѣмъ, кто самъ желаетъ быть полезнымъ дѣлу, которому посвятилъ себя. Смотрите на мою бесѣду какъ на дѣло своей семьи, чисто домашнее, а въ домашнемъ дѣлѣ первое условіе—не выносить соръ изъ избы и второе—полная откровенность хозяина; поэтому вы услышите отъ меня болѣе осужденія чѣмъ похвалъ, болѣе неприємныхъ истинъ, чѣмъ восхваленій. Но никто изъ васъ не долженъ и не имѣетъ права относить того, что я буду говорить, къ своей или къ чьей либо личности.

„Я буду говорить о солдатѣ какъ о матеріалѣ и объ офицерѣ, въ особенности о ротномъ командирѣ, какъ о мастерѣ вырабатывающемъ изъ этого матеріала слугу государству и защитника родины.

„Такая роль уже сама собою указываетъ всю важность и значеніе званія ротнаго командира. Значеніе это представилось бы еще яснѣе, если бы я имѣлъ время и возможность разобратъ кругъ его дѣйствій и обязанностей. Ротный командиръ, какъ глава той единицы, которой предоставляется значительная самостоятельность, имѣетъ громадное вліяніе на весь ходъ полковаго организма и полковаго хозяйства, — это въ мирное время. Въ военное-же, отъ его предусмотрительности и находчивости часто зависитъ участь его баталіона, а иногда и полка.

„Чтобы быть подготовленному къ этому, чтобы не учиться тогда когда нужно уже знать, чтобы быть не бременемъ, а полезнымъ звеномъ полковой машины, необходимо готовиться къ этому званію.

„Ротнымъ командиромъ нельзя родиться, а надо выучиться быть имъ.

„Старинный шведскій уставъ гласилъ: „Ротный командиръ долженъ быть отцомъ своей роты“. Если двѣсти лѣтъ назадъ, при господствѣ грубой силы, олицетворенной палкою, существовалъ такой взглядъ, то въ какой же мѣрѣ слѣдуетъ стремиться къ этому теперь!

„Но да не подозрѣваетъ кто либо, что уставъ требовалъ, или что теперь желательно отца балующаго. Я говорю объ отцѣ заботящемся, но не распускающемъ,—любящемъ, но и наказующемъ. Только такой отецъ и командиръ можетъ быть цѣннымъ, любимъ и уважаемъ. Русскій солдатъ своимъ простымъ природнымъ умомъ очень хорошо понимаетъ это. Онъ чутокъ къ каждому дѣйствію начальника, и никакимъ баловствомъ, никакою распушенностью вы не привяжете его такъ, какъ заботливостью о его бытѣ, справедливостью и толковою, разумною строгостью. Воображающіе, что рота любитъ тѣхъ командировъ, которые позволяютъ солдату вольничать, которые сквозь пальцы смотрятъ на службу, отворачиваются отъ безпорядка,—жестоко ошибаются. Солдатъ хитритъ въ этомъ случаѣ, и только притворяется любящимъ. Онъ при первомъ случаѣ пойдетъ не за нимъ, а скорѣе за подпоручикомъ, если видитъ въ немъ знаніе, исполнительность и твердость характера.

„Въ чемъ же должно состоять приготовленіе себя къ званію ротнаго командира? Во первыхъ, въ безусловно точномъ сознаніи своего долга, т. е. въ исполненіи всего предписаннаго закономъ; но исполненіе исполненію рознь. Одно и то же можно исполнять изъ страха наказанія и исполнять съ сердечнымъ участіемъ и съ любовію къ дѣлу. Во-вторыхъ,—въ совершенномъ знаніи того, чему предстоитъ учить другихъ; но и знаніе бываетъ различно: поверхностное, за которое, пожалуй, не арестуютъ, и основательное, со всѣми практическими приемами и сноровками, облегчающими обученіе. Въ-третьихъ,—въ приученіи себя къ безотговорочной исполнительности, служащей основою всякаго порядка, благоустройства и боевого успѣха. Можно ли требовать отъ солдата исполненія, когда онъ видитъ, что офицеръ самъ не исполняетъ то, что ему приказано. Тутъ, со стороны солдата, невольно является и лѣнь, и ропотъ, и неуваженіе. Въ-четвертыхъ,—развитіе въ себѣ самолюбія, но не того фальшиваго, называемаго щепетильностію, которое принимаетъ всякое служебное замѣчаніе или выговоръ за личную обиду, а самолюбія истиннаго и благороднаго. Такое самолюбіе не допускаетъ офицера до стыда не знать того, чему онъ обязанъ учить; оно спасаетъ его отъ небрежности и отъ крайне неловкаго положенія выслушивать горькія истины при подчиненныхъ, заставляетъ работать.

„Неподготовленная съ юности смотрѣть на свой трудъ съ серьезностью и доводить его до конца, молодежь наша смотреть на многое въ службѣ какъ на мелочи, незаслуживающія вниманія. Это великое зло, потому что всѣ наши занятія: строй, стрѣльба, нравственное развитіе солдата и его внутренній бытъ—все это непрерывная цѣпь, составленная изъ звеньевъ разныхъ величинъ. Стоитъ начать ржавить малому звену, и прочность всей цѣпи уже дѣлается сомнительною. Не считайте ржавчины вовремя—цѣпь лопнетъ. Вотъ почему въ службѣ все важно, и мелочей, въ томъ видѣ, какъ ихъ теперь понимаютъ, быть не должно и не можетъ.

„Это происходитъ отъ того, что нѣкоторые изъ нашихъ младшихъ офицеровъ—военные только наполовину. Не пройдя съ дѣтства строго-военной школы, какъ проходили ее прежніе кадеты, они не усвоили еще сущности военного воспитанія. Прежній кадетъ собственнымъ опытомъ узнавалъ обязанности ефрейтора, десяточнаго, капральнаго, и отвѣчалъ за своихъ подчиненныхъ, за каждое ружье, за каждый мундиръ своего отдѣленія. Многіе воображаютъ, что командовать ротой такъ легко, что объ этомъ и думать нечего, и не приучаютъ ни своего характера вліять на массу, ни своего глаза видѣть недостатки сразу, ни своей мысли къ тому, въ чемъ состоятъ обязанности командира. Со всякимъ дѣломъ надо знакомиться исподволь и изучать его систематически, иначе будутъ схвачены однѣ верхушки. Нельзя быть мастеромъ, не бывши под-мастеремъ.

„Неужели высказанные недостатки должны оставаться навсегда, только потому, что надежда на сознаніе офицерами своего долга и расчетъ на ихъ оамолюбіе заставляютъ обращаться съ ними сообразно достоинству ихъ званія, безъ неумѣстной строптивости и горячности. Неужели нельзя измѣнить взглядовъ на службу и на исполненіе обязанностей, безъ крутыхъ мѣръ?“

Бесѣду мою я закончилъ слѣдующимъ:

„Пусть сказанное мною будетъ для васъ пробой того, чего можно достигнуть путемъ совѣта, если этотъ совѣтъ дается людямъ благороднаго направленія. Душевно желаю, чтобы слова мои были приняты въ настоящемъ ихъ смыслѣ, безъ всякихъ перетолкованій“.

Да простятъ мнѣ читатели, что я такъ увлекся предметомъ для многихъ, быть можетъ, неинтереснымъ, но слишкомъ близкимъ моей минувшей дѣятельности. Прошу вспомнить, что ей была посвящена вся моя 40-лѣтняя строевая служба, а потому все ея касающееся слишкомъ для меня дорого, и я не могу не высказать о ней моихъ взглядовъ и убѣжденій, въ воспоминаніяхъ о прошломъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

1876.

Вступленіе къ описанію военнаго времени.—Настроеніе общества.—Слухи изъ Кишенева.—Мобилизація дивизіи.—Объявленіе войны.—Возня съ обозами.—Объѣздъ полковъ.—Капитанъ-магометанинъ.—Пропальный обѣдъ и спектакль.—Приказъ по дѣйствующей арміи.—Молодцевіе предъ выступленіемъ.—Послѣдніе проводы.—Выѣздъ изъ Нижняго Новгорода.—Остановка въ Москвѣ.—Отъѣздъ изъ Округа.

Только десять лѣтъ прошло отъ поучительной, по своему началу, ходу и послѣдствіямъ, нашей войны съ Турціей. Столь незначительный промежутокъ времени далеко недостаточенъ, чтобы о немъ говорить съ полною откровенностью, безъ боязни осудить кого-либо неправильно, безъ опасенія выставить факты не въ должномъ свѣтѣ, безъ страха навлечь на себя упреки въ пристрастіи. Но я пишу не исторію. Прошу читателей не придавать моему разсказу оффиціальности, а смотрѣть на него, какъ на личныя воспоминанія и взгляды участника, не имѣющаго ни малѣйшей претензіи на литераторство, а тѣмъ болѣе на авторитетство.

Война 1877 года застала меня на 35 году моей строевой службы и въ томъ званіи, которое уже давало право на известную роль въ военной сферѣ. Прослужить 35 лѣтъ, наполовину въ гвардіи и затѣмъ въ арміи, само по себѣ уже не мало, а прослужить въ то время, когда въ военномъ вѣдомствѣ совершались коренныя преобразованія, — тѣмъ болѣе. Быть воспитану въ строгомъ и стройномъ режимѣ 30-хъ годовъ, провести первое служебное десятилѣтіе подъ руководствомъ людей, закаленныхъ въ суровыхъ требованіяхъ и взглядахъ 40-хъ годовъ, пройти ихъ собственнымъ опытомъ, потомъ вдругъ стать въ близкое соприкосновеніе съ людьми другихъ идей, другихъ принциповъ и направленій, — все это не мало значило въ смыслѣ житейской и особенно военно-служебной

опытности. Затѣмъ, не только видѣть, но и испытать на себѣ ломку прежнихъ правилъ и положеній, всего того, что привилось и окрѣпло съ дѣтства, примѣняться самому къ новымъ вѣяніямъ и проводить ихъ въ подчиненную среду, — для всего этого неизбѣжно было многое перечувствовать и много поработать надъ собою. Есть счастливыя, для которыхъ все равно что дѣлать и какъ дѣлать, лишь бы это было для нихъ выгодно и покойно, которые готовы плыть по какому угодно вѣтру. Имъ все удастся гораздо легче, чѣмъ тѣмъ, которые не легко мѣняютъ свои убѣжденія и правила. Поэтому прослужить 35 лѣтъ — не поле перейти, и если оглянуться назадъ, то какая масса фактовъ, перемѣнъ и личностей предстанетъ передъ нами.

Въ періодъ времени, котораго коснутся дальнѣйшія мои записки, несмотря на его непродолжительность, событія смѣнялись быстро: личности, съ которыми приходилось имѣть дѣло, выказывались рельефнѣе, и переносимыя ощущенія западали въ душу рѣзче и глубже. При обыкновенномъ расчетѣ службы, годъ войны считается за два; по тому-же, что въ этотъ годъ испытывается и перечувствуется, его можно считать за десять.

Событія, совершавшіяся въ теченіи лѣта 1876 на Балканскомъ полуостровѣ, ясно указывали на близость войны. Съ кѣмъ предстояла она — объ этомъ никто не спрашивалъ, потому что всякій внутренно сознавалъ ея неизбѣжность съ тѣмъ правительствомъ, которое уже два года истощало терпѣніе Россіи и явно пренебрегало миролюбіемъ ея Государя. Многія, получаемыя осенью 1877 года, распоряженія давали право предполагать, что и ввѣренныя мнѣ части войскъ будутъ призваны къ участию въ военныхъ дѣйствіяхъ. Я сильно радовался каждому изъ нихъ, потому что, не смотря на истекавшій шестой десятокъ жизни, несмотря на громадность семьи, состоявшей изъ 10 дѣтей, считалъ жизнь мою не полною и службу не законченною, разъ что не участвовалъ въ войнѣ и не испыталъ себя въ бою. Носить 35 лѣтъ военный мундиръ, 35 лѣтъ учиться и учить военному дѣлу, начальствовать 4-мя полками, покрывшими себя славой во многихъ войнахъ, и быть самому не проэкзаменовану въ томъ, что дало-бы дипломъ на носимое мною званіе, мнѣ представлялось чѣмъ-то неправильнымъ и недокон-

ченнымъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы все, мною полученное и заслуженное, получило санкцію военной среды и общественнаго мнѣнія. Хотѣлось и того, чтобы сыновья мои могли назвать и указать въ жизни отца факты, доказывающіе, что онъ былъ военнымъ не по одному мундиру.

Слова Императора Александра II, сказанныя имъ московскому дворянству при возвращеніи изъ Крыма и объявленная 2 ноября 1876 года мобилизація шести корпусовъ, образовавшихъ дѣйствующую армію, были предвареніемъ Турціи, что если она не приметъ послѣднихъ, болѣе чѣмъ умѣренныхъ, предложеній, то война неминуема. Вся осень и начало зимы прошли для насъ въ приведеніи въ готовность того, что полагалось полкамъ по штатамъ военного времени. Уже при этихъ предварительныхъ передъ войною работахъ ясно обнаружилось, какая разница между готовностью на бумагѣ и дѣйствительною.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ намъ приходилось получать указанія, что тѣ или другія вещи, полагаемыя для военного времени, заготавливаются и хранятся въ интендантскихъ складахъ и будутъ доставлены въ войска по ихъ требованію. Войсковые начальники имѣли полное право надѣяться, что все необходимое и отмѣченное въ вѣдомостяхъ словами: „хранится въ интендантскомъ складѣ“, давно готово, и что имъ нечего объ этомъ заботиться; но при первыхъ же запросахъ доволствующему интенданству о доставкѣ чего либо, начали поступать отвѣты, что одно не готово, другое заказано, за третьимъ надо обратиться туда-то. Такъ, напримѣръ, получено было распоряженіе, что полки должны получить аптечныя платформы изъ Варшавской обозной мастерской, куда и было немедленно написано. Варшавскій интендантъ былъ видимо удивленъ подобнымъ требованіемъ, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ отвѣтилъ, что платформы у него нѣтъ, что на нихъ только въ январѣ будетъ сдѣланъ заказъ, но готовы онѣ могутъ быть не ранѣе апрѣля. То же самое повторилось и съ другими вещами.

Къ счастью, что намъ пришлось имѣть цѣлую зиму для приготовленій; но если бы въ ноябрѣ послѣдовала не частная мобилизація, при которой недостающее въ частяхъ, выступавшихъ въ Бессарабію, бралось изъ частей оставшихся на мѣстѣ, а была бы объявлена общая, то нельзя и вообразить тѣхъ затрудненій, которыя пришлось бы встрѣтить. Пользуясь тѣмъ, что мы

хотя и готовимся къ войнѣ, но еще не мобилизуемся, я составилъ для своихъ полковыхъ командировъ подробную инструкцію, на случай мобилизаціи. Это избавило ихъ потомъ отъ множества запросовъ и недоразумѣній. Въ инструкціи подробно было указано, что обязанъ былъ дѣлать каждый изъ чиновъ полковаго управленія въ первый, во второй, въ третій и т. д. день по объявленіи мобилизаціи, кого и куда слѣдовало отправлять, откуда и что требовать. Всѣ матеріальныя приготовленія, пріемъ и пріѣздка лошадей, укладка обоза, сдача дѣлъ и остающагося имущества,—все это должно было окончиться въ восьмой день. Дальнѣйшее уже зависѣло не отъ полковъ, а отъ времени прибытія послѣдней партіи запасныхъ. Въ дивизіи же все было подготовлено такъ, чтобы на третій по окончательномъ укомплектованіи, т. е. въ 11-й день мобилизаціи, она могла выступить.

Въ началѣ апрѣля, среди полного затишья, въ Нижнемъ узнали о проѣздѣ Государя въ Кишиневъ. Одни говорили, что это предвѣщаетъ скорое объявленіе войны, другіе полагали, что это не болѣе какъ угроза, съ цѣлью подкрѣпить ея требованія Россіи въ Константинополѣ. Вскорѣ сомнѣнія были разрѣшены. 4 апрѣля, совершенно неожиданно, получена была мною депеша о мобилизаціи дивизіи. Это произвело магическое впечатлѣніе на насъ, военныхъ, и поразительно оживило городъ. Депеши къ губернатору и къ воинскому начальнику получены были часомъ раньше моей. Взглянувъ въ окно, всякій понялъ, что въ городѣ произошло что-то необыкновенное. У воротъ cadaго дома стояло по нѣсколько человѣкъ, горячо о чемъ-то разговаривавшихъ; прохожіе суетливо куда-то спѣшили, наскоро обмѣниваясь нѣсколькими словами съ встрѣчными; полиціанты почти бѣгомъ разносили по домамъ повѣстки; конные стражники на рысяхъ сновали взадъ и впередъ; даже извозчики, понуждаемые сѣдоками, погоняли своихъ клячъ усерднѣе обыкновеннаго. Въ дивизионномъ штабѣ и полковыхъ канцеляріяхъ моментально закипѣла работа: во всѣ пункты, гдѣ стояли части дивизіи, полетѣли телеграммы.

Въ полдень я поѣхалъ къ губернатору, узнать о его распоряженіяхъ и условиться о взаимныхъ дѣйствіяхъ. Я засталъ у него предводителя дворянства, предсѣдателя управы, городского голову и полицімейстера. На всѣхъ лицахъ выража-

лась озабоченность, а торопливый обмен фразъ сводился къ тому, что всѣмъ намъ необходимо дѣйствовать заодно, дружно и по возможности безъ затягивающей всякое дѣло переписки, а личными сношеніями. Последнее сильно помогло успѣху. Возвратясь домой, я нашелъ у себя собравшимися: губернскаго воинскаго начальника, бригаднаго командира Коноплянскаго, обоихъ полковыхъ командировъ — графовъ Татищева и Комаровскаго и всѣхъ чиновъ дивизіоннаго штаба. Начальникъ штаба подалъ нѣсколько телеграммъ, какъ полученныхъ въ теченіи утра, такъ и требовавшихъ моей подписи. Покуда я занялся этимъ въ кабинетѣ, къ названнымъ лицамъ вышла въ залъ многочисленная семья моя, еще не видѣвшая меня съ утра и интересовавшаяся узнать о происходившемъ. Къ нимъ постепенно присоединялись, пріѣзжавшіе одинъ за другимъ, наши знакомые городского общества. Подобные визиты продолжались до самаго вечера.

5-го числа, во второй день мобилизаціи, были получены по телеграфу донесенія, что изъ полковъ уже отправлены офицеры въ запасные баталіоны, въ пункты приема лошадей и во всѣ мѣста, куда приказано было командировать предварительными распоряженіями Главнаго Штаба. Выѣстъ съ этимъ полковые командиры сообщали, что все указанное моею инструкціею приводится въ исполненіе.

Первые же дни мобилизаціи показали, что распоряженія гражданской администраціи шли весьма дружно и быстро. Нельзя было не удивляться тому спокойствію и той быстротѣ, съ которыми городская и сельская полиція собирали отпущенныхъ и представляли лошадей на пункты приемки. Этимъ полки обязаны были двумъ лицамъ: городскому головѣ Губину, съ которымъ, безъ всякихъ переписокъ о всемъ условливались на словахъ, такъ что заявленное сегодня—завтра уже осуществлялось, и еще болѣе особой дѣятельности губернскаго воинскаго начальника, генерала Курлова. Не бывъ непосредственно подчиненъ мнѣ, какъ начальнику дивизіи, онъ сознавалъ, что только при обоюдномъ согласіи, дѣло укомплектованія призывными можетъ идти успѣшно и быстро. Партии прибывающихъ изъ запаса ни на минуту не задерживались на сборномъ пунктѣ и о всѣхъ получаемыхъ распоряженіяхъ онъ

сообщалъ мнѣ, а я ему—лично, избѣгая переписки, всегда только замедляющей дѣло.

Отрадно было видѣть, что ни призываемые изъ запаса, ни провожавшіе ихъ родные, не обнаружили ни малѣйшаго унынія. Крестьяне, сдававшіе лошадей, передавали ихъ съ шуточками и прибаутками, показывавшими какъ народъ былъ далекъ отъ печальнаго настроенія. Совсѣмъ сѣдой старикъ, сдавая лошадь приговаривалъ: „Иди, бурка, служи за меня, стараго сивку“. Другой, прощаясь съ конемъ, просилъ солдатъ: „Поберегите, братцы, добрая была скотинка, доморощенная, вѣкъ бы не разстался, кабы Царю не понадобилась“. Что же касается правилъ приѣма и браковки лошадей, то въ нихъ оказались значительные промахи. Между болѣзнями, дававшими право браковать лошадь, многія были пропущены, а мѣра роста для обозныхъ лошадей втораго разряда назначена была до того малая, что эти лошади оказались безсильными до безполезности, между тѣмъ цѣны на нихъ опредѣлены были такія, что породили барышничество.

Къ недостатку правилъ приемки нужно отнести и то, что она производилась только по наружному осмотру, безъ права пробовать лошадь въ упряжи; чрезъ это въ войско попало не мало такихъ, съ которыми обознымъ пришлось испытать потомъ не мало горя. Одна оказывалась съ затономъ, другая—била куда бы ее ни запрягли, третья—лѣнива до безполезности.

Въ первые дни мобилизаціи не было времени думать о чемъ либо кромѣ скорѣйшаго исполненія того, что требовали безпрерывно получаемыя телеграммы. Частенько онѣ указывали на необходимость предварительнаго сношенія съ окружнымъ московскимъ начальствомъ; но оно, въ это горячее время, уже не считало насъ своими и не торопилось отвѣтами, такъ что многое приходилось брать на себя.

Когда главное было исполнено, то возникъ весьма естественный вопросъ: когда же и куда насъ направлятъ? Среди ожиданій его разрѣшенія, полученная вечеромъ 12 апрѣля телеграмма возвѣстила, что война объявлена. Она произвела всеобщее воодушевленіе и воскресила начинавшіе ослабѣвать порывы патріотизма. Прочтя депешу, всякій или говорилъ, или думалъ: „Слава Богу! наконецъ-то неизвѣстность и томленіе

прекращаются". Но и при этомъ находились личности, которыя, разбирая текстъ манифеста и не встрѣчая въ немъ слова „война“, оспаривали ея объявленіе, объясняя, что войскамъ повелѣно только вступить въ предѣлы Турціи, и что если она не окажетъ сопротивленія и согласится на все требованія Россіи, то войны и не будетъ. Подобные кривотолки не имѣли значенія, и мы, съ возбужденною энергіею, продолжали приготовленія къ походу.

Первая партія запасныхъ, изъ людей ближайшихъ уѣздовъ, прибыли довольно скоро; остальные собрались къ 16 дню мобилизаціи, и только тогда мы узнали, что дивизія направляется въ Кіевскій округъ, для занятія тѣхъ пунктовъ Волынской губерніи, изъ которыхъ вышли полки, поступившіе въ составъ дѣйствующей арміи, и что наше выступленіе начнется съ 4-го мая. Остававшіяся до этого срока двѣ недѣли были употреблены на сведеніе ротъ и баталіоновъ и на занятія стрѣльбою. Но ничто не представляло такихъ хлопотъ и возни, какъ устройство обозовъ. Покуда ихъ тщательно окрашенные повозки стояли въ сараяхъ и выдвигались на Божій свѣтъ только для инспекторскихъ смотровъ,—казалось, что все исправно; но когда ихъ, даже безъ укладки, употребили для проѣздки лошадей, то увидѣли, что конструкція повозокъ причинить войскамъ не мало хлопотъ въ будущемъ. Какъ ни старались въ полкахъ выбрать въ обозные люди, мало-мальски умѣющихъ править четверками, найти такихъ между запасными было невозможно. Пятнадцати человѣкъ, приученныхъ къ этому въ мирное время, было недостаточно, да и они не могли справляться съ набранными изъ разныхъ мѣстъ лошадьми, никогда не знавшими другого экипажа, кромѣ мужицкой телѣги. Остальные 50 обозныхъ, назначенные изъ призывныхъ, не видавали форменной полуанглійской сбруи. Многихъ лошадей трудно было не только заложить, но и подвести къ громаднѣмъ лазаретнымъ каретамъ; а когда ихъ запрягли, то одинъ громъ отъ колесъ этихъ громадъ по мостовой, до того пугалъ лошадей, что послѣ первой проѣздки многое оказалось порваннымъ и поломаннымъ. Кромѣ этого, при обозахъ не оказалось мелочей, необходимыхъ для похода. Писать и ожидать присылки недостающаго изъ интендантства—не было времени; надо было все исправить и пополнить скорѣе, и тутъ-то пол-

ковые командиры снова убѣдились, какъ необходимо имѣть экономическія деньги въ запасъ и какъ полезно въ мирное время беречь каждую казенную копейку на черный день. Первый осмотръ обозовъ, находившихся въ Нижнемъ, и проѣздка ихъ съ полною укладкою, заставили меня усомниться, въ возможности добиться въ этомъ отношеніи должнаго порядка. Въмѣсто одного смотра, пришлось сдѣлать четыре, и только послѣ недѣльныхъ усилій можно было достигнуть, что повозки полковъ и дивизіоннаго лазарета прошли мимо меня безъ приключеній, безъ остановки и сохраняя должные интервалы. Но то, что оказалось при проѣздахъ, было ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что пришлось испытать полкамъ отъ обозовъ впослѣдствіи.

Пользуясь оставшимися до выступленія двумя недѣлями, я могъ обѣхать полки, квартировавшіе во Владимірѣ и въ Шуѣ. Осмотръ доставилъ мнѣ полное удовольствіе. Не говоря о томъ, что все найдено въ исправности, ихъ, укомплектованный по военному составу, строй имѣлъ прекрасный видъ и приобрѣлъ значительную внушительность. Роты полковъ не представляли болѣе миниатюрныя кучки нашего кадроваго состава, похожія на полувзводики, а напоминали то время, когда войска постоянно содержались въ полномъ комплектѣ. Это было время моей молодости, время начала службы, полное тѣхъ радужныхъ надеждъ и стремленій, которыя рѣдко забываются.

Приливъ въ каждую роту полутораэта человѣкъ изъ запаса совершенно измѣнилъ видъ строя. Въмѣсто безусыхъ юношей, онъ составилъ изъ людей возмужалыхъ, лица которыхъ выражали опредѣленный характеръ, внушающій довѣріе къ ихъ стойкости. Кое-гдѣ виднѣлись сѣдовласые бакенбардисты, служившіе на Кавказѣ и въ 63 году въ Польшѣ.

Послѣ десятидневныхъ занятій съ призывными, они не только не портили фронта, но скрѣпили и украсили его. Было бы еще лучше, если-бы, вопреки основныхъ правилъ укомплектованія, не назначили въ пѣхоту служившихъ въ артиллеріи и кавалеріи, никогда не державшихъ ружья, и не попадали бы въ строй нестроевые, бывшіе служителями госпиталей и сторожами провіантскихъ магазиновъ. Замѣчательно, что въ то время, когда къ намъ назначали артиллеристовъ,

въ батареяхъ жаловались зачѣмъ имъ даютъ пѣхотинцевъ, не выдавшихъ гранаты и банника. Въ малыхъ размѣрахъ подобная путаница не имѣетъ особаго значенія, но все-таки указываетъ, что у уѣздныхъ начальниковъ, или тамъ, гдѣ составляются распредѣленія запасныхъ, должнаго порядка не было. Что касается обмундированія и снаряженія запасныхъ, то оно не встрѣчало никакихъ затрудненій, и въ этомъ отношеніи всѣ люди, на другой день прибытія, уже были готовы.

Лучшимъ по матеріальной готовности оказался Псковскій полкъ Кусова, которому шуйскіе фабриканты подарили въ обозъ нѣсколько великолѣпныхъ лошадей. Въ отношеніи же строевого вида лучшимъ былъ Великолукскій полкъ.

При смотрѣ въ немъ стрѣльбы въ цѣль, рота капитана Т... Б...го особенно отличилась. Изъ разговора съ нимъ, я узналъ, что онъ магометанинъ.

— Не будетъ ли вамъ, капитанъ,—спрашиваю я его,—тяжело идти на войну противъ вашихъ единовѣрцевъ?

— Я русскій, а не турецкій магометанинъ, отвѣчалъ онъ.

— спрашиваю васъ объ этомъ потому, что если бы васъ сколько нибудь смущала предстоящая война, то можно, безъ всякаго ущерба вашей карьерѣ, назначить васъ въ запасный батальонъ, гдѣ тоже нужны хорошіе командиры.

— Разъ, что я присягалъ моему государю, продолжалъ капитанъ, ничто не можетъ меня заставить измѣнить моему долгу, а потому я бы не желалъ въ подобное время разстаться съ товарищами и съ полкомъ, съ которымъ я сроднился.

Мнѣ оставалось только похвалить убѣжденія этого отличнаго офицера.

Не радостно принято было нами извѣстіе, что дивизія, не входя въ составъ дѣйствующей арміи, назначается въ Кіевскій округъ, да къ тому же и разъединяется. Первую бригаду приказано было расположить лагеремъ при Житомирѣ, а 2-ю, съ дивизионнымъ штабомъ, въ Луцкѣ. Незавидною долею казалась намъ стоянка въ этихъ городахъ въ то время, когда войска первой мобилизаціи будутъ сражаться, пожинать лавры и получать награды за Дунаемъ. Хотя и понималось, что чѣмъ ближе мы будемъ къ театру военныхъ дѣйствій, тѣмъ скорѣе можемъ принять въ нихъ участіе, но являлось невольное сомнѣніе въ осуществленіи подобной надежды. Въ особенно-

сти насъ смущала мысль: „а что, если послѣ войны, въ которой намъ не удастся принять участія, насъ навсегда оставятъ на Волыни?“ Это предположеніе казалось тѣмъ болѣе грустнымъ, что чѣмъ ближе подходило время выступленія, тѣмъ Нижній-Новгородъ и его общество горячѣе высказывали намъ свое вниманіе и дружбу. Уже съ половины апрѣля начались ихъ проявленія. Почти не проходило дня, чтобы въ томъ или въ другомъ домѣ не давались, своимъ знакомымъ, прощальные вечера или обѣды. 17-го апрѣля, въ день рожденія Государя, послѣ парада, въ который была выведена вся бригада въ своемъ шеститысячномъ составѣ, городъ угощалъ нижнихъ чиновъ, для чего были устроены столы по бульвару, идущему вдоль Кремлевской стѣны. Черезъ два дня данъ былъ обѣдъ всѣмъ офицерамъ въ залахъ Коммерческаго клуба. Много самыхъ душевныхъ рѣчей и тостовъ было произнесено на этомъ обѣдѣ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, состоялся прощальный любительскій спектакль въ городскомъ театрѣ. Участвующими въ немъ были, вмѣстѣ съ городскими дамами, преимущественно офицеры выступавшихъ въ походъ полковъ первой бригады. Какая пьеса шла въ этотъ разъ не помню, но поставленная послѣ нея живая картина „Россія на вершинѣ Балканъ“ произвела фуроръ. Публика болѣе 5 разъ требовала поднятія занавѣса, осыпая появленіе картины оглушительными рукоплесканіями. Россію изображала всѣми любимая и уважаемая О. А. Черкасова, особа рѣдкой представительности и красоты, вполне русскаго типа. Одѣтая въ кольчугу и латы, сдѣланные какъ бы изъ иконъ, она стояла на вершинѣ скалы; въ одной рукѣ держала обвитый лаврами опущенный мечъ, другою указывала на парящаго надъ нею орла. У подножія горы были поставлены группы болгаръ, съ благоговѣніемъ смотряція на эмблему Россіи. По сторонамъ сцены, внѣ рамы этой, имѣвшей пророческое значеніе картины, находились другія группы, составленныя изъ участвовавшихъ въ спектаклѣ и изъ тѣхъ лицъ общества, которыя изъявили согласіе быть въ русскихъ костюмахъ и усилить хоръ, исполнявшій народный гимнъ.

Теперь, когда прошло только 10 лѣтъ отъ описываемаго времени, невольно сопоставляешь прошедшее съ настоящимъ. Кто изъ участниковъ минувшей войны могъ думать, что до-

статочно будетъ 8 лѣтъ, чтобы народъ, спасенный Россіею отъ всѣхъ ужасовъ тираніи и избавленный ею отъ четырехсотлѣтняго рабства, такъ скоро забылъ это и что онъ выкажетъ самую черную неблагодарность своимъ спасителямъ? Никому такъ не горька эта неблагодарность, какъ тѣмъ, кто были участниками достопамятной эпохи, кто жертвовалъ кровью и жизнью за братьевъ по вѣрѣ; кто видѣлъ всѣ неистовства, совершаемые надъ ними, видѣлъ развалины городовъ, оскверненные и разграбленные храмы Божіи, убійства дѣтей; кто шелъ по полямъ, покрытымъ трупами, по пожарищамъ селъ и деревень болгарскихъ.

Забывшимъ все это болгарамъ, вмѣсто прокламацій настоящаго, позорнаго ихъ правительства, слѣдовало бы ежедневно читать своимъ дѣтямъ, какъ молитву, приказъ отданный русской арміи 12 апрѣля 1877 г. Документъ этотъ, едва-ли гдѣ повторенный послѣ войны, столь замѣчателенъ, что читатели вѣроятно не посѣтуютъ на меня за то, что я привожу его въ моихъ воспоминаніяхъ. Вотъ что говорилось въ этомъ приказѣ:

„Сотни лѣтъ тяготѣетъ иго турецкое надъ христіанами—братьями нашими. Горька ихъ неволя! Все, что дорого человеку: святая вѣра Христова, честное имя, потомъ и кровію добытое добро,—все поругано, осквернено невѣрными. Не выдержали несчастные, возстали противъ угнетателей, и вотъ уже два года льется кровь христіанская; города и села выжжены; имущество разграблено; жены и дочери обезчещены, население многихъ мѣстъ поголовно вырѣзано. Мѣра долготерпѣнія нашего Царя-Освободителя истощилась... Намъ выпала доля исполнить волю Царскую и святой завѣтъ предковъ нашихъ. Не для завоеваній идемъ мы, а въ защиту поруганныхъ и угнетенныхъ братьевъ нашихъ, на защиту вѣры Христовой“...

Присланное въ концѣ апрѣля росписаніе порядка передвиженія полковъ отъ Нижняго, Владиміра и Шуи, по желѣзнымъ дорогамъ черезъ Москву, Смоленскъ, Минскъ и Брестъ въ Кіевскій округъ, указывало, что движеніе начнется 4-го мая съ полковъ 1-й бригады. Наканунѣ этого дня, она, въ полномъ составѣ, въ походно-боевой формѣ, была построена въ трехъ-фасномъ каре, на площади передъ Кремлемъ, у древнѣйшаго изъ нижегородскихъ соборовъ, передъ которымъ, по пре-

данію, происходило благословеніе князя Пожарскаго; четвертый фасъ заняли семейства офицеровъ и дамы нижегородскаго общества. Преосвященный Іоаникій, тогда архіепископъ Нижегородскій и Арзамасскій, нынѣ высокопреосвященный митрополитъ Московскій, выразилъ благосклонное желаніе лично совершить напутственное молебствіе и благословить полки.

Уже при вступленіи баталіоновъ на площадь, она была покрыта народомъ, толпы котораго виднѣлись на далекомъ пространствѣ расходившихся отъ собора улицъ. Окна домовъ, ихъ крыши, даже деревья бульвара, до самой Волги,—все это было унизано народомъ.

Ясное, тихое майское утро, благоговѣйная тишина, царившая между войсками и публикой, давали возможность слышать каждое слово молитвъ, каждый звукъ пѣнія архіерейскаго хора. Еще до начала служенія, по выраженію лицъ, какъ выступавшихъ на войну, такъ и провожавшихъ ихъ, по напряженному вниманію къ происходившему, можно было судить какія ощущенія испытывались каждымъ въ эти знаменательныя минуты. „Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтесь“, провозгласилъ архидіаконъ, и сряду послѣ это возгласа, сначала робко, а потомъ все чаще и чаще стали слышаться въ публикѣ глубокіе вздохи и всхлипыванія сдержаннаго плача. Видимо было, что всѣ переживали торжественныя, но трудныя минуты. Къ концу молебна и у солдатъ стали скатываться слезы, среди офицерскихъ семействъ слышались рыданія. Онѣ усилились при пѣніи стиха „Кто Богъ великій, яко Богъ нашъ, ты еси Богъ творяй чудеса“. Самымъ потрясающимъ моментомъ было то, когда преосвященный Іоаникій обратился ко мнѣ, колѣнопреклоненному передъ нимъ, съ напутственнымъ словомъ, исполненнымъ сердечнаго къ войскамъ сочувствія и надеждъ, возлагаемыхъ на насъ Царемъ и родиной. Въ ту минуту, когда онъ благословлялъ меня иконою Богоматери, я случайно увидѣлъ, тоже стоявшими на колѣнахъ, жену и дѣтей моихъ. Представляю каждому судить, что въ эту минуту происходило въ душѣ моей. Она вся была проникнута свѣтостію совершавшагося и какимъ-то необъяснимымъ ощущеніемъ, но въ ней не было ни борьбы, ни страха. Такія минуты не поддаются никакому описанію; онѣ только глубоко чувствуются и никогда не забываются.

По окончаніи богослуженія, городской голова Губинъ, съ депутаціею отъ города, въ знакъ благодарности нижегородцевъ своимъ постояльцамъ, за то спокойствіе, которое они охраняли, поднесъ обоимъ полкамъ иконы Преображенія Господня и Николая Чудотворца. Тогда же мнѣ подали телеграмму, извѣщавшую, что всѣ находящіеся въ дивизіи подпоручики произведены въ офицеры, съ чѣмъ я лично поздравилъ ихъ передъ церемоніальнымъ маршемъ, которымъ войска расходились съ площади.

Въ предшествовавшіе описанному дни, въ полкахъ укладывали повозки, сдавали остающееся имущество, отправляли въ Житомиръ и Луцкъ хлѣбопеконъ и квартирнеровъ и переправляли обозы за Оку, къ вокзалу желѣзной дороги. Последнее требовало не мало времени и распорядительности. По случаю разлива, пласкотный мостъ еще не былъ наведенъ и переправа происходила на буксируемомъ пароходомъ паромъ; на немъ помѣщалось не болѣе 6 казенныхъ повозокъ съ лошадьми, а ихъ, вмѣстѣ съ офицерскими, надо было перевезти около двухсотъ; каждый же рейсъ, съ обратнымъ приходомъ парома, длился болѣе часа.

Выступление изъ Нижняго началось съ 10 Новоингерманландскаго полка, за которымъ черезъ день послѣдовалъ 9 Староингерманландскій. Каждый отправлялся на 6 поѣздахъ, слѣдовавшихъ черезъ 6 часовъ одинъ послѣ другого. Такъ какъ дивизионный штабъ по росписанію долженъ былъ слѣдовать въ хвостѣ дивизіи, то я могъ остаться въ Нижнемъ до 8 мая. Последние дни прошли, среди добрыхъ знакомыхъ и родной семьи, въ сборахъ къ походу и въ послѣднихъ прощальныхъ бесѣдахъ. Въ одинъ изъ такихъ дней нижегородское общество оказало мнѣ, въ лицѣ избранныхъ сочленовъ своихъ, исключительное вниманіе. Мнѣ былъ поднесенъ прекрасный, въ дорогой оправѣ, русскаго стила альбомъ, съ портретами лицъ (не исключая и дамъ), составлявшихъ ближайшій кружокъ нашъ. Николай Никитичъ Жадовскій, передавая его, говорилъ мнѣ: „Примите этотъ знакъ нашей любви, дружбы и благодарности. Мы подносимъ его не начальнику, не генералу, а человѣку, память о которомъ сохранится навсегда между нами. Не забудьте и вы насъ“.

Чѣмъ болѣе проходитъ время со дня разлуки съ тѣми ли-

цами, чьи портреты въ этомъ альбомѣ, тѣмъ мнѣ дѣлается дороже этотъ подарокъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ, съ другими не пришлось болѣе встрѣтиться; но дружба, соединившая меня съ ними и ихъ семействами, жива и крѣпка по прежнему.

Пароходъ, перевозившій меня вечеромъ, 8 мая, черезъ Оку, былъ полонъ провожавшими, остававшимися въ вокзалѣ до отхода поѣзда. Съ бокалами въ рукахъ вышли они на платформу, гдѣ я простился съ нѣкоторыми навсегда. Вмѣстѣ съ послѣднимъ свисткомъ кондуктора раздались голоса: „До скорого свиданія! Прощайте! Желаемъ побѣды! Берегите себя, возвращайтесь скорѣе!“ и т. д. Запыхтѣлъ локомотивъ и, подъ крики „ура!“ провожавшихъ, поѣздъ тронулся. Долго я оставался на балконѣ вагона, и невольно пробѣгали мысли: что-то ждетъ тамъ, впереди; придется-ли вернуться, увижу ли дѣтей и тѣхъ, чьи отдаленные голоса еще доносились отъ вокзала.

Думая, что мнѣ придется провести въ Луцкѣ все лѣто, я рѣшился взять второго моего сына съ собою, такъ какъ онъ, по болѣзни глазъ, былъ отпущенъ изъ корпуса ранѣе конца весеннихъ экзаменовъ. Съ нимъ и съ провожавшею меня женою, мы 9 мая пріѣхали въ Москву, гдѣ я засталъ 2-ю мою бригаду еще не отправленною; первая была уже двинута по смоленской дорогѣ къ Бресту. Каждый эшелонъ дивизіи имѣлъ въ Москвѣ дневку, для перевозки тяжестей съ нижегородской дороги на смоленскую. Къ сожалѣнію, штабъ округа, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, распорядился размѣстить полки для дневки въ деревняхъ, лежащихъ невдалекѣ отъ нижегородскаго вокзала и верстахъ въ 15 отъ смоленскаго. Черезъ это командамъ, перегружавшимъ тяжести и баталіонамъ, передъ посадкою, приходилось представляться командующему войсками, послѣ 15-верстнаго ночнаго перехода черезъ весь городъ. Такъ какъ нѣкоторымъ эшелонамъ назначено было выѣзжать въ 6 часовъ утра, то понятно, что они должны были вставать въ часъ ночи. Мудрено-ли послѣ этого, что нижніе чины могли казаться вялыми и усталыми. Между тѣмъ, ничто не мѣшало поставить баталіоны въ Всесвятское и Покровское, которыя всего въ трехъ верстахъ отъ смоленскаго дебаркадера. При заявленіи объ этомъ былъ полученъ

слѣдующій отвѣтъ: „Вамъ придется на войнѣ испытывать и не такія неудобства“. — „Отъ непріятеля всякое неудобство понятно, отвѣчалъ я, но отъ нераспорядительности и каприза — прискорбно“. Впрочемъ, подобныя явленія не составляютъ исключеній; какъ только какая-либо часть переходитъ въ другой округъ, о ней мало кто заботится и на нее уже смотрятъ какъ на чужую. Такъ было при отправленіи въ 1869 году 18-го стрѣлковаго баталіона изъ Зарайска въ Оренбургъ, такъ случилось и теперь.

Не совсѣмъ-то подѣ пріятнымъ впечатлѣніемъ выступали полки изъ Москвы. Говорю это не о себѣ, потому что мнѣ лично не было сдѣлано ни малѣйшаго замѣчанія и со мною командующій войсками разстался вполне дружески, но мнѣ жаль было моихъ подчиненныхъ. Полки выступали на войну, послѣ 15-ти-лѣтней стоянки въ Московскомъ округѣ. Казалось бы, что слѣдовало разстаться съ ними посердечнѣе и привѣтливѣе, чѣмъ это происходило. Обходя роты передъ ихъ посадкою въ вагоны, А. И. Гильденштуббе оставался вѣрнѣйшей присущей ему педантичности, которая тяжела и въ обыкновенное время, а въ минуту разставанія съ войсками, заслужившими ему всевозможныя похвалы и награды, тѣмъ болѣе. Кажется, въ подобныя минуты, какъ выступленіе на войну, можно бы было отступить отъ своихъ привычекъ. Что происходило въ первой бригадѣ, которую онъ именовать графскою, — я не знаю, такъ какъ она выступала безъ меня; но во второй, отъѣздъ каждаго эшелона сопровождался выговорами то одному, то другому баталіонному или ротному командиру: одному за нещательно скатанную шинель, другому — за скоробившійся козырекъ кепи, безъ всякаго вниманія къ тому, что многіе изъ грузившихъ повозки, всю ночь провели въ тяжелой работѣ и едва успѣли стать на свои мѣста. Командиръ одного изъ полковъ долженъ былъ выслушать цѣлый рядъ упрековъ за прошлое, цѣлый потокъ укоризнъ за беззаботность, — и все это за то, что у одного изъ солдатъ былъ покраснѣвши глазъ. Я, сколько могъ, старался загладить замѣчанія сдѣланныя въ сущности добрымъ начальникомъ.

Къ счастью, произведенное подобными проводами впечатлѣніе было разсѣяно тѣмъ сочувствіемъ, которое выразили отъѣзжавшимъ толпы провожавшаго народа и московское купече-

ство. Каждому эшелону депутаціи отъ города раздавали пироги, калачи, винныя порціи. Не были забыты и офицеры. Присланные въ ихъ вагоны Филипповымъ и другими пекарями хлѣба и торты были очень кстати, потому-что на небольшихъ станціяхъ дальнѣйшаго пути, офицеры часто не могли получить простаго баранка, а на подобныхъ станціяхъ обыкновенно и останавливали военные поѣзда на продолжительное время.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

1876.

Отъ Москвы до Бреста. — Прибытіе въ Луцкъ. — Поѣздка въ Шепетовку. — Поѣздъ Государя въ армію. — Князья Горчаковъ и Суворовъ. — Оригинальный полковникъ. — Поѣздка въ Кіевъ. — Деликатные выговоры. — Подвижныя колонны. — Житомиръ и Бердичевъ. — Извѣстіе о переправѣ у Галаца. — Сравненіе ея съ Систовскою. — Двѣ иконы. — Препровожденіе свободнаго времени. — Продѣлки съ жидами. — Проводы одного сына и пріѣздъ другаго.

Для слѣдованія отъ Москвы въ Кіевскій округъ, дивизіонный штабъ былъ присоединенъ къ эшелону дивизіоннаго лазарета, выходившаго по Смоленской дорогѣ 10 мая, въ 8 часовъ вечера.

Не съ спокойною душою довелось мнѣ раставаться съ семейю.

Въ Нижнемъ трое дѣтей лежали въ кори, а въ Москвѣ захворала и провожавшая меня жена. Все это, вмѣстѣ съ мыслью, придется ли возвратиться и увидѣть ихъ, невольно сжимало сердце, а между тѣмъ надо было показать подчиненнымъ примѣръ полного спокойствія. Этого особенно требовали прощальныя сцены, происходившія въ вокзалѣ, при отходѣ военныхъ поѣздовъ. Плачь, часто переходившій въ рыданіе, а иногда и въ истерику, слышался изъ дамской уборной, гдѣ жены и матери офицеровъ не могли выдерживать послѣднихъ минутъ разлуки. Впрочемъ, все это тиготило душу недолго. Какъ только входили въ вагоны, беззаботная веселось несемейной офицерской молодежи, ихъ одушевленные лица и оживленный говоръ, невольно развлекали и тѣхъ, на комъ замѣчались слѣды прощальныхъ впечатлѣній. Поѣздъ трогался, и всѣ, кого уносилъ онъ, предавали и себя, и тѣхъ, съ кѣмъ только-что растались, волѣ Божіей. На меня благотворно вліяло то, что при мнѣ находился 15-лѣтній сынъ, а

окружавшій меня служебный персоналъ состоялъ изъ людей, успѣвшихъ въ теченіи года сблизиться со мною, съ минуты же выѣзда сдѣлавшихся второю моею семейю. Начальникъ штаба, два адъютанта и два ординарца, 5 офицеровъ роты носильщиковъ и дивизіоннаго лазарета и три доктора, изъ которыхъ старшимъ былъ почтенный Соловьевъ, — составляли моихъ спутниковъ. Послѣдній представлялъ собою типъ штабъ-лекарей прежняго времени, теперь почти не существующій, старыхъ и опытныхъ слугакъ сороковыхъ годовъ.

Двое сутокъ переѣзда до Бреста не представляли ничего особеннаго. Ни прилегавшая къ желѣзнодорожному полотну мѣстность, ни города, черезъ которые проходило оно, не могли интересовать даже тѣхъ, кто впервые видѣлъ ихъ. Погода вполнѣ благопріятствовала нашему путешествію. Въ отлнчное майское утро мы высадились въ Брестѣ, гдѣ меня встрѣтили старые мои сослуживцы В. А. Таубе и Н. Д. Щербинскій. Первый, во время командованія моего Прусскимъ полкомъ, былъ моимъ адъютантомъ, второй — квартирмейстеромъ; въ описываемое же время Таубе завѣдывалъ Брестскою обмундировательною мастерскою, а Щербинскій состоялъ брестскимъ уѣзднымъ воинскимъ начальникомъ. Оба встрѣтили меня какъ родного. Какъ старожилы, они ознакомили меня съ крѣпостью, съ возводимыми передъ нею фортами и съ довольно мизернымъ городомъ, представлявшимъ нѣкоторое оживленіе потому, что въ немъ находились тогда части 4-го корпуса, шедшаго на усиленіе дѣйствующей арміи, съ которою мы, такъ сказать, соприкоснулись впервые.

Ровно въ полночь, съ 13 на 14 мая, мы сѣли на брестокіевскую желѣзную дорогу и въ 6 часовъ слѣдующаго утра высадились на станціи Рожище, гдѣ насъ уже ожидали высланные изъ Луцка экипажи. Сдѣлать это было возможно потому, что слѣдовавшіе впереди штаба полки 2-й бригады двумя днями ранѣе насъ вступили въ Луцкъ. Первая же моя бригада въ то же время заняла лагерь подъ Житомиръ.

Непривлекательною показалась намъ предстоявшая стоянка, хотя и нѣльзя сказать, чтобы видъ города издали былъ дуренъ. Развалины древней, когда-то знаменитой крѣпости, старинной, готической архитектуры костель, руины православнаго храма, по преданію временъ Владимира Святого, новый

еще неосвященный тогда соборъ, — все это, расположенное на возвышенномъ берегу рѣки Стыри и окаймленное съ запада довольно большимъ озеромъ, представлялось красивымъ. Но красоту общаго вида мы оцѣнили потомъ, а теперь, проѣзжая по кривымъ закоулкамъ жидовскихъ мазанокъ и лавченокъ, ожидали, что и квартиры наши будутъ въ томъ же родѣ. Къ счастью оказалось противное. Жидовскія лачуги гнѣздились вдоль шоссе, по главной улицѣ, а въ сторонѣ отъ нея, въ видѣ отдѣльныхъ усадебъ, оказалось нѣсколько опрятныхъ и удобныхъ домовъ шляхты и мѣстныхъ чиновниковъ. Каждый изъ такихъ домовъ имѣлъ чистенькій дворъ и за нимъ садъ. Въ нихъ-то и были наняты намъ квартиры, посланнымъ впередъ офицеромъ.

Въ домѣ, занятомъ для чиновъ штаба, могли помѣститься вмѣстѣ со мною: начальникъ штаба, одинъ изъ адъютантовъ и оба мои ординарца. Но первый, какъ человекъ со средствами, нанялъ себѣ по близости другую квартиру. Совмѣстная жизнь съ молодежью нисколько не стѣсняла меня, а напротивъ, кромѣ нѣкотораго развлечения, давала возможность еще ближе узнать характеръ и способности каждаго. Я имѣлъ три отдѣльныя комнаты — для спальни, кабинета и пріемной и, кромѣ того, общую столовую, въ которую, въ опредѣленный часъ, собирались всѣ чины штаба для обѣда и ужина, а жившіе со мною и для чая. За столовою шли комнаты моихъ сожителей, изъ которыхъ старшему было не болѣе 23 лѣтъ. Командиръ 2-й бригады генералъ Вадимъ Денисовичъ Давыдовъ (сынъ знаменитаго партизана), командиръ полка Кусовъ, доктора: Соловьевъ, Кунаховичъ и Гринкругъ квартировали по сосѣдству. Два послѣдніе и нѣкоторые изъ офицеровъ взяли съ собою женъ, что давало возможность пользоваться дамскимъ обществомъ.

На третій день по водвореніи въ Луцкѣ, я получилъ телеграмму изъ Кіева, о проѣздѣ Государя по бресто-кіевской дорогѣ въ дѣйствующую армію, причемъ начальникамъ отдѣльныхъ частей разрѣшалось выѣхать на станціи продолжительныхъ остановокъ Царскаго поѣзда. Ближайшею къ нашей стоянкѣ станціею была указана Щепетовка, гдѣ былъ назначенъ обѣдъ. На основаніи этого извѣщенія, я, съ начальникомъ штаба, генераломъ Давыдовымъ и командиромъ Псковскаго полка, выѣхалъ рано утромъ на станцію Киверцы, откуда мы

проѣхали по желѣзной дорогѣ въ Щепетовку. Тамъ часа три ждали проѣзда, вмѣстѣ съ прибывшими мѣстными властями, сильно суетившимися, чтобы собравшійся изъ деревень народъ не переступалъ за устроенные у платформы барьеры.

Ровно въ 4 часа подходилъ Царскій поѣздъ. Государь, увидя насъ изъ вагона, изволилъ выйти на платформу.

— Ты какимъ образомъ здѣсь? спросилъ онъ меня, давая руку.

— Дивизія въ лагерѣ у Луцка и Житомира, отвѣчалъ я, и мы воспользовались возможностью представиться Вашему Величеству.

— Здравствуй, толстякъ, здравствуй Кусовъ, — продолжалъ Государь, взглядывая на Давыдова и Кусова, — знакомыя все лица; очень радъ васъ видѣть. Ну, что у тебя, все благополучно?

Я отвѣтилъ, что все, благодаря Бога, хорошо.

— А все-ли готово на случай, если придется идти дальше?

— Въ экстренномъ случаѣ можемъ выступить по первому приказанію, а мелкіе недостатки постараемся пополнить въ теченіи лагеря.

Послѣ вопросовъ: давно ли пришли, удобенъ ли лагерь, сколько больныхъ и проч., Государь подошелъ къ стоявшему за барьеромъ народу и, сказавъ нѣсколько словъ собравшимся волостнымъ старшинамъ, вошелъ въ вагонъ. Было замѣтно, что Его Величество озабоченъ и утомленъ.

Поѣздъ оставался на станціи около получаса. Въ числѣ выходившихъ на платформу лицъ свиты, всѣ замѣтили юнаго офицера, въ кителѣ, прохаживавшагося съ однимъ изъ молодыхъ флигель-адъютантовъ. На вопросъ, кто онъ? — мнѣ отвѣтили, что это племянникъ Императрицы, принцъ Баттенбергскій. Можно ли было тогда думать, чтобы этотъ мальчикъ могъ потомъ сдѣлаться княземъ Болгарскимъ, взбаломутившимъ Европу, и что за всѣ сдѣланныя ему благодаренія, онъ отплатитъ такою черною неблагодарностью.

Желаніе узнать что-либо о будущемъ назначеніи дивизіи заставило меня принять предложеніе генерала Салтыкова, спросившаго не хочу ли я видѣть военнаго министра?

Черезъ нѣсколько минутъ министръ вышелъ на платформу.

Послѣ свойственныхъ ему привѣтовъ, я спросилъ его:

Изъ Прошлаго.

— Позвольте узнать, имѣть ли мнѣ въ виду, что дивизія вскорѣ будетъ двинута къ границѣ, или она все лѣто предстоитъ на мѣстѣ?

— А почему это васъ такъ интересуесть?

— Потому, что если имѣется въ виду первое, то полки займутся исключительно скорѣйшимъ окончаніемъ курса стрѣльбы и я усилю занятія съ призывными, сниму лошадей съ травы и т. д. Если же останемся въ кievскомъ округѣ, то поведу занятія по программѣ мирнаго времени.

— Такъ и ведите. Объ усиленіи дѣйствующей арміи нѣтъ рѣчи, да я думаю, что въ этомъ не будетъ надобности и въ будущемъ.

Извѣстно, что подобное заключеніе оказалась потомъ невѣрнымъ. Разговоръ нашъ можетъ быть и продолжался бы, если бы его не прервалъ вышедшій изъ вагона князь Суворовъ. Онъ быстро подошелъ къ намъ съ слѣдующею, обращенною ко мнѣ фразою:

— Какъ вы смѣли оставить 18-ю дивизію и принять другую ¹⁾?

Принявъ эту рѣзкость за шутку, чѣмъ она и была въ дѣйствительности, я отвѣчалъ, что оставилъ 18-ю дивизію не по своей волѣ; неужгодно ли спросить объ этомъ вотъ кого, — причемъ указалъ на министра.

Не обращая вниманія на это указаніе, князь тѣмъ же тономъ продолжалъ:

— Да, помилуйте! отдать эту отличную дивизію и кому же, сыну еврейки! Развѣ можетъ быть что-нибудь путное отъ жи-довки? Съ этими словами Суворовъ быстро отошелъ къ проходившему мимо насъ князю Горчакову.

— Болтунъ! пустилъ ему вслѣдъ, съ улыбкою, министръ, отходя къ своему вагону.

Между тѣмъ министръ иностранныхъ дѣлъ, подъ руку съ

¹⁾ Дабы читатели знали причину столь неперемоннаго вопроса, необходимо пояснить, что въ составъ 18-й дивизіи входилъ Рязскій полкъ, шефомъ котораго былъ Суворовъ. Незадолго передъ войною праздновался пятидесятилѣтній юбилей службы князя, и тогда я былъ во главѣ депутаціи этого полка, подносившей своему шефу альбомъ; да и прежде того мы, съ давнихъ поръ, были знакомы другъ другу и часто встрѣчались.

княземъ Суворовымъ, гулялъ по платформѣ. Противъ спущеннаго окна Государева вагона, Горчаковъ, подходя къ одной изъ стоявшихъ въ толпѣ старухъ, спрашиваетъ ее:

— Скажи, бабушка, кто изъ насъ красивѣе, я или вотъ этотъ великанъ?

Старуха съ улыбкой указала на Суворова.

Въ это время послышался голосъ стоявшаго у окна Государя:

— О чемъ вы тамъ балагурите? спрашиваетъ онъ по-французски.

— У нея дурной вкусъ, Ваше Величество, отвѣчаетъ Горчаковъ, — увѣряетъ, что Суворовъ красивѣе меня.

Черезъ 5 минутъ Царскій поѣздъ несея далѣе, а мы сѣли въ задержанный на запасномъ пути пассажирскій, шедшій къ Бресту, и поздно вечеромъ возвратились въ Луцкъ.

Отвѣтъ, данный министромъ на мой вопросъ о томъ, можемъ ли мы ожидать движенія къ границѣ, опечалилъ офицеровъ. Неужели, думали они, всѣ наши мечты о войнѣ, всѣ наши труды, разлука съ семействами, испытанные проводы и возлагаемые при этомъ на насъ надежды, будутъ имѣть въ результатъ монотонную стоянку въ лагерѣ подъ Луцкомъ? „Въ такомъ случаѣ, говорила молодежь, ужъ лучше бы было идти опять на Ходынку ¹⁾. Тѣ, кто постарше и опытнѣе, не очень вѣрили въ пророчество о томъ, что не будетъ надобности усиливать дѣйствующую армію.

Кромѣ извѣстій объ отдѣльных подвигахъ нашихъ моряковъ, оттуда не сообщалось ничего особеннаго и, вмѣсто съ нетерпѣніемъ ожидаемаго извѣстія о переправѣ черезъ Дунай, корреспонденты пробавлялись описаніемъ устройства санитарныхъ станцій, жизни въ Бухарестѣ, да продѣлокъ агентовъ пресловутаго товарищества продовольствія арміи. Не было газеты, въ которой по пяти разъ въ день не повторялась бы стереотипная фраза „намъ пишутъ изъ Плоэшти“. Это до такой степени надоѣло, что вошло въ поговорку, и если кто-либо начиналъ рассказывать что-нибудь всѣмъ извѣстное, то

¹⁾ Такъ войска Московскаго округа называютъ лагерь, расположенный на Ходынскомъ полѣ.

его останавливали словами: „Ну, это тоже—намъ пишутъ изъ Плоэшти...“

Къ полкамъ, состоявшимъ въ Луцкомъ лагерѣ, вскорѣ по ихъ вступленіи, былъ присоединенъ одинъ изъ казачьихъ полковъ 2-й очереди ¹⁾. Онъ состоялъ преимущественно изъ пожилыхъ людей, да и командовавший имъ полковникъ тоже видалъ виды. Это былъ человѣкъ лѣтъ 50, сѣдой, коренастый, еще въ крымскую компанію составившій себѣ репутацію лихаго рубаки, но не чуждый общихъ казачьихъ замашекъ. Въ дѣлѣ службы для него не существовало ничего невозможнаго, на все были готовы отвѣты и доводы, но были-ли они вѣрны—это другой вопросъ. Является онъ ко мнѣ въ день прибытія полка. Послѣ нѣсколькихъ обычныхъ вопросовъ о составѣ полка и его размѣщеніи, о числѣ офицеровъ и проч., я говорю ему:

— Мнѣ бы хотѣлось, полковникъ, видѣть вашъ полкъ въ полномъ составѣ; когда вы можете представить его?

— Когда прикажете.

— Но я не желалъ-бы тревожить людей, раньше чѣмъ они устроятся и кони отдохнутъ съ похода, вотъ почему я спрашиваю, когда вамъ удобнѣе?

— Намъ все равно-съ; когда прикажете.

— Какъ все равно? Вѣдь надо-же прибраться самимъ и возлѣ лошадей, надо устроить кухни, конюшни. Такъ-ли?

— Точно такъ.

— Ну такъ какъ-же?

— Когда прикажете.

— Повторяю вамъ, что мнѣ все равно; я хочу знать ваше мнѣніе.

— И намъ все равно-съ.

— Да вѣдь вы только что согласились, что полку надо устроиться и оправиться отъ похода.

— Такъ точно.

— А теперь говорите что все равно. Скажите-же мнѣ, наконецъ, когда я могу видѣть полкъ?

¹⁾ Донскіе полки, въ отношеніи призыва на службу, раздѣляются на 3 очереди, по опредѣленному числу полковъ въ каждой. Первая очередь была призвана при первой мобилизаціи, въ ноябрѣ 1876 года, а 2-я—вмѣстѣ съ нашею апрѣльской мобилизаціею.

— Когда прикажете.

Это наконецъ раздосадовало меня и я рѣзко сказалъ ему, что буду подробно смотрѣть полкъ черезъ 4 дня.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ полковникъ, и затѣмъ прибавилъ: прикажете идти?

— Можете,—оставалось отвѣтить ему.

Потомъ мы встрѣтились съ этимъ оригиналомъ въ Турціи. Когда я припомнилъ ему нашъ разговоръ въ Луцкѣ и спросилъ, почему онъ такъ упорно не хотѣлъ назначить дня для смотра, онъ отвѣчалъ:

— Тогда, ваше превосходительство, я еще не зналъ васъ, потому на все и отвѣчалъ—„какъ прикажете“. Это меня всегда выручало на службѣ. Если я самъ назначу день, да выйдетъ плохо, меня могутъ попрекнуть,—„самъ дескать вы-звался“.

Осмотрѣвъ устройство лагеря и направивъ занятія полковъ по составленному мною росписанію, я считъ нужнымъ стѣздить въ Кіевъ, представиться командующему войсками и познакомиться съ лицами окружнаго штаба. Съ личностью генерала Дрентельна я уже былъ знакомъ еще въ бытность его въ Финляндскомъ полку, а затѣмъ во время командованія имъ 1-й гвардейской дивизіей. Я зналъ, что это человѣкъ, до тонкости знающій строевое дѣло и войсковое хозяйство, а потому способный вѣрно оцѣнить служебный трудъ и отличить достоинства каждой части, а это такъ важно въ старшихъ начальникахъ. Въ это время въ Кіевъ только что прибыла 2-я дивизія изъ Казани. Генералъ Дрентельнъ смотрѣлъ ее по полкамъ. Чтобы ближе ознакомиться съ его требованіями, я отправился на одинъ изъ этихъ смотровъ. Тутъ я убѣдился, что главное вниманіе обращается на порядокъ и тишину строя, что въ требованіяхъ генерала нѣтъ ни излишняго педантизма, ни придиричivosti. Слухи о томъ, что онъ имѣетъ особую манеру, въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, дѣлать чувствительныя замѣчанія, оправдались. При прохожденіи обоза, на одномъ изъ патронныхъ ящиковъ не оказалось шанцевого инструмента, на другомъ, вмѣсто опредѣленнаго числа, было подвязано 3; на третьемъ 5, а тамъ опять ничего.

Остановивъ прохожденіе, генералъ подзываетъ съ себѣ за-вѣдывающаго хозяйствомъ и очень покойно спрашиваетъ его:

— Скажите, подполковникъ, по какому случаю у васъ не вездѣ уложенъ шанцевый инструментъ по положенію?

Подполковникъ молчитъ.

— Отвѣчайте, когда васъ спрашиваютъ.

— Не успѣли уложить, ваше превосходительство.

— Что? Повторите, какъ вы сказали?

— Не успѣли уложить.

— Извините меня, не успѣть вы не могли, потому, что, во-первыхъ, о моемъ смотрѣ полкъ былъ предупрежденъ за 6 дней, а во-вторыхъ—если вы успѣли подвязать 5 вещей, то могли уложить и 10. И такъ ясно, что не въ этомъ дѣло. Замѣтите, что я требую того, что должно быть исправно во всякое время, а тѣмъ болѣе собираясь на войну. Зачѣмъ же вы на себя клеветеете?

Оправдываться было трудно. Бѣдный подполковникъ со-всѣмъ сконфузился. Послѣдовала пауза, послѣ которой генераль продолжалъ:

— Позвольте дать вамъ добрый совѣтъ. Очень можетъ быть, что въ недостаткѣ въ полку шанцеваго инструмента виноваты не вы, а кто-нибудь другой, а вы взводите на себя вину и говорите что не успѣли. Согласитесь, что это вѣдь неправда. Скажали-бы: позабыли или полѣнились осмотрѣть. Никогда не слѣдуетъ говорить неправду, хотя бы и на самого себя.

Изъ лицъ окружнаго штаба ближе другихъ я сошелся съ интендантомъ Сарычевымъ и начальникомъ штаба Черкесовымъ. Это были въ полномъ смыслѣ люди дѣла, въ высшей степени обязательные, хотя при своей серьезности, по первому впечатлѣнію и не казались такими. Собранныя мною отъ нихъ свѣдѣнія о будущемъ назначеніи дивизіи сводились къ тому, что намъ предстоитъ провести зиму на Волыни.

Кіевское начальство смотрѣло на наше прибытіе изъ Московскаго округа, какъ на мѣру, предпринятую для охраненія края, не столько въ военномъ, сколько въ политическомъ отношеніи. Для этого мнѣ было приказано высылать изъ Луцкаго лагеря двѣ подвижныя колонны, по одной ротѣ въ каждой, въ сосѣдніе съ Австріею уѣзды, съ такимъ расчетомъ, чтобы эти роты, послѣ 5 дней движенія въ различныхъ направленіяхъ, возвращались въ лагерь и въ тотъ же день выступали бы слѣдующія 2 роты. Подобныя прогулки были полезны

только въ томъ отношеніи, что приучали ротныхъ командировъ, не бывшихъ въ походахъ и не двигавшихся иначе какъ по рельсамъ, къ нѣкоторой самостоятельности и распорядительности. По возвращеніи ротъ, я требовалъ ихъ командировъ къ себѣ, для личнаго мнѣ доклада о всемъ замѣченномъ. Это ближе знакомило меня и съ ними и съ краемъ. Передаваемое ими сводилось къ слѣдующему:

Народонаселеніе въ достаткѣ, хотя и подъ сильнымъ гнетомъ еврейства. Не зная дѣли появленія ротъ и ихъ переходовъ по проселкамъ, изъ мѣстечка въ мѣстечко, жители съ недоумѣніемъ смотрѣли на солдатъ, особенно когда узнавали, что они пожаловали съ береговъ Волги, о которой тамошній народъ слыхалъ только въ сказкахъ. Мѣстныхъ властей, за исключеніемъ двухъ-трехъ урядниковъ, офицеры нигдѣ не видали; а если гдѣ случалось проходить мимо станowychъ квартиръ и волостныхъ правленій, то ихъ principals не считали нужнымъ заявлять о своемъ присутствіи. Двумъ ротамъ довелось находиться въ базарные дни въ мѣстечкахъ, отстоявшихъ верстахъ въ 3—4 отъ границы. Офицеры были очень удивлены, видя тамъ группы австрійскихъ солдатъ, разгуливавшими по площади, какъ у себя дома. Интересно было бы знать, позволили бы австрійскія власти нашимъ солдатамъ, такъ же свободно расхаживать по ту сторону пограничной черты? Раза два мнѣ самому случилось встрѣчать, даже въ Луцкѣ, въ 70 верстахъ отъ Галиціи, нѣсколькихъ военныхъ, нашей сосѣдки. Одѣты они были въ мундиры; но были ли это нижніе чины, или переодѣтые офицеры, узнать было трудно. На вопросъ почему они здѣсь, всегда получался общій отвѣтъ, что они въ отпуску у окрестныхъ помѣщиковъ. Разъ я поинтересовался спросить мѣстнаго исправника, извѣстно ли полиціи кто эти иностранцы и почему они пользуются правомъ свободного пребыванія въ нашихъ предѣлахъ, и получилъ такого рода отвѣтъ:

— Да у насъ такъ ведется съ давнихъ поръ, потому что многіе родственники здѣшнихъ помѣщиковъ служатъ въ австрійскихъ войскахъ.

— Можетъ быть это вовсе не родственники, а просто переодѣтые агенты, являющіеся узнать сколько у насъ войскъ на границѣ и гдѣ именно.

— Конечно и это возможно—продолжалъ исправникъ,—да какъ-то неловко разузнавать, разъ что помѣщикъ заявилъ, что это его швагеръ или пріятель.

О, простота и халатность!—подумалось мнѣ.

При описываемой поѣздкѣ въ Кіевъ, мнѣ впервые представился случай поклониться дорогому для меня праху старшаго моего брата, за годъ передъ тѣмъ перевезенному изъ Харькова и похороненному на берегу Днѣпра, въ склепѣ храма, стоящаго на мѣстности, называемой „Аскольдова могила“. Подъ впечатлѣніемъ воспоминаній о давно минувшемъ, мнѣ приходило на мысль, что будь братъ живъ, его мѣсто вѣроятно было бы не на посту командующаго войсками въ Харьковѣ, а на берегахъ Дуная. Тогда же припомнилось мнѣ, какъ за 17 лѣтъ передъ войною, покойный братъ, видѣвшій дѣйствія моего стрѣлковаго баталіона на маневрахъ, говорилъ мнѣ въ Ропшѣ: „тебѣ Богъ далъ смѣкъ и быстроту взгляда въ полѣ,—практикуй и береги ихъ. Они дороже многого, что писано въ книгахъ и читается съ каедръ. Когда-нибудь эти свойства сослужатъ тебѣ службу“.

Возвращаясь изъ Кіева, я изъ Бердичева свернулъ по почтовой дорогѣ въ Житомиръ, гдѣ стояла лагеремъ 1-я моя бригада, подъ командою крайне болѣзненнаго генерала Коноплянскаго, бывшаго моего товарища по мѣсту воспитанія. Подробно осмотрѣвъ полки, я нашелъ ихъ неотставшими отъ 2-ой бригады, стоявшей на моихъ глазахъ, только стрѣльба была нѣсколько слабѣе. Въ Житомирѣ я впервые познакомился съ тамошнимъ губернаторомъ Грессеромъ, бывшимъ въ то время статскимъ.

Сѣвъ въ вагонъ шедшаго къ Бресту поѣзда, я развернулъ купленные въ Бердичевѣ газеты, изъ которыхъ узналъ о только-что совершившейся переправѣ нашихъ войскъ у Галаца. Эта новость была мнѣ вдвойнѣ радостна: во-первыхъ,—какъ первый серьезный успѣхъ кампаніи, а во-вторыхъ,—какъ подвигъ совершенный дивизіею, которою я командовалъ болѣе 7 лѣтъ и сдалъ всего годъ назадъ. Не скрою, что отчасти и дурное чувство промелькнуло во мнѣ въ эти минуты. Мнѣ было досадно, что другой пользуется тѣмъ, что мною посѣяно. Семь лѣтъ я работалъ въ 18 дивизіи, съ мыслию, что когда-нибудь самъ поведу ее въ дѣло. При мнѣ въ ней готовился тотъ

составъ ротныхъ командировъ и офицеровъ, которые теперь такъ славно показали себя. Много сердечнаго труда и участія было вложено въ это подготовленіе; въ 7 лѣтъ моего начальствованія перемѣнился весь прежній составъ полковъ, всѣ нижніе чины при мнѣ начали свою службу, такъ что я смѣло могъ сказать, что эта дивизія была воспитана и обучена мною.

Читая официальную реляцію и подробности галацкой переправы, мнѣ, какъ теперь видились тѣ офицеры Рязанскаго и Ряжскаго полковъ, которые названы какъ особенно отличившіеся. Въ огнѣ было только по 5 ротъ каждаго полка. Если принять во вниманіе относительную численность сражавшихся, сравнить естественныя преграды, встрѣченныя при высадкѣ, и вспомогательныя средства, то переправа у Галаца, въ смыслѣ подвига, нисколько не уступаетъ Систовской. Здѣсь переправлялось всего 10 ротъ безъ артиллеріи и защищало переправу 4,000 турокъ, имѣвшихъ кавалерію и орудія, а ширина Дуная была, вмѣстѣ съ разливомъ, болѣе 4 версты. У Систова брала переправу полная дивизія, ширина рѣки не превышала полуторы версты, средства посадки и перевозки и сравнивать нечего: полное содѣйствіе береговыхъ батарей, понтоны, множество лодокъ, высадка орудій одновременно съ пѣхотою и въ резервѣ двѣ свѣжія дивизіи. У Галаца же, кромѣ русла рѣки, надо было проплыть плавни, до подошвы Буджакскихъ возвышенностей. На этомъ пространствѣ, сплошь покрытомъ камышами въ ростъ человѣка, лодки останавливались, работа веслами была невозможна, отталкивались баграми, а мѣстами люди, по грудь въ водѣ, тащили лодки на лямкахъ, падая и увязая въ илистой почвѣ,—и все это подъ пулями изъ ложементовъ, покрывавшихъ въ нѣсколько ярусовъ ближайшія возвышенности.

Не могу не упомянуть въ моихъ воспоминаніяхъ о тѣхъ бывшихъ моихъ сослуживцахъ Рязанскаго и Ряжскаго полковъ, которые при мнѣ вышли изъ училищъ, при мнѣ прошли младшіе оберъ-офицерскіе чины, и теперь стали во главѣ ротъ, совершившихъ славное дѣло, 10 іюня, у Буджака. Вотъ имена особенно отличившихся представителей 18-й дивизіи моего времени: подполковникъ Акинфѣевъ, капитанъ Ключенко, штабсъ-капитанъ Кириловъ, поручикъ Эльснеръ, первымъ вступившій на турецкую землю и тутъ же раненый, и поручикъ Кюрто.

Затѣмъ помяну павшихъ въ бою—поручика и прапорщика Васильевыхъ и прапорщика Никольскаго. Личность послѣдняго заслуживаетъ, чтобы сказать о ней подробнѣе. Только за годъ до войны, Никольскій, будучи кандидатомъ московскаго университета, поступилъ вольноопредѣляющимся въ Ряжскій полкъ. Какъ теперь вижу его, черезъ недѣлю по вступленіи, дневальнымъ по лагерной линейкѣ: невзрачный, худой, со впалой грудью, не имѣющій средствъ сшить себѣ собственнаго мундира, въ старомъ, пригнанномъ на него солдатскомъ; увидя меня, онъ вытянулся и подбодрился сколько могъ, не замѣчая, что представляетъ изъ себя смѣшную фигуру. На выраженное мною сомнѣніе—выдержитъ ли онъ трудности военной службы, онъ отвѣтилъ коротко: „надѣюсь и постараюсь“. Черезъ три мѣсяца онъ былъ произведенъ въ офицеры; а при зимнемъ приѣздѣ моемъ въ Козловъ, гдѣ стоялъ Ряжскій полкъ, я уже слушалъ въ офицерскомъ собраніи докладъ Никольскаго, о данной ему тактической задачѣ, ясно доказывавшій, что въ теченіи перваго полугода своей службы, онъ вполне усвоилъ себѣ тѣ военныя познанія, которыя обязательны для офицера, и ознакомился съ лучшими военно-историческими сочиненіями. Вообще это была личность, одаренная какою-то особенною любовью къ военному дѣлу. При переправѣ онъ палъ вмѣстѣ съ десяткомъ своихъ солдатъ, окруженный толпою налетѣвшихъ на нихъ черкесовъ. Своею геройскою смертію, они исторгли временной успѣхъ изъ рукъ непріятеля. Ближайшія къ этой свалкѣ роты, видя, какъ турки отрубали головы ихъ товарищей и, схвативъ за волосы, швыряли, какъ мячи, въ нашу сторону, пришли въ такую ярость, что безъ команды, сами бросились впередъ, и тутъ ужъ никому не дали пощады. Вся линія, въ виду натиска мстителей за своего офицера, примкнула къ нимъ и какъ лава ринулась съ такою силою, противъ которой ничто устоять не могло.

По возвращеніи въ Луцкъ, офицеры дивизионнаго штаба встрѣтили меня радостнымъ извѣстіемъ о совершившейся, 15 іюля, переправѣ главныхъ силъ у Систова. Съ жадностію читали мы въ газетахъ описаніе этого подвига, а получаемыя вслѣдъ за тѣмъ телеграммы о занятіи Тырнова, о взятіи Никополя и объ успѣхахъ генерала Гурко за Балками, хотя и радовали насъ, но въ то же время возбуждали зависть, затѣмъ

все это совершается безъ нашего участія. По мѣрѣ полученія этихъ извѣстій, болѣе и болѣе ослабѣвала наша надежда попасть въ составъ дѣйствующей арміи. Намъ казалось, что такъ пойдетъ побѣда за побѣдой, и что сказанное мнѣ въ Кіевѣ, о возможности простоять зиму на Волини, оправдывается. Увлеченные вѣстями о безостановочномъ фронтальномъ наступленіи 8 корпуса, мы забыли, что у всякаго фронта есть фланги, и что необходимо было подумать въ какой мѣрѣ они обезпечены.

Покорившись грустной долѣ заниматься во время войны тѣмъ же, чѣмъ мы занимались много лѣтъ на учебныхъ поляхъ, я, вмѣсто составленія диспозицій для боя, составлялъ росписанія занятій стрѣльбою и предположеній для малыхъ маневровъ. Во время этихъ вполне мирныхъ занятій, получена была мною изъ Рязани, отъ преосвященнаго Палладія (нынѣ епископа Грузія) икона Божіей Матери, какъ благословеніе на брань. Меня тронуло подобное вниманіе и память о нашемъ знакомствѣ, во время совмѣстной жизни въ Тамбовѣ. Хотя какъ эта икона, такъ и полученная въ Нижнемъ отъ архіепископа Іоаннікія, были вручены лично мнѣ, но какъ онѣ, во время войны, осѣняли своею благодатью тѣхъ, кто совершалъ и своею кровью запечатлѣвалъ дарованныя моимъ полкамъ побѣды, то я смотрѣлъ на нихъ, какъ на принадлежащія дивизіи, а потому, расставаясь съ нею, передалъ ихъ дивизионному штабу, гдѣ, надѣюсь, онѣ хранятся какъ святыни, свидѣтельствующая о подвигахъ 3-й дивизіи.

Лагерныя занятія съ одною бригадою оставляли достаточно свободнаго времени; надо было подумать и о томъ, чтобы доставить какое-либо развлеченіе окружающей меня молодежи. Мѣстное общество представляло для этого весьма мало данныхъ. Единственнымъ домомъ, гдѣ могли собираться офицеры, было семейство исправника Лебедева, большаго хлѣбосола и охотника что-либо устранивать. Онъ жилъ на концѣ города, возлѣ лагеря, занимая цѣлую усадьбу, съ надворными флигелями и огромнымъ садомъ. Въ флигеляхъ помѣщались всѣ артиллерійскіе офицеры и ихъ почтенный бригадный командиръ, полковникъ Золотухинъ, о которомъ мнѣ не разъ придется говорить въ моихъ воспоминаніяхъ.

Въ окрестностяхъ Луцка оказалось нѣсколько колоній че-

ховъ и фабрикъ, расположенныхъ въ красивыхъ мѣстностяхъ. Пользуясь прекрасными лѣтними вечерами, мы устраивали то въ одномъ, то въ другомъ изъ загородныхъ мѣстъ прогулки, а иногда и пикники съ танцами, и дни за днями проходили незамѣтно.

Немалое развлеченіе доставляли молодежи различныя продѣлки съ евреями, которые повадились обращаться ко мнѣ со всевозможными просьбами и кляузами. Первое время не было отбоя отъ просителей и просительницъ, толпившихся у крыльца съ прошеніями, не имѣвшими никакого отношенія съ дѣятельностью начальника дивизіи. Увѣщанія и увѣренія въ томъ, что я не имѣю ничего общаго съ уѣздной администраціей, не дѣйствовали. Ицки и Мокши не могли отрѣшиться отъ мысли, чтобы генераль не представлялъ собою власти на все и на всѣхъ. Приставанья ихъ наконецъ до того всѣмъ надоѣли, что штабная молодежь рѣшила отвести надоѣдливыхъ израильтей какимъ-нибудь болѣе дѣйствительнымъ средствомъ. Въ одинъ прекрасный день, шалуны прапорщики и поручики приказали вѣстовымъ, помимо моего вѣдома, направлять жидовъ на ихъ крыльцо. Проситель со страхомъ и надеждой входилъ въ переднюю, воображая сейчасъ предстать предъ лицо „пана енарала“. Подговоренный заранѣе деньщикъ, съ важностью отбиралъ прошенія;—черезъ нѣсколько минутъ дверь отворялась и, вмѣсто пана-генерала, жидъ видѣлъ полдесятокъ молодыхъ офицеровъ, какъ-бы засѣдающихъ въ присутственномъ мѣстѣ. Затѣмъ происходила слѣдующая сцена:

— Ты подаль прошеніе на имя генерала?

— Такъ точно, ясновельможне.

— Какъ же ты смѣешь, такой-сякой, лѣзть со всякимъ вздоромъ? Вѣдь васъ тутъ цѣлыя двѣ недѣли со двора гоняютъ. Какое дѣло генералу до вашихъ дрягъ.

— Что же вы это говорите, чтобъ енаралу не было дѣла, когда онъ енараль.

— Не разсуждать! За то, что ты противузаконно подаль прошеніе,—будешь сейчасъ наказанъ. Вѣстовой!

Обомлѣвшаго просителя безцеремонно запирали въ чуланъ и затѣмъ, черезъ пять минутъ, торжественно объявляли приговоръ. Наказанія при этомъ раздѣлялись, смотря по степени

вины, на два разряда: если вина была невелика, то жидъ долженъ былъ, въ теченіи извѣстнаго срока, при помощи деньщика, выучить наизусть названія всѣхъ четырехъ полковъ дивизіи. Когда деньщикъ приходилъ докладывать, что „жидъ затвердилъ“, то его опять вводили и трибуналъ школьничавшихъ, переважно выслушивалъ безсвязный лепетъ дрожавшаго отъ страха еврея.

— Ну, называй полки по порядку.

— Девятого пехотнаго Старогерландскаго полка. Одинадцато Псковскаго отъ фитмаршалка князе Кутузовскій и Смоленскаго полка...

Болѣе строгая мѣра наказанія состояла въ томъ, что жидъ долженъ былъ простоять довольно долго въ какой-нибудь особенной позѣ, передъ однимъ изъ адъютантовъ, Байковымъ, пока тотъ рисовалъ съ него этюдъ. Къ концу стоянки, у Байкова составила довольно большая коллекція прекрасно схваченныхъ еврейскихъ типовъ.

Не меньшимъ развлеченіемъ молодежи были, такъ называемые ею, жидовскіе разводы съ церемоніей. Для этого компанія шалуновъ отправлялась въ ряды еврейскихъ лавочекъ. Войдя въ одну изъ нихъ, они молча осматривали ея стѣны и, не говоря ни слова, выходили. Хозяинъ и вся его семья, обыкновенно торчащая въ лавкѣ или у ея двери, съ крикомъ кидалась за выходившими.

— Господа офицеры! Пожалуйста, для чего уходите? Што-же вамъ угодно?

Офицерство такъ же серьезно и безмолвно входило въ слѣдующую лавку, гдѣ повторялось то же самое. Послѣ трехъ-четырехъ подобныхъ посѣщеній, вся узкая улица наполнилась торговцами и торговками, кричавшими на всѣ тоны:

— Скажите, господа, что нужно.

— Просимъ къ намъ, панове, у насъ все есть.

Гвалтъ усиливался выбѣгавшими изъ лавокъ еврейками. Каждому хотѣлось заманить къ себѣ покупателей. Но тѣ, храня мертвое молчаніе, двигались впередъ, а впереди и сзади ихъ, толкая другъ друга, тѣснилась цѣлая процессія. Затѣмъ шалуны неожиданно останавливались и громко произносили поочереди: „Свининой торгуете? Есть колбасы, есть окорокъ?“

Только тогда евреи догадывались въ чемъ дѣло и, понемногу отступая, робко и съ укоромъ произносили: „Чи это благородно? Ай, ай, ай! Чи это по-дворянски?“

По сдѣланному въ моей семьѣ еще въ Нижнемъ условію, было положено, что находившійся при мнѣ въ Луцкѣ второй сынъ, въ началѣ іюля, возвратится къ матери, а вмѣсто него прійдетъ старшій. На этомъ основаніи, въ началѣ іюля я самъ отвезъ младшаго въ Брестъ, откуда онъ въ тотъ-же день вечеромъ сѣлъ въ вагонъ московскаго поѣзда.

Во время моего двухсуточного отсутствія изъ Луцка, скончался, послѣ долгой болѣзни, дивизионный врачъ Соловьевъ. При послѣднемъ нашемъ свиданіи, какъ бы предчувствуя близкій конецъ онъ говорилъ мнѣ: „Странно устроила судьба! 40 лѣтъ назадъ въ Луцкѣ я началъ мою службу, поступивши изъ академіи врачомъ въ конную батарею, и здѣсь-же кончаю ее“. Не только чины штаба, но и офицеры полковъ сочувственно отнеслись къ этой потерѣ; для меня-же она была тѣмъ чувствительнѣе, что надо было ожидать назначенія дивизионнымъ докторомъ человѣка со стороны, ни мнѣ и никому неизвѣстнаго. Надѣяться на то, чтобы на мѣсто умершаго назначили кого-либо изъ полковыхъ врачей, — было трудно, потому что они были далеко не изъ старшихъ; но я попробовалъ попытаться, написалъ письма медицинскимъ властямъ въ Кіевъ и Петербургъ, прося назначить доктора Великолукскаго полка Кунаховича, — и мнѣ удалось.

12 іюня, рано утромъ пріѣхалъ мой старшій сынъ и привезъ намъ первое извѣстіе о неудачѣ 5-й дивизіи, 8 числа подъ Плевною.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

1876.

Повелѣніе о походѣ къ границѣ. — Приготовленія. — Неожиданный гость. — Смотръ командующаго войсками. — Посадка на желѣзную дорогу. — Отъ Луцка до Раздѣльной. — Встрѣча съ ранеными въ Жмеринкѣ. — Появленіе интенданта. — День въ Унгенахъ. — Почтовая контора. — Перевѣздъ границы.

Не успѣли мы опомниться отъ произведеннаго первюю неудачею подъ Плевною впечатлѣнія, какъ мнѣ подали депешу такого содержанія: „Высочайше повелѣно 3-ю пѣхотную дивизію направить къ Кишиневу, въ составъ дѣйствующей арміи. Планъ передвиженія получится изъ Главнаго штаба; подробности почтою“.

Нельзя описать того восторга, который вызвала эта телеграмма. Крики „ура!“ собравшихся въ это время къ утреннему чаю чиновъ штаба, огласили улицу. Всѣ они стремглавъ бросились, — одни въ городъ, повѣстить квартировавшихъ тамъ начальниковъ, другіе понеслись верхами въ лагерь. Тѣ и другіе передавали по пути радостную вѣсть всякому встрѣчному — крестьянамъ на базарѣ, солдатамъ, евреямъ: „Походъ, походъ! Идемъ за Дунай!“ кричали они. Услыша эти крики, бывшіе въ лагерѣ на ученьи роты моментально были распущены, а находившіяся въ палаткахъ выбѣгали на линейки. Всѣ ликovali, бросали на воздухъ шапки, кричали „ура!“ Да и какъ было не радоваться! Вмѣсто скучной стоянки въ жидовскомъ городишкѣ, вмѣсто однообразныхъ занятій, по вѣчно одинаковой программѣ, предстояло испытать то, къ чему каждый изъ насъ готовился съ дѣтства, что составляло стремленіе и цѣль военной карьеры. О предстоящихъ трудахъ, опасностяхъ и лишеніяхъ никто и не думалъ. У всѣхъ и на умѣ и на языкѣ только и были — Дунай, Балканы, Константинополь.

Получа повелѣніе о присоединеніи къ арміи, я немедленно

телеграфировалъ женѣ, что возьму старшаго сына съ собою до Кишинева, а если будетъ можно, то и до Бухареста.

Жизнь въ лагерѣ моментально измѣнилась. Находившимся въ движеніи по уѣздамъ ротамъ приказано было возвратиться, подъемныя лошади сняты съ луговъ, опять началась ихъ пріѣздка, солдаты продавали излишнія вещи, шили бѣлые чахлы на шалки и черезъ день уже щеголяли въ нихъ; говоръ, пѣсни, особенная веселая суетливость, оживленные лица солдатъ и офицеровъ—все это указывало, до какой степени радовала всѣхъ вѣсть о походѣ къ арміи.

Казалось, что съ окончаніемъ мобилизации полки были совершенно готовы; но когда пришлось идти къ границѣ, изъ Кіева посыпались запросы: есть-ли то, есть-ли другое, и оказалось, что о многомъ, введенномъ въ дѣйствующей арміи, мы и не знали. На посланные въ главное и окружное интендантства требованія получены были отвѣты, что одно будетъ выслано на станціи, черезъ которыя намъ предстояло слѣдовать, а другое получится въ Кишиневѣ, но кое въ чемъ и отказывали, ссылаясь, что это слѣдовало требовать въ Москвѣ. Болѣе всего заботило то, что полки не имѣли походныхъ палатокъ. Для нижнихъ чиновъ ихъ дѣйствительно выслали на одну изъ путныхъ станцій, но офицеры такъ и оставались всю кампанію безъ палатокъ.

Въ первыхъ распоряженіяхъ о движеніи къ границѣ было сказано, что дивизія направляется къ Кишиневу; но когда садиться на желѣзную дорогу и кому гдѣ,—объ этомъ предстояло ждать плана передвиженія. Онъ былъ полученъ только 17 іюля, а 18-го, казачьему полку, по этому же плану, слѣдовало уже выступить изъ Луцка на станцію Рожище, гдѣ предстояла посадка и прочихъ частей 2-й бригады. За два дня до этого получена была телеграмма, что 18-го же числа командующій войсками, въ 10 часовъ утра, произведетъ смотръ войскамъ луцкаго лагеря, а затѣмъ пробѣдетъ въ Житомиръ смотрѣть 1-ю бригаду. До того времени никто въ дивизіи, кромѣ меня, не зналъ и не видалъ генераль-адъютанта Дрентельна. Представлялъ части новому начальнику, не зная его взглядовъ и требованій, всегда тревожно, а представлять при этомъ человѣку, слышущему за въ высшей степени знающаго и зоркаго,—еще труднѣе.

Прежде чѣмъ описывать этотъ смотръ, скажу нѣсколько словъ о частномъ эпизодѣ, случившемся со мною въ тотъ же день утромъ. Часовъ въ 8, когда всѣ мои сожителы, чины штаба, уже въ смотровой формѣ, собрались къ чаю, къ столовую входитъ командиръ Великолуцкаго полка.

— Я привелъ къ вашему превосходительству, говорить онъ, одного господина, взятаго въ лагерѣ, не то дезертира, не то шпиона, въ полувоенной формѣ.

Всѣ съ удивленіемъ переглянулись, а я спросилъ, гдѣ же онъ?

— Здѣсь, въ передней, отвѣтилъ полковникъ. Прикажете ему войти?

— Интересно взглянуть, что это за сюжетъ. Пусть войдетъ. Одинъ изъ адъютантовъ отворилъ дверь и удивленный отскочилъ отъ нея. Я привсталъ и, пораженный неожиданностью, снова опустился на стулъ. Передо мною стоялъ второй мой сынъ, пажъ, двѣ недѣли назадъ отправленный изъ Бреста въ Нижній. Въ эту минуту мнѣ вообразилось, что въ моемъ семействѣ случилось какое-нибудь несчастье и его прислали приготовить меня. Я бросился къ нему съ словами:

— Говори прямо, говори скорѣй, что случилось?

Мальчикъ такъ былъ озадаченъ подобной встрѣчей, что, бросая фуражку на стулъ, произнесъ сквозь слезы:

— Я думалъ тебя порадовать, а ты Богъ знаетъ что воображаешь!

Оказалось, что и сынъ мой и полковникъ Рыдзевскій, хорошо его знавшій, хотѣли сдѣлать мнѣ сюрпризъ и вмѣсто того напугали меня. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ выяснилось, что причиною неожиданнаго пріѣзда сына была моя депеша женѣ, о нашемъ походѣ къ границѣ и о томъ, что беру старшаго сына съ собою. Младшій братъ такъ позавидовалъ старшему, что началъ умолять мать отпустить его въ Луцкъ, чтобы сопровождать меня въ походѣ, воображая, что я возьму обоихъ за границу. Желая какъ-нибудь отстранить порывъ сына и въ то же время не огорчить его прямымъ отказомъ, мать объявила ему, что готова бы была отпустить его, но не имѣетъ лишнихъ денегъ.

— Я найду деньги, отвѣчаетъ онъ, только подари мнѣ всѣ ненужныя и старыя вещи изъ гардероба отца. Она согласи-

лась. Въ тотъ же день, все, что мною было оставлено: эполеты, шарфы, сапоги, изношенные платья и обувь сестеръ,—все это было продано татарину.

Собравъ такимъ способомъ рублей до 40, мальчикъ живо собрался въ дорогу и на пятый день былъ уже въ Брестѣ. Черезъ часъ по приѣздѣ онъ, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ, уже находился въ числѣ присутствовавшихъ на смотрѣ командующаго войсками.

Смотръ прошелъ блистательно. По окончаніи его генераль Дрентельнъ сказалъ мнѣ: „Много дивизій прошло и пропущено мною черезъ округъ, но откровенно скажу вамъ, что я не видѣлъ болѣе устроенной и молодцоватой, чѣмъ третья“. Обращаясь же къ офицерамъ, онъ прибавилъ: „Очень жалѣю, что не пришлось познакомиться съ вами поближе. Я предполагалъ въ концѣ лагеря подробно осмотрѣть ваши части; но, судя по тому, что видѣлъ теперь, увѣренъ, что бригада со славою покажетъ себя на томъ великомъ и святомъ поприщѣ, къ которому призывается“.

Слова, сказанныя командующимъ войсками нижнимъ чинамъ, были до того полны простаго, понятнаго сердцу патріотизма, что видимо воодушевили ихъ. Только казачьему полку не посчастливилось. Въ немъ былъ замѣченъ значительный недостатокъ лошадей, противъ показаннаго въ строевомъ рапортѣ. Но и этому полку замѣчанія были высказаны безъ всякой придирчивости къ мелочамъ и съ полнымъ пониманіемъ причинъ и обстоятельствъ упущенія. На уклончивыя и неловкія оправданія полковаго командира, А. Р. Дрентельнъ сказалъ ему:

„Прекратимте объясненія, полковникъ. Что у васъ не всѣ лошади—это я вамъ доказалъ, а что казна отпускаетъ фуражъ на всѣхъ,—это, кажется, доказывать нечего, и вы лучше меня знаете куда онъ поступаетъ. Вы недавно пришли съ Дона, и сегодня же выступаете въ походъ. Только поэтому я не буду теперь разбирать этого дѣла; но совѣтую пополнить коней до перехода границы, такъ какъ я напишу, чтобы, по присоединеніи полка къ арміи, тамъ повѣрили бы, исполнили ли вы мой совѣтъ. Въ нѣкоторое для васъ утѣшеніе скажу, что въ другихъ казачьихъ полкахъ я нашелъ то же самое. Впрочемъ, я увѣренъ, что и ваши донцы-молодцы не отстанутъ въ

боевой славѣ отъ товарищей. Желаю успѣха, и да благословитъ васъ Богъ“.

Прямо съ плаца казачій полкъ пошелъ на станцію Рожище, а съ 22 іюля началось выступленіе и прочихъ войскъ лагеря. Наканунѣ выхода, для каждого эшелона служили напутственный молебень. Первымъ тронулся изъ Луцка 11 пѣхотный Псковскій полкъ. Любо было смотрѣть на молодецкій видъ, щеголеватость и снаряженіе его баталіоновъ. Можно ли было думать, что черезъ четыре мѣсяца не останется и подобія всего этого; что лишенія войны, потери въ бою и болѣзни, превратятъ большую часть этихъ молодцовъ въ изнуренныхъ тѣломъ, но, къ счастью, бодрыхъ духомъ героевъ. На 3-й верстѣ отъ города я остановилъ полкъ, чтобы поблагодарить людей и полковника Кусова, за отличное состояніе полка. Обнявъ его, я простился съ нимъ, сказавъ: „До свиданія въ Кишиневѣ“. Къ несчастію, этому свиданію не суждено было осуществиться. Лучшій командиръ, всѣми любимый и уважаемый Александръ Ивановичъ Кусовъ, рыцарь чести и долга, былъ первою жертвою войны въ моей дивизіи.

По возвращеніи съ проводовъ Псковскаго полка, я нашелъ у себя телеграмму о вторичномъ неуспѣхѣ нашихъ войскъ подъ Плевною. Это поразило насъ болѣе чѣмъ первая неудача. Зная, что къ Плевнѣ стягивается болѣе двухъ корпусовъ, съ двойнымъ противъ турокъ числомъ орудій, всѣ были увѣрены въ несомнѣнномъ ихъ пораженіи, и вдругъ вмѣсто ожидаемыхъ извѣстій объ отмищеніи, одна депеша за другою приносила самыя грустныя подробности.

Хотя по плану передвиженія отъѣздъ дивизіоннаго штаба изъ Рожищъ былъ назначенъ 30 іюня; но, желая лично присутствовать при посадкѣ баталіоновъ и артиллеріи, я выѣхалъ изъ Луцка 26 числа. Первый 18-верстный переходъ, въ прекрасный, но не жаркій лѣтній день, былъ въ полномъ смыслѣ прогулкою. Мои адъютанты, два молодые ординарца и двое сыновей, желали сопровождать меня, ѣхавшаго въ коляскѣ, верхами. Жалѣя ихъ, пришлось ѣхать потише, а на половинѣ перехода мы остановились, чтобы закусить, въ тѣнистомъ лѣсу, у рѣчки. Отрадно было смотрѣть на окружавшую меня молодежь, радовавшуюся походу, какъ дѣти послѣ зимы радуются первой загородной прогулкѣ. Смѣхъ, говоръ, мечты о будущихъ по-

бѣдахъ, воинственные планы и всякаго рода предположенія смѣняли одно другое. Передъ тѣмъ, чтобы снова сѣсть на коней, одинъ изъ ординарцевъ, Эрнротъ, взлѣзъ на высокую липу и вырѣзалъ на ней все наши фамиліи. Кому-то изъ насъ придется когда-либо провѣрить, уцѣлѣло ли дерево съ этою надписью?

Въ теченіи четырехъ дней, проведенныхъ въ Рожищахъ, я получалъ одинъ сюрпризъ за другимъ. Сначала полковникъ Кусовъ, находившійся при головномъ эшелонѣ дивизіи, доносилъ, что на станціи Раздѣльной, гдѣ полки должны были получить обѣщанныя палатки, ихъ не оказалось; затѣмъ—что онѣ не получены и въ Жмеринкѣ. Наконецъ онъ телеграфировалъ, что второй бригадѣ приказано, не останавливаясь въ Кишиневѣ, слѣдовать въ Яссы. Почему это дѣлается и почему подобныя распоряженія идутъ помимо начальника дивизіи,—оставалось только догадываться: „Вѣроятно нашимъ приходится плохо, говорили въ полкахъ,—если насъ такъ торопятъ, даже не сообщая о причинахъ, вызывающихъ подобную поспѣшность“.

Наканунѣ выѣзда дивизионнаго штаба изъ Рожищъ, прѣхали туда изъ Луцка нѣкоторые изъ знакомыхъ, чтобы проводить насъ. Они рассказывали, что по слухамъ, идущимъ съ австрійской границы, Плевна взята. Подъ впечатлѣніемъ этого извѣстія, мы 30 іюля сѣли въ вагоны и тронулись въ путь, продолжавшійся двѣ недѣли. Только чины дивизионнаго штаба, выжидая прихода эшелоновъ, имѣли возможность остаться по три дня въ Яссахъ и Бухарестѣ, полки же, хотя и часто задерживались на станціяхъ, но, не зная когда ихъ тронутъ далѣе, или оставались въ вагонахъ, или бивакировали у станцій. Прибывъ въ 2 часа ночи въ Бердичевъ, я засталъ тамъ первую бригаду ожидавшею нагрузки, чтобы слѣдовать по-эшелонно за нами. Такимъ образомъ, штабъ дивизіи очутился между бригадами, т. е. въ томъ порядкѣ, который былъ указанъ планомъ передвиженія, высланнымъ изъ главнаго штаба. Казалось бы, что направляя полки къ границѣ, слѣдовало начальника дивизіи и его штабъ поставить во главѣ эшелоновъ. Тогда онъ первымъ получалъ-бы все касающіяся его войскъ распоряженія, и все приказы, идущія изъ главной квартиры въ тылъ арміи, гораздо скорѣе доходили бы до него и не

могли бы быть извѣстны подчиненнымъ ранѣе ихъ начальника. Вступая въ извѣстный районъ театра войны, для частныхъ начальниковъ весьма важно своевременно знать все, что было предписано до ихъ прибытія.

Въ Бердичевѣ слухъ о взятіи Плевны подтвердился. Явившіеся мнѣ на станціи полковые командиры первой бригады говорили объ этомъ, какъ о несомнѣнномъ фактѣ. Всѣмъ до того хотѣлось, чтобы такъ было, что офицеры обступали пассажировъ встрѣчныхъ поѣздовъ; многіе увѣряли, что въ Киевѣ телеграммы о паденіи Плевны расклеены на углахъ улицъ. Потомъ оказалось, что все это продуктъ пантуфлевой-жидовской почты, такъ какъ по мѣрѣ нашего приближенія къ границѣ молва слабѣла, а потомъ уже прямо говорили, что ничего неизвѣстно.

На станціи Раздѣльной я расстался съ моими сыновьями. Оттуда я отправилъ ихъ черезъ Киевъ въ Петербургъ, дабы они къ началу курса возвратились въ корпусъ. Нелегко было и имъ и мнѣ въ эту минуту, такъ какъ наша разлука могла быть вѣчною. Потомъ я жалѣлъ, что не взялъ сыновей съ собою. Будучи 16 и 15 лѣтъ, они уже могли бы перенести все, что переносили тѣ молодые офицеры, которые были старше ихъ всего двумя или тремя годами. Между тѣмъ ихъ пребываніе при мнѣ, въ столь поучительное время, принесло-бы имъ, готовящимся къ военному поприщу, громадную пользу въ будущемъ. Никакія теоретическія указанія не могутъ сдѣлать того, что даетъ собственный опытъ. Даже то, что потерявъ годъ классныхъ занятій въ корпусѣ, они вышли бы въ офицеры годомъ позже, съ лихвою вознаграждалось бы тѣмъ, что они пріобрѣли бы, находясь при мнѣ. Взять ихъ съ собою, безъ разрѣшенія ихъ начальства, мнѣ казалось нарушеніемъ служебнаго порядка; однако были примѣры, что ихъ корпусные товарищи оставались при отцахъ во все время войны.

Поворотъ желѣзнаго пути къ Кишиневу казался намъ рубежомъ, за которымъ начнется новая жизнь, съ новыми, еще неиспытанными до тѣхъ поръ впечатлѣніями,—новое поприще, на которомъ предстоитъ встрѣча съ новыми обстоятельствами и новыми лицами.

Въ Жмеринкѣ насъ остановили на запасномъ пути, въ полуверстѣ отъ станціи, затроможенной поѣздами, и объявили,

что мы простои́мъ до пропуска санитарнаго поѣзда съ ранеными. Идя къ станціи, вижу вдали на платформѣ двухъ дамъ и съ ними пожилаго кавалера. Озабоченный, я проходилъ мимо, какъ вдругъ слышу, что меня окликаютъ по имени. Оборачиваюсь и вижу, что одна изъ дамъ графиня Гейденъ, а пожилой господинъ—мой старый тамбовскій знакомый, управлявшій лечебною частью, Зедегольмъ. Отъ нихъ я узналъ грустныя подробности о потеряхъ 18 іюля и о томъ, что прибывающій черезъ полтора часа поѣздъ Краснаго Креста везетъ жертвъ этого фатальнаго дѣла. Полтора часа остановки были употреблены на обѣдъ, во время котораго общая столовая вокзала имѣла совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ въ обыкновенное мирное время. Въ нее входили и выходили изъ нея офицеры всѣхъ родовъ оружія: артиллеристы, сопровождавшіе осадныя оружія и снаряды; саперы, строившіе у станціи лазаретныя бараки; опредѣлившіеся въ армію изъ отставокъ и возвращающіеся изъ командировокъ; чиновники, назначенные въ полевой почтамтъ и казначейство; интенданты, ѣдущіе изъ арміи дѣлать заподряды въ Россіи. Всѣ обмѣнивались слухами, всѣ разспрашивали другъ друга. Шумъ, суетня и говоръ покрывались звуками странствующаго цыганскаго оркестра, отъ котораго хотѣлось поскрѣе уйти на платформу, что я и сдѣлалъ, утоливъ аппетитъ какимъ-то плохимъ супомъ и кускомъ жаренаго мяса.

Черезъ полчаса послышался свистокъ санитарнаго поѣзда съ ранеными, которыхъ мы увидѣли здѣсь впервые. Я попытствовалъ обойти ихъ вагоны. Устройство и комфортъ, доведенные до щегольства, образцовая чистота, бодрый, даже веселый видъ тѣхъ раненыхъ, которые были на ногахъ, производили самое отрадное впечатлѣніе. Если всѣхъ раненыхъ и больныхъ—думалось мнѣ, будутъ перевозить такъ, то лучшаго и вообразить невозможно. Впослѣдствіи пришлось увидать, въ этомъ отношеніи, и обратную сторону медали. Солдаты нашего поѣзда обступили санитарный и вступили въ разговоръ съ вышедшими на вагонные балконы ранеными. Отвѣты ихъ, на вопросы о причинахъ неудачи, сводились къ тому, что атакующіе не были своевременно поддерживаемы.

Говорилъ я съ двумя ранеными офицерами 5 и 30 дивизій. По ихъ разсказу, 5 дивизія 8 іюня шла отъ Никополя въ

Плевну безъ всякой предварительной развѣдки, не имѣя впереди кавалеріи; головной полкъ втянулся въ улицу, не построивъ боеваго порядка, и попалъ въ ловушку. Про вторую атаку 18 числа тѣ же лица заявляли, что полки дрались отчаянно, но безъ связи, что не было единоначалія и ничего общаго въ распоряженіяхъ. Вообще же, встрѣчаемые въ слѣдующіе дни поѣзда съ ранеными и рассказы послѣднихъ, не благоприятно вліяли на ѣдущихъ къ арміи.

Въ Жмеринкѣ меня встрѣтилъ подполковникъ Исаковъ, объявивъ, что онъ назначенъ интендантомъ моей дивизіи. Пришлось повѣрить на слово, потому что объ этомъ никто не сообщалъ мнѣ. Я даже обрадовался его появленію. Это было первое лицо, отъ котораго я узналъ, что мы нигдѣ не остановимся, и что 2-я моя бригада уже проѣхала Яссы. Онъ сообщилъ, что генераль Гурко отступилъ, что отрядъ его расформированъ, а образовался новый, Руцукскій отрядъ, ввѣренный Государю Наслѣднику. Все это, уже нѣсколько дней совершившееся, было для насъ новостью. Отъ командира 2-й бригады, генерала Давыдова, я не имѣлъ ни одного донесенія съ самаго выступленія изъ Луцка; да оно и немудрено, потому что онъ не зналъ гдѣ я, а я писалъ ему наугадъ, въ тѣ пункты, черезъ которые почтовые поѣзда проходили или раньше, или позже его бригады. Все это было результатомъ манеры дѣлать распоряженія помимо старшихъ начальниковъ и посылать приказанія прямо младшимъ.

О дальнѣйшихъ средствахъ продовольствія полковъ и снабженія ихъ металлическими деньгами, нашъ новый интендантъ не могъ передать ничего опредѣленнаго, исключая нѣкоторыхъ данныхъ, о существовавшемъ товариществѣ Горвица, Когана и К°. Тогда же Исаковъ заявилъ, что ему необходимо ѣхать впередъ, въ Яссы и въ Бухарестъ, устроить снабженіе полковъ сухарами и деньгами. Я согласился на это; онъ сѣлъ на первый обгонявшій насъ пассажирскій поѣздъ, и съ тѣхъ поръ мы не видали нашего интенданта до прибытія къ главной квартирѣ въ Горній Студень.

Проѣхавъ Кишиневъ ночью, далѣе до Унгенъ мы не ѣхали, а ползли, и прибывъ туда, 4 августа рано утромъ, засѣли окончательно. Сначала объявили, что нашъ поѣздъ тронется около полудня, потомъ, что его отправятъ въ 3 часа, а за-

тѣмъ пошли откладывать съ часа на часъ. Пользуясь продолжительною остановкою, первымъ дѣломъ было поспѣшить въ унгенское почтовое отдѣленіе, куда была направляема изъ Имперіи вся корреспонденція, адресованная въ части дѣйствующей арміи. Эта мѣра нисколько не устранила той неурядицы, которая составляла, во всю компанію, самое больное мѣсто нашихъ сношеній съ родными и близкими. Не подалеку отъ дебаркадера, небольшой флигель, во дворѣ, служилъ помѣщеніемъ для пограничной почтовой конторы. Путь къ нему и весь дворъ былъ покрытъ разсыпанными и втоптанными въ песокъ, нераспечатанными конвертами. Нельзя себѣ и вообразить, что я увидѣлъ, войдя въ помѣщеніе конторы. Тамъ, гдѣ и 25 сортировщиковъ не могли бы управиться, работая 20 часовъ въ сутки, было не болѣе 7—8 человекъ. Видя, что имъ нѣтъ никакой возможности вести дѣло какъ должно, они сами сознавались, что занимаются только денежными письмами и цѣнными посылками, не обращая вниманія на простую корреспонденцію. При справкѣ, нѣтъ ли мнѣ писемъ и посылокъ? два заказныхъ письма были выданы, но насчетъ посылки сказали, что хотя 5 ящичковъ съ папиросами и записаны въ книгу полученными на мое имя, но отыскивать ихъ все отказались, предоставляя сдѣлать это самому. Со мною былъ одинъ изъ ординарцевъ. Сторожъ конторы проводилъ меня въ незапертой сарай, отъ крыши до входа наполненный ящиками, тюками и связками. Сообразивъ, что, по времени отправки, посланное мнѣ изъ Нижняго могло придти только дня за два до нашего приѣзда, мы начали искать ихъ въ верхнихъ слояхъ посылокъ, для чего надо было карабкаться подъ крышу и, послѣ получаса работы, нашли. Хорошо, что на это было время; оставайся мы въ Унгенахъ два, три часа—и никто изъ насъ никогда бы не получилъ посланнаго. Сопровождавшій насъ сторожъ рассказывалъ, что двѣ недѣли назадъ почтовая контора должна была сжечь на огородѣ 20 тысячъ простыхъ писемъ, за невозможностью сортировать ихъ. Впослѣдствіи мы испытали на себѣ все неудобства, происшедшія отъ неустройства нашей полевой почты.

Теперь, когда прошло 10 лѣтъ отъ описываемаго времени, невольно спрашиваешь самъ себя: неужели все это повторится и при будущихъ войнахъ? Вопросъ объ устройствѣ вѣрнаго и

правильнаго сношенія съ чинами арміи и чиновъ ея съ родиною настолько важенъ, что необходимо подумать о немъ заранѣе. Сноситься съ главнымъ управленіемъ почтъ и ждать покуда оно пришлетъ достаточное число чиновниковъ въ Унгены и потомъ въ полевые почтовые отдѣленія, было дѣломъ излишней увѣренности въ исполненіи своихъ требованій. Главное управленіе, даже при полномъ желаніи угодить арміи, не могло сразу отправить сотню служащихъ, не ослабивъ своихъ органовъ. Можно было предвидѣть, что командируютъ сортировщиковъ и чиновниковъ изъ разныхъ и преимущественно изъ тѣхъ губерній, гдѣ служба легче. Покуда этимъ чиновникамъ пошлются предписанія, выдадутся прогоны, покуда онѣ выйдутъ и дойдутъ до арміи, пройдутъ недѣли. Не проще ли бы было, отдѣливъ денежную и цѣнную корреспонденцію, какъ требующую контроля и бухгалтеріи, въ вѣдѣніе почтоваго вѣдомства,—всю же простую корреспонденцію передать въ военныя руки. Многочисленные наши штабы и канцеляріи ничего бы не потеряли, если бы въ каждое почтовое отдѣленіе тыла и корпусовъ было назначено по 5 писарей и для завѣдыванія ими—по одному офицеру, хотя бы изъ резервныхъ. Они могли бы рассортировывать прибывающую въ отдѣленіе простую корреспонденцію, запаковывать ее по корпусамъ и дивизіямъ, и сдавать на отходящую въ главную квартиру почту, или что было бы еще лучше, отправлять съ казаками, на вьюкахъ, прямо въ корпусные, а гдѣ возможно, то и въ дивизіонные штабы. Для послѣдняго способа было бы достаточно, чтобы въ вѣдѣніи офицера почтоваго отдѣленія было дано 10 или 15 казаковъ. Вѣдь давали же ихъ различнымъ лицамъ интендантскаго и гражданскаго вѣдомства, которые употребляли ихъ для личныхъ услугъ, въ видѣ вѣстовыхъ и посыльныхъ. Подобная мѣра значительно облегчила бы полевое почтовое вѣдомство и избавила бы служащихъ въ арміи отъ безвѣстности и нравственнаго безпокойства объ оставленныхъ ими семействахъ.

Нельзя представить себѣ ничего хуже той тоски, которую испытываешь, оставаясь цѣлый день на станціи, не зная почему не везутъ далѣе. На все вопросы, зачѣмъ насъ не отправляютъ, получался одинъ отвѣтъ: нѣтъ еще денегъ изъ Яссы, что путь свободенъ; а между тѣмъ проходили часы, и ни одного

поѣзда не приходило отъ границы. Люди томились отъ жары въ душныхъ вагонахъ, или бродя возлѣ пути. День былъ до того знойный, что обдавало жаромъ и сверху, и отъ раскаленныхъ зданій; ни одного садика, ни одного деревца вблизи. Офицеры тоже не знали гдѣ укрыться, такъ какъ въ пассажирскихъ залахъ томила публика двухъ задержанныхъ поѣздовъ. Часовъ въ 7, къ вокзалу начали подъѣзжать, изъ окрестныхъ имѣній, ихъ обитатели и преимущественно обитательницы, какъ оказалось, въ надеждѣ послушать военную музыку, къ чему, вѣроятно, приучили ихъ полки, проходившіе до начала дѣйствій въ Румынію. Между пріѣхавшими дамами была и знакомая мнѣ съ давнихъ поръ, жена начальника кавалерійской дивизіи, проводившая мужа до границы, а лѣто гостившая у кого-то изъ своихъ бессарабскихъ знакомыхъ.

— Неужели вы, обратилась она ко мнѣ, не доставите намъ удовольствія послушать вашу музыку?

— Съ величайшею готовностью сдѣлалъ бы это, отвѣчалъ я, если бы она была со мною, но я ѣду съ штабомъ дивизіи и дивизионнымъ лазаретомъ, а при нихъ музыки не полагается.

— Поѣдьте, mesdames, назадъ, сказала дама пріѣхавшимъ съ нею, этой какой-то скучный поѣздъ.

Да и намъ было не весело; точно въ западню попали. Около полуночи появился весь день непоказывавшійся комендантъ станціи и объявилъ, что можно садиться, но и усѣвшись, мы прождали болѣе часа. Наконецъ, поѣздъ тронулся и потащился не скорѣе 25 верстъ въ часъ. Многие задремали, а нѣкоторые совсѣмъ заснули, какъ кто-то изъ офицеровъ провозгласилъ: „Господа, скоро граница!“

Было 4 часа утра. Сквозь первые лучи восходившаго солнца блеснула вдаль желтоватая полоса мутнаго Прута. Всѣ бросились къ окнамъ, точно ожидали увидѣть что-нибудь необыкновенное и всѣ замолкли, подъ какимъ-то особеннымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ словомъ „граница“. Должно быть какое-либо особенное чувство пробѣжало по нервамъ каждого изъ готовящихся переступить за рубежъ родины. Приближаясь къ мосту черезъ рѣку Прутъ, поѣздъ пошелъ тише, какъ-бы давалъ время подумать: что же это такое? отчего сердце забилося скорѣе, отчего явилась потребность перекреститься, отчего prominently вѣло въ умѣ: прощай, все дорогое сердцу, прощай ма-

тушка Россія! Увижу ли тебя, или за твою честь и за твою славу сложу тамъ, куда увозятъ меня отъ тебя, мою голову?

Такъ думалось мнѣ, и мнѣ казалось, что то же думали и всѣ, сопровождавшіе меня. Но мостъ пройденъ. Стоявшій на концѣ его часовой былъ первымъ на русскомъ солдатомъ, увидѣннымъ нами на чужбинѣ.

Часовъ въ 6 утра подъѣзжаемъ къ Яссамъ. Наружность города произвела пріятное впечатлѣніе чистотою зданій и обиліемъ зелени. Онъ очень красиво раскинулся, въ видѣ амфитеатра, по небольшой возвышенности.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

1876.

Три дня въ Яссахъ. — Товарищество Грегерь, Коганъ и К^о. — Интендантскія сцены. — Продѣлки румынъ. — Отъ Яссъ до Бухареста. — У начальника тыла. — Hôtel de Boulevard. — Благодарительный еврей. — На бивакѣ въ Фротешти. — Далѣе до Зимницы. — Дневка. — Поѣздка въ главную квартиру. — Секреты. — Неизвѣстность гдѣ 2-я бригада. — Обратно въ Зимницу.

Съ прибытіемъ въ Яссы, мы въ полномъ смыслѣ ощутились въ terra incognita. Ничего не зная о предстоящемъ назначеніи, о будущемъ довольствіи, не имѣя ни одного приказа, ни одного циркуляра по дѣйствующей арміи, ни одного рубля звонкою монетою, тогда какъ за все надо было платить серебромъ или золотомъ, мы не знали къ кому обратиться, отъ кого получить какія-либо свѣдѣнія. Случившійся въ вокзалѣ артиллерійскій чиновникъ могъ заявить намъ, что въ городѣ находится отдѣленіе интендантства и казначейства, и что мы можемъ найти помѣщеніе въ гостинницахъ. Городское управленіе дѣйствительно крайне внимательно отнеслось къ отводу квартиръ: всѣ лица штаба получили прекрасные номера, въ лучшей отели, конечно за плату. Послѣ долгихъ ожиданій, наконецъ разыскали завѣдывающаго передвиженіемъ и коменданта станціи; но и они не могли сказать, когда насъ отправятъ далѣе. Гдѣ вторая бригада, — тоже никто сказать не могъ, но за то предварили, что намъ придется прожить въ Яссахъ нѣсколько дней, такъ какъ полки первой бригады, вмѣсто того, чтобы слѣдовать по желѣзной дорогѣ, по недостатку подвижнаго состава, должны были выгрузиться въ Унгенахъ и идти по шоссе. Такимъ образомъ, въ первый же день перехода границы, дивизія расплылась: 1-я бригада отстала, 2-я — ушла неизвѣстно куда. Задержка въ Яссахъ для лицъ штаба была пріятна, какъ отдыхъ послѣ недѣльной жизни въ ваго-

нахъ, а для отставшихъ полковъ даже необходима. Имъ предстояло пополнить сухарный запасъ, обезпечить обозы фуражемъ, получить деньги.

Яссы представились намъ крайне оживленными. Всѣ запасные пути у вокзала были въ нѣсколько рядовъ заставлены военными поѣздами, съ всякаго рода тяжестими, не исключая покрытыхъ брезентами миноносокъ, громадныхъ крѣпостныхъ орудій и платформъ, съ пирамидами неснаряженныхъ снарядовъ. Во время походовъ первое знакомство со всякою новою мѣстностью обыкновенно начинается съ буфета. Такъ было и здѣсь. Прежде всего каждый поспѣшилъ выпить кофе или съѣсть что-нибудь. И кофе и что-нибудь подано было хорошо, но и заплатить за нихъ пришлось недурно. Что ни спроси: чашка чая, рюмка водки, стаканъ сельтерской воды — все франкъ. У выходнаго подѣзда мы были удивлены приглашеніями извозчиковъ, сдѣланными чистымъ русскимъ языкомъ. Потомъ мы узнали, что всѣ здѣшніе возницы — наши выходцы, скопческой секты, захватившіе въ свои руки извозичій промыселъ главныхъ городовъ Румыніи.

Въ Яссахъ намъ пришлось впервые познакомиться съ агентами господъ Грегера, Горвица и Когана. На первыхъ порахъ они оказались предупредительными до того, что предлагали квартиристамъ брать у нихъ больше, чѣмъ было необходимо, и на замѣчаніе, что требованіе подано на столько-то, отвѣчали: „Намъ вашего требованія не нужно, дайте только росписочку“. Такъ какъ полкамъ не были извѣстны ни условія заключеннаго съ товариществомъ контракта, ни его организація и отношенія къ войскамъ его агентовъ, то послѣдніе безнаказанно пользовались неопытностію приѣмщиковъ. Тѣ изъ хозяйственныхъ чиновъ, которые были поопытнѣе, несмотря на краткое пребываніе въ Яссахъ, успѣли замѣтить, что товарищество въ явной стачкѣ съ мѣстными властями, выдававшими агентамъ баснословныя справочныя цѣны, на основаніи которыхъ правительству предстояло разсчитываться за все взятое войсками гораздо дороже, чѣмъ полки могли бы пріобрѣсти то же самое на базарахъ.

Разъ коснувшись товарищества продовольствія арміи, считаю лучшимъ высказать о немъ разомъ все, что пришлось испытать потомъ отъ этого удивительнаго гешефтъ-махерства,

тѣмъ возвращаться къ нему впоследствии. Склады товарищества были устроены только тамъ, гдѣ оно могло дешево закупить известнаго рода продукты. Черезъ это проходившія войска очень часто не получали именно того, въ чемъ нуждались. Они требовали, напримѣръ, ячмень, а имъ отвѣчали, что его нѣтъ, что его можно получить въ другихъ складахъ, верстъ за 15 отъ маршрутнаго пути, и предлагали взять соль или сахаръ. Въ другомъ пунктѣ войскамъ нуженъ былъ чай, а ихъ подчивали сѣномъ. Были и такіе примѣры, что агентъ склада, въ которомъ завѣдомо хранился дешево скупленный фуражъ, отказывалъ въ немъ до тѣхъ поръ, покуда цѣна не подымалась, или покуда ему не удавалось получить высокой справки. Крупныя части войскъ, огражденные отъ притѣсненій присутствіемъ при нихъ высшаго начальника, еще кое-какъ справлялись съ агентами еврейской компаніи, но маршевыя команды и мелкія части, стоявшія отдѣльно, частенько находились въ безвыходномъ положеніи. Больше всего роптали на жидовскіе порядки бѣдные казаки, такъ какъ агенты не считали для себя обязательнымъ доставлять что-либо туда, гдѣ стоитъ эскадронъ или рота. Всякій, дѣлавшій кампанію, подтвердить, что какъ только начались непогоды и безкормица, агенты исчезали, и въ самое трудное для продовольствія время, съ ноября по мартъ, никто не видалъ ни одного изъ этихъ проходимцевъ. Можно положительно сказать, что товарищество было не только бесполезно для арміи въ смыслѣ продовольствія, но, развивая въ краѣ дороговизну, положительно вредило намъ. Заранѣе стакнувшись съ мѣстными евреями, въ рукахъ которыхъ сосредоточивалась большая часть румынской торговли, и покровительствуемые продажною администраціею края, гг. Грегеръ, Горвицъ и Коганъ умышленно возвышали цѣны на всѣ продукты первой необходимости, и такимъ образомъ одновременно обирали и казну и наши собственные карманы.

Интендантскихъ и казначейскихъ чиновниковъ мы застали въ Яссахъ устроившимися какъ дома. При каждомъ состояли писаря и казаки для посылокъ. Чтобы помочь полкамъ, я лично отправился разыскивать старшаго изъ интендантовъ. Вхожу въ переднюю; казачій урядникъ объявляетъ, что доложить нельзя, потому что генералъ еще спитъ, а между тѣмъ

было уже 11 часовъ. Я потребовалъ, чтобы лакей разбудилъ сибарита. Въ слѣдующей комнатѣ, въ ожиданіи выхода своего принципала, вско чилъ со стула мелкій интендантскій чиновникъ, объявившій мнѣ, что, проѣзжая въ армію, стелъ долгомъ представиться начальству.

— Куда же вы ѣдете?—спрашиваю я.

— Въ 4-й корпусъ, письмоводителемъ къ дивизионному интенданту.

— Давно въ Яссахъ?

— Четвертый день.

— Почему же такъ долго? Вѣдь, вѣроятно, вы необходимы въ дивизіи?

— Вчера и третьяго дня я тоже приходилъ явиться, но не изволили принимать.

Въ это время, въ дверяхъ боковой комнаты, появилась особа интенданта, нечесаная и въ халатѣ. Увидя меня, особа притворилась, что не знала о моемъ присутствіи, что ей иначе доложили.

— Извините, ваше превосходительство, я сію минуту, — произнесъ онъ, и хотѣлъ скрыться.

— Пожалуйста, оставайтесь, какъ есть. Я пришелъ по служебному дѣлу и для меня рѣшительно все равно въ какомъ вы костюмѣ, лишь бы вы исполнили необходимое.

— Приказывайте, ваше превосходительство. Повѣрите ли, мы теперь до того завалены работою, что всю ночь просидѣлъ надъ бумагами и только-что прилегъ. Вотъ извольте посмотреть (при этомъ указалъ на столъ), какая кipa депешъ накопилась въ теченіи утра, на всѣ надо отвѣтить, а онѣ еще не распечатаны.

На столѣ дѣйствительно лежала пачка телеграммъ.

— Странно, что во время войны вы такъ нелюбопытны и добродушно сознаетесь, что не читаете депешъ по нѣскольکو часовъ, замѣтилъ я ему.

— Что дѣлать, ваше превосходительство, силъ не хватаетъ.

Въ тотъ же день, когда происходилъ этотъ разговоръ, вечеромъ я видѣлъ этого господина въ одномъ изъ *café-chantant*, съ двумя или тремя коллегами и какими-то веселыми дамами, за особымъ столомъ, на которомъ стояли два кружона. Эта ком-

панія неистово аплодировала французу, пѣвшему по-русски, только-что вышедшаго тогда „Стрѣлочка“, чѣмъ и обратила на себя вниманіе.

Когда я объяснилъ причину моего визита, то, между обѣщаніями сдѣлать возможное, пущена была въ ходъ слѣдующая фраза:

— Что касается чая и сахара, то надо будетъ прежде справиться нѣтъ ли ихъ у товарищества, и если у нихъ нѣтъ, то я прикажу отпустить отъ насъ.

— Почему же это?

— Потому, ваше превосходительство, что я навлеку на себя большія непріятности, если отпущу то, что есть въ складахъ товарищества. Намъ приказано оказывать ему всевозможное содѣйствіе.

— Ну, хорошо, дѣлайте какъ знаете. Намъ главное скорѣе получить отъ васъ талоны на авансы въ звонкой монетѣ.

— Въ этомъ задержки не будетъ. Кромѣ того, ваше превосходительство, можете приказать полкамъ, согласно приказа по арміи, обмѣнить на каждого рядоваго, изъ собственныхъ солдатскихъ денегъ, по одному ассигнаціонному рублю на серебро.

— А для офицеровъ тоже опредѣлена норма промѣна? спросилъ я.

— Нѣтъ-съ, для офицеровъ размѣнъ не разрѣшенъ.

— Какъ же это? Офицеру монета еще нужнѣе. Солдатъ будетъ сытъ, разъ что въ полку есть серебро, а за что же офицеръ долженъ платить по курсу, когда здѣсь за рубль даютъ два съ половиною франка?

— Что дѣлать, ваше превосходительство. Промѣнъ офицерскихъ денегъ зависитъ отъ личной любезности казначея, но приказать ему я не могу.

Пришлось послать въ казначейство старшаго адъютанта, съ покорною просьбою перемѣнить на серебро каждому оберъ-офицеру 25 и штабъ-офицеру 50 рублей. Адъютантъ возвратился съ отказомъ, причемъ оказалось, что казначейскіе чиновники относятся къ офицерамъ съ полною небрежностью.

— Я засталъ всѣхъ въ присутствіи, говорилъ адъютантъ, въ жилетахъ, безъ сюртуковъ и галстуковъ. На просьбу артил-

лерійскаго полковника, бывшаго въ походной формѣ и въ шарфѣ, поспѣшить выдачею денегъ, такъ какъ батарея черезъ часъ выступаетъ, чиновникъ отвѣчалъ: „Не велика важность и подождать, видите сколько народу“. Полковникъ замѣтилъ, что онъ ждетъ болѣе часа, и что неприлично такъ отвѣчать, бывши въ рубахѣ, когда съ нимъ говорятъ по службѣ. „А вы что за ревизоръ! Будете разговаривать, такъ и до завтра не получите“, было ему отвѣтомъ.

Ясское казначейство было не единственное, гдѣ происходили подобныя явленія. Въ Бухарестѣ, въ Спистовѣ, въ интендантствахъ корпусовъ, всякое полученіе слѣдуемаго сопровождалось такимъ формализмомъ, такими придирками и равнодушіемъ къ дѣлу, которыя могли быть переносимы только въ виду серьезности обстоятельствъ. Приемщикамъ приходилось или терпѣть, или заискивать личнаго знакомства съ чиновниками—и тогда желаемое достигалось скорѣе. Конечно, были и пріятныя исключенія, къ числу которыхъ нужно отнести интендантство и казначейство 4-го корпуса, гдѣ интендантомъ былъ подполковникъ Паленъ.

Какъ ни старался завѣдывавшій передвиженіемъ, генеральнаго штаба подполковникъ Бѣлявскій, служившій прежде въ моей дивизіи, поскорѣе отправить насъ, но могъ достичь это только 8 августа. Онъ до того былъ измученъ румынскимъ правленіемъ желѣзною дорогою, что жаль было смотрѣть на него. Изъ его рассказовъ было очевидно, что всѣ затрудненія и задержки дѣлаются умышленно; да иначе и быть не могло, потому что румынская желѣзнодорожная служба была переполнена поляками и венгерцами.

— Только-что съ вечера—говорилъ Бѣлявскій—составишь поѣздъ, чтобы утромъ отправить эшелонъ, какъ ночью отцѣпять тайкомъ нѣсколько вагоновъ и нарочно отошлютъ за двѣ станціи назадъ, или прицѣпять къ проходящему пассажирскому поѣзду. Усмотрѣть за всѣми плутнями нашихъ милыхъ союзниковъ невозможно. Одна слава, что здѣшнія желѣзныя дороги находятся въ нашемъ военномъ управленіи.

— Почему-же вы не жалуетесь? напишите начальнику тыла арміи, генералу Каталею,—онъ шутить не любитъ.

— Пробовалъ писать, да ни къ чему не ведетъ. Теперь

Изъ Прошлаго.

вы и не узнаете Василя Васильевича. Онъ тоже пробовалъ бороться, но какъ ему раза два, отъ имени князя Горчакова, напомнили о необходимости относиться къ румынамъ съ крайнею осторожностью, отнюдь не затрогивая самолюбія ихъ властей, то на всѣ мои жалобы я получаю одинъ отвѣтъ; „постарайтесь устроить безъ столкновений“.

Все это мы испытали и на себѣ. Нашъ переѣздъ отъ Яссы до Бухареста можно было назвать мытарствомъ. Ни одной станціи мы не проѣхали въ назначенные часы, нигдѣ не останавливались на опредѣленное время. Все дѣлалось какъ-бы случайно, по какимъ-то таинственнымъ прихотямъ. Начальники станцій притворялись, что не понимаютъ ни по-русски, ни по-французски, и не давали отвѣта, почему мы стоимъ, или почему насъ отправляютъ, не давая солдатамъ времени окончить обѣдъ, когда назначена продолжительная остановка. При этомъ роль нашихъ станціонныхъ комендантовъ, должествовавшихъ всѣмъ руководить и все знать, была самая пассивная. Чувствуя свое безсиліе, они избѣгали выходить на платформы. Часовъ по 6 приходилось стоять на запасныхъ путяхъ станцій, на которыхъ нельзя было достать куска хлѣба или кипятку для чая.

Корреспонденты газетъ, описывая движеніе авангарда и главной квартиры арміи, сообщали, будто при видѣ военныхъ поѣздовъ, румыны провожали ихъ знаками сочувствія, махали шляпами и женщины даже крестились; что желѣзныя дороги, занятые казацкими пикетами, вслѣдствіе перехода въ руки нашей военной администраціи, вполне исправны. Можетъ быть, все это такъ и было, когда проходили впервые появившіяся войска, или эшелоны главныхъ квартиръ, но мы ничего подобнаго не испытали.

Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ Бухаресту, тѣмъ остановки дѣлались чаще и продолжительнѣе. За 4 станціи до этого города, потерявъ терпѣніе, я, съ начальникомъ штаба и двумя адъютантами, пересѣлъ на обгонявшій насъ пассажирскій поѣздъ и уѣхалъ впередъ. Непонятно, почему почтовые и пассажирскіе поѣзда могли идти по росписанію и имъ не мѣшали встрѣчные, а насъ задерживали. При столь медленномъ движеніи, казалось, можно было-бы избѣжать несчастій, а, между тѣмъ, еще въ маѣ мѣсяцѣ проваливались мосты,

поѣздъ Кіевского гусарскаго полка потерпѣлъ крушеніе, въ одной изъ артиллерійскихъ батарей загорѣлся на платформѣ зарядный ящикъ. Все это до того походило на умыслы желѣзно-дорожной службы, что Великій князь приказалъ произвести слѣдствіе. Подъ самымъ Бухарестомъ и нашъ эшелонъ навезли на пустые вагоны, причемъ были поломаны 4 повозки, поранено двое людей и 4 лошади.

10 августа, въ 3 часа дня, я былъ въ Бухарестѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ чинами моего штаба, остановился въ прекрасномъ „Hôtel de Boulevard“.

Послѣ десяти-дневнаго странствія понасть въ хорошій городъ и хорошую гостиницу, гдѣ можно освѣжиться, вкусно поѣсть и покойно поспать, не слыша стукотни вагонныхъ колесъ и свистка локомотива, — необыкновенно пріятно, и мы воспользовались этимъ вполне. Конечно странно, что пишущій воспоминанія о войнѣ говоритъ о такихъ прозаическихъ вещахъ, какъ сонъ и ѣда. Но повѣрьте, читатель, война тѣмъ и привлекательна, что приводитъ къ крайне разнообразнымъ и противоположнымъ ощущеніямъ.

Румыны того мнѣнія, что ихъ Бухарестъ — маленькій Парижъ. Въ первый день нашего пребыванія въ немъ, мы готовы были повѣрить этому. Hôtel de Boulevard, гдѣ я остановился, представляла ту особенность, что внутренній дворъ, съ стеклянной крышей, замѣнялъ общій залъ, заставленный тропическою зеленью и цвѣтами, между которыми въ нѣсколькихъ мѣстахъ били освѣжающіе фонтанчики; полъ изъ узорчатого асфальта, вродѣ мозаики, прекрасная сервировка, расторопная прислуга, говорящая по французски и понимающая по-русски, всевозможныя газеты, — все это могло удовлетворить и болѣе строгихъ посѣтителей, чѣмъ находящееся въ походѣ офицерство. Главное-же достоинство гостиницы въ нашихъ глазахъ заключалось въ томъ, что въ нее сходились всѣ русскіе, находившіеся на службѣ въ Бухарестѣ, и всѣ ѣдущіе въ Главную квартиру и возвращающіеся изъ нея, — а такихъ было не мало. Всѣ новости о случившемся въ послѣдніе дни за Дунаемъ, слухи и предположенія о предстоящихъ дѣйствіяхъ, о новыхъ назначеніяхъ, о наградахъ и немилостяхъ, — все это собиралось и передавалось въ залѣ отеля. При первомъ моемъ входѣ въ нее, я уже встрѣтилъ знакомыхъ: гене-

рала Рауха, приѣхавшаго прямо изъ расформированнаго отряда генерала Гурко, Голынского, бывшаго командира Гатчинскихъ кирасиръ, назначеннаго теперь Бухарестскимъ комендантомъ. Первый сообщилъ о лихихъ дѣйствіяхъ кавалеріи и стрѣлковъ за Балканами; второй разсказалъ нѣсколько эпизодовъ изъ продѣлокъ тѣхъ господъ, которые, составляя бремя арміи, какъ ея осадки, гнѣздятся въ тылу ея,—одни дебоширствуя, другіе—бѣдствуя.

На слѣдующій день утромъ я пошелъ навѣстить моего добраго знакомаго и товарища по варшавской службѣ, генерала Каталея. Это была почтенная и достойная личность; говорю—была, потому что уже черезъ четыре мѣсяца его не стало на свѣтѣ. Въ описываемое время онъ занималъ важный постъ начальника тыла арміи. Не прошло трехъ мѣсяцевъ со времени его назначенія, а онъ уже до того, какъ говорится, уходилъ себя, что былъ неузнаваемъ физически; мнѣ же показалось, что разстроены и нравственно. Если половина того, что онъ говорилъ о своемъ положеніи, была дѣйствительностію, то ея было вполне достаточно, чтобы всѣми силами стараться о какомъ угодно назначеніи, лишь-бы избавиться отъ занимаемой должности. Онъ впрочемъ такъ и сдѣлалъ.

— Жду, какъ спасенія, говорилъ мнѣ Каталей, приѣзда генерала Дрентельна, назначеннаго на мое мѣсто, и вообразите мою радость, по милости Великаго князя, я получаю нашу родную третью гвардейскую дивизію.

— Но вѣдь для этого вамъ надо будетъ уѣхать изъ арміи въ Варшаву.

— Какъ въ Варшаву? Я встрѣчу ее въ Кишиневѣ. Развѣ вы не знаете, что гвардія, гренадеры и еще двѣ дивизіи мобилизуются и въ сентябрѣ присоединяются къ арміи?

— Ничего я не знаю, потому что со времени выѣзда изъ Луцка не имѣю ни одного распоряженія по дѣйствующей арміи, и если-бы кто спросилъ меня, везутъ-ли насъ куда слѣдуетъ,—я отвѣчалъ-бы, что не знаю.

— Но дальше вы ужъ не поѣдете, а пойдете. Васъ-то со штабомъ пожалуй еще можно провезти до Фратешти, а полкамъ придется идти по шоссе.

— Не знаете-ли вы чего о моей второй бригадѣ, и нельзя ли какъ-нибудь нагнать ее?

— Знаю; она дня четыре назадъ перешла Дунай, а теперь вѣроятно при главной квартирѣ въ Горномъ-Студнѣ. Видѣлъ я здѣсь вашего тучнаго Давыдова; бѣдняга, совсѣмъ раскисъ отъ жары.

— Кто-же мнѣ дастъ маршрутъ для дальнѣйшаго похода?

— До Зимницы я дамъ, а дальше моя власть прекращается. Тамъ, вѣроятно, кто-нибудь встрѣтитъ бригаду, а то такъ узнаете отъ Штольценвальда; онъ начальникъ этаповъ и живетъ въ Зимницѣ *).

Послѣ этого я обратился къ Каталею о выдачѣ для дивизіи картъ театра войны, такъ какъ еще въ Луцкѣ получилъ изъ главнаго штаба телеграмму, что онѣ будутъ выданы отъ начальника тыла арміи. Въ принесенномъ тогда-же изъ управленія сверткѣ оказалось всего десять экземпляровъ, тогда какъ полагалось снабдить картами всѣхъ штабъ-офицеровъ и ротныхъ командировъ дивизіи.

— Гдѣ-же остальные экземпляры?—спрашиваю я Василя Васильевича,—вѣдь у меня 64 ротныхъ командира.

— Хорошо что и это захватили,—отвѣчалъ онъ.

Узнавъ, что изъ полученныхъ десяти экземпляровъ я могу удѣлить на дивизионный штабъ не болѣе двухъ, разумѣется, для себя и для начальника штаба, мои адъютанты и ординарцы бросились въ книжные магазины и вскорѣ возвратились, радуясь, что достали карту Болгаріи Каница, изданія австрійскаго генеральнаго штаба. Когда они, въ общей залѣ отеля, жаловались на невыдачу картъ полковника Артамонова, то одинъ изъ присутствовавшихъ артиллерійскихъ офицеровъ замѣтилъ:

— Вы думаете, что это случилось только съ вами? Мы пришли сюда гораздо раньше и получили по одной картѣ на бригаду, которая по праву и осталась въ распоряженіи бригаднаго командира; между тѣмъ батареямъ случается передвигаться врознь, а потому и приходилось идти точно въ потемкахъ, куда проводникъ поведетъ.

Зная, что начальство проходящихъ войскъ всегда останавливается въ отелѣ Бульвара, у входа въ нее цѣлый день тол-

*) Это тотъ самый Штольценвальдъ, отъ котораго я принималъ, ровно 20 лѣтъ назадъ, стрѣлковый баталіонъ въ Волковыскѣ.

пилось множество разныхъ аферистовъ, подрядчиковъ, факторовъ и маркитантовъ, исключительно евреевъ. Одни пришли съ передовыми полками изъ Россіи, и хотя уже имѣли дѣлишки за Дунаемъ, но появлялись и въ Бухарестѣ, надѣясь на новые гешефты; другіе пристроились къ товариществу, и, называясь его агентами, думали погрѣться возлѣ новаго, неопытнаго начальства проходящихъ войскъ, а нѣкоторые понаѣхали изъ Австріи и Венгріи. Армія была для этого народа цвѣтникомъ, къ которому они слетались, какъ пчелы, поживиться золотымъ медомъ, въ видѣ полуимперіаловъ.

Возвращаясь однажды въ отель, я былъ остановленъ пожилымъ евреемъ, почтеннаго вида:

— Вашъ братецъ, вельможне генерале, командовалъ Козловскимъ полкомъ; я былъ его полку подрядчикомъ.

— Съ чѣмъ тебя и поздравляю; что-жъ тебѣ надобно?

Еврей прежде всего спросилъ: имѣютъ-ли мои полки каруцы (большія телѣги) и воловъ, такъ какъ въ дѣйствующей арміи заведено ихъ по четыре пары на каждую роту. Затѣмъ онъ объяснилъ, что въ Болгаріи приобрѣсти воловъ нельзя, и если не позаботиться теперь, то придется посылать за ними верстъ за 200. Хотя и странно было получать необходимыя свѣдѣнія не официальнымъ путемъ, а отъ еврея, но, свѣривъ его слова съ рассказами лицъ, бывшихъ за Дунаемъ, пришлось принять сказанное имъ къ руководству. Предложенныя имъ условія я сообщилъ командирамъ полковъ 1-й бригады; они приняли ихъ, и расторопный старикъ, въ теченіи трехъ дней, поставилъ по двѣ каруцы и по 4 пары воловъ на каждую роту. Мало этого: онъ отправился впередъ, чтобы заготовить то же самое для полковъ второй бригады, для чего поѣхалъ въ окрестности Плоешти и оттуда доставилъ повозки въ Зимницу, чтобы полки первой бригады могли захватить ихъ съ собой. Этотъ фактъ доказываетъ, въ какой мѣрѣ евреи бываютъ иногда полезны для войскъ. Мозырскій жидъ, никогда не бывшій за границую, въ 3—4 дня скупаетъ 120 повозокъ и 250 воловъ, не только не получая задатка, но внеся 200 руб. залога, и ограничивается при этомъ весьма умѣреннымъ барышемъ, такъ какъ волы были имъ поставлены дешевле справной пѣны въ Бухарестѣ.

Полки первой бригады имѣли возлѣ Бухареста, не вступая

въ него, только одинъ день дневки, а затѣмъ направились двумя переходами на станцію Фратешти. Я съ штабомъ дивизіи прибылъ туда-же, 12-го августа, по желѣзной дорогѣ. Оживленнѣе и суетливѣе того, что представляла эта станція, трудно было что-либо представить себѣ. Направо—склады артиллерійскихъ снарядовъ, цѣлыя кучи бомбъ и гранатъ, за ними масса повозокъ съ красными крестами, мортиры, распряженный провіантскій транспортъ. Налѣво—груды якорей и телеграфной проволоки, разобранныя платформы, затѣмъ какой-то навѣсъ съ тюками, раскинутые шатры подвижнаго лазарета; тутъ коновязь, тамъ гуртъ воловъ въ загородкѣ. Между всѣмъ этимъ: солдаты, вахтера, медики, чиновники интенданства, лекаря, сестры милосердія, румыны, масса евреевъ. Одни выгружаютъ тяжести изъ вагоновъ, другіе укладываютъ подводы; шумъ, суета, разспросы—просто вавилонское столпотвореніе.

Одновременно съ приходомъ нашего поѣзда, съ противоположной стороны тащился какой-то громаднѣйшій обозъ. За тучею поднятой имъ пыли не было видно конца его. На станціи и вкругъ нея началась бѣготня, крики и восклицанія:

— Транспортъ! транспортъ идетъ!

— Большой?

— Конца не видно.

— Бѣги скорѣе—кричи, чтобы мѣста готовили.

— Куда бѣжать-то, все биткомъ набито...

— Какихъ везете? спрашиваетъ встрѣчающій докторъ, выѣхавшаго впередъ другаго доктора, ведущаго транспортъ.

— Плевенскихъ, но есть и другіе.

— А много?

— Да человѣкъ 500 наберется.

Встрѣчавшій махнулъ рукой и быстро ушелъ въ шатры. Сестры милосердія сбѣгались изъ госпитальныхъ палатокъ. Я тоже подошелъ къ переднимъ, остановившимся повозкамъ. Какой-то, покрытый пылью офицеръ подошелъ было рапортовать мнѣ.

— Теперь вамъ не до рапортовъ,—остановилъ я его, размѣщайте скорѣе; къ тому-же я здѣсь посторонній зритель.

— Санитары! закричалъ кто-то, захватывай больше носилокъ.

Раненные зашевелились на подводахъ; кое-гдѣ слышались стоны.

— Господи! хоть-бы смерть скорѣе.

— Сестрица! водицы-бы! Сжеть меня—приподымаясь на локти—проговорилъ раненый, когда его положили на носилки.

— Сейчасъ, голубчикъ, погоди немного, въ шатрѣ чаемъ напоимъ.

Другой, на котораго я взглянулъ, отходя отъ впервые видѣнныхъ мною сценъ, шепталъ что-то, вздрогнулъ и вытянулся. Этому уже не нужны были ни чай, ни водица.

Бывшій со мною дивизионный врачъ Кунаховичъ попросилъ моего разрѣшенія, остаться у станціи, покуда не разберутся съ ранеными.

— Можетъ, я могу чѣмъ нибудь помочь при перевязкахъ, сказалъ онъ, да кстати и ознакомлюсь съ видомъ и свойствами ранъ.

Давъ разрѣшеніе, я сѣлъ на коня, и молча отъѣхалъ отъ станціи. Въ верстѣ отъ платформы, на склонѣ небольшой горы, видѣлась мыза, окруженная садомъ. Встрѣтившій меня у станціи адъютантъ, отправленный два дня назадъ изъ Бухареста, съ обозомъ дивизионнаго лазарета, доложилъ, что авангардный баталіонъ первой бригады уже прибылъ, а прочія части пойдутъ къ вечеру, что онъ уже выбралъ мѣста для биваковъ, и что штабъ можетъ размѣститься на самой мызѣ, или въ саду. Я избралъ послѣднее.

Съ бивака былъ ясно видѣнъ противоположный, довольно возвышенный берегъ Дуная и на немъ два небольшіе турецкіе лагеря, а вправо, противъ Журжи, береговые батареи и минереты Рушчука. Бивакъ у Фратешти, напоминалъ мнѣ наши мирные маневры—та же беззаботность, тѣ же пѣсни солдатъ, тѣ же группы, гуляющихъ послѣ отдыха, офицеровъ. Кто-то вспомнилъ, что въ эту ночь будетъ лунное затмѣніе, потому нѣкоторые долго не ложились, но наконецъ усталость отъ перехода взяла свое: часовъ въ 12 бивакъ успокоился. Вдругъ, среди всеобщей тишины, гдѣ-то вдали раздался пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій и загрохотала канонада. Это наши батареи у Журжи бомбардировали Рушчукъ. Всѣ проснулись, выбѣжали изъ палатокъ, нѣкоторые начали одѣваться, другіе съ просонья закричали „сѣдлай“; но, сообразивъ въ

чемъ дѣло, взобравшись, кто на деревья, кто на повозки, старались что-либо высмотрѣть. Такъ какъ до Журжи было не менѣе 15-ти верстъ, то видны были только отблески, подобные зарницѣ.

Переходъ отъ Фратешти до Путенеи былъ довольно сносенъ; но второй, до деревни Бригадира, крайне труденъ. Еще въ Бухарестѣ намъ говорили, что придется идти 28 верстъ по безводной степи, безъ селеній. Предупредивъ объ этомъ полковыхъ командировъ, я сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ бочки фургоновъ, фляги и котелки, передъ выступленіемъ, были наполнены водою. Первая бригада, походомъ которой я распоряжался самъ, несмотря на сильный зной, прошла этотъ памятный переходъ благополучно, — въ ней былъ всего одинъ смертный случай отъ солнечнаго удара; но вторая, какъ я узналъ потомъ, поплатилась дороже. Въмѣсто того, чтобы выступать, какъ мы, на зарѣ, дѣлать до 8-ми часовъ утра полперехода и оставаться всю жаркую пору дня на привалѣ, а затѣмъ пройти остальную часть перехода отъ 6-ти до 10-ти часовъ вечера, — вторая бригада шла обыкновенно принятымъ способомъ, т. е. выходила часовъ въ 6 утра и затѣмъ весь день подвергалась зною. Натурально, люди томились, обезсиливали, впадали въ апатію, отставали, и кончилось тѣмъ, что бригада имѣла 11 смертныхъ случаевъ.

15-го августа штабъ дивизіи и 1-я бригада вступили въ Зимницу и расположились бивакомъ, на осушившемся разливѣ Дуная, или вѣрнѣе, на песчаной его отмели, мѣстами еще перерѣзанной вымоинами. Передъ этимъ огромнымъ пространствомъ обсохшаго разлива поднимались скалы праваго берега, съ лѣвившимся на нихъ Систовомъ. Говорили, что отъ Зимницы до него 4 версты, но намъ казалось не болѣе двухъ, до-того плоскость и вода скрываютъ разстояніе. Даже, смотря издали, трудно было себѣ представить, какимъ образомъ турки, занимая неприступную, самую природою укрѣпленную мѣстность, могли допустить переправу въ этомъ пунктѣ, и какимъ чудомъ она совершена съ такими, сравнительно небольшими потерями. Дунай сверкнулъ передъ нами широкою полоскою выше города; передъ Систовымъ же, и ниже, воды не было видно, потому что частью прибрежный кустарникъ, частью лѣсистый островъ, ниже мостовъ, скрывалъ ее. Какое-то

особенное чувство овладевало душою при видѣ рѣки, которую народъ воспѣваетъ въ своихъ пѣсняхъ, и съ которою связано столько дорогихъ для насъ историческихъ воспоминаній.

Зимница, уже въ августѣ, всего черезъ два мѣсяца послѣ переправы, производила на свѣжаго человѣка особое, отвращающее своимъ безобразіемъ, впечатлѣніе. Она имѣла видъ самой грязной ярмарки, со всевозможными картинами разгула и безчинства. По улицамъ трудно было пройти или проѣхать. Время стояло сухое, поэтому надъ мѣстечкомъ стояли цѣлыя тучи такой пыли, о которой мы не имѣли понятія. Можно себѣ представить, какова должна быть здѣсь грязь въ осеннюю пору. Улицы Зимницы были набиты всевозможными отребьями тыла арміи: румыны, евреи, цыгане, нестроевые всевозможныхъ чиновъ и вѣдомствъ, погонщики, маркитанты, уличные плясуны, бродячія арфянки, въ перемѣшку съ ослиами, лошадыми и буйволами, — все это бродило, кричало, ругалось, продавало и покупало, ѣло и пьянствовало. Между тѣмъ въ городѣ былъ не только комендантъ, но и начальникъ этаповъ, съ значительнымъ штатомъ офицеровъ и чиновниковъ и съ состоящимъ въ его распоряженіи резервнымъ баталіономъ.

Не успѣлъ я оправиться отъ похода, какъ къ палаткѣ подъѣхалъ офицеръ, съ конвертомъ отъ начальника этаповъ. Бумага оказалась изъ полевого штаба арміи. Ею сообщалось, что бригада, послѣ дневки, должна 17-го числа перейти Дунай, слѣдовать двумя переходами до деревни Овча-могила, гдѣ и соединится со второй бригадой. Послѣднее чрезвычайно меня обрадовало, такъ какъ я предчувствовалъ, что мой почтенный Вадимъ Денисовичъ Давыдовъ, при жарѣ и при его поражающей гучности, на все махнулъ рукой. Въ бумагѣ было сказано, что для указанія пути явится ко мнѣ, причисленный къ генеральному штабу, штабсъ-капитанъ Арбузовъ. Офицеръ, доставившій конвертъ, оказался давнишнимъ моимъ подчиненнымъ; это былъ капитанъ Масина, двадцать лѣтъ назадъ служившій у меня прапорщикомъ, когда я командовалъ 3-мъ стрѣлковымъ баталіономъ. Онъ передалъ, что генералъ Штольценвальдъ проситъ меня, въ 2 часа, обѣдать въ Зимницу. Слыша, что онъ только-что возвратился изъ-за Дуная, былъ въ главной квартирѣ и доѣзжалъ до Тырнова, я охотно при-

нять приглашеніе стараго знакомаго, когда-то мнѣ многимъ обязаннаго.

У Штольценвальда я засталъ герцога Евгенія Лейхтенбергскаго, ѣхавшаго въ Бухарестъ, отдохнуть, послѣ труднаго кавалерійскаго налета за Балканами, въ отрядъ генерала Гурко. Во время обѣда, гостепріимный хозяинъ ознакомилъ меня со многимъ, что дѣлается въ штабѣ арміи; отъ него же я узналъ о наступленіи Сулеймана на Шипкинскій перевалъ, о трехдневныхъ бояхъ на немъ, объ опасности арміи, если турки займутъ Габрово, и о томъ, что раненый на перевалѣ генералъ Драгомировъ находится въ эту минуту, по пути въ Кишиневъ, въ Зимницѣ, и лежитъ въ сосѣднемъ домѣ.

Сорокъ лѣтъ назадъ, во время похода гвардіи въ 1848 году въ Литву, на дневкѣ между Псковомъ и Островомъ, явился ко мнѣ, какъ къ командиру 4-й роты Семеновскаго полка, только-что произведенный юный прапорщикъ. Это былъ М. И. Драгомировъ, до поступленія въ академію служившій въ моей ротѣ. Понятно, что я поспѣшилъ навѣстить бывшаго товарища, въ настоящемъ его положеніи. Онъ лежалъ на низкихъ носилкахъ, посреди комнаты и сильно страдалъ отъ раны въ ногу, полученной четыре дня назадъ на Шипкѣ. Замѣтя, что нервы его были сильно потрясены, я не хотѣлъ утомлять его долгими разспросами, но все-таки спросилъ, какъ онъ думаетъ, удержатъ-ли наши перевалъ за собою?

— Покуда тамъ Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ (Радецкій), до тѣхъ поръ навѣрное удержатъ; ну, а не стань его — врядъ-ли; турки въ десять разъ сильнѣе, и Сулейманъ напираетъ съ остревеніемъ.

Невольно выступившія у Драгомирова слезы прервали слова его. Я простился съ нимъ и вышелъ.

16-го августа полки оставались на дневкѣ; я-же воспользовался ею, чтобы съѣздить въ Горный-Студень, гдѣ была Главная квартира, представиться главнокомандующему и узнать о будущемъ назначеніи дивизіи. Ѣхать на своихъ было невозможно, такъ какъ никто изъ обозныхъ не зналъ дороги, поэтому я велѣлъ нанять коляску. За 25 верстъ пришлось заплатить 10 полумперіаловъ, т. е. 80 рублей. Взявъ съ собою ординарца моего Эрнота и писаря на козлы, мы выѣхали изъ Зимницы, вооруженные револьверами и картою Артамонова, дабы

наемный румынъ, вмѣсто Главной квартиры, не завезъ насъ въ Рушукъ.

Подъѣхавъ къ новому мосту черезъ Дунай, надо было употребить особня усилія, чтобы попасть на него, потому что на огромномъ пространствѣ передъ въѣздомъ стояла масса обозовъ, транспортовъ и парковъ; все это ждало очереди, тѣснилось, опережало другъ друга, такъ что нѣсколько офицеровъ и рота саперъ едва могли поддерживать кое-какой порядокъ. Съѣхать съ моста на противоположный берегъ было тоже не легко. Спускавшіяся впереди подводы безпрестанно останавливались, вязли въ сыпучемъ пескѣ, застревали въ вымоинахъ, и тогда приходилось ждать, пока челоуѣкъ 10 саперъ помогутъ стронуть повозку съ мѣста, или закидаютъ яму землею. На обратномъ пути, ночью, намъ пришлось еще осязательнѣе ощутить затрудненія на мостахъ. Подъѣзжаю къ первому — не пускаютъ; спрашиваю „почему?“ — „Съ той стороны данъ сигналъ, что пущены встрѣчники“, отвѣчаетъ часовой. Ёду къ другому мосту — та же исторія. Надо было убѣдить, что если отпрячь пристяжныхъ, то можно развѣхаться. Отпрягли и не встрѣтили на мосту ни одной повозки.

Съ чувствомъ нѣкотораго волненія и сильнаго любопытства поднялся я на турецкій берегъ Дуная. Казалось какъ-то страннымъ ѣхать по непріятельской территоріи, въ районѣ военныхъ дѣйствій, безъ всякаго конвоя и не зная дороги. Въ то время я еще не предвидѣлъ, что въ арміи смотрѣли на все пройденное, какъ на свое, точно въ тылу Главной квартиры не могли появиться партизаны, или разбойничьи шайки башибузуковъ. И какія встрѣчались странныя противоположности: верстахъ въ пяти отъ Систова, въ деревнѣ Царевичи, наполненной разными нашими командами, стоитъ казачій карауль. Часовой останавливаетъ каждого проѣзжающаго и спрашиваетъ: „кто, куда и зачѣмъ ѣдетъ?“ А ѣдешь далѣе, — нигдѣ ни души. При выѣздѣ изъ деревни мы обгоняемъ двухъ казаковъ.

— Не знаете-ли, ребята, какъ проѣхать въ Горный-Студень?

— А вотъ берите вправо, а потомъ держитесь полѣвѣе.

— А вы куда?

— Мы подъ Рушукъ, къ Бѣлой.

Пришлось держать дальнѣйшій путь по картѣ, хотя на ней дороги часто расходились въ разныя стороны, безъ надписей. По времени казалось, что мы проѣхали уже верстъ 30. Наконецъ, въѣзжаемъ въ какую-то сожженную турецкую деревню, гдѣ солдаты, въ рубашкахъ, безъ всякаго оружія, разбирали черепицу съ крышъ и шарили по пожарищу. Отъ нихъ мы узнали, что Горный-Студень остался двѣ версты вправо, куда они и указали дорогу. Я ожидалъ вскорѣ встрѣтить развѣзды или увидѣть пикеты, и придумывалъ, что отвѣтить, если будутъ спрашивать пароль или пропускъ. Вмѣсто этихъ охранительныхъ мѣръ, вокругъ деревни, гдѣ жили Государь и главнокомандующій, не оказалось ни развѣздовъ, ни часовыхъ, такъ что мы прямо наткнулись на лагерь конвойнаго баталіона и на госпитальныя палатки. У въѣзда въ деревню, подъ заборомъ первой хаты, сидѣлъ у складного столика какой-то господинъ, безъ куртка, въ большой соломенной шляпѣ, и писалъ что-то. Вѣрно корреспондентъ, подумалъ я, и спросилъ его, гдѣ найти Главную квартиру. Онъ указалъ на высокій шестъ, съ развѣвающимся краснымъ флагомъ. Пробравшись мимо нѣсколькихъ хатъ, я попалъ въ лабиринтъ всякаго вида палатокъ, шатровъ и юртъ, между которыми мелькали писаря, казакъ, придворная прислуга.

Горный-Студень лежитъ на возвышенной и обнаженной мѣстности, по обѣимъ сторонамъ лощины, на днѣ которой, изъ почвенныхъ ключей струится ничтожная рѣченка. На восточномъ скатѣ лощины находятся дома, принадлежащіе болгарамъ, на западной — туркамъ. Съ приближеніемъ нашихъ войскъ, послѣдніе бѣжали, дома ихъ опустѣли и отчасти разорены бра-тушками.

Прежде чѣмъ представляться Великому князю, надо было побывать у начальника штаба арміи, у его помощника, видѣть коменданта Главной квартиры, интенданта и проч. Оказалось, что начальникъ штаба въ отъѣздѣ на Шипку. Когда я передалъ его помощнику, что 1-я бригада придетъ завтра въ Овчу-Могила и дивизія наконецъ соединится, то онъ съ удивленіемъ спросилъ меня:

— Развѣ Арбузовъ не передалъ вамъ, что слѣдуетъ идти съ бригадою прямо сюда? При Государѣ въ эту минуту нѣтъ ни одной пѣхотной части, поэтому мы и перемѣнили.

— Я Арбузова не видалъ, а въ предписаніи сказано идти къ Овчей-Могилѣ и соединиться тамъ со второю бригадою.

— Вы тамъ ее уже не застанете.

— Гдѣ-же эта, все уходящая отъ меня, бригада?

— Она третьяго-дня выступила, но куда—навѣрное сказать вамъ не могу. Въ настоящее время подобныя вещи не рассказываются.

— Даже начальнику дивизіи? подумалъ я. — Значить, все, что намъ говорили о секретахъ въ Бухарестѣ,—справедливо.

Здѣсь кстати сказать о системѣ секретовъ и тайнъ, существовавшихъ въ сношеніяхъ съ начальниками войскъ. Строго скрывая свои распоряженія отъ тѣхъ, кто долженъ былъ-бы знать ихъ и на кого можно было вполне положиться, въ то же время забывали, что, въ силу третьяго пункта контракта съ гг. Грегеромъ, Горвицемъ и Коганомъ, дѣлали извѣстнымъ всѣ планы любому еврею изъ ихъ компаніи. Въ этомъ пунктѣ сказано: „Намъ должны быть заблаговременно, не позже, какъ за недѣлю до начала движенія, сообщаемы пункты поставки, названія частей войскъ, сроки поставки и приблизительное количество потребностей для каждого пункта“. Ясно, что евреи во всякое время знали, куда, сколько и какія именно войска двинуты, а отъ насъ скрывали это. Что въ военное время необходимо хранить въ тайнѣ стратегическіе планы и распоряженія,—противъ этого никто возражать не будетъ: но вопросъ—отъ кого скрывать ихъ и съ какою цѣлью?

На всѣ прочіе вопросы по поводу продовольствія дивизіи, сдачи заболѣвшихъ, о содержаніи офицеровъ, о порядкѣ требованій, о полученіи прежнихъ приказовъ и инструкцій—на все это мнѣ отвѣчали: обратитесь къ интенданту, спросите директора госпиталей, адресуйтесь въ дежурство, а гдѣ эти мѣста и лица,—предоставлялось искать самому. Такъ какъ ни интенданта, ни начальника госпиталей при Главной квартирѣ на лицо не оказалось, и кто заступаетъ ихъ мѣста—никто указать не могъ, то всѣ касающіеся ихъ вопросы оставались неразрѣшенными. Что же до руководящихъ приказовъ, безъ которыхъ нельзя было ступить ни шагу, то общали по отпечатаніи прислать; но мы получили ихъ потомъ, только черезъ полтора мѣсяца. Въ оправданіе подобнаго факта приводился

слѣдующій доводъ: „Помилуйте, вѣдь у насъ въ Кишиневѣ было всего четыре корпуса, мы по числу ихъ и печатали, а теперь вдвое“. На это пришлось отвѣтить: „Объ увеличеніи состава арміи знали 12-го іюля, а теперь 16-е августа. Кажется, въ пять недѣль можно было подумать объ отпечатаніи приказовъ для прибывающихъ войскъ“.

Узнавъ, что Великій князь принимаетъ передъ обѣдомъ, до котораго оставалось еще много времени, я отправился въ полевое почтовое отдѣленіе, въ надеждѣ получить тамъ какую-либо вѣсточку отъ своихъ. Болѣе получаса бродили мы по деревнѣ, отыскивая почту по указанію встрѣчныхъ, и наконецъ, перепрыгивая каѣвы и перелѣзая черезъ плетни, добрались до сарая, въ которомъ помѣщалось почтовое отдѣленіе. Неужели, думалось мнѣ, никому не пришло въ голову распорядиться проводомъ къ почтѣ, если не дороги, что и множество свободныхъ рукъ, было вполне возможно, то хоть тропинки. Въ сараѣ вмѣсто столовъ служили доски, положенныя на ящики и бочки; на такихъ же боченкахъ сидѣли чиновники, бросавшіе подъ себя принимаемые ими денежные пакеты и свертки съ золотомъ. Что они не терялись и доходили по назначенію,—дѣлаетъ честь почтовому вѣдомству. Цѣлыя груды писемъ ворохами лежали въ углахъ и валялись подъ ногами. Почтовые чиновники не имѣли возможности, если бы и хотѣли, водворить какой-либо порядокъ. Скрытыя въ кучу письма предоставлялось разбирать всякому приходившему за справками, не только офицеру, но и писарю. Само собою разумѣется, что каждый заботится только о себѣ и о своей части, и не принадлежащія ей письма бросались въ сторону. Такимъ образомъ и мнѣ съ Эрнротомъ пришлось рыться и перебирать болѣе тысячи конвертовъ, прежде чѣмъ найти письма на наше имя. При такомъ положеніи полевой почты, мы потомъ не удивлялись, когда въ штабъ третьей дивизіи попадали цѣлыя связки писемъ и газетъ, адресованныхъ въ 3-ю гренадерскую дивизію или въ 3-ю стрѣлковую бригаду.

Главная квартира Великаго князя и лицъ полевого штаба расположилась въ домѣ крестьянина, на дворѣ котораго, подъ тѣнистымъ деревомъ, была разбита палатка Его Высочества. Онъ встрѣтилъ меня словами:

— А, здорово, старый знакомый! Что, какъ вы добрались, гдѣ твоя дивизія?

— Первая бригада при мнѣ, въ Зимницѣ, а гдѣ вторая — не знаю.

— Она пошла съ Имеретинскимъ. Приводи скорѣе первую; мы такъ разметались, что при Царѣ нѣтъ никого кромѣ конвоя. Теперь мнѣ некогда, ѣду къ Государю. Потомъ увидимся.

Перекусивъ кое-что въ шатрѣ расположившагося возлѣ лагеря маркитанта, часовъ въ 6, я выѣхалъ назадъ въ Зимницу. На обратномъ пути снова пришлось убѣдиться, какъ многое, по непредпріимчивости турокъ, проходило для насъ безнаказанно. Въ двухъ мѣстахъ я видѣлъ расположившіеся въ полѣ на ночлегъ транспорты, безъ всякой охраны и безъ конвоя, точно обозъ чумаковъ въ Полтавской губерніи. Пробрерись, въ треугольникъ между Бѣлой, Тырновомъ и Горнимъ-Студнемъ, хоть сотня хорошихъ всадниковъ съ лихимъ партизаномъ, — и чего бы они не забрали, чего бы не наѣдали?

Въ Систово мы уже въѣхали около 11 часовъ вечера, при совершенной темнотѣ, и еслибы не добрякъ-болгаринъ, взявшійся проводить насъ черезъ лабиринтъ переулковъ и крутыхъ спусковъ къ мостамъ, то мы и до разсвѣта не выбрались бы оттуда. Ни одного часового или сторожа, который могъ бы указать дорогу. На бивакѣ всѣ уже крѣпко спали, исключая чиновъ штаба, ожидавшихъ моего возвращенія, съ надеждою узнать, что новаго привезу я изъ Главной квартиры. Немногое могъ я рассказать имъ.

Съ предстоящимъ завтрашній день переходомъ черезъ Дунай, мы оставляемъ Румынію, а потому, здѣсь кстати замѣтить, что страна эта произвела на меня два, совершенно противоположныя впечатлѣнія. Ея природа и климатъ — самыя пріятныя, а ея народъ и администрація — самыя тяжелыя. Судя по тѣмъ описаніямъ, которыя доводилось читать о вступленіи первыхъ русскихъ эшелоновъ и о встрѣчахъ, дѣланныхъ главнокомандующему, мы думали найти въ румынахъ хотя нѣкоторое къ намъ сочувствіе, а испытали не только полнѣйшее равнодушіе, но явное недоброжелательство. Достать подводу или проводника, даже за плату, представляло постоянныя затрудненія. Съ приближеніемъ полковъ жители деревень

уходили въ поле, а въ городахъ всякій, кто могъ, старался обирать не только офицеровъ, но и солдатъ. Когда въ Яссахъ даже евреи покупали полуимперіалы за 7 руб. 70 к., въ Бухарестѣ румыны не давали за нихъ даже номинальныхъ 5 р. 15 к., и въ то же время за рублевую бумажку платили 2½ франка. Все это приводитъ къ мысли, что первоначальныя оваціи и восторги были необходимы румынамъ до тѣхъ поръ, покуда они боялись переправы турецкихъ войскъ на ихъ сторону, покуда имъ нужна была наша заступа. Но какъ только они увидѣли, что за спиною русской арміи, никого не обижавшей, можно жить спокойно, то и отвернулись отъ насъ. Наши солдатики скоро поняли своихъ союзниковъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

1877.

Переходъ за Дунай.—Стоянка при Главной квартирѣ Государя.—Интендантскіе транспорты.—Конвоированіе Главной квартиры.—Три дня въ Чуашъ-Махалѣ.—Эпизоды въ Болгарени.—Взглядъ на бой подъ Ловчею.—Бивакъ у Парадима.—У Плевенскихъ батарей.—Ночное движеніе къ Плевнѣ.—30 Августа.—Въ лазаретѣ 5 дивизіи.—На бивакѣ Староингерманландцевъ.—У сестры милосердія.—Два раненыхъ.—При румынской атакѣ.—Начальникъ маршевой команды.—Назначеніе начальника Ловче-Сельвинскаго отряда.

17-го августа я перевелъ первую бригаду черезъ систовскіе мосты Дуная и вступилъ съ нею въ предѣлы Турціи. Первый переходъ былъ всего въ 8-мь верстѣ, до деревни Царевицы; но пропускъ черезъ мосты обоза и подъемъ его въ гору настолько задержали, что второй полкъ пришелъ на ночлежный бивакъ только въ сумерки.

Съ перваго же дня вступленія нашего въ Болгарію, мы болѣе и болѣе удивлялись ея благосостоянію. Обширныя поля были обработаны и засѣяны, мосты и дороги прекрасныя, черезъ каждыя 5—6 верстѣ, у природныхъ ключей, устроены обдѣланные гранитомъ бассейны для воды, близъ деревень богатые пастбища, повсюду масса скота и всякаго рода домашней птицы. Только турецкія деревни, и то тамъ гдѣ жители покинули ихъ при приближеніи нашихъ отрядовъ, носили отпечатокъ разрушенія; этимъ распорядились болгары до нашего прихода.

Приближаясь къ Горному-Студню и полагая, что кто-либо встрѣтитъ бригаду, я остановилъ ее версты за полторы, дабы люди могли оправиться; но адъютантъ, посланный впередъ, въ комендантское управленіе Главной квартиры, возвратился съ приказаніемъ идти прямо на бивакъ, гдѣ до насъ стояла 3-я стрѣлковая бригада. По устройствѣ бивуака, я, вмѣстѣ съ полковыми командирами, поѣхалъ въ Горный-Студень пред-

ставиться Государю Императору. Квартира Его Величества находилась на западной сторонѣ оврага. Занимаемый Императоромъ домъ не представлялъ ничего особеннаго; деревянный, въ два этажа, обмазанъ глиною и обнесенъ со стороны двора открытою галлереею на столбахъ. На верху находились покои Государя, внизу—главныхъ чиновъ свиты, въ пристройкахъ—прислуга и экипажи. На дворѣ былъ раскинутъ обдѣленный шатеръ для обширной свиты Государя и приглашаемыхъ начальниковъ войскъ. Его Величество принялъ насъ подъ навѣсомъ галлерей, говорилъ съ каждымъ, спросилъ меня о состояніи дивизіи, поблагодарилъ за вторую бригаду, которую видѣлъ при переходѣ къ Сельви, и настолько былъ милостивъ, что даже спросилъ меня о моемъ здоровьи.

— Я до сихъ поръ крѣпился, говорилъ о себѣ Государь, а вотъ нѣсколько дней назадъ и прихворнулъ; сегодня, впрочемъ, чувствую себя крѣпче.

Дѣйствительно, лицо Императора носило отпечатокъ утомленія; онъ замѣтно былъ похудѣвши противъ того, какимъ мы видѣли его два мѣсяца назадъ, проѣзжавшимъ въ армію. Едва я успѣлъ возвратиться на бивуакъ, какъ увидѣлъ, что къ находящемуся невдалекѣ подвижному лазарету подъѣхалъ верхомъ Великій Князь главнокомандующій. Приказавъ скорѣе сѣдлать коня, я успѣлъ встрѣтить Его Высочество, когда онъ, послѣ осмотра лазарета, подъѣзжалъ къ нашему лагерю.

— Имѣй въ виду, сказалъ Великій князь, что Государь передъ обѣдомъ обыкновенно заѣзжаетъ на бивакъ, поэтому прошу, чтобы вездѣ былъ порядокъ и чистота. Я знаю, какъ въ походѣ это развѣивается. Гдѣ нужно взысканіе, пожалуйста не церемонься, всѣ эти судебныя процедуры въ сторону, теперь не до нихъ.

Не успѣлъ Великій князь доѣхать до лагеря, какъ показалась коляска Государя. Бригада моментально выстроилась впереди палатокъ. Его Величество приказалъ остановиться на лѣвомъ флангѣ, гдѣ были собраны всѣ офицеры.

— Очень радъ васъ видѣть, господа, здоровыми и бодрыми, сказалъ Государь. Надѣюсь, что вы поддержите вѣковую славу вашихъ полковъ.

Громкое „ура!“ было отвѣтомъ на милостивый привѣтъ Государя; Онъ объѣхалъ весь лагерь, благодарилъ меня и пол-

ковыхъ командировъ за молодцеватый видъ людей и, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ: „А ты, вмѣстѣ съ полковыми командирами и начальникомъ штаба, прїѣдешь ко Мнѣ обѣдать“.

Черезъ полчаса мы были у квартиры Его Величества, возлѣ того шатра, о которомъ сказано выше. Тутъ же находились всѣ лица Императорской главной квартиры, военная свита, нѣсколько иностранныхъ офицеровъ. Столъ былъ сервированъ по походному, но посуда и стаканы серебряные. Обѣдъ состоялъ изъ четырехъ блюдъ, съ шампанскимъ. Рядомъ съ Государемъ сидѣли: военный министръ Милютинъ и князь Суворовъ, напротивъ — графъ А. В. Адлербергъ, пригласившій меня сѣсть возлѣ: „Вы нашъ гость, садитесь поближе“. Во время обѣда Государь былъ веселъ, вспоминалъ многое изъ прежней службы, и когда разговоръ коснулся прежнихъ требованій и стариннаго устава, то припоминалъ команды заряданія на 12 темповъ. Замѣтивъ, что никто изъ близъ сидящихъ не помогаетъ ему, когда онъ приостанавливался, Его Величество обратился ко мнѣ:

— А что-же ты, старый ротный командиръ Семеновскаго полка, не помогаешь мнѣ?

— Я полагалъ, Ваше Величество, что это сдѣлаютъ лица, сидящіе ближе меня.

Взглянувъ направо и налево, Государь шутя замѣтилъ, что его сосѣдъ, какъ бывшій артиллеристъ, никогда не зналъ ружейныхъ пріемовъ, а этотъ (указывая на Суворова) если и зналъ, то все позабылъ. Тутъ же Государь передалъ мнѣ, что накануне имъ получена депеша о внезапной смерти генералъ-адъютанта Паткуля, а отъ военного министра я узналъ, что на-дняхъ прибудетъ въ мою дивизію генералъ Дандевиль, назначаемый командиромъ первой бригады, вмѣсто Коноплянскаго, который въ тотъ же день былъ отчисленъ отъ должности въ запасныя войска. Онъ дѣйствительно служить уже не могъ, такъ какъ быстро развивающаяся чахотка дѣлала его совершенно неспособнымъ къ строю. По окончаніи обѣда, генералъ Тучковъ, по порученію графа Адлерберга, передалъ мнѣ, что Государю угодно, чтобы я во все время, покуда буду находиться при Главной квартирѣ, ежедневно прїѣзжалъ бы къ обѣду.

Неизвѣстность о второй бригадѣ, особенно о томъ, въ какомъ положеніи ея довольствіе и есть-ли у полковъ деньги, — сильно меня тревожила. По прибытіи въ Горный-Студень, я отправилъ въ Сельви дивизіоннаго интенданта Исакова, приказавъ ему, обезпечить продовольствіе полковъ; съ нимъ же было послано Давыдову 5 экземпляровъ карты Болгаріи.

Въ Горномъ-Студнѣ мы простояли ровно недѣлю, съ 17 по 24 августа. Въ одно изъ воскресеній тамъ происходилъ церковный парадъ, въ присутствіи Государя, при вновь освященной послѣ разоренія болгарской церкви. Первый разъ въ жизни пришлось мнѣ видѣть церковь, въ которой иконостасомъ служила досчатая перегородка, оклеенная бумагою. Только два мѣстныхъ образа были нарисованы на доскахъ, а всѣ прочіе — бумажные, прибитые гвоздиками. Служеніе совершалъ придворный протоіерей Никольскій; на клиросѣ пѣли 6 придворныхъ пѣвчихъ. Хотя подобная обстановка, въ присутствіи Императора, казалась слишкомъ скромною, но когда я увидѣлъ Его и его брата, вмѣстѣ съ громадною свитою, колѣнопреклоненными во время чтенія молитвы о дарованіи побѣды, то никакая роскошь служенія не показалась бы столь торжественною и полною значенія, какъ видѣнная и прочувствованная въ эти минуты. Въ продолженіи обѣдни разъ 5 подавали Государю телеграммы, которыя онъ, не распечатывая, отдавалъ стоящему позади него главнокомандующему.

Вокругъ Горнаго-Студня, какъ и во всей Болгаріи, огромные поля и луга стояли покрытыми нескошенною, великолѣпною травою. Видя, что никто не думаетъ воспользоваться ею для будущаго, мнѣ приходила мысль: „а чѣмъ-то мы будемъ кормить нашихъ лошадей зимою?“ Уже тогда чувствовалось, что на интендантство, а тѣмъ болѣе на жидовское товарищество, рассчитывать трудно. Я передалъ это опасеніе въ частномъ разговорѣ коменданту Главной квартиры.

— Почему бы, говорилъ я, не воспользоваться теперь пребываніемъ моей бригады и не снять эту траву. Четыре тысячи ничѣмъ не занятыхъ рукъ многое-бы сдѣлали и избавили-бы правительство отъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ расхода.

— Князь Черкасскій, отвѣчалъ комендантъ, увѣряетъ, что распорядится этимъ черезъ свое гражданское управленіе.

Потомъ мы испытали, что значило это гражданское управление!

Въ первую же недѣлю по прибытіи къ арміи, уже пришлось испытать затрудненія, причиняемые интендантскими порядками. Когда половина привезеннаго въ обозъ восьмидневнаго запаса сухарей уже вышла, то я приказалъ полкамъ обратиться съ требованіемъ къ товариществу; но его агента въ Горномъ-Студнѣ не оказалось, а находившійся тамъ интендантъ отвѣтилъ, что у него для войскъ сухарей нѣтъ, а есть только для конвоевъ Главныхъ квартиръ. Къ счастью, кто-то изъ офицеровъ замѣтилъ, что на дорогѣ, неподалеку отъ бивуака, остановился интендантскій транспортъ. Я потребовалъ къ себѣ его начальника и спрашиваю его:

— Не можете-ли вы выдать бригадѣ сухари, на пополненіе восьмидневнаго запаса?

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ офицеръ, мнѣ тѣмъ скорѣе опорожнить транспортъ, тѣмъ лучше.

— Но вы, вѣроятно, получили приказаніе куда везти его и для кого именно?

— Точно такъ. Мнѣ приказано доставить его въ Овчу Могилу, что я и сдѣлалъ; но тамъ никого нѣтъ и я наудачу направился сюда.

— Ну такъ это, вѣроятно, для предполагавшагося тамъ сбора моей дивизіи. Сгружайте транспортъ въ полки.

На другой день является ко мнѣ другой транспортный офицеръ и объявляетъ, что онъ привезъ сухари тоже для моей дивизіи. Такъ какъ провіантскія телѣги были уже наканунѣ пополнены, то полки могли принять изъ этого транспорта сухари только на три дня текущаго довольствія. Между тѣмъ, офицеръ началъ просить принять и остальное, потому что опорожненные повозки онъ безъ себя назадъ отправить не можетъ и не знаетъ, куда ему дѣваться съ остальными. Вспомнивъ о странствующей и, быть можетъ, нуждающейся моей второй бригадѣ, я наудачу и на свой страхъ, далъ ему предписаніе направиться въ Сельви. Чтобы узнать, безопасна ли туда дорога, я поѣхалъ справиться объ этомъ лично въ штабъ арміи.

— Вамъ, вѣроятно, извѣстны, спрашиваю я одного изъ штабныхъ распорядителей, можно ли проѣхать въ Сельви?

— Можете быть вполне покойны, отвѣчалъ онъ; въ Сельви проѣдете хоть ночью, безъ всякаго конвоя.

— Ну, не говорите, возразилъ другой, присутствовавшій при этомъ дѣятель, тамъ бродятъ баши-бузуки, а можно нарваться и на черкесовъ.

Кому же вѣрить? думалъ я, возвращаясь домой, а все-таки отправилъ транспортъ.

Поздно ночью, на 20 августа, подали мнѣ бумагу полевого штаба, въ которой сообщалось приказаніе Великаго князя, отправить на слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, первый полкъ и первую батарею, съ подвижнымъ лазаретомъ и съ конвойнымъ баталіономъ Его Высочества, къ мосту на Осъмѣ, у селенія Болгарени. Не успѣлъ я сдѣлать должныя распоряженія о выступленіи, какъ оно было отложено сначала на 22, а потомъ на 23 число.

Дабы полки не оставались цѣлые дни совершенно праздными, я приказалъ выводить людей по утрамъ, до наступленія жары, часа на полтора въ поле, для провѣрки прицѣлки и ротныхъ ученій. На ночь же двѣ роты выставляли аванпосты. Государь ежедневно, прогуливаясь верхомъ или въ экипажѣ, почти всякій разъ заѣзжалъ на бивакъ, и не проходило дня, чтобы онъ не подзывалъ меня и не передалъ что-либо, доказывавшее его вниманіе къ полкамъ дивизіи, или лично ко мнѣ.

— Я сейчасъ заѣзжалъ въ госпиталь, говорилъ онъ однажды, и нарочно зашелъ въ юрту, поставленную для твоей сестры, которая завтра должна пріѣхать изъ Тырнова, посмотреть, какъ тамъ все для нея приготовлено.

Но особенно памятенъ пріѣздъ Государя вечеромъ 23 августа. Остановясь противъ середины бивака, Его Величество подозвалъ къ коляскѣ всѣхъ офицеровъ. Покуда они собѣгались, онъ спросилъ меня:

— Слышалъ ты вчера отдаленную канонаду?

Я отвѣтилъ, что мы явственно слышали ее два раза—часовъ въ 7 утра и потомъ въ 4 часа дня.

— Вчера, продолжалъ Государь, когда всѣ собрались, ваша вторая бригада участвовала во взятіи Ловчи. Подробностей я еще не имѣю; но знаю, что полки со славою окрестились огнемъ. Поздравляю васъ, господа, и васъ, ребята, съ побѣдою вашихъ товарищей.

Грануло „ура!“ и вмѣстѣ съ нимъ слышались возгласы: „И мы не отстанемъ! постарайся, покажемъ себя! только бы пустили впередъ!“ и т. п.

Давъ смолкнуть крикамъ восторга, Государь продолжалъ:

— Я хочу сказать, что вторая бригада *въ эту кампанію* окрестилась огнемъ; въ сущности же она окрещена имъ болѣе ста лѣтъ, равно какъ и вапа. Помните, что полкамъ дѣлавшимъ побѣды съ Суворовымъ, надо беречь и поддерживать свою боевую славу.

— Поддержимъ, Ваше Величество, только прикажите, кричали офицеры, бѣжавшіе возлѣ коляски.

У Государя навернулись слезы, когда онъ, давая рукою знакъ, чтобы они не бѣжали, говорилъ имъ:

— Надѣюсь, надѣюсь и увѣренъ въ васъ.

Въ тотъ же вечеръ первый полкъ, съ первою батареею Вольвачева, перешелъ въ Чуашъ-Махалу, чтобы на слѣдующее утро занять позицію у Болгаренскаго моста черезъ Осьму, въ 18 верстахъ отъ Плевны. Вмѣстѣ съ нимъ выступала также и Главная квартира Великаго князя. По тому же направленію, получивъ приказаніе конвоировать Главную квартиру Государя, тронулся на слѣдующій день и я, со вторымъ полкомъ.

Къ сказанному о пребываніи въ Горномъ-Студнѣ нельзя не добавить слѣдующій характеризующій фактъ. Пользуясь 7-ми дневною остановкою, я приказалъ полкамъ отправить своихъ казначеевъ назадъ въ Систово, для полученія денегъ. Прошло двое сутокъ, казначеи не возвращаются. Это начинало беспокоить меня. Проходятъ еще сутки—ихъ все нѣтъ. Я уже думалъ, не ограблены ли они, что въ непріятельской странѣ всегда возможно. Наконецъ, на четвертый день они являются съ пустыми руками и рассказываютъ слѣдующее: въ первый же день въ интенданствѣ требованіе отъ нихъ приняли и объявили, чтобы они явились за талонами на слѣдующій день. Приходятъ; чиновникъ заявляетъ, что ихъ требованія еще не проверены, и чтобы они зашли часа черезъ три. Ждутъ казначеи 3 часа на крыльцѣ, жарясь на солнцѣ, и когда возвращаются въ присутствіе, то тотъ же чиновникъ говоритъ имъ, что надо еще подождать, потому что журналистъ не успѣлъ внести ихъ бумаги въ журналъ. Ждутъ еще, а затѣмъ имъ

объяснили, что сегодня поздно, и нужно придти завтра утромъ. На утро та же исторія, съ тою разницею, что какой-то необходимый для талоновъ господинъ уѣхалъ на обѣдъ въ Зимницу, а вечеромъ, уже при четвертомъ визитѣ, объявляютъ, что деньги отпущены быть не могутъ, потому что въ требованіяхъ какая-то графа поставлена ниже другой, что противно формѣ, приложенной къ приказу по арміи, вышедшему въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Какъ бѣдные казначеи ни упрашивали, какъ ни доказывали, что у полковъ нѣтъ рубля въ звонкой монетѣ, что во время объявленія названнаго приказа мы были еще въ Россіи,—все напрасно.

По поводу этого случая, послѣ одного изъ обѣдовъ у Государя, я обратился къ лицу, отъ котораго много зависѣло, съ просьбою помочь намъ, и рассказалъ случившееся съ казначеями въ Систовѣ, но получилъ такой отвѣтъ:

— Охъ, ужъ это мнѣ чиновничество! вотъ оно гдѣ у меня сидитъ (послѣдовало указаніе рукою на затылокъ).

Вся помощь этимъ и кончилась. А что, еслибы эта особа, подумалось мнѣ, за подобную продѣлку послала въ Систово, не говорю адъютанта, а просто фельдъегеря съ запиской, что если что-либо подобное повторится, такъ все эти журналисты и формалисты полетятъ съ мѣсть, то навѣрно описанный случай былъ бы послѣднимъ. Къ сожалѣнію, такіе и подобные имъ случаи происходили частенько.

24-го августа мы пришли въ Чуашъ-Махалу около полудня. Мѣсто для бивака я выбралъ за возвышеніемъ, обращеннымъ къ Осьмѣ, по берегу которой пріютилась деревенька съ своими садами. Въ то время, когда полкъ и батарея вступали по жалонерамъ въ свои мѣста, на спускѣ съ горы показалась коляска, окруженная коннымъ конвоемъ и въ ней Государь съ Великимъ княземъ. Увидя меня, Его Величество приказалъ остановиться; я подскакалъ къ экипажу.

— Представь, какое грустное извѣстіе я передамъ тебѣ, сказалъ мнѣ Государь. Твой Кусовъ убитъ подъ Ловчею. Давно ли онъ завтракалъ у меня и я вспоминалъ съ нимъ о старыхъ финляндцахъ. Душевно жаль, отличный былъ офицеръ.

Извѣстіе о потерѣ лучшаго полковаго командира дивизіи поразило насъ всѣхъ. Во время обѣда и нѣсколько разъ по-

томъ, Государь высказывалъ сожалѣніе о смерти Кусова, но при какихъ обстоятельствахъ и въ какой моментъ боя убить этотъ достойнѣйшій человѣкъ, мы въ то время еще не знали.

Главная квартира главнокомандующаго, не останавливаясь въ Чуашъ-Махалѣ, прошла прямо за Осьму, къ Парадиму. Какъ это, такъ и носившаяся молва указывали, что предпринимается что-то серьезное противъ Плевны. Говорили, что къ ней сосредоточивается вся румынская армія, и что князь Карлъ Румынскій назначается командующимъ всѣми войсками Западнаго отряда. Положительнаго же мы ничего не знали; приходилось вывѣдать кое-что отъ лицъ свиты, а всего чаще отъ корреспондентовъ или отъ иностранныхъ офицеровъ, состоявшихъ при полевомъ штабѣ. По неопытности мы тогда еще не подозрѣвали, что слѣдовало обращаться къ евреямъ, агентамъ товарищества.

Оставшись старшимъ изъ войсковыхъ начальниковъ при Главной квартирѣ Государя, я получилъ увѣдомленіе отъ ея коменданта Рылѣва, что охраненіе мѣста стоянки Императора возлагается на штабъ моей дивизіи. Дабы не повторилось то, что было въ Горномъ Студнѣ, мною были немедленно сдѣланы распоряженія о высылкѣ разъѣздовъ и выставкѣ аванпостовъ.

На слѣдующій день, идя къ завтраку Государя, я встрѣтилъ офицера Преображенскаго полка, который просилъ меня указать ему, гдѣ квартира Его Величества.

— Идемте, мнѣ туда же, отвѣтилъ я.

Во время пути я узналъ, что онъ присланъ изъ Ловчи съ донесеніемъ къ Государю, и что, принадлежа къ составу конвойнаго гвардейскаго взвода, участвовалъ въ дѣлѣ. Полученное донесеніе Государь читалъ вслухъ, сидя на завалинкѣ болгарскаго домика, возлѣ котораго была разбита его палатка. Всѣ надѣялись услышать донесеніе бравшаго Ловчу князя Имеретинскаго; но оказалось, что это была записка генерала Добровольскаго, къ бригадѣ котораго былъ приданъ гвардейскій взводъ. Въ запискѣ не говорилось ни о комъ и ни о чемъ, кромѣ стрѣлковъ и горсти гвардейцевъ.

За завтракомъ много толковали о томъ, почему Добровольскій, помимо начальника отряда, писалъ прямо Государю, тогда

какъ подчиненная ему бригада составляла всего пятую часть войскъ, бравшихъ Ловчу.

2-я моя бригада принимала участіе во взятіи Ловчи только однимъ Псковскимъ полкомъ и то въ концѣ боя. До полудня она находилась въ резервѣ, затѣмъ полку было приказано спуститься ниже крытаго моста къ Осьмѣ, перейти ее въ бродѣ, и, обойдя городъ съ западной стороны, выйти къ тутовой рошѣ, чтобы атаковать редутъ съ западнаго фаса. Въ головѣ полка шелъ первый батальонъ подполковника Кобордо. Кусовъ приказалъ ему, выйдя изъ предмѣстья, перестроиться по-ротно и, разсыпавъ стрѣлковъ, идти на редутъ, самъ же остался у роши, чтобы выждать подходящія отъ рѣки баталіоны. Роты Кобордо вступили въ огонь въ то время, когда съ другой стороны редутъ уже брали полки второй дивизіи, а турки начинали отступленіе. Не смотря на это, псковцы до того рвались впередъ, что въ 2—3 минуты потеряли нѣсколькихъ убитыми и 37 человѣкъ ранеными. Устроивъ батальоны, Кусовъ выѣхалъ изъ опушки роши и, не видя за небольшою возвышенностью Кобордо, усумнился—вѣрно ли имъ взято направленіе. Подозвавъ адъютанта, онъ велѣлъ ему ѣхать къ первому батальону и подтвердить, чтобы онъ шелъ на редутъ. Самъ же приказалъ бывшему при немъ штабъ-горнисту держать его лошадь, и уже вынулъ ногу изъ стремени, чтобы слѣзть съ коня, какъ одна изъ пяти послѣднихъ пуль, выпущенныхъ въ этотъ день турками, ударила его въ голову надъ правой бровью и, съ частицею мозга, вышла наружу. Горнистъ не далъ своему полковнику упасть, подхватилъ его и тихо опустилъ на землю. Казалось, что смерть должна бы была послѣдовать моментально, а между тѣмъ послѣдняя искра жизни угасла только къ 5 часамъ слѣдующаго утра.

Смерть Кусова еще разъ доказала, какъ часто на войнѣ многіе предчувствуютъ свою кончину. Такъ, по рассказамъ офицеровъ, было и съ Кусовымъ. Со времени перехода границы, онъ былъ неузнаваемъ. Всегда энергичный, онъ вдругъ сдѣлался ко всему равнодушенъ, избѣгалъ разговоровъ и искалъ уединенія. Въ день боя, часа въ три утра, онъ потребовалъ къ себѣ завѣдующаго хозяйствомъ Маркова.

— Я чувствую, сказалъ ему Кусовъ, что буду убить сегодня. Въ казенномъ ящикѣ есть собственные мои деньги въ

особомъ конвертѣ, — перешлите ихъ и коляску моему брату. Верховую лошадь я дарю вамъ.

Мало этого, онъ самъ назначилъ денежные награды каждому изъ служившихъ при немъ деньщикамъ и вѣстовымъ.

Узнавъ потомъ всѣ подробности взятія Ловчи и наслушавшись рассказовъ участниковъ дѣла, я никакъ не могъ понять: какимъ образомъ турки могли, мало того что уйти изъ редута, но увести съ собою орудія. Ловчу обороняло, по самому широкому счету, 6,000 турокъ съ 4-мя орудіями, а атаковало ее по меньшей мѣрѣ 25,000, съ 92 орудіями, и, не смотря на всю возможность окружить непріятеля, ему позволили драться съ 4 часовъ утра до 6 часовъ вечера, потомъ уйти и увести несчастныя 4 пушки, причемъ мы потеряли около 2,000 человекъ, выбывшими изъ строя.

Изъ дальнѣйшаго рассказа читатели узнаютъ, что мнѣ довелось потомъ укрѣплять Ловчу. Живя въ ней 3 мѣсяца, я узналъ каждый кустъ, каждую скалу, каждую ложбину ея окрестностей, потому-то мнѣ и казалось непостижимымъ, почему дали уйти разбитымъ туркамъ. Понятно, что они выстроили за городомъ сильный редутъ для того, чтобы сдѣлать его ключемъ позиціи. Защищать Ловчу и держаться въ ней они не могли, такъ какъ командовавшая ею съ южной стороны громадная высота давала возможность разгромить городъ. Въ виду этого, они и заняли горы въ сторонѣ отъ шоссе изъ Сельви, прикрывавшія редутъ и рѣку внѣ городской черты. Атака была ведена именно съ той стороны, откуда желалъ непріятель. При иныхъ распоряженіяхъ можно было избѣгнуть и половины потерь, понесенныхъ стрѣлковою бригадою и полками второй дивизіи, сбивавшими турокъ съ занятыхъ ими высотъ. Стоило только находившіяся въ резервѣ части направить въ обходъ, на путь отступленія турокъ къ западу, то-есть на дорогу въ Микре, и они должны бы были оставить высоты безъ боя и отойти въ редутъ, что они и сдѣлали потомъ, но уже успѣвъ нанести сильныя потери атакующимъ. Обходъ редута съ запада былъ вполне возможенъ. Для этого стоило обогнуть незанятый городъ по тому же пути, по которому былъ пущенъ, передъ концомъ дѣла, Псковскій полкъ, и пройти ложбинами версты двѣ внѣ выстрѣловъ, чего турки не могли бы видѣть ни изъ редута, ни съ занятыхъ ими высотъ, такъ какъ рядъ

скалъ совершенно прикрылъ бы это движеніе. Если бы вышедшая на Микревскую дорогу часть пошла на редутъ одновременно съ атакою его отъ рѣки, то онъ, или былъ бы взятъ вдвое скорѣе и съ меньшими потерями, или совмѣстная атака заставила бы турокъ броситься на плевенское шоссе, то-есть на равнину, гдѣ они и могли быть легко разбиты.

Впослѣдствіи мнѣ привелось слышать, что обходное движеніе не было предпринято потому, что начальнику отряда не кому было поручить его, такъ какъ генералъ Скобелевъ былъ занятъ на правомъ флангѣ, а генералъ Разгильдѣевъ раненъ въ началѣ дѣла. Нерѣшимость дать отдѣльное порученіе, незнакомому командиру полка, служить новымъ доказательствомъ, какъ надо избѣгать назначеній въ войскахъ незнакомыхъ съ ними начальниковъ. Зная всѣхъ чиновъ бригады, я могъ-бы поручиться, что не только тотъ-же Кусовъ, но и многіе изъ баталіонныхъ командировъ могли-бы отлично исполнить подобное порученіе. Какъ извѣстно, турки на другой день пытались снова овладѣть Ловчей, и мнѣ довелось слышать объ этомъ отъ очевидцевъ слѣдующее:

Рано утромъ, 23-го августа, на сѣверныхъ высотахъ Ловчи появились свѣжія силы, посланные Османъ-пашою изъ Плевны. Выдвинутая ими батарея открыла огонь по занятому редуту, но артиллерійскою перестрѣлкою, продолжавшеюся не болѣе получаса, дѣло и кончилось. Турки безнаказанно возвратились въ Плевну.

Вотъ что мнѣ рассказывалъ еще объ этомъ движеніи командиръ 9-го казачьяго полка, полковникъ Нагибинъ. Высланная Османомъ колона шла не по шоссе, но напрямикъ, между нашею кавалерійскою дивизіею генерала Лошкарева и казачьими сотнями Нагибина, посты которыхъ ясно видѣли движеніе турецкаго отряда на Ловчу; видѣли даже, гдѣ онъ ночевалъ. Одна изъ нашихъ конныхъ батарей выѣзжала со стороны Вида на возвышеніе, сдѣлала 4 выстрѣла и скрылась. Изъ этого ясно, что движеніе непріятеля было извѣстно, но ни справа, ни слѣва не было ничего сдѣлано для атаки турокъ во флангъ. На мой вопросъ Нагибину, почему-же онъ ничего не предпринималъ, полковникъ вполне основательно отвѣтилъ:

— Что-же я могъ сдѣлать съ двумя бывшими при мнѣ сотнями, противъ нѣсколькихъ баталіоновъ съ артиллеріею.

Изъ происходившаго, во время завтрака, разговора Государя съ профессоромъ Боткинымъ, я узналъ, что Его Величество намѣренъ въ 2 часа ѣхать къ расположеннымъ у Болгарени госпиталямъ. Такъ какъ тамъ-же находился мой подвижной лазаретъ и 9-й Староингерманландскій полкъ, то я поспѣшилъ на его бивакъ, велѣлъ скорѣе заложить дрожки и поѣхалъ впередъ. Покуда закладывали, мнѣ подали записку изъ полевого штаба, за подписью генерала Непокойчицкаго, въ которой значилось, что главнокомандующій приказалъ: передвинуть 9-й полкъ отъ Болгарени къ Парамиду и занять тамъ укрѣпленную позицію, а для охраненія моста у Болгарени поставить тамъ баталіонъ 10-го Новоингерманландскаго полка. Приказавъ исполнить это, я поспѣшилъ застать 9-й полкъ еще до выступленія. Версты за двѣ до моста начинался громадный лугъ, почти сплошную обставленный обозами находившихся подъ Плевною полковъ, сложенными въ кучи ранцами, парками, всякаго рода транспортами. На берегу возлѣ моста, между ивнякомъ, раскинулся нашъ подвижной лазаретъ.

Я уже засталъ въ немъ С. П. Боткина, осматривающимъ больныхъ, которыхъ впрочемъ было не много, исключительно лихорадочныхъ. Его сопровождалъ молодой врачъ, пользовавшій этихъ больныхъ и дивизионный мой докторъ Кунаховичъ. Въ происходившихъ между Боткинымъ и молодымъ врачомъ объясненіяхъ, ясно выразилось то жалкое направленіе, которое существовало у выходившихъ въ 60-хъ годахъ изъ медицинской академіи студентовъ. На замѣчаніе лейбъ-медика и бывшего своего профессора, только что начинавшій службу и практику юноша, отвѣчалъ тономъ оппонента, не признающаго никакого авторитета. Безпрестанно вставляя фразы: „это ваше мнѣніе, а я думаю иначе“, — „вамъ такъ кажется, а мнѣ напротивъ“ и т. д.; баталіонный лекаръ произносилъ ихъ такимъ тономъ и стоялъ въ такой позѣ, какъ будто онъ говорилъ съ равнымъ. Кунаховичъ съ удивленіемъ поглядывалъ на меня, пожимая плечами, а мнѣ приходило на мысль: „кто-же виноватъ въ подобномъ направленіи, какъ не сами профессора; что сѣяли, то и жнутъ“; но все-таки, проводя Сергѣя Петровича, я велѣлъ арестовать его бывшего студента, на 3 дня, за неприличный тонъ и неумѣніе держать себя, говоря съ начальствомъ.

Между тѣмъ Староингерманландскій полкъ и находившаяся при немъ первая батарея строились для выступленія къ Парамиду. Государь вмѣстѣ съ военнымъ министромъ подѣхалъ къ полку, когда головной баталіонъ уже трогался. Полкъ и батарея, съ музыкой и пѣснями, проходили мимо Его Величества.

— Какой молодецкій и развитой взглядъ людей, — сказалъ Императоръ министру, а потомъ, обратясь ко мнѣ, прибавилъ:

— А ты точно курица высѣдившая утятъ, видишь какъ они уплываютъ и долженъ оставаться на берегу.

При проходѣ батареи Государь обратилъ вниманіе на ея сытыхъ коней и отличное снаряженіе.

— Какими оказались въ походѣ, — спросилъ онъ командующаго батареею, — новые четырехъ колесные ящики?

— Я, Ваше Величество, — отвѣчалъ капитанъ Вольвачевъ, ихъ хорошо изучилъ, производя пробныя съ ними передвиженія, и долженъ сказать, что прежніе были плохи, а эти еще хуже.

— Ну да, что вамъ ни сдѣлай новое, вы всегда находите неудобнымъ, — было отвѣтомъ Государя на смѣлый отзывъ Вольвачева.

Пропустивъ орудія, Государь подозвалъ къ себѣ полковаго командира, графа Татищева, поблагодарилъ, поцѣловалъ его и, перекрестивъ, сказалъ: „Ну, Христосъ съ тобой, ступай съ Богомъ“. Я тоже простился съ графомъ, причемъ, когда онъ проговорилъ что-то вродѣ: „Не забудьте семью“, — я невольно вспомнилъ свое послѣднее прощанье съ Кусовымъ въ Луцкѣ.

Побывавъ въ шатрахъ подвижныхъ госпиталей, Государь поѣхалъ назадъ, я же издали слѣдовалъ за свитой. На половинѣ дороги къ Чуашъ-Махале, Его Величество и вся свита пересѣли на верховыхъ лошадей, выведенныхъ навстрѣчу. Во время дальнѣйшаго пути произошелъ довольно курьезный эпизодъ. Передъ пригоркомъ, за который круто загибала дорога, встрѣчается солдатъ Новоингерманландскаго полка, верхомъ и съ нимъ болгаринъ на ослѣ. Оба соскочили и остановились.

— Куда ты? спрашиваетъ Государь солдата.

— Съ проводникомъ, Ваше Величество, отвѣчаетъ онъ.

— Я вижу, что съ проводникомъ, но куда?

— Съ проводникомъ, Ваше Величество, повторяетъ солдатъ.

— Понимаю, возвышая голосъ, въ третій разъ спрашиваетъ Государь, но куда и зачѣмъ?

Совершенно растерявшійся солдатъ повторяетъ то же самое.

— Узнать, что это за дуралей, обратился Его Величество къ свитѣ и продолжалъ путь.

Я подъѣхалъ въ то время, когда многіе изъ свиты разспрашивали оторопѣвшаго и испугавшагося солдата. Поднявшись на пригорокъ, Государь увидѣлъ баталіонъ Новоингерманландскаго полка, стройно шедшій на смѣну Татищева у моста. Баталіонный командиръ объяснилъ Его Величеству, что встрѣченный былъ его конный вѣстовой, приставленный къ взятому изъ деревни проводнику для того, чтобы тотъ не убѣжалъ съ дороги. Передъ обѣдомъ въ Главной квартирѣ, военный министръ передалъ мнѣ подробности описанной сцены, прибавивъ, что Государь обратилъ вниманіе на щегольскій видъ и молодецкій шагъ баталіона. Дѣйствительно, полки дивизіи, только что перешедшіе Дунай, должны были казаться щеголями, сравнительно съ прочими войсками арміи, успѣвшими уже сильно обноситься.

26-го августа, въ 6 часовъ утра, Государь со свитою, окруженный своимъ кавалерійскимъ конвоемъ, проѣхалъ мимо бивака по дорогѣ къ Плевнѣ, а черезъ часъ мы уже услышали пушечную канонаду. Это было началомъ 4-хъ-дневнаго бомбардированія. Обозъ Главной квартиры оставался еще въ Чуашъ-Махале, а при немъ и я съ 2 баталіонами 10-го полка. Въ полдень, по случаю дня коронаціи, въ столовомъ шатрѣ происходило молебствіе и потомъ обѣдъ, подъ предсѣдательствомъ князя Суворова. Во время обѣда ему подали депешу, чтобы Главная квартира на утро перешла въ Раденицы, а я получилъ записку съ слѣдующими приказаніями главнокомандующаго: 1) 10-й Ново-ингерманландскій полкъ съ двумя батареями отправить въ Бѣлу, къ отряду Государя-Цесаревича. 2) Дивизионному штабу и подвижному лазарету присоединиться къ 9-му Староингерманландскому полку на позиціи у Парадима. Чѣмъ было вызвано отдѣленіе полка отъ дивизіи въ запискѣ не объяснялось; въ Главной же квартирѣ наканунѣ прошла молва, будто турки тѣснятъ лѣвый флангъ арміи и Рушукскій отрядъ нуждается въ помощи. Но спрашивается, какую пользу сорокатысячному отряду могъ принести одинъ

полкъ? Столь малая часть можетъ быть полезна во время самаго боя, если надо усилить извѣстный флангъ или пунктъ; но если полкъ приходитъ черезъ 4 дня послѣ дѣла, то чему онъ поможетъ? Между тѣмъ черезъ это составъ дивизіи совершенно разстроивался и *de facto* ея не существовало для арміи: первый полкъ находился у Парадима, второй отправили въ Рушукскій отрядъ, третій и четвертый были въ Ловчѣ, а отъ этого сдѣлалось цѣлою дивизіею меньше подъ Плевной.

По полученіи вышеприведенной записки, моя роль охранителя главной квартиры Государя кончалась. Да и не съ кѣмъ было бы охранять ее; но помощникъ коменданта, Тучковъ, просилъ меня не выступать, покуда онъ не выпроводитъ изъ деревни всего придворнаго и свитскаго обоза, причемъ мы условились, что онъ выступитъ въ 6, а я въ 8 часовъ утра. Выѣсто этого пришлось ждать до десяти. Громаднымъ фургонамъ и каретамъ шестериками, тотчасъ за бивакомъ, предстояло спускаться по узкой дорогѣ съ крутаго ската, а затѣмъ при поворотѣ въѣзжать на узкій мостъ. Ранѣе спуска экипажи то засѣдали по переулкамъ деревни въ пескѣ, то налетали другъ на друга. Лошади не сдерживали и мчались подъ гору; у нѣкоторыхъ повозокъ не оказалось тормазовъ, у другихъ ямщики, по русскому „авось“, не хотѣли тормозить, полагаясь на свою силу. Порядка и повиновенія со стороны кучеровъ и прислуги не было никакого. Все это ужасно сердило меня и, наконецъ, терпѣніе мое истощилось. Я приказалъ своимъ слѣдовать независимо отъ обоза Главной квартиры. Вплоть до Болгарени ея экипажи обгоняли насъ, перегоняли другъ друга, то останавливались, то снова неслись въ карьеръ. Видя этотъ безпорядокъ, мнѣ вновь пришло на мысль, „а что если бы въ это время человекъ 30 черкесовъ гикнули бы изъ засады, — чтобы осталось тогда отъ обоза свиты?“

Въ 3 часа дня, въ самый разгаръ зноя, мы присоединились къ Староингерманландскому полку на Парадимской позиціи. Здѣсь я узналъ отъ графа Татищева, что его полкъ назначенъ въ резервъ 9-го корпуса, находившагося подъ Плевной. Вслѣдствіе этого, мною немедленно былъ отправленъ офицеръ съ донесеніями къ корпусному командиру, барону Криднеру и къ начальнику штаба Западнаго отряда, въ составъ котораго мы

вошли, о прибытіи штаба дивизіи и перваго полка къ Парадиму и вмѣстѣ сообщено, гдѣ находятся прочія части дивизіи.

Занятая нами позиція была та самая, отъ которой генеральтъ Зотовъ 18 августа отбилъ наступленіе Османа, вышедшаго съ 25,000 изъ плевненскихъ укрѣпленій. Возлѣ нашего бивака находилась большая часть батарей и ложементовъ, построенныхъ четвертымъ корпусомъ. Я со вниманіемъ осмотрѣлъ ихъ, и долженъ замѣтить, что наши фортификаціонныя работы представляются чѣмъ-то до крайности мелкимъ, сравнительно съ тѣми турецкими, которыя мнѣ пришлось видѣть впоследствии. Профили тонкіе, съ узкими рвами, стрѣлковые ровики кажутся какими-то канавками, батареи безъ траверсовъ и все безъ всякой отдѣлки. У турокъ же чистота отдѣлки и сила профилей поразительны, въ чемъ я вполне убѣдился при осмотрѣ Плевненскихъ и Адрианопольскихъ укрѣпленій. Могутъ сказать, что Адрианополь укрѣплялся цѣлый годъ, но Плевна, гдѣ 8-го іюля не было ни одной батареи, 18-го іюля имѣла громадныя редуты, а черезъ мѣсяцъ—десятки ихъ, съ траншейными сообщеніями и прикрытыми путями. Наши же укрѣпленія у Парадима, гдѣ войска стояли три недѣли, имѣли видъ едѣланныхъ въ одну ночь. Конечно, это не только не уменьшаетъ, а напротивъ—увеличиваетъ честь ихъ обороны; но я привожу только факты, отнюдь не становлюсь на сторону тѣхъ, которые воображаютъ, что вся суть военнаго дѣла заключается въ умѣніи строить укрѣпленія и что побѣды даются редутами. Здѣсь кстати замѣтимъ, что подобныя убѣжденія стали проводить наши профессора, сряду послѣ кампаніи, и ввели самоокапываніе въ такую моду, что войска занимались имъ до увлеченія. Къ счастью, какъ все модное, и это продолжалось недолго. Не прошло и 10 лѣтъ, какъ тѣ же господа проповѣдуютъ, что самоокапываніе уничтожаетъ предпримчивость, удалство и самоувѣренность и потому вредно.

Бомбардированіе Плевны продолжалось, а 28 августа было особенно сильно. Желая взглянуть поближе на дѣйствіе батарей, я, вмѣстѣ съ начальникомъ штаба и двумя адъютантами, поѣхалъ къ Гривицѣ. По пути вправо и влево отъ дороги расположились болгарскія семьи, бѣжавшія изъ Плевны. Подобно нашимъ цыганамъ, они лежали и бродили возлѣ своихъ повозокъ и выпряженныхъ воловъ. Стоило взглянуть на ихъ

лица, чтобы убѣдиться въ ихъ безвыходномъ положеніи. Когда мы поднялись на возвышеніе за Гривицею, то увидѣли бѣлые клубы дыма, сначала быстро поднимающіеся въ высоту, потомъ медленно расплывавшіеся въ воздухѣ. Спустился въ долину, чаще и чаще стали встрѣчаться фуры съ красными крестами, пустые зарядные ящики, бѣжавшіе въ тылъ за снарядами, артельныя повозки съ котлами и мясомъ. До румынскихъ батарей надо было уже пробираться безъ дорогъ, по кустамъ, на лежавшую вправо возвышенность. Оттуда были видны всѣ наши батареи до Кнышина, кольцомъ обложившія занятія турками позиціи. Противъ ихъ лѣваго фланга и Гривицкаго редута дѣйствовали румынскія батареи, превосходно стрѣлявшія шрапнелью, изъ которыхъ каждая рвалась надъ брустверомъ.

Всю ночь на 29-е число, не смотря на шестиверстное разстояніе отъ боевой нашей линіи, мы бодрствовали, ежеминутно ожидая приказанія двинуться, такъ какъ съ лѣваго фланга доносилась сильная канонада и неумолкаемый ружейный огонь. На утро я могъ только узнать, что это было въ отрядѣ Скобелева и что его войска понесли громадныя потери. Почему бы, казалось, не сообщать о происходящемъ на одной позиціи въ другія?—это избавило бы отъ несправедливыхъ слуховъ и отъ преувеличенія потерь. То и другое всегда непріятно дѣйствуетъ на самоувѣренность и бодрость духа и производитъ въ войскахъ невольное уныніе. Такъ было и съ нами, когда пріѣхавшіе изъ Парадима рассказывали, что видѣли, какъ туда принесли знамена всѣхъ полковъ второй дивизіи, причемъ прибавляли, будто въ ней осталось только четыре батальона, а все остальное легло.

Въ тотъ же день я, наконецъ, получилъ прямыя свѣдѣнія изъ второй бригады, и могъ узнать, что ея обозъ приближается къ Парадиму. Съ обозами прибыли: завѣдующіе хозяйствомъ, квартирмейстеры и казначеи обоихъ полковъ. Они-то и сообщили тѣ подробности Ловчинскаго боя, которыя приведены выше. Прибытіе обозовъ въ Парадимъ, тогда какъ полки остались въ Ловчѣ, меня крайне удивило; но оказалось, что они пришли прямо изъ Сельви. Въ тотъ же день получено было первое донесеніе и отъ командира бригады Давыдова. Изъ него я узналъ: 1) что батальонъ четвертаго полка оставленъ въ

Сельви, а въ Ловчѣ находятся 5 батальоновъ и батарея 9-й артиллерійской бригады, всѣ же батареи моей дивизіи взяты со второю къ Плевнѣ; 2) что полки издержали всѣ сухари и довольствуются хлѣбомъ изъ остатковъ турецкихъ запасовъ, получая вмѣсто трехъ фунтовъ—полтора, и 3) что бригада не можетъ вести никакой отчетности и переписи, потому что канцелярія полковъ при обозахъ. Вина въ послѣднемъ, конечно, болѣе всего падаетъ на самого Давыдова, потому что, зная объ оставленіи обоза въ Сельви, ему никто не мѣшалъ послать туда офицера, съ приказаніемъ обозу бригады идти не къ Парадиму, а къ своимъ частямъ. Вотъ еще доказательство, что значить разбрасывать полки дивизіи и давать части чужимъ начальникамъ, которые, конечно, больше заботятся о своихъ, чѣмъ о постороннихъ. Чтобы сколько-нибудь поправить дѣло, я приказалъ дивизионному интенданту немедленно отправляться въ Ловчу, для принятія мѣръ къ устройству довольствія, а завѣдующимъ хозяйствомъ съ обозами направиться туда же, къ своимъ полкамъ.

Около пяти часовъ дня, 29-го августа, прискакалъ на бивакъ офицеръ генеральнаго штаба. Это былъ тотъ же самый, котораго мы никакъ не могли дожидаться въ Зимницѣ. Онъ привезъ приказаніе главнокомандующаго: Староингерманландскому полку, съ первою батареею, двинуться немедленно къ Гривицѣ и стать въ лощинѣ, возлѣ бивака Кіевскаго гусарскаго полка. Хотя о штабѣ дивизіи и о подвижномъ лазаретѣ не было сказано ни слова, тѣмъ не менѣе я счелъ долгомъ, вмѣстѣ со всѣми чинами штаба, слѣдовать за полкомъ. Черезъ полчаса полкъ тронулся и передъ закатомъ солнца втянулся въ высокій и густой кустарникъ. Въ сумерки нашла темная туча, разразившаяся сильною грозю съ ливнемъ, и наступилъ такой мракъ, что въ двухъ шагахъ невозможно было ничего видѣть. Орудія, патронные ящики, лазаретныя фуры,—все это столпилось въ кучу, батальоны и роты перемѣшались. Боясь, чтобы полкъ не зашелъ въ тылъ румынской позиціи, или, что было бы еще хуже, взявъ правѣе, не очутился бы передъ лѣвыми турецкими батареями, я приказалъ остановиться. Посланный къ Татищеву, ѣхавшему въ головѣ колонны, адъютантъ, возвратясь доложилъ мнѣ, что нашъ вожатый Арбузовъ, усумнившись въ вѣрности пути, уѣхалъ отыскивать дорогу. До

тѣхъ поръ мы его и видѣли; онъ снова исчезъ и болѣе не возвращался. По невозможности идти далѣе, я приказалъ составить ружья и оставаться тамъ, гдѣ стояли. Всю ночь мы провели подъ дождемъ, до того сильнымъ, что невозможно было ни развести костровъ, ни прилечь въ залитыхъ водою кустахъ.

По расторопности моего деньщика Трофима, я лично провель эту ночь относительно спокойно. Коляска моя оказалась за колоною и я расположился въ ней. Не зная о моемъ близкомъ присутствіи, солдатики толковали между собою безъ стѣсненія, и тутъ я еще болѣе, чѣмъ на мирныхъ маневрахъ, убѣдился, что русскій человѣкъ рѣдко унываетъ, и что чѣмъ хуже погода и чѣмъ труднѣе обстоятельства, тѣмъ солдаты веселѣе и словоохотливѣе. Прибаутки и шуточки слышались возлѣ самой коляски до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ адъютантовъ, подойдя къ ней, не сказалъ мнѣ:

— Нехотители, ваше превосходительство, выпить стаканъ чаю.

— Какъ это вы ухитрились добыть его? спросилъ я.

— Да это вашъ же Трофимъ догадался втиснуть кое-что въ задній ящикъ фургона, а заварили въ солдатскомъ котелкѣ.

Кромѣ чая и сахара, у Трофима оказалась бутылка вина и оставшіеся отъ обѣда пирожки.

Наступившее утро не помогло намъ узнать гдѣ мы находимся; туманъ былъ до того густъ, что видимый горизонтъ, покрытый бѣловато-сѣрою пеленою, ограничивался тридцатью шагами. Посланные впередъ и въ стороны офицеры, разузнавъ дорогу, возвращались, говоря, что колени и разъѣзды между кустами безпрестанно пересѣкаются въ разныхъ направленіяхъ, а потому ориентироваться невозможно.

Часовъ въ 6 началась канонада; я рѣшилъ идти на выстрѣлы, но въ то время, когда батальоны становились въ ружье, явился новый офицеръ генеральнаго штаба Эссенъ, съ запискою къ Татищеву: перевести полкъ къ первой осадной батарее. Чтобы не попасть подъ выстрѣлы, пришлось идти лощинами безъ дорогъ, по засѣяннмъ скатамъ, что сильно замедляло движеніе. Къ 12-ти часамъ мы подошли къ осадной батарее. 8 громаднхъ орудій стояло за брустверомъ на прочныхъ платформахъ. Первымъ дѣломъ было взять бинокль для осмотра впереди лежащей мѣстности и тѣхъ грозныхъ укрѣпленій Плевны, о которыхъ такъ много говорили. Верстахъ въ двухъ вправо

виднѣлась деревня Гривица, а за нею едва замѣтной желтою линією, обрисовывалась правильная насыпь редута. Въ верстѣ отъ него, въ сторонѣ города, можно было замѣтить нѣсколько укрѣплений, мѣстами сливавшихся въ одно, мѣстами разъединенныхъ. Это былъ укрѣпленный лагерь турокъ, изъ котораго они высылали поддержки въ различные пункты своей оборонительной линіи.

Имѣя при дивизіонномъ штабѣ одинъ полкъ и то обреченный находиться въ резервѣ, я предоставилъ распоряжаться имъ полковому командиру, самъ-же остался возлѣ, простымъ зрителемъ боя. Но, желая узнать, какія сдѣланы для него распоряженія, просилъ Татищева показать мнѣ диспозицію. Къ крайнему удивленію, ни у него, ни у командира осадной батареи таковой не оказалось. Послѣдній могъ только сказать мнѣ, что ему приказано производить усиленную стрѣльбу до 11 часовъ, затѣмъ прекратить ее до часа, потомъ начать снова, и что въ 3 часа, по слухамъ, предполагается общая атака. Проѣзжавшіе мимо съ приказаніями флигель-адъютанты и ординарцы отвѣчали одно, что имъ ничего не извѣстно. Приходилось поневолѣ подумать: „бой съ секретами для участниковъ, — это что-то новое въ военномъ дѣлѣ“.

Въ 3 часа канонада загремѣла по всей линіи и вслѣдъ затѣмъ выказались изъ-за прикрытій наши стрѣлковыя цѣпи. Съ бруствера осадной батареи было отлично видно наступленіе румынъ на Гривицкій редутъ и нашей 5-й дивизіи по лощинѣ. Сильнѣйшая ружейная стрѣльба кипѣла съ обѣихъ сторонъ. Несмотря на четвертый часъ дня, нашедшія облака обратили день въ сумерки, черезъ что вся оборонительная линія турокъ обозначалась какъ огненная линейка. Вскорѣ долина покрылась пороховымъ дымомъ, который вмѣстѣ съ туманомъ застлалъ все бѣлою пеленою. Было только видно, что румыны, встрѣченные сильнымъ огнемъ, подавались очень медленно. Въ помощь ихъ лѣвому флангу была послана бригада пятой дивизіи, а первому баталіону Староингерманландскаго полка, съ 1-ю батареею, приказано перейти къ Гривицѣ. Вольвачевъ лихо вынесся на позицію противъ турецкой батареи, находившейся на загибѣ шоссе къ городу. Отославъ передки и ящики за ближайшую складку мѣстности, онъ отстрѣливался до самой ночи, а къ утру, одними своими людьми, окопался настоль-

ко, что въ теченіи 4-хъ дней, при постоянной канонадѣ, имѣлъ самую ничтожную потерю. Отъ 1-го баталіона была въ дѣлѣ только 1-я стрѣлковая рота; прочія оставались подъ выстрѣлами, въ резервѣ, и имѣли одного убитымъ и 9 человекъ ранеными. Наступившая темнота прекратила бой. Я съ штабомъ возвратился на бивакъ у Парадима и только утромъ узналъ, что Гривицкій редутъ взятъ, а на всѣхъ прочихъ позиціяхъ наши отбиты. Редутъ этотъ былъ занятъ нашими совместно съ румынами. Въ спокойные моменты обложенія имъ это почему-то не нравилось, такъ какъ они считали редутъ своимъ, будто бы ими взятымъ, трофеемъ между тѣмъ какъ, въ моментъ взятія, на 4 русскихъ баталіона, насчитывалось всего 200 румынъ. Когда же наши части были выведены, то, въ ожиданіи новыхъ нападеній со стороны турокъ, румыны выражали горячее желаніе видѣть въ редутѣ хотя нѣсколько нашихъ ротъ, — „ради сліянія обѣихъ армій“ — говорили они. И потомъ нѣсколько разъ, но словесно, они заявляли, чтобы отъ войскъ, стоявшихъ близъ Гривицы, имъ отряжали на ночь хотя 2 роты; такъ жаждали они, посредствомъ 2 ротъ, слить свои 3 дивизіи съ русскими. Разсказывали, будто имъ не прямо отказали въ столь благородномъ стремленіи, но попросили заявить его письменно. Вѣроятно, наши милые союзники заподозрили въ этомъ что-либо не совсѣмъ для нихъ удобное и потому на бумагѣ своихъ взглядовъ на сліяніе не излагали.

Не буду высказывать своего мнѣнія на причины третьей неудачи подъ Плевною. Объ этомъ много писали и пишутъ до сихъ поръ, а о томъ, что говорили тогда, — писать неудобно. Но почему не переименовать того, что существовало и что всякому было извѣстно: неопредѣленность плана атаки, неясность распоряженій, несчастная система секретничанья, доходившая до того, что диспозиція не сообщена была даже тѣмъ лицамъ, которыя должны были знать ее.

Третья неудача подъ Плевною была тѣмъ обиднѣе, что случилась въ день именинъ Государя. Видимо было, что хотѣли ознаменовать этотъ день побѣдою, порадовать болящее о войскахъ сердце Царя, а вмѣсто того огорчили и его, и армію. Но понесенныя ею потери не ослабили ея духа и увѣренности въ своей силѣ. Стоило на другой день видѣть ея биваки, чтобы убѣдиться въ этомъ. Вынеся съ по-

корностью Промыслу понесенные удары, армія стояла спокойно и бодрою на своихъ прежнихъ позиціяхъ. Лицамъ, не близко стоявшимъ къ центру военныхъ распоряженій, трудно судить, какъ смотрѣли на неудачу составители предположеній для боя; но изъ отзыва тѣхъ, которыхъ приходилось видѣть въ эти дни, было замѣтно, что они сильно приуныли. Генераль Зотовъ, съ которымъ я видѣлся 1 сентября, черезъ день послѣ боя, сильно жаловался на свое положеніе; да и дѣйствительно оно было не изъ легкихъ. Нося официальное названіе начальника штаба при Карлѣ Румынскомъ, числившемся начальникомъ всѣхъ войскъ Западнаго отряда, Зотовъ въ сущности былъ отвѣтственнымъ распорядителемъ дѣла. „Я подписалъ диспозицію, говорилъ онъ мнѣ, а между тѣмъ не могъ быть самостоятельнымъ ея исполнителемъ, и наши союзники вмѣсто помощи только затрудняютъ насъ“.

На неизвѣстность цѣли, въ бою 30 августа, болѣе всего жаловались артиллеристы. Вотъ что пишетъ одинъ изъ нихъ въ своихъ запискахъ: „Начатая 26 августа канонада была прологомъ къ предстоявшей черезъ нѣсколько дней атакѣ; но въ чемъ заключались предположенія на счетъ послѣдней,—мы не вѣдали. Необходимо было заранее обозначить болѣе тѣсный кругъ нашихъ дѣйствій; другими словами—необходимо было указаніе предполагаемыхъ пунктовъ атаки, такъ какъ разстрѣлывать всю позицію турокъ было очевидно невозможно; но пресловутый „секретъ“ лежалъ на всемъ, въ пору, или не въ пору, это, повидимому, не разбиралось“.

Въ теченіи 31 августа я два раза посылалъ къ графу Татищеву узнать о положеніи его полка. Утромъ ѣздили адъютантъ Байковъ, вечеромъ—ординарецъ Эриротъ. Первый привезъ извѣстіе, что полкъ выведенъ передъ Гривицу, гдѣ, прикрытый пригоркомъ, имѣлъ только 2-хъ раненыхъ. Эриротъ доложилъ, что при немъ полкъ переведенъ изъ-подъ выстрѣловъ за шоссе лѣвѣе деревни, а 2-й баталіонъ, въ видѣ охраны, отведенъ версты на двѣ назадъ, къ той горѣ, гдѣ всѣ эти дни находились Государь и главнокомандующій.

Чтобы находиться ближе къ Староингерманландскому полку, 1 сентября я перевелъ дивизионный штабъ отъ Парадима версты на 3 впередъ и расположилъ его въ лощинѣ, въ полуверстѣ отъ полка. Въ другой лощинѣ неподалеку къ западу былъ

раскинутъ подвижной лазаретъ 5-й дивизіи, куда были отправлены раненые 1-го баталіона и батареи. Мнѣ хотѣлось навѣстить ихъ. Спускаясь съ ближайшей горы, мы увидѣли шатры и на разложенной вокругъ ихъ соломы, болѣе тысячи раненыхъ. Между шатрами мелькали сестры милосердія. Меня встрѣтилъ штабъ-офицеръ, смотритель лазарета. На вопросъ: нѣтъ-ли между сестрами моей родной сестры?—онъ отвѣтилъ: „Какъ же, Елизавета Петровна вотъ здѣсь, въ третьемъ шатрѣ“.

Чтобы войти въ него, нужно было пробираться между рядами лежавшихъ вплотную раненыхъ. Внутренность шатра представляла ужасающее зрѣлище. Вскрикиванія, стоны, хрипѣніе, бредъ,—все это смѣшивалось въ какой-то раздирающей душу гуль. По серединѣ шатра стояла высокая фигура солдата, въ шинели и въ амуниціи. По формѣ шапки видно было, что это не русскій; издали я принялъ его за арапа, до того лицо его было черно. Подходя ближе, вижу рослаго румына. Опаленное лицо его казалось обугленнымъ; только лѣвая содранная щека висѣла, вмѣстѣ съ выбитымъ глазомъ, а на ея мѣстѣ виднѣлась черно-красная яма. Въ концѣ шатра нѣсколько докторовъ, безъ куртокъ, съ засученными рукавами, суетились возлѣ столовъ, на которыхъ лежали голые люди, а вокругъ пахло кровью и хлороформомъ. У одного ампутируемаго стояла сестра моя; я не видѣлся съ нею 2 года, со времени отъѣзда ея въ Черногорію. Увидя меня, она быстро подошла и, цѣлуя, проговорила:

—Здравствуй и, ради Бога, уходи скорѣе. Теперь, видишь, некогда слова сказать; пріѣзжай послѣ, когда управимся.

Поспѣшивъ выйти на воздухъ, мнѣ страшно было оглянуться. Изъ шатровъ ежеминутно выносили умершихъ и клали тутъ же, такъ что образовались уже ряды труповъ, покрытыхъ простынями и шинелями.

Въ тотъ же день, часовъ въ 5 вечера, я поѣхалъ на бивакъ къ графу Татищеву, гдѣ засталъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ бодрыми и веселыми. Полкъ былъ расположенъ подъ горою, вмѣстѣ съ частями 5-й дивизіи и артиллерійскими батареями. Къ нимъ и отъ нихъ, безъ перерыва, тянулись ящики за снарядами и наполненные ими. Съ высотъ грохотала канонада, а въ лощинѣ кипѣла бивачная жизнь обыкновеннымъ порядкомъ, точно ничего не совершается особеннаго. За соста-

вленными рядами ружей, у ручья, дымились огни подъ ротными котлами; въ одномъ мѣстѣ выгружали подводу съ добытыми за Дунаемъ кочными капуста; въ другомъ — подвозили къ баталіонамъ хлѣбъ, въ третьемъ — шла раздача винной порціи. Здѣсь, на лужайкѣ, вокругъ самовара, лежатъ офицеры; тамъ группа ихъ окружила проѣзжавшаго штабнаго и засыпаетъ его вопросами; говоръ, бѣготня, мѣстами пѣсни и перебранки съ евреемъ-маркитантомъ. Ниже, за рѣчкой, собираются рѣзать привязаннаго къ дереву вола, а рядомъ солдатикъ, прислонясь къ тому же дереву, наигрываетъ на какой-то дудкѣ русскую пѣсню. Все это вмѣстѣ представляло крайне оригинальную живую картину.

Когда мы возвращались къ своему биваку, пришлось опять проѣхать мимо подводы съ капустой. Бывшій при ней офицеръ, вѣроятно, замѣтилъ, съ какою завистью мы смотрѣли на нее, и точно прочиталъ въ нашихъ глазахъ мысль: „счастливыцы, завтра будутъ ѣсть лѣнныя щи, а мы пробавляемся консервами“. Онъ тутъ же обратился ко мнѣ съ словами:

— Неудобно-ли, ваше превосходительство, принять въ подарокъ 5 кочешковъ; больше удѣлить не могу, съ трудомъ добылъ за Дунаемъ, въ Турнъ-Магурели.

Я съ благодарностію принялъ это подношеніе. Бывшій при мнѣ штабъ-горнистъ положилъ кочни въ тутъ же добытый кулекъ и, съ осторожностью достойною ананасовъ, привязалъ къ своему сѣдлу.

На слѣдующій день, вечеромъ, я опять зашелъ навѣстить сестру мою въ лазаретъ 5-й дивизіи. Онъ представлялъ уже другую, болѣе спокойную картину: главнѣйшія операціи были сдѣланы, многіе изъ стонавшихъ вчера смолкли на-вѣки; сестры разносили раненымъ чай и бульонъ. Только въ одномъ шатрѣ шла еще усиленная работа: изъ него то и дѣло выбрасывали отнятую руку или ногу.

Въ этотъ разъ сестра имѣла возможность пробыть со мною около часа. Сидя возлѣ своего фургона на пустомъ боченкѣ, а я противъ нея — на оглоблѣ повозки, она угостила меня кофеемъ со сливками изъ консервовъ. Вечеръ былъ дивный: закатывающееся солнце ярко освѣщало вершины холмовъ, бросаая разнообразныя тѣни на лощины. Съ одной изъ ближайшихъ возвышенностей доносилось пѣніе заупокойныхъ молитвъ.

Взглянувъ въ ту сторону, я увидѣлъ группы солдатъ, роящихся общія могилы, къ которымъ, отъ лазарета, тянулась длинная вереница покрытыхъ сѣрыми шинелями носилокъ. Въ сторонѣ, на отдѣльномъ холмикѣ, отпѣвали флигель-адъютанта, полковника Плиттера. Мой разговоръ съ сестрою былъ прерванъ одною изъ сестеръ милосердія, пришедшею спросить, можно-ли раненому офицеру дать вмѣсто чая бульону.

— Онъ такъ жалобно проситъ, сказала она.

— А въ какомъ онъ положеніи? спросила сестра моя.

— Очень слабъ, едва говорить.

— Дайте.

Черезъ двѣ минуты та же сестра милосердія пронесла въ шатеръ бульонъ, и черезъ минуту, утирая слезу, вышла отсюда съ нетронутою чашкою.

— Что же, спросила сестра моя — не выпилъ?

— Скончался, куда я говорила съ вами, — отвѣтила она.

Въ эту минуту раздалась сильная ружейная трескотня со стороны Гривицы. Я поспѣшилъ къ своему биваку и съ перваго возвышенія увидѣлъ, что турки вновь пробуютъ овладѣть редутомъ. Покуда сѣдлали коней, чтобы ѣхать къ полку, пальба стихла. Желая узнать, что будетъ предпринято въ будущемъ съ разбросанною моею дивизіею, 4-го сентября утромъ я поѣхалъ къ Великому князю въ Парадимъ. При входѣ моемъ въ садъ, примыкавшій къ квартирѣ главнокомандующаго, къ ней подъѣхалъ принцъ Карлъ. Онъ сидѣлъ въ открытой коляскѣ, рядомъ съ своимъ адъютантомъ; на козлахъ — драбандъ и кучеръ въ цвѣтномъ народномъ румынскомъ костюмѣ: яркій, широкій, шитый шелками поясъ, шляпа съ лентами всевозможныхъ цвѣтовъ, въ рукѣ бичъ, у лошадей бубенчики, колокольчики и розетки въ заплетенныхъ гривахъ.

Пришлось выждать въ саду около получаса, послѣ чего Великій князь вышелъ вмѣстѣ съ Румынскимъ, чтобы ѣхать вмѣстѣ на позицію. Увидя меня, Его высочество сказалъ:

— Я назначаю тебя въ Ловчу, начальникомъ самостоятельнаго Ловче-Сельвинскаго отряда; тамъ соберется твоя дивизія и будетъ служить связью между Плевной и Шипкой.

— Слѣдовательно и Новоингерманландскій полкъ присоединится ко мнѣ? спросилъ я.

— Ну, это едва ли; я не знаю отпустить ли его Наслѣдникъ.

— Когда же прикажете выступать?

— Объ этомъ ты получишь приказаніе, а завтра можешь перейти съ 9-мъ полкомъ къ Згалауицѣ. Не забудь, что твоя цѣль оберегать нашъ правый флангъ и балканскіе проходы отъ Шипки до Вида.

Я ждалъ, что къ вечеру получу письменное приказаніе, но прошло 2 дня—его не было, а 6-го числа Главная квартира снова перешла въ Горный-Студень.

5-го сентября, въ день именинъ сестры моей, мнѣ хотѣлось поздравить ее, а вмѣстѣ проститься, да кстати и повидать раненыхъ 9-го полка. За неимѣніемъ перевозочныхъ средствъ, ихъ еще много оставалось неотправленными. Смотритель лазарета говорилъ, что третій день хлопочетъ какъ бы получить подводы—и никакъ не можетъ.

— А отъ кого же вы ожидаете ихъ? спросилъ я.

— Да все отъ князя Черкаскаго. Всякій день только общаются; жандармы и казаки скорѣе бы собрали братушекъ.

— Отчего же вы не берете подвижнаго лазарета моей дивизіи, онъ въ двухъ верстахъ и ничѣмъ не занятъ?

— Какъ же я распоряжусь безъ своего начальства, отвѣчалъ смотритель.

— Да если я, какъ начальникъ дивизіи, разрѣшаю вамъ, то какое же дѣло вашему начальству; оно можетъ быть только благодарно.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, позвольте прежде спросить позволеніе начальника госпиталей.

— Но разсудите: онъ въ Главной квартирѣ, разрѣшеніе придетъ черезъ 2 дня, а вамъ нужна помощь сію минуту. Посмотрите какая масса народа скучена въ одномъ мѣстѣ; даже земля возлѣ вашего лазарета пахнетъ гнилою кровью.

— Я уже доносилъ объ этомъ, и просилъ разрѣшеніе перенести шатры на другое мѣсто, но отвѣта не имѣю.

Повидавшись со мною, сестра пошла проводить меня и видѣть, что возлѣ шатра лежитъ солдатъ, закутавшійся съ головою въ шинель. Подойдя и тронувъ его она говоритъ:

— Ты что же не собираешься? видишь, товарищи садятся на повозки.

Солдатъ всталъ молча.

— Да ты перевязанъ ли?

— Никакъ-нѣтъ

— А куда раненъ?

— Въ голову.

— Покажи-ка, нагнись.

Оказалось, что пуля на излетѣ ударила съзади въ черепную кость, но, не пробивъ ее, защемила.

По этому поводу сестра рассказала мнѣ нѣсколько изумительныхъ примѣровъ терпѣнія солдатъ. На другой день послѣ штурма, къ лазарету приползъ за 4 версты солдатикъ 16-й дивизіи, съ перебитою гранатою ногою, такъ что она держалась только на клочкѣ кожи. Когда онъ ползъ, волоча ногу, то она нѣсколько разъ переворачивалась и свила кожу въ веревку. Другой солдатъ 5-й дивизіи, съ обѣими перебитыми ногами, приползъ на локтяхъ.

У крайняго шатра два раненыхъ помогали другъ другу надѣть черезъ плечо скатанныя шинели.

— Куда это вы собираетесь? спросила сестра моя.

— Къ себѣ идемъ, въ полкъ на позицію, отвѣчаетъ тотъ, что постарше.

— Да вѣдь ты раненъ?

— Руку задѣло повыше локтя, да ничего, перевязали, могу дѣйствовать.

— А ты куда раненъ? спрашиваю я другого.

— Я въ плечо, ваше превосходительство, отвѣтилъ онъ и въ то же время правильно беретъ ружье въ правую руку, плечо которой и было ранено.

— Зачѣмъ же берешь на плечо, разведишь рану? говорю я.

Ничего, ваше превосходительство, она силу не потеряла, позволяетъ.

— Вамъ бы все-таки лучше было остаться дня на 3, для перевязокъ, а потомъ, поправившись, и пошли бы въ полкъ,—замѣтила сестра.

— Нѣтъ, мы лучше на позицію; здѣсь безъ своихъ скучно, да и совѣсть беретъ, когда товарищи подъ пулями.

Оба солдатика оказались 2-й роты Староингерманладскаго полка моей дивизіи; одинъ изъ нихъ, узнавъ меня, обратился съ такою просьбою.

— Нельзя ли, ваше превосходительство, у ихъ милости (указывая на сестру) табачку попросить. Мы видѣли, что другимъ жертвовали.

Я передалъ просьбу сестрѣ, и черезъ минуту служитель принесъ нѣсколько пачекъ махорки. Когда мы помогали класть ее въ мѣшокъ, то старшій изъ солдатъ говорилъ:

— Я, ваше превосходительство самъ не курю, а для товарищей; радость-то какая будетъ на позиціи, какъ табачку принесу. Подъ пулями-то другому такая утѣха трубочку выкурить! Уже очень благодарны вамъ, сестрица. Дай вамъ Богъ здоровья!

Потомъ я узналъ, что оба раненные, придя на позицію, направились прямо къ батальонному командиру, майору Иванову, и предложили ему по пачкѣ, говоря, что это гостинецъ отъ начальника дивизіи.

Наступило и 6-е число, а никакого предписанія объ исполненіи словеснаго приказанія главнокомандующаго не приходило. Думая, что, вѣроятно, произошла перемѣна въ намѣреніяхъ Его высочества, я рѣшился послать въ Горный-Студень адъютанта Байкова, съ письмомъ къ помощнику начальника полевого штаба, генералу Левицкому, въ которомъ спрашивалъ: не отмѣнено ли сформированіе Ловче-Сельвинскаго отряда, брать ли съ собою прибывшіе подвижной, летучій и вольнонаемный парки; будетъ ли дано хоть сколько-нибудь кавалеріи, и можно ли вытребовать къ дивизіи свою артиллерійскую бригаду, взятую въ отрядъ князя Имеретинскаго?

Гуляя въ тотъ же день, близъ деревни Згалуицы, я встрѣтилъ группу офицеровъ верхами, — это были штабные 4-го корпуса. Отъ нихъ мы узнали, что подъ вечеръ румыны собираются штурмовать Гривицкій редутъ, находившійся восточнѣе взятаго. Опять, подумалось мнѣ, — тайны и секреты, точно близъ стоящимъ войскамъ и дѣла нѣтъ до того, что будетъ происходить въ сосѣдствѣ.

Предполагая, что Староингерманландскій полкъ, находившійся у Гривицы, можетъ быть привлеченъ къ поддержкѣ румынъ, я велѣлъ скорѣе сѣдлатъ и вмѣстѣ съ начальникомъ штаба и адъютантами поспѣшить къ Гривицѣ. Пробираясь черезъ виноградники, мы увидѣли нѣсколько спрятавшихся въ нихъ румынскихъ солдатъ, видимо улизнувшихъ изъ строя.

Затѣмъ, поднявшись на возвышеніе, подѣхали къ 6-ти орудиной румынской батарее, гдѣ застали прусскаго и австрійскаго военныхъ агентовъ, вмѣстѣ съ которыми, около часа, смотрѣли на ходъ артиллерійскаго боя. Въ теченіи этого времени много разъ слышны были по всей линіи сигналы наступленія и атаки, но никто не наступалъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ изъ стрѣлковыхъ ровиковъ подымались одиночные люди, выбѣгали шаговъ на 20 впередъ, но видя, что ихъ не поддерживаютъ, или падали, или возвращались. Между тѣмъ вправо и влѣво отъ насъ частенько лопались гранаты и посвистывали пули, но намъ все-таки хотѣлось дожидаться результата. Наконецъ, двѣ гранаты упали такъ близко, что прусскій офицеръ замѣтилъ:

— Однако, господа, будетъ очень глупо, если кого-нибудь изъ насъ убьютъ безъ всякой пользы.

Раскланявшись, мы разѣхались въ разные стороны; нѣмцы — въ тылъ румынской позиціи, а я со своими — къ Гривицѣ, гдѣ узнали, что въ 9-мъ полку ранено 10 человекъ и поручикъ Масловъ — опасно въ голову и что все они уже отправлены въ подвижной лазаретъ дивизіи. Возвратясь на бивакъ, я немедленно обошелъ ихъ, нашелъ всѣхъ уже перевязанными, а потому распорядился скорѣйшею отправкою ихъ въ госпиталь у Болгарени.

Во время описанной побѣдки, мнѣ впервые довольно близко довелось видѣть румынскихъ солдатъ и ихъ офицеровъ. Ничего подобнаго тому, что писали о нихъ наши корреспонденты, я не нашелъ. Гдѣ они замѣтили подражаніе французамъ, шикъ и манеры, напоминающіе парижскихъ boulevardiers, — я не знаю. Напротивъ, на лицахъ румынъ отражалась скорѣе унылая тупость, чѣмъ оживленіе. На обратномъ пути насъ обогнала коляска съ двумя нестарыми румынскими штабъ-офицерами. Эти господа сидѣли неподвижными муміями и не взглянули на насъ, точно имъ досадна была встрѣча съ русскими.

Поздно вечеромъ возвратился Байковъ изъ Горнаго-Студня, съ письмомъ отъ генерала Левицкаго, въ которомъ обѣщано было исполнить все, о чемъ просилъ, и съ предписаніемъ выступить 7-го числа въ Ловчу, взявъ съ собою и парки. Сдѣлавъ необходимыя распоряженія, мы поспѣшили разойтись, такъ какъ предстояло выступать въ 4 часа утра.

Ночью я былъ разбуженъ слѣдующимъ разговоромъ возлѣ моей палатки. Кто-то спрашивалъ у часового:

— Кто здѣсь стоитъ?

— Штабъ 3-й дивизіи.

— А не знаешь ли гдѣ 5-я дивизія?

— Не могу знать.

— Господи, да что же я буду дѣлать? нельзя ли разбудить хоть кого-нибудь изъ адъютантовъ, или писарей.

— Будите сами, я отойти не смѣю; писаря вотъ тутъ, у обоза.

Я вмѣшался въ разговоръ, спрашивая изъ своей палатки:

— Зачѣмъ вамъ адъютантъ и кто вы?

— Веду маршевую команду въ 5-ю дивизію; отъ самаго Систова не могу добиться гдѣ она. Ради самаго Бога помогите, мы бродимъ 4-е сутки.

— Да развѣ у васъ нѣтъ маршрута?

— Какъ ни просилъ въ Систовѣ—не дали; говорятъ, что маршруты выдаютъ въ Бухарестѣ. Можетъ быть онъ и былъ данъ прежнему начальнику команды; но онъ гдѣ-то заболѣлъ, или отсталъ. Въ Зимницѣ мнѣ дали только предписаніе вести къ Плевнѣ въ 5-ю дивизію. Команда громадная, болѣе 500 человекъ, люди вторые сутки не ѣвши.

Приказавъ позвать ко мнѣ адъютанта, я зажегъ свѣчу, накинулъ на себя бурку и пригласилъ неизвѣстнаго въ палатку. Входилъ пожилой капитанъ, взволнованный и измученный. Я предложилъ ему сѣсть на складной стулъ,—онъ не садится.

— Скажите, гдѣ служите и откуда вы?

— Я, ваше превосходительство, подъ Севастополемъ командовалъ ротой, но ей-Богу такой муки не испытывалъ какъ теперь. Былъ 20 лѣтъ въ отставкѣ, да въ виду войны пожелалъ послужить, пока есть силы.

— Расскажите обстоятельно: гдѣ приняли команду, велика ли она, когда выступили, какъ шли и прочее.

— Команды ни отъ кого не принималъ; меня потребовали къ коменданту ночью, дали свертокъ бумагъ, конвертъ въ 5-ю дивизію и порціонныя деньги для команды на два дня. По списку значилось 720 человекъ, а когда я сосчиталъ людей, оказалось 670. Спрашиваю гдѣ остальные? Унтеръ-офицеры, которыхъ было всего 4, говорятъ: „кто заболѣлъ, а кто отсталъ“.

Данные изъ Зимницѣ порціоны третьяго дня вышли; люди обезсилѣли, сколько ихъ повалилось, заболѣло и отстало—я не знаю, едва ли и 500 наберется, и куда ихъ вести, кого ни спрашивалъ, никто указать не могъ.

Въ это время вошелъ адъютантъ, которому я приказалъ назначить расторопнаго писаря верхомъ, знающаго дорогу въ Гривицу. Затѣмъ сказалъ бѣдному капитану:

— Когда провожатый доведетъ васъ до штаба 5-й дивизіи, вы прикажите ему возвратиться обратно. Идите съ Богомъ.

Капитанъ не зналъ какъ благодарить

— Меня Богъ направилъ на вашу палатку, проговорилъ онъ уходя.

7-го августа, въ 5 часовъ утра, мы выступили отъ Згалауицъ и могли бы въ тотъ же день быть въ Ловчѣ, если бы приданные дивизіи парки не задержали выступленія. Каковы были начальники этихъ парковъ, даже не явившіеся мнѣ по присоединеніи къ дивизіи, я буду имѣть случай сказать ниже.

Переходъ отъ Згалауицъ, вслѣдствіе труднаго подъема у Владина и дождливой погоды, былъ настолько тяжелъ, что, не доходя 5 верстъ до Ловчи, я остановилъ отрядъ у деревни Павликаны. Здѣсь впервые пришлось познакомиться съ домашнею жизнью болгаръ. Встрѣтившій отрядъ старшина деревни, старикъ лѣтъ 70, указалъ мнѣ хату по близости бивака, а ея хозяйинъ поднесъ громадную корзину превосходнаго, розоваго винограда. На требованіе дровъ для бивачныхъ огней, у которыхъ люди могли бы обсушиться, старшина указалъ пустой домъ бѣжавшаго турка и окружающіе его плетни. Какъ только рабочіе начали разбирать ихъ, тотчасъ со стороны сосѣдей-болгаръ явились претензіи. Одинъ увѣрялъ, что купилъ домъ у турка, другой доказывалъ, что онъ городилъ плетни и не получилъ платы, а потому плетень его собственность; но когда потребованный для разъясненій старшина прикрикнулъ, то всѣ претензіи кончились. Этотъ случай далъ намъ понять, до какой степени мы можемъ рассчитывать на тѣхъ, кого пришли освободить отъ турецкаго ига.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

1876.

Вступленіе въ Ловчу.—Водвореніе порядка.—Осмотръ и выборъ позицій.—Судебные порядки на войнѣ. Гости изъ Главной квартиры — Болѣзненность въ полкахъ.—Постройка укрѣпленій.—Первые поиски къ Западу.—Курьезное предписаніе и отвѣтъ на него.—Недостатокъ сухарей.—Ожидаемая блокада и осада Ловчи.—Наши гражданскіе дѣятели на войнѣ.—Рекогносцировки.

9-го сентября, въ прекрасный ясный день, въ 10 часовъ утра, отрядъ подходилъ къ Ловчѣ. Городъ, лежащій въ узкой долинѣ Осмы, съ трехъ сторонъ окруженный высокими скалистыми горами и съ восточной виноградниками, представился намъ чрезвычайно красивымъ. На возвышенностяхъ, обращенныхъ къ Плевнѣ, виднѣлся силуэтъ пресловутаго редута, стоившаго столько русской крови, а ниже его—палатки Псковскаго и Великолуцкаго полковъ, съ которыми я расстался, полтора мѣсяца тому назадъ, въ Луцкѣ. Командиръ бригады, генералъ Давыдовъ, съ своимъ штабомъ и полковыми командирами, встрѣтилъ меня версты за двѣ. Поздравляя его съ побѣдою 22-го августа, я не могъ не вспомнить покойнаго Кусова, вмѣсто котораго встрѣчалъ меня, командующій его полкомъ, подполковникъ Кобордо. Вскорѣ мы въѣхали въ предмѣстье, состоявшее изъ брошенныхъ и полуразрушенныхъ турецкихъ домовъ. Передъ нимъ лежало громадное кладбище, съ торчащими плитами. Все пространство лѣвѣе его было покрыто свѣжими могилами, съ кое-гдѣ поставленными крестами. Проѣзжая между этими кладбищами и предмѣстьемъ, трудно было дышать отъ смрада разлагавшихся труповъ. „Неужели, господа, обратился я къ встрѣтившимъ меня,—въ теченіи двухъ недѣль нельзя было распорядиться, чтобы зарыть тѣла убитыхъ какъ слѣдуетъ“?

Первые шаги въ городъ уже указали, что въ немъ царить

полнѣйшій беспорядокъ. Солдаты, кто въ мундирѣ, кто въ шинели, или въ рубашкѣ, бродили по узкимъ переулкамъ, между брошенными домами и лавками. Много попадалось и нетрезвыхъ. Все это указывало, что мнѣ предстоитъ не мало хлопотъ къ водворенію порядка. Но прежде всего необходимо было ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ. Давыдовъ передалъ мнѣ, что побѣдители Ловчи ушли къ Плевнѣ, не оставивъ ему ни одного казака, что всю состоящую при бригадѣ артиллерию взяли туда же, что мѣстность къ западу освѣщена не болѣе какъ верстъ на 5, и что за этою линіею властвуютъ башибузуки и черкесы; что больныхъ въ полкахъ много, такъ какъ лихорадки и дизентерія сильно развиваются. Съ другой стороны интендантъ докладывалъ, что бригада издержала весь 8-ми дневный запасъ сухарей, что люди довольствуются хлѣбомъ, приготовляемымъ изъ остатка турецкаго зерноваго склада, и что въ городѣ запасовъ муки и зерна хватитъ не болѣе какъ дней на 10. Вообще положеніе оказывалось неутѣшительнымъ.

Принявъ все это къ свѣдѣнію, я на другой же день принялся за осмотръ позицій и занимавшихъ ихъ войскъ. Увидя полки я не вѣрилъ, что это тѣ, вполне устроенныя и снаряженныя части, которыя всего 6 недѣль назадъ отправлялъ изъ Луцка. Загрязненные до нельзя мундиры, порванная амуниція, по нѣсколько человекъ въ ротѣ вмѣсто сапогъ въ лаптяхъ и болгарскихъ опанкахъ,—и все это послѣ одного дѣла, въ которомъ участвовало только 5 ротъ! Бывшій при мнѣ Староингерманландскій полкъ, одинъ изъ баталіоновъ котораго былъ тоже въ дѣлѣ, казался блестящимъ, въ сравненіи съ полками 2 бригады. Не ясное ли это доказательство, что не столько война разстраиываетъ части, сколько люди, неумѣющіе вести ихъ, или прикрывающіе войною свою апатію и равнодушіе. Поставивъ все мною замѣченное на видъ кому слѣдовало, я объѣхалъ позиціи, которыхъ было занято всего три: редутъ занимали 2 роты съ 4-мя орудіями, одна рота была выдвинута на версту по дорогѣ къ Микре и двѣ, съ остальными четырьмя орудіями,—на возвышеніе къ сѣверу отъ редута, уже названнаго Скобелевскою горою, потому что въ концѣ боя Скобелевъ занялъ ее кавказскою бригадою. Невольно подумаешь: какъ много надо для того, чтобы повсемѣстно оставлять за собою

памятники, разъ что попадешь въ моду. Всѣ прочія части бивакировали позади редута, между тутовою рощею и виноградниками. Связи между разбросанными позиціями не было никакой. Вотъ все, что я нашелъ въ Ловчѣ.

Сама по себѣ она представляла городокъ, красиво расположенный по обоимъ берегамъ каменистой, вѣчно бурчащей Осьмы. Южная часть лѣпится по высѣченной зигзагами террасѣ каменистой горы, почти отвѣсно стоящей надъ рѣкою; сѣверная—раскинулась по узкой долинѣ, окаймленной болѣе отлогими возвышеніями, довольно близко съ запада и отдаленно къ сѣверу. Къ востоку тянулась равнина верстъ на 5, по которой вьется шоссе въ Плевну. За городомъ, къ югу, оно раздѣляется на два: одно идетъ по скалѣ къ Сельви, другое—лѣвымъ берегомъ рѣки къ Траяну, врѣзываясь въ образуемое ею ущелье.

Изъ перваго осмотра мѣстности я убѣдился, во-первыхъ въ громадности оборонительныхъ позицій и во-вторыхъ, что нападеніе на нихъ могло произойти: съ сѣвера—отъ Плевны, съ запада—со стороны Орханіи отъ Микре и съ юга—отъ Траяна. Такимъ образомъ оборонительная линія представляла три фронта: Плевненскій, Микреевскій и Траянскій. Считая, что нападенія отъ Плевны и отъ Траяна едва ли возможны, я обратилъ особенное вниманіе на западную линію, для чего приказалъ ординарцу моему Эрнроту снять планъ лежащихъ на западѣ возвышеній.

Говорю объ этомъ подробно и еще подробнѣе буду говорить ниже, потому что вскорѣ мною былъ полученъ отзывъ начальника штаба арміи, генерала Непокойчицкаго, въ которомъ было сказано, что я долженъ привести Ловчу въ такое оборонительное состояніе, чтобы она могла выдержать не только блокаду, но и осаду.

Что касается водворенія въ городѣ и въ частяхъ бригады порядка, то вслѣдствіе принятыхъ мною энергическихъ мѣръ, это дѣло пошло весьма быстро. полицмейстеромъ Ловчи былъ назначенъ, отличавшійся исполнительностью и усердіемъ, майоръ Лебединскій и два такіе же офицера—его помощниками. Каждому изъ послѣднихъ дано по четыре унтеръ-офицера, городъ раздѣленъ на двѣ части, въ ночное время учреждены патрули по улицамъ города и разѣзды вокругъ него; на кры-

томъ мосту черезъ Осьму поставлены часовые, а на главной улицѣ, близъ отряднаго штаба, устроена гауптвахта. Для водворенія порядка въ войскахъ, офицерамъ дозволено отлучаться съ позицій не иначе, какъ съ разрѣшенія баталіонныхъ командировъ, а нижнимъ чинамъ—только по крайней необходимости, командою при унтеръ-офицерѣ и непременно при оружіи. Дежурнымъ по позиціямъ назначался штабъ-офицеръ, въ распоряженіе котораго наряжалось, на главный редутъ, 10 казаковъ. Въ первые дни по введеніи этихъ мѣръ было еще не мало случаевъ ихъ нарушенія. Вслѣдствіи этого, связанный правилами судопроизводства, я отдалъ приказъ, чтобы на резервномъ бивакѣ находилась безотлучно судная коммисія, изъ одного штабъ и 3-хъ оберъ-офицеровъ. Всякій изъ нижнихъ чиновъ, взятый въ городѣ нетрезвымъ, отлучившимся безъ дозволенія, или нарушающимъ дисциплину и право собственности жителей, былъ отправляемъ полицмейстеромъ, съ описаніемъ его вины, къ предсѣдателю коммисіи. Тамъ немедленно снимали допросъ, подводили статью закона и опредѣляли наказаніе. Приговоръ въ тотъ-же день присылался ко мнѣ, съ однимъ изъ членовъ и я, смотря по обстоятельствамъ, утверждалъ или облегчалъ его. Такимъ образомъ, между проступкомъ и наказаніемъ никогда не проходило болѣе сутокъ. Это имѣло самое благотворное дѣйствіе. Въ какіе нибудь 5—6 дней, число нарушителей порядка уменьшилось втрое, а черезъ 2 недѣли поведение людей и порядокъ въ городѣ сдѣлались такими, что безотлучное пребываніе коммисіи на бивакѣ было отмѣнено.

Минувшая война была первою практическою повѣркою введенной въ нашей арміи военно-судебной реформы. Эта повѣрка указала, что для военнаго времени необходимо измѣненіе нѣкоторыхъ правилъ и обрядностей суда. При понятіяхъ народа, что все, находящееся въ непріятельской землѣ безъ хозяина, есть достояніе войска, и что имущество врага есть военная добыча, нарушеніе правъ собственности можетъ случаться безпрестанно. Уничтожить подобное понятіе одними убѣжденіями немыслимо, а прибѣгать къ строгости военныхъ законовъ, значило бы разстрѣливать или ссылатъ много такихъ людей, которые были-бы въ бою первыми храбрецами. Весьма часто солдатъ, по военнымъ обстоятельствамъ, тер-

пить нужду и переносить лишения. Все, что может облегчить эту нужду и лишения, въ его глазахъ вполне законно. Понимая, что босымъ и голоднымъ онъ не принесетъ пользы, а потому считаетъ, что какимъ бы путемъ онъ ни постарался обуться, или быть сытымъ, дѣлаетъ это не только для себя, но и для службы. Такой взглядъ порождаетъ цѣлую сѣть проступковъ и развѣтвляеть ихъ на безчисленное множество видовъ. Каждый изъ нихъ, по смыслу полевыхъ военныхъ законовъ, составляетъ тяжкое преступленіе, влекущее за собою и тяжкое наказаніе. Нельзя разстрѣливать людей за отнятую булку, или за взятые изъ пустаго дома сапоги, когда то и другое принадлежитъ врагу, а между тѣмъ это есть ограбленіе невооруженнаго непріятеля и по закону наказывается смертю. Можетъ быть скажутъ, что достаточно было-бы одного или двухъ примѣровъ казни, чтобы прекратить подобныя явленія. Это мечты, не имѣющія смысла въ жизни.

Изъ всего мною сказаннаго не слѣдуетъ выводить, что на проступки солдатъ на войнѣ должно смотрѣть сквозь пальцы, или допускать свободу преступныхъ дѣяній. Я хочу только доказать, что для военного времени было бы необходимо расширить власть частныхъ начальниковъ, допустить тѣлесное наказаніе безъ перевода въ разрядъ штрафованныхъ и учредить такой порядокъ суда въ каждой части, чтобы никакое дѣло не длилось болѣе сутокъ и приговоръ утверждался бы старшимъ изъ наличныхъ начальниковъ:

Въ сущности всѣ, кто поопытѣе и у кого былъ порядокъ, такъ и поступали. Одинъ изъ гуманнѣйшихъ приверженцевъ судовъ оговореній, послѣ войны, при мнѣ спросилъ другого, еще болѣе гуманнаго начальника:

— Скажите откровенно, многихъ-ли вы отдали подъ судъ во время компаній?

— Ни одного, отвѣчалъ второй.

— Какъ-же вы поступали съ тѣми, кто совершалъ проступки?

— А нагайка-то на что?

— Вообразите, что и я дѣлалъ то-же самое, отвѣчалъ первый.

— А гдѣ-же, господа, ваша восхваляемая судебная реформа? слыша ихъ разговоръ, спросилъ я.

— Да, но это для мирнаго времени, отвѣтилъ одинъ, а другой прибавилъ.

— На войнѣ она никуда не годится.

По водвореніи должнаго порядка въ городѣ, было приступлено къ устройству батарей на главныхъ пунктахъ избранныхъ мною позицій. Возводимыя укрѣпленія обозначали только контуръ той сѣти оборонительныхъ работъ, которую предстояло развить впоследствии.

При ничтожныхъ средствахъ, которыя были въ моемъ распоряженіи, при томъ положеніи, въ которомъ я засталъ Ловчу въ смыслѣ ея обороны, нужно было, на всякій случай, подумать и о пути отступленія. Это указывало на невозможность оставлять въ городѣ подвижной лазаретъ и обозы полковъ, къ чему особенно вынуждало еще то, что изъ полуготовыхъ укрѣпленій войскамъ пришлось бы отходить, по весьма узкимъ улицамъ, на единственный мостъ черезъ Осьму и затѣмъ полторы версты подыматься въ громадную гору. Поэтому всѣ обозы были отправлены на двѣ версты за городъ и поставлены по обѣимъ сторонамъ Сельвинскаго шоссе. Тамъ, несмотря на каменистый грунтъ, были устроены потомъ землянки для людей, навѣсы для лошадей, кузницы и шалаши для мастеровыхъ.

На другой-же день по приходѣ въ Ловчу, Староингерманландскій полкъ, и съ нимъ всѣ три парка, выступили въ Сельви. Последнее было вызвано тѣмъ, что въ Ловчѣ и безъ нихъ находилось значительное число лошадей. Опасеніе недостатка фуража и видимое о заготовленіи его равнодушіе интендантства, вынудили меня тогда же сообщить въ штабъ арміи, о необходимости принять мѣры къ образованію запасовъ фуража на зиму. Но эти мѣры пришлось принимать самому и благодаря брошеннымъ турками лугамъ, а равно тому, что когда мнѣ удалось, черезъ мѣсяцъ, отгнать непріятельскія партіи и очистить отъ нихъ мѣстность до Вида, то между этою рѣкою и Ловчею открылись такіе запасы сѣна, которыхъ нетолько моему отряду, но и другимъ ближайшимъ частямъ было-бы довольно на всю зиму.

Самостоятельность ввѣреннаго мнѣ Ловче-Сельвинскаго отряда довольно долго была относительная. Весь сентябрь мѣсяцъ я былъ подчиненъ, въ командномъ отношеніи, de juri

—Карлу Румынскому, а de facto — его помощнику и начальнику штаба генералу Зотову; кромѣ того мнѣ дано было замѣтить, о необходимости согласовать мои распоряженія съ желаніями генерала Радецкаго и его дѣйствіями на Шипкѣ.

12-го сентября прибыли въ Ловчу изъ Главной квартиры: генеральнаго штаба полковникъ Сухотинъ и ординарецъ Великаго князя, Гродненскаго гусарскаго полка штабъ-ротмистръ Цуриковъ. Первому было поручено ознакомиться съ средствами обороны и развѣдываній, второму — осмотрѣть подступы къ Ловчѣ. Я очень былъ радъ прибытію этихъ гостей, въ надеждѣ, что они передадутъ кому слѣдуетъ, во-первыхъ — о невозможности одною бригадою оборонять три громадныя фронта, имѣвшіе до 10 верстъ протяженія и во-вторыхъ, что съ оставленными въ Ловчѣ двумя сотнями хитро предпринимать не только дальніе поиски, но и обыкновенное развѣдываніе, такъ какъ ихъ едва доставало для службы при отрядѣ и для содержанія конной почты, на 35 верстъ къ Сельви и на 22 версты — къ штабу Зотова. Впрочемъ, еще до прибытія Сухотина и Цурикова, я уже доносилъ объ этомъ и просилъ усиленіе отряда кавалеріею. вмѣстѣ съ названными лицами, на другой же день ихъ прибытія, я объѣхалъ всѣ позиціи и подробно ознакомилъ съ принятыми мѣрами по ихъ укрѣпленію, а равно и со всѣми моими предположеніями по части обороны.

Въ присланномъ съ Сухотинымъ предписаніи начальника полевого штаба арміи было указано, чтобы, отъ полка посланнаго въ Сельви, одинъ баталіонъ, съ двумя орудіями, былъ поставленъ, въ видѣ репли, на Сельвинскомъ шоссе, въ 13 верстахъ отъ Ловчи, на позицію близъ деревни Какрино.

Не зная этой мѣстности и не видя изъ предписанія цѣли подобнаго распоряженія, разъ что Ловча въ нашихъ рукахъ, я, 14 сентября, при отвратительной, вполнѣ осенней погодѣ, пригласилъ Сухотина осмотрѣть вмѣстѣ Какринскую позицію. Дорогою мой спутникъ рассказалъ, что эту позицію особенно рекомендовалъ Скобелевъ. Тогда я понялъ, почему въ полевомъ штабѣ такъ настойчиво указывали на нее. Позиція эта была-бы удобною лишь въ томъ случаѣ, еслибы моему отряду пришлось отступать на Сельви, чего я ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ въ виду, а въ крайности отошелъ бы черезъ Смочанъ къ Горному-Студню.

Отступать на Сельви, хотя тамъ и находился полкъ, могущій подкрѣпить меня, значило-бы открыть непріятелю прямой путь къ Главной квартирѣ и удалиться отъ общаго базиса арміи и отъ Систовской переправы. Въ виду этихъ соображеній, сообщенныхъ полковому штабу, Какринской позиціи я не занялъ и вмѣсто того, чтобы совершенно безъ надобности держать на ней баталіонъ въ осеннія непогоды, приказалъ ему прійти въ Ловчу, гарнизонъ которой, вслѣдствіе болѣзненности, имѣлъ уже до тысячи человѣкъ некомплекта.

Съ каждымъ днемъ развивающіеся въ отрядѣ лихорадки и кровавые поносы начинали сильно меня тревожить. Въ обоихъ полкахъ ежедневно заболѣвало отъ 40 до 50-ти человѣкъ, такъ что бригада, которой и безъ того было недостаточно для обороны громадной позиціи, видимо таяла. Не только полковые околотки и дивизионный лазаретъ были полны, но пришлось исправить и занять дома, находившіеся въ полуразрушенномъ видѣ, безъ дверей и безъ стеколъ, а между тѣмъ вдругъ наступили дождливые, совершенно сѣверные, осенние холода. Кромѣ обыкновенныхъ мѣръ противъ желудочныхъ разстройствъ и простуды, избавиться отъ которой, при постоянномъ расположеніи людей на позиціяхъ, было не легко, я командировалъ дивизионнаго врача просить содѣйствія полевого медицинскаго инспектора, объ отпускѣ въ полки хинины. Вся находившаяся въ походныхъ аптекахъ уже выходила, такъ что доктора прописывали четвертую часть того, что-бы слѣдовало. Несмотря на обѣщанное содѣйствіе, изъ Систова послали вмѣсто 10 фунтовъ — два. Ни раскладываніе на ночь костровъ, ни усиленный отпускъ мяса, по фунту на человѣка, ни ежедневная выдача водки — ничто не уменьшало заболѣваній. При всемъ этомъ, эвакуировать больныхъ было некуда, исключая находившагося въ 80-ти верстахъ Тырнова, но посылаемые туда съ больными фургоны возвращались только на 6-й день, а въ это время въ лазареты поступало вдвое болѣе того, что отвезено. Видя быстрое уменьшеніе рядовъ, я просилъ объ усиленіи Ловчинскаго гарнизона хотя тѣмъ, чтобы къ дивизіи возвратили Новоингерманландскій полкъ. Онъ въ это время былъ уже переведенъ изъ Рушукскаго отряда въ распоряженіе генерала Радецкаго и пользо-

вался полнымъ отдыхомъ, по деревнямъ возлѣ Тырнова. Просьба моя была исполнена, но только ровно черезъ мѣсяцъ.

Между тѣмъ работы по укрѣпленію всѣхъ трехъ фронтовъ обороны шли успѣшно. Ежедневный нарядъ рабочихъ на позиции доходилъ до полуторы тысячи человѣкъ, раздѣленныхъ на двѣ смѣны. При каждомъ осмотрѣ работъ, я всякій разъ находилъ необходимымъ, то усилить батарею, то возвести новую. Особенно слабымъ мнѣ казался Плевненскій фронтъ, но и кромѣ его, на Микреевскомъ и Траянскомъ были проектированы, а потомъ возведены, три новые люнета, на высотахъ, доходившихъ до 600 футовъ. Постройка укрѣпленій и даже ложементовъ, при скалистомъ грунтѣ, представляла неимоверныя трудности.

Земля покрывала скалы не болѣе какъ на вершокъ, такъ что работали исключительно ломомъ и кирками, а для обсыпки покатостей и гребней брустверовъ, подносили землю и дернъ снизу, спускаясь на 400—500 футовъ въ ложбины. Но и это было ничто въ сравненіи съ работами по устройству по скаламъ сообщеній между укрѣпленіями и въѣздовъ для орудій на батареи. Тутъ вырубали въ скалахъ зигзаги, взрывали и скалывали цѣлыя глыбы, вели подъемы террасами, съ одной стороны которыхъ шла отвѣстная скала кверху, а другая, такая-же—внизъ къ ущелью. Кромѣ особаго подъема на каждое укрѣпленіе, необходимо было связать всѣ фронты дорогами для артиллеріи, дабы орудія, во всякій моментъ, могли перенести съ одного фронта на другой. Этого требовала малочисленность отряда и неизвѣстность, съ которой стороны послѣдуетъ атака. Всѣ эти громадныя и тяжкія работы и сооруженія производились съ такою энергіею и усердіемъ, что втеченіи мѣсяца все было окончено и, не говоря о траншеяхъ и стрѣлковыхъ ровикахъ, укрѣпленія Ловчи состояли:

1) На Плевненскомъ, или сѣверномъ фронтѣ—изъ редута и трехъ батарей, всего на 26 орудій и 11 ротъ.

2) На Микреевскомъ, или западномъ фронтѣ—изъ 4 батарей и 2 ложементовъ, на 2 роты каждый, всего на 24 орудія и 8 ротъ.

3) На Траянскомъ, или южномъ фронтѣ—изъ одной батареи и 2 люнетовъ, на 8 орудій и ротъ.

И такъ, для занятія всѣхъ трехъ фронтовъ, было необхо-

димо: 58 орудій и 27 ротъ. У меня же было всего 32 орудія и 32 роты, слѣдовательно всего 5 ротъ оставалось для резерва. Одновременно съ дѣятельными работами по укрѣпленію позиций, необходимо было не менѣе дѣятельно заняться освѣщеніемъ возможно бѣльшаго вокругъ Ловчи пространства на югъ и западъ. Благодаря присылкѣ въ мое распоряженіе остальныхъ сотенъ 9-го казачьяго полка, я могъ занять ими Микре и пускать усиленные разъѣзды почти до рѣки Вида и до Балканскихъ подъемовъ. Когда-же послѣдовало соизволеніе Великаго князя на присоединеніе къ отряду 30-го казачьяго полка Грекова, бывшаго въ отрядѣ Радецкаго, но стоявшаго въ Сельви, то явилась возможность, не только охранять Ловчу, но и предпринимать поиски.

Въ ночь на 15-е сентября, съ поста у Микре, было донесено, что у деревни Турскаго-Изора (20 верстъ отъ Ловчи къ западу) показались башибузуки и что въ Тетевень (городокъ къ югу отъ Изора, въ 35 верстахъ отъ Ловчи) спустилось нѣсколько ротъ турецкой пѣхоты. Это заставило меня немедленно послать на подкрѣпленіе поста у Микре еще сотню, подъ начальствомъ ординарца Великаго князя Цурикова, и предписать полковнику Грекову занять своими сотнями городъ Траянъ и деревню Острець, находящіяся у спуска съ Траянскаго и Розелитскаго Балканскихъ переваловъ.

Только что Цуриковъ успѣлъ прійти въ Микре, какъ уже доносилъ, что посланный до него къ Извору взводъ наткнулся на значительную партію черкесовъ, что въ происшедшей при этомъ стычкѣ раненъ казакъ и убито три лошади, и что изъ взвода прискакали на постъ всего четыре человѣка, показавшіе будто остальные окружены. Донося объ этомъ, Цуриковъ писалъ, что онъ немедленно идетъ къ Извору съ полутора сотнями. Опасаясь, чтобы во время отсутствія изъ Микре всѣхъ казаковъ, турки не вышли изъ Тетевени въ тылъ Цурикову и не отрѣзали бы его отъ Ловчи, я немедленно отправилъ къ нему двѣ послѣднія сотни, подъ начальствомъ войсковаго старшины барона Криднера, съ приказаніемъ произвести тщательное развѣдываніе, какъ можно далѣе къ Виду, и убѣдиться, справедливы ли слухи о занятіи Тетевени регулярными частями.

Независимо отъ свѣдѣній получаемыхъ отъ разъѣздовъ, со-

общавшихъ только то, что дѣлается въ 30—40 верстахъ отъ Ловчи, я старался узнавать о происходящемъ и за линію освѣщенныхъ казаками мѣстностей. Для этого, при содѣйствіи появившагося на нѣсколько дней въ Ловчѣ главнаго тайнаго агента полеваго штаба, нанято было мною нѣсколько лазутчиковъ. Они отправлены были за Видъ къ Орханіи и за оба Балканскіе перевала; сообщаемое ими сводилось къ тому, что турки стягиваютъ значительныя силы къ Этрополю и Арабъ-Канаку, что въ Орханіи заготавливаются всякаго рода запасы и что Тетевень дѣйствительно занята ими. Это окончательно убѣдило меня въ томъ, что если возможно ожидать нападенія на мой отрядъ, то только съ запада.

Изъ письменнаго донесенія и словесныхъ докладовъ, возвратившихся съ поисковъ, выяснилось: 1) что значительныхъ партій, какъ регулярныхъ, такъ и ирегулярныхъ турецкихъ войскъ, до Вида нѣтъ, но что появляются проходящія команды, грабящія и раззоряющія болгарскія селенія. 2) Что путь отъ Тетевени, черезъ Изворъ и Торосъ, служить этапнымъ трактомъ, для непріятельскихъ партій, идущихъ изъ-за Балканъ къ Плевнѣ, но по трудности проходовъ онъ доступенъ только пѣхотѣ, безъ повозокъ и для кавалеріи въ одинъ конь, въ поводу. 3) Что турки обыкновенно проходятъ отъ Тетевени до Извора произвольно, растянувшись по всей дорогѣ, затѣмъ собираются въ команды и идутъ черезъ Торосъ въ Плевну. 4) Что по всей мѣстности къ западу проживаетъ много помаковъ (болгаръ, принявшихъ магометанство), которые, ничѣмъ не отличаясь отъ христіанъ, гораздо вреднѣе башибузукровъ. Свободно проходя по нашимъ расположеніямъ, они доставляютъ туркамъ свѣдѣнія о русскихъ войскахъ и безнаказанно служатъ проводниками и лазутчиками для непріятеля.

По полученіи этихъ данныхъ, я составилъ подробную записку, о необходимости уничтоженія тайнаго пути правымъ берегомъ Вида, изъ-за Балканъ къ Плевнѣ. При этомъ я доносилъ начальнику полеваго штаба генералу Непокойчицкому, что съ занятіемъ нашею кавалеріею софійскаго шоссе, означенный путь отъ Тетевени можетъ пріобрѣсти развитіе и весьма важное значеніе для Плевны; что для уничтоженія этого пути я считаю необходимымъ занять Тетевень и Торосъ, но для этого нужно придать къ моему отряду еще двѣ сотни и

два эскадрона драгунъ, съ конной батареей. Записка моя была отправлена съ нарочнымъ офицеромъ, но онъ возвратился безъ результата; словесно же ему было передано, что я получу отвѣтъ черезъ штабъ западнаго отряда.

Между тѣмъ отношенія мои къ этому отряду, названному потомъ отрядомъ обложенія, были крайне неопредѣленны. Сначала о всѣхъ моихъ мѣрахъ и распоряженіяхъ я сообщалъ туда; но видя, что штабъ этотъ ничего не принимаетъ на себя и ничего не рѣшаетъ, а это сильно мѣшало дѣлу, я сталъ сноситься прямо съ полевымъ штабомъ арміи, посылая Зотову копіи съ моихъ представленій, для свѣдѣнія. Это-ли, или желаніе руководить мною, было причиною, что 20-го сентября я получилъ длинную руководящую бумагу, ясно доказывавшую, что въ штабѣ Зотова не знаютъ, ни мѣстныхъ обстоятельствъ, ни положенія Ловчи и занимающаго ее отряда. Мнѣ писали: 1) чтобы для постройки укрѣпленій были употребляемы мѣстные жители, турки и болгары, съ ихъ собственнымъ инструментомъ; 2) чтобы въ городѣ были устроены склады и пороховые погреба; 3) чтобы отнюдь не предпринимать никакихъ самостоятельныхъ дѣйствій и не увлекаться наступательными попытками. Но замѣчательнѣе всего была собственноручная приписка подписавшаго бумагу, чтобы Ловчинскій отрядъ, въ случаѣ наступленія на него значительныхъ силъ изъ Плевны, не рассчитывалъ-бы на помощь со стороны западнаго отряда.

Во-первыхъ я никогда не относился серьезно къ тому, чтобы Османъ могъ предпринять что либо противъ Ловчи, зная, что въ тылъ ему можетъ ударить 3 дивизіи 4-го корпуса, съ стрѣлковою бригадою и кавалерійскою дивизіею Лошкарева. Во-вторыхъ—интересно было-бы знать, какую роль предоставили-бы этимъ частямъ въ то время, когда турецкій корпусъ пошелъ-бы, мимо ихъ, атаковать Ловчу?

На столь курьезное предписаніе я отвѣчалъ слѣдующее. 1) что въ Ловчѣ и окрестностяхъ нѣтъ ни одного турка, слѣдовательно и употреблять ихъ для постройки укрѣпленій нельзя; 2) что болгары изъ выжженныхъ деревень только начинаютъ появляться въ городѣ, не имѣютъ не только никакихъ инструментовъ, но даже насущнаго куса хлѣба, поэтому прежде чѣмъ заставлять работать, надо накормить ихъ, войска же сами нуждаются въ сухаряхъ и 3) что для склада снарядовъ устрои-

ваются погреба при батареяхъ и нѣтъ надобности дѣлать другіе внутри города, гдѣ они и безъ непріятеля не будутъ въ безопасности отъ огня.

17 сентября Сухотинъ и Цуриковъ отбыли обратно въ Главную квартиру и въ тотъ-же день прибыли къ отряду генералъ-маіора Дандевиль, назначенный командиромъ первой бригады. Такъ какъ первый ея полкъ находился въ Сельви, а второй въ Тырновѣ, то на слѣдующій-же день, по ознакомленіи его съ положеніемъ дѣлъ и съ ввѣренными ему частями, онъ отправился въ Сельви.

Длившаяся всю вторую половину сентября непогода, сильно отразилась не только на здоровьѣ нижнихъ чиновъ, но и на средствахъ продовольствія отряда. Для сбереженія людей, на всѣхъ позиціяхъ были устроены землянки. Нѣкоторыя части довели ихъ до совершенства, хотя это и было сопряжено съ большими трудностями. Пришлось вырубать въ скалахъ цѣлые коридоры, которые, по прочнымъ стропиламъ, покрывались хворостомъ и толстымъ слоемъ земли. Почти вездѣ сложены были печи и сдѣланы отдушины для вентиляцій. Пища солдатъ была улучшена какъ только возможно: мясо клали вволю и кромѣ казенной фунтовой порціи, роты пользовались, изъ брошенныхъ, бродившихъ по горамъ турецкихъ стадъ, бараниною. Обходя кухни, часто приходилось сердиться за то, что въ котлѣ было больше мяса, чѣмъ бульона.

Совершенно другое испытывали мы въ отношеніи провіанта, то-есть сухарей. Уже съ половины сентября доставка ихъ интенданствомъ съ каждымъ днемъ затягивалась. Были дни, что полки, выдавъ послѣдніе, не знали привезутъ-ли ихъ завтра. Мнѣ не разъ приходилось отдавать приказы, чтобы выданные на два дня сухари разложили на четыре. Крайне озабоченный этимъ, я почти черезъ день посылалъ дивизионнаго интенданта къ интенданту отряда обложенія, обязаннаго продовольствовать войска, расположенныя въ Ловчѣ и Сельви. Всѣ подобныя посланки имѣли самые ничтожные результаты. Вмѣсто требуемыхъ 8000 пудовъ на пополненіе 8-ми дневнаго запаса, прислали 500, но и имъ приходилось радоваться, такъ какъ было что выдать на завтра. Сухари развѣшивали на фунты, какъ конфекты. Однажды, послѣ многихъ самыхъ убѣдительныхъ просьбъ, интендантъ отряда обложенія, полковникъ Свѣчина,

телеграфировалъ мнѣ объ отправленіи въ Ловчу 23000 окъ (723 пуда) печенаго хлѣба. Проходить 3—4 дня,—нѣтъ транспорта, а на посланный по телеграфу запросъ получается отвѣтъ, что это была ошибка, и что хлѣбъ поступилъ въ полки, стоящіе у Плевны.

Не видя возможности получить что либо отъ Свѣчина и слыша, что въ Тырновѣ масса сухарей въ складахъ, я предлагалъ, для облегченія интенданства по части транспортировки, перевезти сухари изъ Тырнова въ Ловчу полковыми лошадами. На всѣ предложенія, на всѣ вопросы, просьбы и требованія, на всѣ письма и телеграммы полковому интенданту арміи и его помощнику въ Систово, или не было отвѣта, или присылали такой, который возбуждалъ удивленіе, точно онъ дѣлался въ насмѣшку. Напримѣръ, я телеграфирую помощнику главнаго интенданта, что *отъ Свѣчина изъ Парадима ничего получить невозможно* потому что все идетъ подъ Плевну и потому прошу распоряженія объ отпускѣ сухарей изъ Тырнова, которые перевезу войсковыми средствами, безъ всякаго расхода казны. На третій день получаю слѣдующій отвѣтъ: „Ловче-Сельвинскій отрядъ *долженъ получать сухари изъ Парадима отъ интенданта Свѣчина*“. Не угодно-ли вамъ, читатель, поставить себя въ мое положеніе того времени.

Много думалъ я какъ выйти изъ затрудненій и наконецъ рѣшился сдѣлать представленіе, объ отпускѣ отряду, въ замѣнъ сухарей, денегъ на покупку зерна, съ тѣмъ, что оно будетъ обращено въ муку и перепекаемо въ хлѣбъ по собственному моему распоряженію. Основаніемъ къ подобному представленію служилъ приказъ, разрѣшавшій всѣмъ нештатнымъ командамъ, взамѣнъ сухарей, получать деньги, по 8-ми копѣекъ въ день на человѣка, для покупки хлѣба. Великій князь разрѣшилъ и я тотчасъ-же отправилъ своего интенданта въ полевое казначейство, гдѣ онъ получилъ авансомъ 8 тысячъ металлическихъ рублей. Съ тѣхъ поръ и до самаго наступленія за Балканы, то-есть въ теченіи 2½ мѣсяцевъ, мой отрядъ не зналъ не только никакого затрудненія по провіантскому довольствію, но помогалъ въ этомъ другимъ. Ниже будетъ изложено какимъ способомъ мною было организовано это дѣло.

Кромѣ заботъ о текущемъ довольствіи отряда, не мало приходилось хлопотать и по поводу распоряженія, которое не

вызывалось никакими совершающимися событиями и обстоятельствами, и едва-ли требовалось соображениями о будущем. Выше я упоминалъ, о полученном мною отъ генерала Непокойчицкаго отзывѣ, что бы Ловча немедленно была приведена въ недосыгаемое для врага оборонительное положеніе, и чтобы ея гарнизонъ могъ выдержать не только блокаду, но и осаду. Первое, какъ читатели видѣли, усердно исполнялось. Въ концѣ сентября всѣ укрѣпленія были готовы и какъ оборона, такъ и развѣдки доведены до того положенія, при которомъ отрядъ могъ спокойно ожидать врага, съ полною надеждою отбить его, хотя бы онъ былъ вдвое сильнѣе. Что же касается того, чтобы выдержать блокаду и осаду, да еще неопредѣленное время и неизвѣстно приказомъ гарнизонѣ, то это такая задача, для рѣшенія которой, кромѣ денегъ, нужны были многія другія средства, а между тѣмъ на нихъ не указывали.

Обдумывая, что могло заставить возложить на меня подобное порученіе, я останавливался на мысли, что вѣроятно въ Главной квартирѣ получены свѣдѣнія, о намѣреніи непріятеля идти отъ Орханіи на Ловчу, или опасались прорыва на нее Османа. Предполагать, что Османъ пойдетъ на Ловчу, тогда уже достаточно укрѣпленную, оставляя у себя въ тылу 60,000 армію, которая ринулась бы за нимъ и быть потомъ приперту къ Балканамъ, значило бы считать его не имѣющимъ малѣйшаго военнаго смысла.

Но полученное приказаніе не допускало никакихъ разсужденій и надо было исполнить, что только возможно. Не имѣя указаній, мнѣ оставалось самому предположить, что въ Ловчѣ находится въ осадѣ 10,000 гарнизонъ, для котораго надо заготовить на 3 мѣсяца: провіантъ, продукты, фуражъ, склады снарядовъ и патроновъ, медикаменты и перевязочныя средства. Для этого мною были приняты слѣдующія мѣры: 1) потребованы отъ окружнаго гражданскаго начальника свѣдѣнія: сколько съ Ловчинскаго округа можетъ быть собрано, реквизиціоннымъ способомъ, всякаго рода зерна, сѣна и скота на мясо; 2) для склада зерна занять и отдать въ распоряженіе интенданта большой общественный магазинъ турецкаго правительства и двѣ мечети, а для надзора за запасами командированы къ нему 5 унтеръ-офицеровъ. Окружной начальникъ отвѣтилъ, что нѣтъ

надобности прибѣгать къ реквизиціи, потому что жители округа подлежатъ десятичному сбору въ пользу казны и потому не только десятая часть урожая можетъ служить для образованія запаса на случай осады, но вмѣсто денежной подати, можно требовать взноса зерна. При этомъ онъ представилъ вѣдомость всего, что можетъ быть свезено изъ округа, въ теченіи мѣсяца. Выставленныя въ вѣдомости цифры обѣщали такъ много, что наводили невольное сомнѣніе. Одной пшеницы было обѣщано 40,000 четвертей и 50,000 пудъ сѣна.

Достаточно этого, чтобы судить, что устроенное княземъ Черкасскимъ гражданское управленіе не имѣло понятія о современныхъ средствахъ края, которымъ бралось управлять. Ловчинскій окружной начальникъ составилъ свою вѣдомость не выѣзжая изъ города, со словъ своихъ агентовъ. Самоувѣренность его, какъ и всѣхъ служившихъ у князя Черкасскаго, была такъ велика, что они, не принимая ничего въ соображеніе, считали написанное или сказанное ими непогрѣшимымъ.

Всякій случай столкновенія нижнихъ чиновъ съ жителями вносился гражданскими окружными начальниками въ срочныя донесенія; о всякомъ взятомъ солдатами бревнѣ на землянку, или о клокѣ сѣна, доносилось какъ о необыкновенномъ происшествіи князю Черкасскому, а князь писалъ начальнику полевого штаба, который, именемъ Великаго князя, объявлялъ замѣчанія.

Разъ что я коснулся гражданскаго управленія, чтобы не возвращаться къ нему впослѣдствіи, скажу о немъ подробно.

Еще до перехода арміи черезъ Дунай, князь Черкасскій прибылъ 2 іюня въ Главную квартиру, съ цѣлымъ штатомъ будущихъ правителей Болгаріи. Штатъ этотъ уже тогда былъ многочисленъ. Армія еще не видѣла ни Рушукъ, ни Варны, а уже существовали и рушукскій, и варненскій, и систовскій губернаторы и вице-губернаторы, получающіе весьма значительное содержаніе. Одни изъ этихъ устроителей будущихъ судебъ Болгаріи проживали при Черкасскомъ, составляя его свиту, другіе находили болѣе удобнымъ, въ ожиданіи когда ихъ вызовутъ, жить въ Одессѣ и Бухарестѣ, получая губернаторскіе оклады. Такъ какъ армія въ теченіе полугода была въ районѣ только двухъ губерній, Систовской и Тырновской, то только

ихъ губернаторы могли считаться при дѣлѣ, котораго, въ виду военнаго положенія, у нихъ было немного.

Какъ только я прибылъ въ Ловчу, то на другой же день ко мнѣ явился подполковникъ, въ качествѣ начальника Ловчинскаго округа и объявилъ, что уже получилъ отъ князя Черкаскаго нѣсколько предписаній и инструкцій: что ему предписано немедленно открыть городской и судебный совѣты, учредить больницу и школу, и даже прислана программа преподаваемыхъ въ ней предметовъ, съ предвареніемъ, что около новаго года будутъ произведены ученикамъ экзамены. Кажется одного этого достаточно, чтобы судить, что такое было это гражданское управленіе во время войны. Въ только что занятый съ боя городъ, въ которомъ нѣтъ еще жителей, исключая полсотни людей, сбѣжавшихся изъ лѣсовъ, — въ городъ, гдѣ не открылось еще ни одной лавки, гдѣ нѣтъ ни одного дома съ уцѣлѣвшими дверьми и рамами, — является гражданскій начальникъ съ предписаніями, исполнить которыя нѣтъ естественной возможности. Ему велятъ учреждать совѣты тамъ, гдѣ нѣтъ жителей и заводить школы — гдѣ нѣтъ дѣтей.

Досаднѣе всего то, что на гражданскія должности большею частію были опредѣлены военные офицеры. Не думаю, чтобы кто-нибудь изъ нихъ, внутренне раздѣлялъ планы и взгляды своего патрона и его ближайшихъ помощниковъ. Многіе факты показывали, что цѣлью нѣкоторыхъ распоряженій этихъ господъ, было желаніе показать болгарамъ, что военная власть ничто въ сравненіи съ гражданской, и что только отъ нихъ болгары могутъ ожидать всѣхъ благъ въ будущемъ. Возьмемъ для примѣра хоть то, что въ самый разгаръ безкормицы, циркуляромъ князя Черкаскаго, жителямъ воспрещалось продавать войскамъ ячмень и сѣно, подъ тѣмъ предлогомъ, что на зиму фуражъ будетъ заготовленъ распоряженіемъ гражданского управленія. Само собою разумѣется, что циркуляръ этотъ остался мертвою буквою; онъ далъ только болгарамъ поводъ поднять цѣны, а войскамъ, не имѣвшимъ ни малѣйшей вѣры къ распоряженіямъ мнимаго гражданского управленія, смотрѣть на него, какъ на вредящее арміи учрежденіе.

Интересенъ и слѣдующій фактъ. Когда были отпущены деньги на покупку для отряда зерна и явилась надобность въ усиленномъ хлѣбопеченіи, я приказалъ употреблять на дрова

полуразрушенные турецкіе дома, находившіеся на окраинахъ города. Узнавъ объ этомъ, гражданскій начальникъ заявилъ претензію, докладывая мнѣ, что князь Черкасскій приказалъ сберегать дома турокъ на случай ихъ возвращенія на мѣсто жительства, и что онъ испроситъ приказанія его сіятельства объ отпускѣ дровъ изъ ближайшихъ къ городу казенныхъ лѣсовъ. Сознавая, что прежде слѣдуетъ позаботиться о войскахъ, а потомъ о туркахъ, которые, быть можетъ, никогда и не возвратятся, я приказалъ полицеймейстеру назначать дома на сломку по его усмотрѣнію; объ этомъ конечно было донесено и какъ бы въ насмѣшку мнѣ объявлено, что главноначальствующій гражданскою частью, разрѣшилъ отвести Ловче-Сельвинскому отряду нѣсколько десятинъ лѣса, въ 12-ти верстахъ отъ Ловчи, но съ тѣмъ, чтобы войска сами его рубили, распиливали и доставляли къ пекарнямъ. Лѣсъ этотъ оказался строевымъ, на такихъ горахъ и въ такихъ окраинахъ, откуда и опытные дровосѣки не могли бы добыть его. И эту-то работу, наши соотечественники гражданского отдѣла, желали взвалить на русскаго солдата, занятаго цѣлые дни работою укрѣпленій и проводящаго ночи на аванпостахъ. Конечно на всѣ подобныя распоряженія приходилось не обращать вниманія и читая ихъ оставалось только пожимать плечами.

Кромѣ устройства укрѣпленій, я старался обезпечить отрядъ отъ нечаяннаго нападенія правильными и постоянными развѣдками верстъ на 40 въ окружности. Разъ установившійся въ этомъ отношеніи порядокъ соблюдался съ полною точностью. Начальники четырехъ главныхъ постовъ, ежедневно, къ 6 часамъ утра и къ 6 вечера, присылали прямо ко мнѣ подробныя записки о всемъ случившемся и замѣченномъ. Такія же свѣдѣнія они пересылали одинъ другому черезъ сбѣжавшіеся въ опредѣленныхъ пунктахъ сосѣдніе развѣзды. Такимъ образомъ не только въ штабѣ отряда, но по всей линіи постовъ, во всякое время было извѣстно все гдѣ либо случившееся или подготовляемое непріятелемъ.

Съ 25 сентября начали поступать отъ лазутчиковъ свѣдѣнія, что за Изворомъ и по ту сторону Вида, у Тороса, вновь стали появляться башибузуки и что въ Тетевени возводятся укрѣпленія. Въ то же время, наблюдавшій за Троянскимъ переваломъ войсковою старшина — Антоновъ доносилъ, что за пе-

реваломъ собираются черкессы, съ частію регулярныхъ войскъ, съ намѣреніемъ напасть на находящійся на сѣверномъ склонѣ, близъ Траяна, монастырь Успенія Божіей Матери. Вслѣдствіе этихъ свѣдѣній я предписалъ: войсковому старшинѣ Тарасову, стоявшему въ Микре и Антонову изъ Траяна произвести поиски: первому на Изворъ и второму—къ перевалу.

Оба эти офицеры выполнили возложенныя на нихъ порученія съ замѣчательною точностью: Тарасовъ, послѣ горячей перестрѣлки, занялъ Изворъ; Антоновъ же присоединилъ къ себѣ 40 охотниковъ изъ болгаръ-горцевъ, достигъ половины сѣвернаго подъема, на слѣдующій день поднялся еще верстъ на 5-ть, но какъ дальнѣйшій путь, вслѣдствіе хлынувшихъ съ горъ отъ проливныхъ дождей потоковъ, оказался невозможнымъ, то возвратился къ монастырю, гдѣ учредилъ довольно сильный охранительный постъ. Это была первая наша попытка къ разслѣдованію Траянскаго перевала, имѣвшая послѣдствіемъ то, что турки, дѣйствительно собиравшіеся, въ числѣ 2-хъ тысячъ всякаго сброда, напасть на Успенскій монастырь, узнавъ о его занятіи, ушли къ Тетевени.

Съ этого времени мысль о занятіи Тетевени начала все болѣе и болѣе занимать меня. Въ отвѣтъ на послѣднее донесеніе Антонова я приказалъ ему, послѣ двухъ дней необходимаго отдыха, произвести поискъ отъ Траяна къ Тетевени, съ цѣлью изслѣдовать путь и собрать свѣдѣнія о занимающихъ городъ силахъ. Изъ перехваченнаго при поискѣ письма жителя Тетевени къ своему сыну Антоновъ узналъ, что въ городѣ нѣсколько ротъ регулярной пѣхоты, что онъ охраняется передовыми постами, что турки сгоняютъ изъ окрестныхъ деревень жителей, не исключая женщинъ, на работу для постройки редутовъ. При всемъ желаніи предпринять экспедицію противъ Тетевени, покуда непріятель не успѣлъ укрѣпить ее, по невозможности удѣлить изъ Ловчи хотя бы полубаталіонъ, я долженъ былъ отложить это намѣреніе до тѣхъ поръ, покуда мнѣ не удастся убѣдить полевой штабъ, въ необходимости усилить отрядъ, хотя возвращеніемъ къ нему Новоингерманландскаго полка.

Въ послѣднихъ числахъ сентября въ Ловчу пришло до 200 болгаръ изъ села Тороса (50 верстъ отъ Ловчи, на сѣверо-западъ). Явившаяся отъ нихъ ко мнѣ депутація передавала, что

на Торосъ напали башибузуки, ограбили дома, выгнали изъ села всѣхъ мужчинъ, а женъ и дѣтей заперли въ сарайхъ, мортятъ ихъ голодомъ, производя всякаго рода насилія и неистовства. Я немедленно послалъ Тарасову приказаніе провѣрить все это и онъ 29 го сентября доносилъ мнѣ: „Свѣдѣнія о занятіи турками Тороса вѣрны. Болгары неотступно просятъ освободить ихъ женъ и дѣтей. Я вполне готовъ идти туда, но непроницаемый туманъ не позволяетъ. Какъ только онъ пройдетъ, немедленно выступаю, прямо черезъ горы“.

Онъ выступилъ на другой же день и 1 октября, въ день Покрова Богородицы, совершилось взятіе Тороса и освобожденіе отъ турецкихъ тиранствъ 500 душъ женщинъ и дѣтей. Опуская подробности этого дѣла, приведу слова Тарасова, которыми онъ заканчиваетъ свой рапортъ ко мнѣ: „Не могу описать, доносилъ онъ, той радости, съ которою, истомленные голодомъ болгарки бросались къ моимъ ногамъ и цѣловали руки казаковъ“. Въ числѣ раненыхъ оказалась женщина, съ полугодовымъ ребенкомъ, прострѣленная въ грудь двумя пулями. Покуда несчастныя семьи выбирались изъ заточенія, башибузуки вновь стали показываться изъ лѣса, что заставило Тарасова, подъ прикрытіемъ полусотни, поспѣшить за рѣку, причемъ казаки перевозили дѣтей на сѣдлахъ. Переночевавъ въ лѣсу, онъ возвратился на свой постоянный постъ въ Микре. Съ тѣхъ поръ бивакъ его превратился въ станъ болгарскихъ семей, поселившихся въ шалапахъ, возлѣ своихъ спасителей.

Одновременно съ поискомъ на Торосъ, произведена была Антоновымъ вторичная рекогносцировка отъ Траяна къ Тетевени, кончившаяся подробнымъ изслѣдованіемъ пути, собраніемъ свѣдѣній объ укрѣпленіяхъ и силѣ гарнизона этого города. На обратномъ пути Антоновъ отбилъ турецкое стадо, причемъ добыча его состояла: изъ 15 лошадей, 70 головъ скота и 300 барановъ. О лихихъ дѣйствіяхъ этихъ офицеровъ я донесъ главнокомандующему, съ представленіемъ обоихъ къ награждѣ, которую они немедленно и получили.

Чѣмъ болѣе обезпечивалось положеніе Ловчи, тѣмъ болѣешую свободу дѣйствій пріобрѣтали войска моего отряда. Съ прибытіемъ въ началѣ октября двухъ эскадроновъ казанскаго драгунскаго полка, со взводомъ казачьей конной батареи, яви-

лась возможность, не ослабляя поисковъ къ западу, приступить къ постоянному разслѣдованію сѣверныхъ спусковъ съ Балканъ, по Розелитскому и Траянскому перевалу. Для усиленія надзора за этими спусками, я предписалъ графу Татищеву занять у предгорій: Траянъ, Успенскій монастырь и деревню Острецъ, 3 ротами его полка.

На сколько меня тревожила болѣзненность въ частяхъ находившихся въ Ловчѣ, настолько радовало отличное состояніе здоровья людей Староингерманландскаго полка, находящагося въ Сельви. Этому благопріятствовала стоянка его въ городѣ, ни разу съ начала компаніи не бывшемъ въ рукахъ турокъ, а по распланировкѣ и чистотѣ составлявшемъ исключеніе между городами Болгаріи. Впрочемъ; отличное состояніе здоровья въ полку, во многомъ зависѣло отъ заботливости и распоряженій его командира. Генералъ Дандевиль, вскорѣ по прибытіи къ бригадѣ, произвелъ полку смотръ и доносилъ мнѣ, что онъ не могъ ожидать, чтобы какая-либо часть, въ военное время, могла представиться въ такомъ устроенномъ видѣ, какъ Староингерманландскій полкъ. Тоже заявляли мнѣ и видѣвшіе людей этого полка, проѣздомъ черезъ Сельви, называвшіе его, по наружному виду и по порядку, — гвардейскимъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

1876.

Организація продовольствія средствами страны.—Почтовые курьеры.—Наши парки.—Бѣдствіе болгаръ.—Взятіе Тетевени.—2-я бригада за Видомъ.—Принцъ Баварскій.—Каломанъ Ивановичъ.—Движеніе 2-й гренадерской дивизіи къ Плевнѣ.—Занятіе Розелитскаго перевала.—Реконспировки Сухомлинова.—Моя записка о проходахъ центральнаго Балкана.—Тревоги изъ за Елены.—Вѣсть о паденіи Плевны.—За обѣдомъ въ Боготѣ.—Послѣдняя поѣздка къ Великому князю.—Послѣдніе дни въ Ловчѣ.

Выше мною было упомянуто, что съ разрѣшенія главнокомандующаго снабженіе отряда провіантомъ, съ 20 сентября, перешло въ мое личное распоряженіе. Вотъ какъ было организовано мною это дѣло.

Въ счетъ отпущенной суммы были наняты два смѣтливыхъ и расторопныхъ болгарина, изъ знающихъ всѣ окрестныя села. Каждому изъ нихъ было придано по два надежныхъ унтеръ-офицера и по два казака; такимъ образомъ образовались 2 партіи закупщиковъ хлѣба въ зернѣ. Разъѣзжая по округу, они закупали у болгаръ пшеницу, кукурузу, рожь, ячмень и овесъ, выдавали задатки, а окончательный расчетъ производился по поставкѣ въ Ловчѣ. Подвозъ былъ до того успѣшенъ, что интендантъ и его секретарь цѣлый день были заняты, или приѣмкою и расплатою, или сдачею зерна на мельницы. Послѣднихъ оказалось въ Ловчѣ три и всѣ испорченныя, но ихъ вскорѣ исправили. Втеченіи 3-хъ недѣль было закуплено и свезено зерна столько, что продовольствіе тысячнаго отряда могло считаться обезпеченнымъ на 4 мѣсяца. Для приготовленія хлѣба я приказалъ устроить 25 полевыхъ хлѣбопечей, а потомъ, когда отрядъ былъ увеличенъ и пришлось готовить хлѣбъ на 9 т. человекъ, то было прибавлено еще 15. Всѣ эти 40 печей помѣщались въ одну линію, въ оврагѣ близъ редута. До 50 хлѣбопечей, раздѣлен-

ныхъ на двѣ очереди, спѣшно работали день и ночь. Изъ нихъ составлена была особая команда, помѣщенная въ двухъ вновь выстроенныхъ теплыхъ балаганахъ. Все это, при постоянно дѣйствующихъ печахъ, имѣло видъ фабрики. Такъ какъ хлѣбъ изъ одной пшеничной муки скоро пріѣдлся, то выпекали его, перемѣшивая пудъ пшеничной съ полпудомъ ржаной и четверть пудомъ кукурузной.

По приведеніи перечисленныхъ мѣръ въ исполненіе, ни одинъ транспортъ не приходилъ въ Ловчу и провіантское продовольствіе солдата, втеченіи 2¹/₂-хъ мѣсяцевъ, обошлось казнѣ по 2 р. 70 к. на каждого. По расчету-же, сдѣланному интендантомъ дивизіи, довольствуя сухарями изъ транспортовъ, казна издержала бы, въ то же время не 8, а болѣе 60 тысячъ. Пріѣзжавшій въ Ловчу главный полевой интендантъ арміи, осмотрѣвъ сдѣланные мною запасы и порядокъ хлѣбопеченія, писалъ генералу Непокойчицкому: „Если-бы была возможность достигъ, чтобы всѣ отрядные начальники дѣлали то, что я видѣлъ въ Ловчѣ, то продовольствіе войскъ было бы вездѣ обезпечено.

Октябрь мѣсяцъ, особенно первая его половина, былъ проведенъ нами въ Ловчѣ совершенно по мирному. Городъ постепенно наполнялся, въ немъ понемногу возродилась торговля, открылись 2—3 гостиницы; одна изъ болгарскихъ церквей приведена была въ порядокъ и въ ней всякій воскресный день служили полковые священники. Съ наступленіемъ же, послѣ сентябрьскихъ ненастій, ясныхъ осеннихъ дней, болѣзненность нѣсколько стихла и на душѣ стало какъ-то веселѣе и спокойнѣе. Единственно, что иногда смущало насъ, это мысль о Плевиѣ, все еще державшейся, несмотря на прибытіе подкрѣпленій, несмотря на взятіе дорогого стоимвшихъ гвардіи Дубняка и Телиша. Эти побѣды дали увѣренность, что теперь къ Осману не пройдутъ уже никакіе транспорты и поддержки, и что паденіе его твердынь дѣлается вопросомъ дня.

Послѣ всѣхъ описанныхъ заботъ и хлопотъ, октябрьскіе дни можно было считать отдыхомъ. Занятый для меня домъ былъ настолько великъ, что въ нижнемъ этажѣ помѣщались: начальникъ штаба и дивизіонный интендантъ, а въ верхнемъ, кромѣ меня,—адъютанты съ ординарцами и дивизіонный докторъ. Двери и окна этого дома были исправлены, а имѣвшіеся

двѣ печи, за неимѣніемъ дровъ, пришлось топить взятыми изъ разрушенныхъ домовъ паркетами и рѣзными перегородками изъ дуба и орѣха, которыми такъ были богаты гаремныя пристройки турокъ.

Кромѣ отряднаго штаба, вокругъ меня составила группа лицъ, имѣвшая всѣ данныя для пріятнаго и дружескаго проведения времени, въ свободные отъ службы часы. Такими были: флигель-адъютантъ полковникъ Орловъ, получившій въ отрядъ казачью бригаду, составленную изъ 24-го и 30-го казачьихъ полковъ; уже знакомый читателямъ генералъ Давыдовъ; командиръ артиллерійской бригады полковникъ Золотухинъ—почтенный и оригинальный старичекъ, добродушный до крайности и большой любитель до всякаго рода новостей; командиръ 24-го полка—полковникъ Шамшевъ—bon-vivant и хлѣбосоль, болѣе похожій на московскаго барина, или полтавскаго помѣщика, чѣмъ на казака. Какъ человекъ не столько богатый какъ тароватый, онъ умѣлъ и въ Ловчѣ обставить себя и свою квартиру такъ, что сидѣлъ среди ковровъ, ѣлъ омары и запивалъ ихъ настоящимъ бургонскимъ. По вечерамъ мы собирались то у Давыдова, то у меня, то у Шамшева. Благодаря поискамъ Тарасова и Антонова, въ провізій мы не нуждались. Послѣ всякой добычи, казачки, по существующему у нихъ обычаю, всегда присылали въ Ловчу гостинцы, въ видѣ отбитыхъ у турокъ коровъ и барановъ, а то такъ и живой домашней птицы. Не рѣдко появлялась на столѣ и рыба, такъ какъ протекавшая черезъ городъ Осма изобиловала вкусными форелями. Не рѣдкимъ нашимъ собесѣдникомъ былъ мой дивизіонный благочинный. Про него говорили, что онъ совершаетъ походъ съ мѣшечкомъ и мѣднымъ чайникомъ.

— Правда-ли, батюшка, спрашиваетъ его однажды Золотухинъ, что у васъ нѣтъ ни лошади, ни повозки, ни даже чемодана?

— Совершенная правда, отвѣчалъ онъ. Да и зачѣмъ они? Лишнее бремя. Длинныхъ переходовъ куда не дѣлается, а пройти 15—20 верстъ, даже пріятно. Какая красота въ горахъ,—не налюбуйешься и пройдешь незамѣтно.

— А гдѣ-же ваши вещи, бѣлье, одежда, спросятъ его.

— Какія вещи? гребешокъ въ карманѣ, смѣна бѣлья въ

котомкѣ, а подрасникъ на себѣ. Есть еще тулупъ да валенки, но тѣ, спасибо солдатикамъ, втиснуты въ ротную повозку.

— Все-таки я не понимаю, отецъ, какъ вы обходитесь съ котелкомъ и чайникомъ?

— И отлично обхожусь, доложу вамъ. Вы приходите на бивакъ и ждете когда дойдутъ ваши повозки, да выюки. А я досталъ изъ мѣшечка чай и сахаръ, попросилъ солдатика сбѣгать за водой, присѣлъ къ любому костру и черезъ 5 минутъ чай готовъ,—а вы ждите. Не только самъ напѣшусь, но и другихъ угостишь.

Штабная молодежь моя частенько любила подтрунивать надъ добрѣйшимъ Золотухинимъ. Каждое утро, или какъ только заслышитъ, что къ занимаемому мною дому проскакалъ казакъ или прошелъ телеграфистъ,—Золотухинъ ужъ тутъ, и пройдетъ бывало не прямо ко мнѣ, а прежде въ общую спальню адъютантовъ и ординарцевъ.

— Ну что, господа, какія вѣсти?

— Лучше не спрашивайте, Александръ Николаевичъ,—отвѣтитъ кто-нибудь изъ молодежи, принимая угрюмое выраженіе, чему подражаютъ и остальные.

— А что такое, откуда депеши?

— Какое депеши! Ночью генерала разъ 5 будили; кажется со всѣхъ сторонъ плохо.

— Что вы говорите!

— А вотъ посмотрите: генераль заперся съ начальникомъ штаба и уже полчаса что-то диктуетъ.

— Да что-же такое, говорите скорѣе?

— Почему мы знаемъ. Двоимъ велѣно быть готовыми ѣхать съ казаками, я уже велѣлъ сѣдлать.

Наконецъ кто-нибудь сжалится надъ волнуемымъ старикомъ и сознается, что новаго ничего нѣтъ. Золотухинъ разсердится, походить взадъ и впередъ по общей комнатѣ, но все-таки, не вѣря, что нѣтъ новостей, осторожно войдетъ ко мнѣ.

— Какъ прошла ночь, ваше превосходительство?—спроситъ онъ, здороваясь.

— Ничего, покойно. Было два донесенія съ постовъ,—вотъ прочтите.

— Ну, а отъ Плевны? часу въ 12-мъ была слышна страшная канонада.

— Вѣтеръ съ той стороны, оттого такъ и казалось, а вѣроятно обыкновенная. Вѣдь еслибы что было, дали бы знать.

— Да, и то правда. А все-таки не зайти-ли на телеграфъ—можетъ что и есть.

— Зайдите.

Съ телеграфа Золотухинъ непременно сбѣжитъ къ Орлову, отъ него къ Давыдову, закусить у Шамшева, завернетъ къ окружному начальнику,—и такъ всякій день.

Разъ, уже послѣ обѣда, сбѣжалъ онъ прямо ко мнѣ, захватившись и едва проговорилъ:

— Ваше превосходительство, поздравляю, поздравляю!

— Что такое?

— Развѣ не знаете, Плевна взята!

Догадывался, что снова кто-нибудь подшутилъ надъ нимъ, я спокойно спрашиваю: откуда вы взяли, кто вамъ сказалъ?

— Байковъ! онъ сѣйчасъ съ телеграфа идетъ къ вамъ съ депешей, но я обогналъ его.

— Перестаньте, Александръ Николаевичъ! охота вамъ вѣрить.

Въ это время входитъ Байковъ и улыбаясь подаетъ депешу изъ Сельви.

Подобныя продѣлки были такъ часты, что я даже распекалъ молодежь за подтруниваніе надъ почтеннымъ полковникомъ.

Почти каждый день, большимъ обществомъ, мы предпринимали поѣздки верхами по позиціямъ и окрестностямъ Ловчи, и почти всякій разъ мнѣ приходилось сердиться и удивляться беззаботности и риску русскаго солдата, особенно казачковъ. Другой отойдетъ версты четыре за аванпосты и бродить себѣ по горамъ безъ оружія, точно въ Костромской губерніи. Казаки же на почтовыхъ постахъ, отъ нечего дѣлать, придумали выгодный для себя промыселъ. Соберутъ съ неубранныхъ полей сотню овсяныхъ или ячменныхъ сноповъ и тутъ же, возлѣ поста обмолютъ и вывѣять зерно, а потомъ продаютъ его въ обозы пѣхоты.

Съ каждымъ днемъ Ловча принимала возможно благоустроенный видъ. Ея главныя улицы хотя плохо, но освѣщались, мостовыя, бывшія въ ужасномъ состояніи, кое-какъ при-

шли на главной улицѣ въ порядокъ, появились двѣ-три извощичьи таратайки, часы на городской башнѣ исправлены, въ городѣ уже существовала почтовая контора и на телеграфной станціи стали принимать частныя депеши въ Россію. Странно было только то, что частная корреспонденція шла правильнѣе казенной. По поводу почтовыхъ сношеній войскъ съ штабами, могу привести слѣдующій фактъ.

Между Боготомъ, гдѣ была Главная квартира, и Ловчею—всего 22 версты. Между тѣмъ бумаги и приказы, сдаваемые полевымъ штабомъ въ почтовое отдѣленіе, иногда приходили ко мнѣ черезъ 2 недѣли. Желая узнать этому причину, какъ-то бывши въ Боготѣ, я сталъ жаловаться на подобный порядокъ, приводя въ примѣръ, что посылаемое мною по устроенной казачьей почтѣ доходитъ до меня и отъ меня въ 3 или 4 часа. Присутствовавшій при этомъ генераль, жившій въ Тученицѣ, то-есть въ 2-хъ верстахъ отъ Богота, возразилъ на мою жалобу такимъ образомъ:

„Какой вы однако строгій; жалуетесь, что за 20 верстъ получаете приказы черезъ 2 недѣли. Вотъ я, находясь въ 2 верстахъ отсюда, получаю ихъ на 5-й день, тогда какъ вѣстой могъ-бы принести черезъ полчаса“.

Подобному явленію было двѣ причины: первое то, что бумаги касающіяся военныхъ дѣйствій были въ вѣдѣніи одной части полевого штаба, а административныя и хозяйственныя—въ вѣдѣніи другой. Представители-же этихъ частей не хотѣли обязываться другъ другу; административный не хотѣлъ сказать военному: „пожалуйста отправьте этотъ конвертъ по казачьей почтѣ“, а сдавалъ его въ почтовое отдѣленіе. Последнее-же, вслѣдствіе любви къ секретамъ, не имѣло свѣдѣній, гдѣ какая часть находится; это было извѣстно только полковому почтамту, находившемуся въ Систовѣ; поэтому всякая административная бумага пересылалась прежде туда. Такимъ образомъ конвертъ, адресованный ко мнѣ изъ Богота, шелъ по почтѣ: 50 верстъ—въ Систово, оттуда 100 верстъ въ Тырновъ, изъ него 40 верстъ въ Сельви и наконецъ уже оттуда—35 верстъ въ Ловчу, т. е. совершалъ 225 верстъ вмѣсто 22, если-бы его сдали на летучую казачью почту. Читатели могутъ подумать, что я рассказываю небылицы, а между тѣмъ это дѣйствительно было.

Чтобы вполне исполнить приказаніе о приведеніи Ловчи въ такое положеніе, при которомъ она могла бы выдержать осаду, необходимо было, для помѣщенія артиллерійскихъ запасовъ и склада снарядовъ, построить 10 большихъ пороховыхъ погребовъ. Я выбралъ для этого центральное для всѣхъ укрѣпленій мѣсто, западнѣе Микреевскаго выѣзда. Къ погребамъ, и отъ нихъ къ передовымъ батареямъ, были проведены дороги, причемъ въ двухъ пунктахъ пришлось строить большіе мосты черезъ овраги. Для руководства этими работами мнѣ удалось выхлопотать присоединеніе къ отряду одной роты 6 сапернаго баталіона; необходимые-же матеріалы были взяты изъ домовъ брошенной турецкой части города.

Когда постройка погребовъ была окончена, то для наполненія ихъ снарядами, я вытребовалъ изъ Сельви всѣ три принадлежащія дивизіи парка. Но чего только не раскрыло это распоряженіе! во-первыхъ, вмѣсто трехъ парковъ явился одинъ и то не полный. Вольнонаемный оказался разформированнымъ, подвижной—вытребованнымъ въ Парадимъ, для подвоза снарядовъ къ Плевнѣ. Кѣмъ и когда были сдѣланы подобныя распоряженія, объ этомъ не было сообщено ни мнѣ, какъ начальнику отряда, ни командиру артиллерійской бригады Золотухину, какъ прямому начальнику парковъ въ дивизіи. Что командиры парковъ ушли не донося мнѣ—этому я не удивился, потому что эти господа, въ продолженіи всей компаніи, обнаруживали весьма слабыя понятія о службѣ и подчиненности. Но нельзя было не удивиться, какъ дѣлавшіе подобныя распоряженія не понимали, что нельзя хозяйничать въ отрядѣ, безъ вѣдома его начальника.

Вытребованный летучій паркъ прибылъ въ Ловчу въ составѣ 3-хъ отдѣленій, вмѣсто 5-ти. Командующій имъ капитанъ оправдывался тѣмъ, что у него много больныхъ лошадей, а другихъ онъ не успѣлъ подковать, такъ какъ казна отпускаетъ паркамъ деньги только на ковку передовъ. Непростительнѣе и безнравственнѣе подобной отговорки нельзя было придумать. Послѣдствія показали, что лошади не содержались въ полномъ числѣ и болѣли оттого, что ихъ почти не кормили. Что же касается доковки, то, во-первыхъ, запасныя подковы на задъ слѣдовало имѣть на лицо, а во-вторыхъ, при даровомъ сѣнѣ съ турецкихъ полей, тогда какъ на

него широко отпускались деньги, доходъ съ парка былъ таковъ, что даже выдавая полную дачу, можно было-бы подковать лошадей золотыми подковами. Между тѣмъ лошади 3-хъ прибывшихъ отдѣленій, при бѣгломъ моемъ осмотрѣ, имѣли видъ одровъ, которые съ голоду грызли другъ другу хвосты и гривы. Приказавъ полковнику Золотухину произвести парку инспекторскій смотръ, при которомъ опросъ офицеровъ обнаружилъ невообразимыя злоупотребленія ихъ командира, я сообщилъ о результатахъ начальнику артиллеріи арміи. Несмотря на это, названный капитанъ еще долго оставался командиромъ; но при первомъ моемъ свиданіи, въ Боготѣ, съ княземъ Масальскимъ, я не могъ не выразить моего удивленія къ подобному факту. „Помилуйте, отвѣчалъ онъ,—въ моемъ управленіи говорятъ, что это отличный офицеръ“. Разказавъ князю подробности, я прибавилъ, что если виновный не будетъ наказанъ, то я доложу Великому князю и только этимъ добился отрѣшенія этого господина отъ должности.

Съ приходомъ къ Плевнѣ гвардіи и гренадеръ, начался новый періодъ войны и какъ-то почувствовалось, что мы приобрѣтаемъ все большую и большую силу. Съ передовыхъ постовъ стали приводить десятками взятыхъ съ оружіемъ башибузуковъ, а 2 раза попались и шпіоны, одинъ изъ Карлова, другой изъ Орханіи. Они сознались, что имъ поручено высмотрѣть Ловчинскія укрѣпленія и развѣдать о силахъ гарнизона. Иногда приводили и стариковъ, съ женами и дѣтьми. Видъ этихъ полунагихъ и изнуренныхъ мусульманъ производилъ сильное впечатлѣніе и нужно было много силы воли, чтобы не поддаться чувству невольнаго къ нимъ участія. Только мысль о тѣхъ звѣрствахъ, которыя эти фанатики совершали надъ христіанами, заставляли относиться къ нимъ равнодушно.

Еще болѣе потрясающій нервы и гнетущій сердце видъ представляли семьи болгаръ, цѣлыми караванами проходившія черезъ Ловчу, съ Балканъ и изъ-за Вида, чтобы селиться среди русскихъ отрядовъ. Дня не проходило, чтобы не представлялись картины одна прискорбнѣе другой и тѣмъ болѣе усиливались непогоды, тѣмъ раздирающія душу сцены были ужаснѣе. Чаше всего попадались группы женщинъ, съ дѣтьми на рукахъ и за спиной, за которыми бѣгутъ босикомъ другіе

дѣти, блѣдные, изнуренные, въ однихъ рубашенкахъ, дрожащіе отъ холода. На лицахъ матерей уже нѣтъ слезъ, всѣ они выплаканы. Мужчинъ мало между ними—они зарѣзаны или повѣшены, и если попадаютъ, то или живой остоветъ, съ ребенкомъ, мать котораго уведена въ неволю, или покрытый рубищемъ старикъ, котораго въ ручной телѣжкѣ тащила за собою сестра или дочь. Въ другомъ мѣстѣ, дряхлая старуха ведетъ одною рукою полунагую дѣвочку лѣтъ 6-ти, а другою держитъ поводъ осла, на которомъ еще двое крошечныхъ окоченѣлыхъ дѣтей. Одинъ изъ нихъ громко плачетъ, другой уже утомился отъ крика и спитъ, качаясь на привязи, а между тѣмъ осенній дождь хлещетъ въ ихъ хорошенькія личики. Позади осла, обвѣшаннаго собранною дорогою въ брошенномъ полѣ кукурузою, идетъ другая женщина, пригнутая къ землѣ тяжестью взваленнаго на ея спину короба, съ имуществомъ несчастной семьи, уже не одинъ день не ѣвшей ничего кромѣ сырой кукурузы. На вопросъ куда они идутъ? мы всегда получали одинъ отвѣтъ: „идемъ туда, гдѣ руссы“. А что могли мы сдѣлать для тысячъ подобнаго люда? Конечно не одинъ изъ насъ не проходилъ не давши монеты, но на долго-ли хватала подобная помощь?

Эти сцены были описаны мною въ письмахъ къ женѣ моей, въ Нижній-Новгородъ; она дѣлилась ими съ знакомыми и благодаря сердечности тамошняго дамскаго общества, въ городѣ было собрано нѣсколько пудовъ различной женской и дѣтской теплой одежды и обуви. Тюки съ ними были въ концѣ октября сданы на почту, для отправки ко мнѣ, но я не получилъ ихъ. Часть этихъ тюковъ, спустя 9 мѣсяцевъ, была возвращена въ Нижній. Конечно я отказался отъ обратнаго полученія пережившаго тряпья, такъ какъ съ меня почта требовала 14 рублей за его странствіе.

Молодое населеніе Балканскихъ склоновъ, уцѣлѣвши отъ турецкихъ неистовствъ и имѣвшее возможность запастись какимъ-либо оружіемъ, подъ предводительствомъ старыхъ бойцовъ за свободу, образовало нѣсколько бандъ, называвшихся *четами*; они обыкновенно гнѣздились возлѣ нашихъ позицій. Двѣ такія четы были приданы мною—одна Тарасову, другая—Антонову, которымъ онѣ служили проводниками и развѣдчи-

ками при поискахъ. Онѣ-же содержали караулы на вершинахъ горныхъ проходовъ.

Пользуясь затишьемъ передъ передовыми постами, я нѣсколько разъ производилъ примѣрное занятіе войсками оборонительныхъ позицій, по заранее составленнымъ диспозиціямъ. Въ случаѣ тревоги, всѣ части, получивъ увѣдомленіе откуда и противъ котораго фронта наступаетъ непріятель, должны были занять опредѣленные пункты и знать какимъ путемъ пройти къ нимъ, изъ постоянныхъ своихъ помѣщеній. Въ приложенныхъ къ диспозиціямъ инструкціяхъ было подробно указано: куда должны быть направлены казачьи сотни, какъ поступить съ обозами, гдѣ назначены перевязочные пункты, по какимъ укрѣпленіямъ распределяется рота носильщиковъ. Черезъ это каждый частный начальникъ зналъ, что ему дѣлать, куда вести свою часть и какая назначена роль въ общемъ ходѣ обороны.

Примѣрное занятіе того или другого фронта дѣлалось мною вовсе не изъ опасенія атаки на Ловчу, а ради того, чтобы чѣмъ нибудь занять офицеровъ и нижнихъ чиновъ, видимо начинавшихъ тяготиться бездѣйствіемъ. Но вскорѣ ему предстояло окончиться. Предвидя, что съ переходомъ гвардіи на Софійское шоссе, надо ожидать рѣшительныхъ дѣйствій за Видомъ, я сознавалъ необходимость оказать имъ содѣйствіе, движеніемъ отъ Ловчи къ Яблоницѣ. Но прежде чѣмъ принять его, необходимо было овладѣть Тетевенью, иначе этотъ укрѣпленный пунктъ оставался бы за моимъ лѣвымъ флангомъ. Составляя планъ экспедиціи къ Тетевени, я поставилъ себѣ цѣлью, комбинировать движеніе колонъ отъ Траяна и Ловчи такъ, чтобы турки не только были разбиты, но и окружены. Но такъ какъ путь отъ Тетевени, на западъ по долиנѣ Бѣлаго Вида, не былъ еще изслѣдованъ, то 5-го октября я отправилъ поручика Эрнота въ Микре къ Тарасову, чтобы вмѣстѣ съ нимъ произвести рекогносцировку этого пути. Имъ предстояло идти на деревню Градишницу (35 верстъ отъ Ловчи къ юго-западу), которая, по доставленнымъ болгарамъ свѣдѣніямъ, была занята башибузуками. Предпримчивый Тарасовъ, не посылая впередъ развѣздовъ, 6-го числа, въ сумерки, налетѣлъ на нихъ такъ неожиданно, что они успѣли только зажечь крайнюю хату и бросились въ разсыпную. Изрубивъ

тѣхъ, кого можно было нагнать и захвативъ нѣсколько вооруженныхъ помаковъ въ плѣнъ, Тарасовъ ночевалъ въ Градишницѣ, а на слѣдующій день сдѣлалъ усиленный переходъ, безъ дорогъ, по горамъ къ Тетевени. Въ 5-ти верстахъ отъ нея, оставивъ сотню въ лѣсу, самъ съ Эрнотомъ и урядникомъ, пѣшкомъ, ночью, то спускаясь въ кручи, то взбираясь на горы, пробрался такъ близко къ городу, что видѣлъ огни въ домахъ и костры внутри укрѣпленій. По собраннымъ ими свѣдѣніямъ, въ Тетевени находилось 500 человекъ низама (регулярнаго войска), два эскадрона драгунъ, 2 сотни черкесовъ и башибузуки. На основаніи этихъ данныхъ, я опредѣлилъ составъ предстоящей экспедиціи, начальникомъ которой назначилъ флигель-адъютанта полковника Орлова.

Отрядъ Орлова долженъ былъ выступить изъ Ловчи 10-го октября и въ тотъ же день, лѣвая его колонна, подъ начальствомъ Антонова,—изъ Траяна. Но въ ночь на 10-е, ординарецъ генерала Гурко привезъ мнѣ отъ него письмо, съ извѣщеніемъ, что 12-го онъ предпринимаетъ атаку турецкихъ укрѣпленій при Горномъ Дубнякѣ и Телишѣ и проситъ меня выслать къ послѣднему летучій отрядъ, который, демонстрируя, облегчилъ бы дѣйствія гвардіи. Какъ ни было неудобно откладывать экспедицію, къ которой уже были сдѣланы всѣ приготовления, но я немедленно телеграфировалъ въ Сельви, командиру 30-го Казачьяго полка, Грекову, чтобы онъ форсированнымъ маршемъ выслалъ 2 сотни въ Ловчу. По ихъ прибытіи, онѣ, вмѣстѣ съ дивизіономъ драгунъ и взводомъ казачьей артиллеріи, образовали летучій отрядъ, ввѣренный мною тому же Орлову; 11-го октября онъ выступилъ и 12-го утромъ, какъ желалъ генералъ Гурко,—появился въ виду Телиша.

По возвращеніи летучаго отряда въ Ловчу, немедленно было сдѣлано распоряженіе объ отправленіи экспедиціи на Тетевень. Въ составъ ея входили: въ лѣвую колонну Антонова, изъ Траяна—стрѣлковая рота Староингерманладскаго полка и полторы сотни 30-го казачьяго; въ правую—пять ротъ того же полка и двѣ роты Великолуцкаго, дивизіонъ драгунъ, двѣ сотни 24-го и 2 сотни тридцатаго, со взводомъ казачьей батареи. Итого: семь ротъ, 2 эскадрона, 5 сотенъ и два орудія. Начальство надъ пѣхотою было ввѣрено майору Великолуцкаго полка Беатру. 17-го числа, я лично проводилъ правую колонну за

линію ловчинскихъ укрѣпленій. На слѣдующій день Антоновъ долженъ былъ подойти къ Тетевени съ востока, Орловъ же съ сѣвера, отправивъ предварительно драгунъ въ обходъ долины Бѣлаго Вида. Но не всѣ комбинаціи были исполнены такъ, какъ я предполагалъ. Во-первыхъ Антоновъ былъ открытъ неприятельскими развѣздами рано утромъ, и, по поднятой тревогѣ, турки сами атаковали его большею частью своей пѣхоты, такъ что онъ цѣлый день держался въ оборонительномъ положеніи. Во-вторыхъ—Орловъ почти на сутки былъ задержанъ въ Микре, по слѣдующему обстоятельству.

Въ день его выступленія, подъ вечеръ, полиціймейстеръ доложилъ мнѣ, что по городу разнеслась молва, будто 20 тысячъ турокъ, подъ начальствомъ Шевкетъ-паши, наступая изъ Орханіи, идутъ на Ловчу и уже перешли Видъ; что молва эта идетъ отъ болгарина, слышавшаго отъ мальчика, бѣжавшаго изъ Орханіи. Черезъ два часа мальчикъ былъ отысканъ, приведенъ ко мнѣ и показалъ, что при отступленіи Турокъ въ августѣ мѣсяцѣ, онъ былъ захваченъ и находился въ услуженіи у паши, гдѣ постоянно слышалъ о намѣреніи брать Ловчу, а наканунѣ побѣга видѣлъ, какъ большой отрядъ выступилъ къ Виду, и какъ въ Орханію, на множествѣ подводъ, привезли какія-то лодки и чугунныя вещи, а по дорогѣ болгары передавали ему, будто передовые таборы уже перешли Видъ у Яблоницы (50 верстъ отъ Ловчи къ западу)¹⁾. Какъ ни казались мало вѣроятными эти слухи, но нельзя было пренебрегать ими, а потому я счелъ необходимымъ предварить Орлова, съ тѣмъ, чтобы онъ послалъ сильную развѣдку къ Виду и до ея возвращенія не выступалъ бы изъ Микре. Черезъ это онъ могъ тронуться 18-го числа только въ 3 часу дня и вечеромъ занялъ ротою стрѣлковъ и сотней гору Биваль, въ 5 верстахъ отъ Тетевени. 19-го октября, въ день, назначенный для атаки, туманъ былъ такъ великъ, что въ десяти шагахъ нельзя было различать предметовъ; поэтому, считая наступленіе рискованнымъ, Орловъ отложилъ его до часа дня; но видя, что погода не измѣняется, пригласилъ маіора Беатра и ротныхъ командировъ на совѣщаніе. Они единогласно и настой-

¹⁾ Лодками мальчикъ называлъ понтоны, которые турки подвезли для Видина, гдѣ хотѣли устроить мостъ черезъ Дунай.

чиво заявили желаніе атаковать немедленно и ручались за успѣхъ. Когда Беатръ вызвалъ изъ стрѣлковыхъ ротъ охотниковъ, то всѣ до единого выступили впередъ. Выбранные изъ нихъ 40 человекъ, а за ними 4 роты, въ 3 часа, стали спускаться съ Биволя.

Ходъ боя подъ Тетевенью видѣнъ изъ слѣдующаго ко мнѣ рапорта флигель-адъютанта Орлова:

„Маіоръ Беатръ, которому всецѣло принадлежитъ честь и слава побѣды, сразу оцѣнилъ, что ключъ позиціи составляетъ редутъ, расположенный на возвышеніи, командующемъ всею мѣстностью, а потому, пошелъ съ двумя ротами въ обходъ этого возвышенія. Въ это время охотники, съ 2-мя другими ротами, спустившись лѣвѣе, завязали перестрѣлку съ Турками, которые открыли по нимъ огонь изъ ложементовъ, что и отвлекло ихъ вниманіе отъ обхода Беатра. Пользуясь туманомъ, роты его безъ выстрѣла подошли къ редуту почти съ тыла и бросились въ него. Впереди всѣхъ, съ ружьемъ въ рукахъ, первымъ вскочилъ на бруствертъ штабсъ-капитанъ Яковлевъ. Часть оставшихся въ живыхъ турокъ пробовала защищаться въ люнетахъ, но въ это время уже спустились двѣ слѣдующія роты, ударили имъ во флангъ и заставили всѣхъ броситься къ городу. Наступившая темнота не позволила преслѣдовать ихъ, а потому Беатръ, съ 4 ротами, ночевалъ въ отбитыхъ ими укрѣпленіяхъ. На слѣдующій день предполагалось штурмовать городъ, но оказалось, что турки ночью ушли за Видъ, въ горы“.

„Назвать особенно отличившихся—писалъ Орловъ,—значило бы назвать всѣхъ. Всѣ до послѣдняго рядоваго рвались исполнить свой долгъ, но особую награду заслуживаютъ Беатръ и Яковлевъ.“

Въ 10 часовъ утра отрядъ, при колокольномъ звонѣ, вступилъ въ городъ. Жители, съ духовенствомъ впереди, вышли навстрѣчу войскамъ, а затѣмъ въ соборѣ былъ отслуженъ молебенъ, и съ тѣхъ поръ что существуетъ Тетевень, своды его православнаго храма впервые огласились молитвами за русскаго Царя и его воинство“.

Взятіе Тетевени, послѣ полуторамѣсячнаго перерыва извѣстій о побѣдахъ, произвело нѣкоторое впечатлѣніе въ Россіи. Сужу объ этомъ потому, что въ 20-хъ числахъ октября я по-

лучилъ нѣсколько депешъ изъ Варшавы, Тамбова, Москвы и Нижняго, съ поздравленіями и пожеланіями дальнѣйшихъ успѣховъ, а въ Московскихъ вѣдомостяхъ была перепечатана реляція Орлова; жаль только что съ такими ошибками, которыя могли возбудить недовѣріе, напр. вмѣсто 3-хъ редутовъ было напечатано, что ихъ взято 30.

Въ тотъ самый день, когда брали Тетевень, я получилъ отъ Великаго князя, поздно вечеромъ, слѣдующую телеграмму: „Немедленно вышли цѣлую бригаду въ Изворъ и оттуда дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами къ Яблоницѣ. Увѣдомляй меня прямо о всемъ, что будетъ происходить въ отрядахъ“.

При полученіи этой депеши, у меня въ Ловчѣ цѣлой бригады не было, такъ какъ второй баталіонъ Великолукскаго полка надо было оставить въ Тетевени, а ожидаемый Новоингерманландскій полкъ еще не прибылъ. Тѣмъ не менѣе я рѣшилъ отправить въ Яблоницу весь Псковскій и 2 баталіона Великолукскаго полка, къ которому долженъ былъ присоединиться и 3-й, когда его смѣнитъ въ Тетевени одинъ изъ Новоингерманландскихъ. По тону депеши предстояло распорядиться быстро и на словахъ, писать было некогда; поэтому я немедленно потребовалъ къ себѣ генерала Давыдова и обоихъ полковыхъ командировъ, и обсудивъ съ ними всѣ вопросы, отдалъ имъ, какъ строевыя, такъ и хозяйственныя приказанія. Въ теченіи почти все было исполнено и 20-го утромъ я отвѣтилъ Великому князю, что бригада выступила. Въ то же время, желая оказать содѣйствіе генералу Гурко, я предписалъ флигель-адъютанту Орлову, со всѣми находящимися въ Тетевени въ его распоряженіи кавалерійскими частями, идти впереди 2-ой бригады за Видъ. Такимъ образомъ сдѣлано болѣе чѣмъ приказывалъ главнокомандующій и въ Ловчѣ осталось всего 2 батальона съ 2-мя сотнями.

22-го октября я, вмѣстѣ съ прибывшимъ изъ Сельви генераломъ Дандевилемъ, ѣздилъ въ Боготъ, чтобы лично представить Великому князю донесеніе о Тетевенской экспедиціи, но не засталъ Его высочества; онъ въ этотъ день сопровождалъ Государя за Видъ, къ войскамъ гвардіи. На другой день, во время завтрака у главнокомандующаго, донесеніе мое было прочтено Государю и заслужило высочайшее одобреніе, а въ

слѣдующій пріѣздъ въ Главную квартиру, Великимъ княземъ было мнѣ сказано: „Всѣ твои донесенія такъ дѣльны и основательны, какъ только желательно; такъ всегда и должно быть. Спасибо тебѣ за это“. Воспользовавшись этимъ, я исходатайствовалъ частямъ, участвовавшимъ во взятіи Тетевени, по 4 георгіевскихъ креста на роту и по 2 на сотню, и передалъ въ штабъ представленіе къ наградамъ отличившихся офицеровъ.

Между тѣмъ Давыдовъ шелъ со своею бригадою не только не форсированно, какъ ему было указано, но крайне медленно и, вмѣсто того чтобы прибыть туда 22-го, пришелъ только 24-го. Это сдѣлалось извѣстнымъ Великому князю; когда я пріѣхалъ къ нему 29-го октября, то онъ встрѣтилъ меня словами:

— Что это твоя бригада четыре дня шла какихъ нибудь 60 верстъ? Кого ты послалъ съ нею?

— Генерала Давыдова.

— Ну какъ же это можно! Понятно, что онъ не шелъ, а ползъ и пыхтѣлъ на каждой верстѣ.

— Онъ командиръ бригады и отстранять его отъ командыванія я не считалъ себя въ правѣ; для этого необходимъ высочайшій приказъ.

— Это одна формальность. Сейчасъ же войти съ представленіемъ о назначеніи Давыдова командиромъ 1-й бригады, а Дандевилю—второй и не ожидая приказа предпиши ему немедленно ѣхать въ Яблоницу и вступить въ командываніе, а Давыдову возвратиться въ Ловчу.

Перемѣщеніе этихъ генераловъ не могло состояться немедленно, потому что Дандевиль производилъ въ это время рекогносцировку Розелитскаго и Траянскаго балканскихъ переваловъ.

Съ отдѣленіемъ отъ Ловче-Сельвинскаго отряда цѣлой бригады и драгунъ, его роль, какъ охранителя праваго фланга арміи окончилась, и дѣятельность его приняла другое направленіе, именно—разслѣдованіе проходовъ въ центральной, самой высшей части Балканъ. Но намѣреваясь изложить это ниже, снова обращаюсь къ хозяйственнымъ моимъ распоряженіямъ.

На сколько провіантское довольствіе отряда было обезпечено, на столько фуражное казалось сомнительнымъ. До половины октября, артиллерія и полки еще могли косить траву

въ турецкихъ поляхъ, верстъ за 6 и за 7 отъ Ловчи, куда они отправляли для этого цѣлыя команды. Съ приходомъ гвардіи и массы артиллерійскихъ частей подъ Плевну, этотъ источникъ быстро пресѣкся, но зато со взятіемъ Тетевени очистилась вся мѣстность между Видомъ и Траянскимъ шоссе, а на ней оказалось громадное количество, уже собраннаго, отличнаго сѣна, принадлежавшаго туркамъ. Въмѣсто того, чтобы правильно пользоваться богатствомъ фуража, котораго достало бы всѣмъ до февраля мѣсяца, оно пропало и для войскъ, и для правительства. Множество нахлынувшихъ отъ Плевны и изъ-за Вида фуражировъ растаскивало стоги какъ хотѣло. Ловчу запрудили пустые интендантскіе транспорты и наемные парки, заслышавшіе о богатствѣ фуража въ занятомъ мною до Тетевени пространствѣ. Замѣчательнѣе всего то, что наше интендантство смотрѣло на это съ полнымъ равнодушіемъ; ни одинъ его чиновникъ, ни одинъ администраторъ князя Черкаскаго, имъ же числа не было, не показывались въ этой мѣстности.

Вообще, естественное богатство края было таково, что до октября мѣсяца ни Плевненская армія, ни войска другихъ отрядовъ, не получавшія въ натурѣ ни одного фунта мяса и ни одного пуда сѣна отъ интендантства, находили все на мѣстѣ. Да и послѣ октября, только армія обложенія Плевны и Шинки фуражировали верстъ за 30 отъ своей стоянки. Тѣ, кто были обязаны знать это богатство, не вѣрили ему и даже выражали сомнѣніе, довольствовались ли мы солдата полною фунтовою порціею мяса, и удивлялись, что армія не требовала гуртовъ изъ Россіи. Мы же, имѣя мясо въ избыткѣ, даже не замѣчали, чтобы количество скота уменьшалось отъ этого.

Чтобы сохранить фуражъ отъ расхищенія, я приказалъ, въ занятыхъ моимъ отрядомъ мѣстностяхъ, поставить на лугахъ казачьи посты. Только этою мѣрою и было достигнуто, что фуража было достаточно не только для своихъ частей, но и для первой кавалерійской дивизіи, прибывшей впоследствии въ окрестности Ловчи. Достойно еще замѣчанія то, что втеченіе всей кампаніи, какъ только въ отрядѣ дѣлалось какое-либо распоряженіе, или предпринималась административная мѣра, тотчасъ-же получалось приказаніе сдѣлать то, что уже сдѣлано. Этимъ особенно пользовались наши гражданскіе дѣятели. Только что я выставилъ караулы для охраны фуража,

какъ получилъ отъ генерала Непокойчицкаго такую телеграмму: „Прошу содѣйствовать Ловчинскому окружному начальнику, въ охраненіи турецкаго сѣна и другихъ припасовъ“.

Въ послѣднихъ числахъ октября, въ сопровожденіи флигель-адъютанта барона Корфа, посѣтилъ Ловчу принцъ Арнульфъ Баварскій. Въ это время Ловча настолько уже устроилась, что гостя можно было помѣстить въ довольно сносномъ домѣ болгарина, говорившаго по-нѣмецки; обѣдалъ-же принцъ постоянно у меня. Въ продолженіи двухъ дней онъ подробно осматривалъ всѣ наши укрѣпленія и тѣ позиціи, которыя обороняли турки. Я лично объяснилъ Его высочеству назначеніе каждой батареи и cadaго фронта, а также расположеніе войскъ въ случаѣ тревоги. Взбираясь по утесамъ, принцъ удивлялся произведеннымъ работамъ, хвалилъ избраніе позицій и бодрый видъ людей. Отъ меня онъ проѣхалъ въ Сельви къ Дандевиллю, чтобы принять участіе въ предпринимаемомъ имъ поискѣ въ горы, на что, ради военной вѣжливости, испросилъ моего разрѣшенія.

Не разъ посѣщали Ловчу иностранцы и меньшаго значенія, но особенно долго зажилъ въ ней, неизвѣстно для чего, капитанъ австрійскаго генеральнаго штаба, прослывшій въ арміи подъ именемъ Коломана Ивановича. Онъ очень недурно говорилъ по-русски, умѣлъ балагурить, поѣсть на чужой счетъ, поиграть въ карты и, вообще, былъ себѣ на умѣ. Вполнѣ довѣряться ему казалось излишнимъ, а потому я приставилъ къ нему одного изъ моихъ ординарцевъ. Не проходило дня, чтобы Коломанъ не обращался ко мнѣ, или къ кому-либо изъ чиновъ отряднаго штаба, съ просьбами: то подковать лошадей, то сеудить сѣномъ, то починить повозку, и очень удивлялся, когда ему говорили, что надо заплатить мастеровымъ за труды. „Мастеръ казенный, день казенный, матеріалъ казенный, за что платить?“—бормоталъ австріецъ, нехотя вынимая изъ кошелька франкъ, много два.

Въ бытность мою 29 октября въ Боготѣ, Великій князь, во время обѣда, обратился ко мнѣ со словами: „На дняхъ будетъ проходить черезъ Ловчу 2 гренадерская дивизія. Позаботься, чтобы для нея былъ выбранъ хорошій бивакъ и вообще помоги ей, чѣмъ можно“.

Зная, что эта дивизія находится въ Рушукскомъ отрядѣ, я

не могъ дать себѣ отчета, почему она слѣдуетъ къ Плевнѣ черезъ Ловчу, тогда какъ гораздо ближе идти на Бѣлу, Горный-Студень и Парадимъ. Тѣмъ не менѣе, возвратясь домой, я немедленно приказалъ доставить на избранный мною бивакъ возможно больше дровъ и соломы. Въ слѣдующую же ночь мы были разбужены прїѣздомъ ко мнѣ командира гренадерскаго корпуса, проѣзжавшаго въ Боготѣ. Такъ какъ почтовыхъ лошадей въ Ловчѣ не было, то онъ просилъ доставить его туда на полковыхъ. Покуда приготавливали четверку, поставили самоваръ и подали кое-что закусить. Только въ это время я узналъ, что 2 гренадерская дивизія, 1 ноября, проходя Боготѣ, должна представиться Государю на маршѣ.

— Гдѣ же она теперь? спрашиваю я.

— Сегодня должна придти въ Сельви.

— Едва ли это возможно, замѣтилъ прїѣхавшій съ корпуснымъ командиромъ, полковникъ генеральнаго штаба, — вѣдь мы обогнали первый полкъ только выступающимъ изъ Тырнова.

— Какъ, едва ли возможно? возвышая голосъ и съ видимымъ неудовольствіемъ продолжалъ корпусный. Должно быть возможно, если такъ приказано.

Видя, что генералъ начинаетъ горячиться и желая его успокоить, я сталъ доказывать, что если полкъ сегодня выйдетъ изъ Тырнова, то ему въ 2 дня невозможно сдѣлать 110 верстъ; а какъ при этомъ онъ идетъ въ составѣ цѣлой дивизіи, съ обозами, съ подвижнымъ лазаретомъ и 3 парками, то это рѣшительно невозможно.

— И ты тоже! еще громче возразилъ онъ, и, вынимая изъ кармана депешу, говорить мнѣ: смотри, видишь, подписано „Николай“.

— Вижу.

— Такъ какъ же ты говоришь—немыслимо!

— Да вспомните, что дивизія, идущая съ обозами и парками въ одной колоннѣ, занимаетъ 25 верстъ; слѣдовательно, когда первый полкъ вступитъ въ Сельви, то 4-й будетъ на цѣлый переходъ сзади.

— Знать ничего не хочу! проговорилъ корпусный сердито и, обратясь къ своему спутнику, продолжалъ: берите, полков-

никъ, бумагу и пишите Свѣчину (начальнику дивизіи), чтобы, не смотря ни на что, былъ бы послѣ завтра въ Боготѣ.

Когда депеша была составлена и полковникъ началъ читать ее, то при первыхъ словахъ: „Примите мѣры, чтобы...“ генералъ крикнулъ:

— Какъ примите мѣры? Пишите строжайшія мѣры, наистрожайшія мѣры.

Когда же и это было добавлено и прочтено, корпусный всплилъ еще болѣе и сталъ повторять одно за другимъ:

— Пишите—несмотря на всѣ препятствія; пишите—я строжайше требую; пишите—чтобы было исполнено безъ отговорокъ.

Раза 3 писалась и переписывалась депеша, наконецъ, находившійся при мнѣ подполковникъ Сухомлиновъ, подъ видомъ желанія дать писавшему время напиться чаю, предложилъ замѣнить его и умѣлъ сразу угодить корпусному командиру.

Около 4-хъ часовъ утра лошади были готовы и онъ покатилъ въ Боготѣ.

На утро, часу въ восьмомъ, вошелъ ко мнѣ командиръ Кіевскаго гренадерскаго полка, полковникъ Пуцинъ, роспій и воспитывавшійся на моихъ глазахъ. Я очень обрадовался его появленію, но былъ удивленъ его грустнымъ и озабоченнымъ видомъ.

— Что съ тобою? Здоровъ ли ты? было первымъ моимъ вопросомъ.

— Ахъ, лучше не спрашивай! Я просто въ отчаяніи.

— Да что съ тобой? Гдѣ твой полкъ? Вѣдь вамъ послѣ завтра надобно быть въ Боготѣ.

— То-то и горе! Полкъ только сегодня къ вечеру придетъ сюда. Идемъ 4 день безостановочно, всего разъ успѣли сдѣлать варку, люди измучены, масса отсталыхъ, деньги въ полку вышли. Я нарочно уѣхалъ впередъ, чтобы попросить помощь полку: одолжи сухарей, фуража и если можно денегъ.

— Не отчаивайся, поможемъ чѣмъ возможно, а покуда напейся чаю и отдохни.

Пославъ за завѣдующими хозяйствомъ, я приказалъ во всѣхъ ротахъ готовить двойное количество пищи, отвезти на бивакъ

ожидаемой дивизии нѣсколько воевъ сѣна и выдать полку заимообразно 500 руб. изъ хозяйственной суммы. Едва я успѣлъ нѣсколько успокоить Пушина, какъ докладываютъ, что приѣхалъ начальникъ штаба гренадерскаго корпуса. Онъ тоже казался разстроеннымъ и огорченнымъ. Немного оправясь, онъ подтвердилъ слова Пушина.

— Да объясните, спросилъ я его, въ чемъ дѣло и отчего все это происходитъ?

— Отъ суеты и нежеланія кого-либо слушать, чтобы не сказали, что распоряжаются другіе. Вотъ въ чемъ дѣло: 23-го числа Великій князь телеграфировалъ, чтобы 2-я гренадерская дивизія немедленно выступила къ Плевнѣ и 1-го ноября была бы въ Боготѣ, гдѣ Государю угодно ее видѣть на маршѣ. По порчѣ-ли телеграфа, или по иной причинѣ, но мы получили эту депешу только 27-го ночью. Какъ я ни уговаривалъ немедленно донести объ этомъ, какъ ни доказывалъ, почему дивизія не можетъ идти въ одномъ эшелонѣ, съ обозами и парками и сдѣлать въ 3 дня 175 верстъ, и слушать не хотѣли, не хотѣли принять моего предложенія пустить обозы отдѣльно по шоссе, тѣмъ путемъ какъ идутъ теперь, а полки направить на Бѣлу и Горный Студень, что составило бы для нихъ не болѣе 80 верстъ.

— Такъ поѣжайте скорѣе въ Главную квартиру—говорю я—и доложите; тамъ навѣрное примутъ во вниманіе и отложить смотръ на день или на 2. Просите чтобы дали здѣсь дневку, объясните въ чемъ дѣло.

— Какъ я поѣду, когда тамъ вѣроятно уже сказано, что все отлично и полки придутъ во время. Скажи я, что это не такъ, все на мнѣ и обрушится. Нѣсколько подумавъ, онъ рѣшился ѣхать.

Только что онъ вышелъ, какъ мнѣ подали слѣдующую телеграмму отъ Великаго князя: „Узнай и сообщи, прибыла ли 2-я гренадерская дивизія въ Сельви“. На посланный мною туда запросъ, генералъ Дандевилъ отвѣчалъ: „1-я бригада выступаетъ въ 4 часа безъ ранцевъ и обоза; 3-й полкъ только что прибылъ, 4-й прибудетъ ночью“. Не прошло и 2-хъ часовъ по отправленіи этого отвѣта главнокомандующему, какъ Его Высочество вновь телеграфировалъ мнѣ „Пошли на встрѣчу Свѣ-

чину офицера, съ приказаніемъ отъ меня ускорить движеніе и передай ему, что разъ приказанное должно быть исполнено“.

Въ ночь съ 30 на 31 октября стали приходиться въ Ловчу роты головного полка. На мосту ихъ встрѣчали, нарочно назначенные отъ моихъ частей унтеръ-офицеры, чтобы провожать на бивакъ. По незначительному составу этихъ ротъ, можно было судить, какую массу людей оставили онѣ на дорогѣ, а по ихъ виду подумать, что дивизія только что выдержала бой и торопливо отступаетъ.

Къ довершенію ея неудачъ произошелъ такой случай. Ночью, при спускѣ съ горы къ городу, 2 лазаретные фургона одного изъ полковъ оборвались вмѣстѣ съ лошадьми со скалы. Паденіе обошлось относительно благополучно, убитыхъ не было, но нѣсколько серьезно ушибленныхъ отнесли въ нашъ лазаретъ, въ томъ числѣ и полковаго врача Глатковского, бывшаго 10 лѣтъ назадъ въ командуемой мною 7-й дивизіи и тамъ пользовавшаго меня и мое семейство.

31 октября утромъ, вмѣстѣ съ прибывшимъ Свѣчиннымъ, я пошелъ взглянуть на бивакъ его дивизіи. Въ это время къ нему только еще подходили части 2-го полка и не ротами, а кучками, по 30 и 40 человекъ; 2-й бригады еще не было. Свѣчинъ былъ до нельзя огорченъ тѣмъ, что случилось и горько жаловался на судьбу, которая заставила его терпѣть въ чужомъ пиру похмѣлье, такъ какъ въ присутствіи старшаго онъ не могъ распоряжаться самостоятельно. Наконецъ получено было приказаніе дать дивизіи въ Ловчѣ дневку; это успокоило ея начальство и дало надежду, что быть можетъ многіе изъ остальныхъ успѣютъ подойти. Подобное предположеніе отчасти осуществилось, но все-таки, въ теченіе 3-хъ слѣдующихъ дней, постоянно тянулись черезъ Ловчу остальные. Чтобы дать имъ средство оправиться, а главное знать куда прошли ихъ полки, я приказалъ ихъ задерживать, помѣщать для отдыха въ роты моихъ частей и затѣмъ, по мѣрѣ скопленія, отправлять командами къ Боготу.

Вотъ что значитъ излишнее рвеніе и отчасти упрямство. Другое дѣло, еслибы дивизію требовали для боя, для выручки или подмоги; но тутъ ясно было видно, что она требуется не экстренно, такъ какъ данная 23-го числа

депеша предоставляла на передвижение 8 дней, следовательно не указывала на особенную в ней надобность и если бы в Главной квартирѣ знали о томъ, что телеграмма пришла 4-мя днями позже, то предназначенный смотръ навѣрное былъ бы отложенъ, что потомъ и случилось.

Обращаюсь теперь ко 2-й моей бригадѣ, дѣйствовавшей въ западномъ отрядѣ генерала Гурко. Хотя я и не былъ личнымъ свидѣтелемъ ея дѣйствій, но онѣ мнѣ подробно извѣстны изъ донесеній бригаднаго командира и изъ рассказовъ участниковъ; кромѣ того, я не считаю себя вправе умолчать о подвигахъ, совершенныхъ славными моими Псковскимъ и Великолукскимъ полками.

Прибывъ 24-го октября въ Яблоницу, бригада заняла позицію близъ этой деревни, а летучій отрядъ Орлова расположился, въ видѣ ея заслона отъ Этрополя, занятого турками. Съ прибытіемъ гвардіи, Орловъ былъ смѣненъ кавказскою бригадою генерала Черевина и отрядъ его былъ разформированъ: драгуны присоединились къ своему полку, а сотни 30-го и 24-го полковъ возвратились на посты въ Сельви и Ловчу. Вскорѣ по приходѣ въ Яблоницу, къ Давыдову явился парламентаръ, съ письмомъ на мое имя, отъ Шевкетъ-паши. Думая, что я лично начальствую высланными изъ Ловчи полками, паша просилъ меня объ увольненіи англійскихъ докторовъ, взятыхъ въ плѣнъ у Телипа. Такъ какъ это касалось дѣйствій гвардіи, то Давыдовъ переслалъ письмо въ штабъ западнаго отряда.

30-го октября, два баталіона Псковскаго полка, подъ начальствомъ подполковника Кобордо 1-го, производили рекогносцировку къ Этрополю. Они имѣли тамъ горячее дѣло и если бы были поддержаны, то вѣроятно городъ былъ-бы взятъ двумя недѣлями ранѣе; на это указываетъ то, что турки уже начали снимать свой лагерь и отправлять обозы, но, увидя малочисленность рекогносцирующихъ, сами перешли въ наступленіе. Псковскіе баталіоны потеряли при этомъ 12 человекъ убитыми и 36 ранеными, въ томъ числѣ 3-хъ офицеровъ. Вслѣдъ за этимъ послѣдовала смѣна генерала Давыдова. Огорченный, онъ прислалъ мнѣ рапортъ объ отчисленіи, говоря въ немъ, что считаетъ отзываніе его изъ боевой линіи обидою и просилъ представить рапортъ главнокомандующему. По возвращеніи

въ Ловчу, Давыдовъ былъ вызванъ въ Главную квартиру, гдѣ его нѣсколько успокоили и даже представили къ наградѣ, но онъ все-таки просилъ увольненія въ отпускъ и покуда не получилъ его, оставался еще полтора мѣсяца командиромъ первой бригады.

Смѣнившій Давыдова, генералъ Дандевиль, сряду по прибытіи къ бригадѣ, получилъ приказаніе произвести усиленную рекогносцировку Этрополя, съ тѣмъ, чтобы при малѣйшемъ колебаніи непріятеля перейти въ полное наступленіе. 12-го ноября послѣдовало взятіе Этрополя, при чемъ Великолукскій полкъ потерялъ 42 человекъ убитыми и 25 ранеными. Уже одинъ перевѣсъ убитыхъ надъ ранеными характеризуетъ дѣйствія полка въ этомъ дѣлѣ. Черезъ 3 дня Дандевиль занялъ Вратешскій перевалъ. Доносилъ объ этомъ славномъ и крайне трудномъ дѣлѣ, онъ писалъ: „Свидѣтельствую, что и здѣсь Великолукцы перенесли подъ пулями ту тяжелую работу, ввоза на неприступныя вершины тяжелыя орудія, какъ и 11-го числа на Искерѣ. Работа производилась ими съ пѣснями и веселыми, дружными криками“.

Болѣе всѣхъ отличился на Вратечѣ тотъ же майоръ Беатръ; въ самый трудный моментъ боя, когда непріятельскія пули долетали даже до перевязочнаго пункта, онъ доносилъ Дандевилу: „Хотя я сильно тѣснимъ турками, но съ потерями держусь хорошо“. Онъ не только удержался, но перешелъ со своимъ баталіономъ въ наступленіе. „Молодцы Великолукцы, писалъ Дандевиль — выбивали турокъ изъ-за камней штыками и гнали ихъ съ перевала“. Но не дешево стоила эта побѣда моей бригадѣ: она потеряла 52 убитыми, 197 ранеными и 33 пропавшими безъ вѣсти. Офицеровъ убито одинъ и ранено 3.

Въ этомъ же дѣлѣ удалъ Псковскаго полка выразилась въ слѣдующемъ эпизодѣ. Въ концѣ дня, его роты, со взятыхъ ими высотъ, увидѣли столь извѣстную потомъ гору Шандорникъ и увидѣли въ то время, когда по рядамъ прошла молва о мнимомъ отступленіи турокъ. Стрѣлковыя роты, а за ними и бывшія во 2-й линіи, безъ приказанія и не выжда подхода остальныхъ ротъ полка, растянувшихся по лѣсистому подъему, быстро заняли очищенную турками батарею и бросились на главный редутъ Шандорника. Подъ градомъ пуль ворвались они въ

него, успѣли сбросить въ ровъ одно орудіе и схватились въ рукопашную, съ прижатыми къ противоположному фасу турками, къ которымъ въ это время подошли свѣжіе таборы. Это заставило нашихъ удалцовъ отступить, чѣмъ и кончилась неожиданная, никѣмъ неприказанная, лихая атака Псковскими ротами знаменитаго Шандорника. Будь она своевременно подержана, такъ не только спаслись бы жертвы, павшія въ послѣдствіи, но и вся убійственная стоянка 2-й бригады на вершинахъ, была бы избѣгнута.

Вотъ что писалъ объ этомъ дѣлѣ Дандевиль: „Отданіе справедливости доблестнымъ качествамъ нашихъ офицеровъ и солдатъ, въ бояхъ съ непріателемъ, сдѣлалось общимъ мѣстомъ, такъ что я не буду повторять того, что иначе и быть не можетъ, даже при тѣхъ трудностяхъ и лишеніяхъ, которыя испытали полки, при 7-ми верстномъ подъемѣ орудій“.

Послѣ описанныхъ дѣйствій началось шестинедѣльное стояніе 2-й моей бригады на высотахъ Арагъ-Конака, подъ выстрѣлами батарей Шандорника, стояніе среди непогодъ, мороза и мятелей. Убыль людей отъ постоянной аванпостной службы и переносимыхъ лишеній была громадная. Труды по устройству окоповъ и постоянная ходьба внизъ за каждымъ пудомъ сухарей или мяса, вмѣстѣ съ напряженною бдительностью и нескончаемою борьбою съ сыростью и холодомъ, невыразимо изнуряли людей. Обозы и всѣ хозяйственныя принадлежности бригады были оставлены въ Этрополѣ, за 12 верстъ отъ позиціи, на которой не дозволялось разбивать палатокъ и разводить, на высотѣ 3000 футовъ, костровъ. Полковые врачи доносили, что не знаютъ что дѣлать съ накопившимися больными и что даже нѣтъ возможности вести контроль заболѣвающимъ, потому что ознобившіеся и изнуренные приходятъ съ горъ безъ всякихъ билетовъ и записокъ. Иногда въ одну ночь является болѣе 100 человѣкъ. Что солдаты не уходили съ позиціи безпричинно, доказывается тѣмъ, что многіе въ нихъ, едва имѣвшие силу добрести до околка, пробывъ день или два въ теплѣ, такъ сказать, оттаивали и несмотря на общее свое изнуреніе, дававшее имъ право воспользоваться отдыхомъ, сами возвращались на позицію. Сапоги у всѣхъ считались уже рѣдкостью, шинели оборвались и прогорѣли у костровъ, люди ни на минуту не обсыхали. Замерзшія онучи и

болгарскіе опанки изъ сырой, только что снятой съ убитой скотины кожи, къ полудню растаивали на солнцѣ или у костра, для того, чтобы вечеромъ снова обратиться въ ледяную кору.

Сердце ныло отъ доходившихъ до меня слуховъ о лишеніяхъ, переносимыхъ Псковскимъ и Великолукскимъ полками. Посланный осмотрѣть ихъ, дивизионный врачъ писалъ мнѣ, что въ строгомъ смыслѣ нѣтъ ни одного человѣка, здоровье котораго не было бы подорвано.

Жалость къ людямъ вынудила меня, въ началѣ декабря, обратиться къ генералу Гурко съ слѣдующимъ письмомъ:

„Со времени перехода черезъ Дунай, въ теченіи 4 1/2 мѣсяцевъ, ввѣренная мнѣ дивизія ни одного дня не была въ сборѣ и, разбитая на части, исходила Болгарію съ разными отрядами. Въ настоящее время она занимаетъ 7 пунктовъ, изъ которыхъ 4 находятся у разныхъ переваловъ черезъ Балканы.

2-я бригада состоитъ въ отрядѣ вашего Превосходительства и вамъ вполне извѣстны нужды и служба ея полковъ. Въ виду тѣхъ трудностей и лишеній, въ виду совершенно уничтожившейся обуви и громаднаго числа заболѣваній, я рѣшаюсь убѣдительно просить васъ, во вниманіе къ выказаннымъ 2-ю бригадою заслугамъ и перенесеннымъ лишеніямъ, дать ей возможность хотя нѣсколько отдохнуть и устроиться. Вы оказали-бы для дивизіи величайшее одолженіе, еслибы нашли возможность, съ прибытіемъ къ вамъ 3-хъ новыхъ дивизій, возвратить 2-ю бригаду въ Ловчу и о рѣшеніи вашемъ увѣдомили бы меня телеграммою“.

Письмо это было отправлено съ нарочнымъ офицеромъ. Еще до возвращенія его, генералъ Гурко отвѣчалъ мнѣ слѣдующею депешкою.

„Въ виду предстоящаго движенія впередъ, отправить 2-ю вашу бригаду въ Ловчу я не могу. Думаю, что отправка ея, такъ сказать, съ поля сраженія на отдыхъ, была бы величайшимъ для нея наказаніемъ и большою противъ нея несправедливостью. Доблестное поведеніе бригады служить залогомъ того, что ея части сочтутъ величайшимъ для себя несчастіемъ, еслибы отсылкою назадъ, я заставилъ бы ихъ, въ самую трудную минуту, покинуть своихъ боевыхъ товарищей. Помимо этихъ соображеній, я не могу отпустить части 3-й дивизіи по

чисто стратегическимъ причинамъ первой важности. Прошу васъ, если окажется возможнымъ, какъ можно скорѣе прислать остальную часть Новоингерманландскаго полка и генеральнаго штаба подполковника Сухомлинова“.

Такимъ образомъ два отрядныхъ начальника писали другъ другу объ одномъ и томъ же; но одинъ о возвратѣ того, что ему принадлежало, а другой—объ оставленіи ему чужаго. Вникая въ поводы, вызвавшіе мое письмо и въ отвѣтъ на него, усматривается: 1) дать бригадѣ отдыхъ, когда она истаяла отъ лишений, не было бы несправедливостью, какъ не было ея спускъ съ Шипки славной 14-й дивизіи, когда туда пришла 24-я. Съ приходомъ въ западный отрядъ 9-го корпуса и 3-й гвардейской дивизіи, облегчить тяжелую службу моей 2-й бригады была полная возможность. 2) Отозваніе бригады нельзя было называть ни наказаніемъ, ни несчастіемъ, потому что она уже доказала свое доблестное поведеніе въ бояхъ и ея репутація была вполне обеспечена. Кромѣ того, во все дальнѣйшее пребываніе бригады на позиціяхъ, она прямого участія въ дѣлахъ болѣе не принимала, а только исполняла сторожевую службу. Точно также она не принимала этого участія и впоследствии, при общемъ движеніи колонъ западнаго отряда за Балканы и 3) Наконецъ, если стратегическія причины требовали удержанія 2-хъ моихъ полковъ въ стотысячномъ западномъ отрядѣ, то не менѣе важныя причины требовали возвращенія ихъ въ Ловче-Сельвинскій отрядъ, которому предстоялъ переходъ черезъ Траянъ. Разница была только въ томъ, что отдѣленіе бригады, въ которой было всего 3 тысячи, отъ стотысячнаго отряда не причинило бы ему ни малѣйшаго ущерба, а присоединеніе этихъ 3000 ко мнѣ, предпринимавшему всего съ 5½ батальонами крайне рискованное дѣло, принесло бы громадную пользу.

Съ занятіемъ западнымъ отрядомъ Врачета и Орханіи, значеніе Ловче-Сельвинскаго отряда, какъ охраны праваго фланга арміи, прекратилось, но на немъ, кромѣ связи отряда обложени Плевны съ Шипкою, лежала новая обязанность—исслѣдованіе и охраненіе проходовъ центральнаго Балкана у Розелита, Траяна, Рахманлы и Тетевени. Среди заботъ объ этомъ произошелъ неожиданно грустный эпизодъ у Елены.

Вечеромъ 24 ноября, я получилъ отъ Великаго князя слѣ-

дующую телеграмму: „Турки въ превосходныхъ силахъ атаковали наши войска у Елены; пошли немедленно все, что можешь, изъ Ловчи и Сельви въ Тырново, въ распоряженіе генерала Деллинсгаузена и увѣдомь его по телеграфу. Съ войсками, которыя поплешь въ Тырново, отправь Давыдова, а самъ оставайся въ Ловчѣ“.

Немедленно мною сдѣланы были слѣдующія распоряженія: 1) дано предписаніе Давыдову, взявъ 3-й баталіонъ Староингерманландскаго полка, выступить съ разсвѣтомъ, форсированнымъ маршемъ, въ Сельви, присоединить тамъ 1 баталіонъ того же полка и 2 сотни 30-го казачьяго и идти къ Тырнову; 2) послано, съ нарочными, приказаніе ротамъ у переваловъ идти къ Сельви, гдѣ присоединиться къ Давыдову; 3) такъ какъ Сельви осталось бы безъ войскъ, то туда выслать ночью же роту изъ Ловчи.

Донося объ этихъ распоряженіяхъ Великому князю по телеграфу, я испрашивалъ приказаніе, послать ли въ Тырновъ артиллерию? Черезъ 2 часа послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ генерала Непокойчицкаго: „Великій князь главнокомандующій благодарить васъ за точныя распоряженія. Отъ Елены нѣтъ еще позднѣйшихъ извѣстій, поэтому Его высочеству угодно, чтобы войска ваши не трогались, но были бы готовы на всякій случай; съ Розелитскаго и Траянскаго проходовъ ротъ не снимайте“.

Послѣднее заставило въ ту же ночь послать отъ ротамъ, находившимся у переваловъ; но только что конверты были отданы очереднымъ казакамъ, какъ мнѣ подали депешу Деллинсгаузена, которою онъ просилъ выслать подкрѣпленія какъ можно скорѣе. Пришлось вновь телеграфировать Великому князю, отъ котораго, 25 числа на разсвѣтѣ, полученъ отвѣтъ: „Пошли роты какъ ты предполагалъ, но отъ Траяна и Розелита не снимай, батарею отправь“. Черезъ часъ Давыдовъ выступилъ и 27 телеграфировалъ мнѣ: „Прибылъ согласно вашему маршруту къ монастырю св. Николая, сдѣлавъ сегодня 40 верстъ по отвратительной гористой дорогѣ. Отсталыхъ нѣтъ. Пока отдыхаемъ. Большое затрудненіе въ фуражѣ“.

Такъ какъ отправленное мною подкрѣпленіе пришло въ то время, когда Сулейманъ-паша, удовольствовавшись взятіемъ

Елены, отступилъ, то всё посланныя къ Деллинсгаузену части, черезъ недѣлю, возвратились на свои квартиры.

Наступившіе съ половины ноября холода сдѣлали жизнь ротъ на позиціяхъ, въ землянкахъ, невыносимою, тѣмъ болѣе, что вся окрестность на полъ-аршина покрылась снѣгомъ. Поэтому я приказалъ, снявъ аванпосты и оставивъ на укрѣпленіяхъ только караулы при орудіяхъ, перевести войска въ городъ.

Между тѣмъ дни проходили за днями, а Плевна все не сдавалась. Бомбардированіе ея, подобно громовымъ раскатамъ, доносилось до насъ и иногда канонада разгоралась до того, что мы были увѣрены въ совершающемся прорывѣ Османа, или въ новомъ штурмѣ съ нашей стороны; но на утро узнавали, что положеніе все то-же. Томительны были наши ожиданія, не смотря на увѣренность въ благопріятномъ исходѣ.

28 ноября, около двухъ часовъ дня, когда послѣ общаго обѣда всё штабные разошлись по своимъ уголкамъ, въ мою комнату, запыхавшись вбѣжалъ начальникъ Ловчинской телеграфной станціи и едва переводя духъ проговорилъ:

— Ваше превосходительство, Плевна взята!

— Почему вы знаете? Гдѣ депеша! Давайте скорѣе.

— Депеша частная, ко мнѣ, отъ начальника станціи въ Боготѣ.

Эррротъ услышалъ этотъ разговоръ, не выдержалъ, крикнулъ „ура“ и въ одинъ мигъ всё вѣстовые, очередные казаки и деньщики, съ тѣмъ же восклицаніемъ бросились на улицу, спѣша сообщить радостную вѣсть первыми, кому бы то ни было. Не прошло 5 минутъ, какъ болгары, ихъ жены и дѣти, солдаты и офицеры бѣжали изъ дома въ домъ, изъ лавки въ лавку, съ возгласами обуявшаго ихъ восторга. Но когда, послѣ перваго впечатлѣнія, каждый пришелъ въ себя, то невольно задавалъ себѣ вопросъ, правда-ли? Боязнь разочарованія и желаніе скорѣе узнать подтвержденіе заставляло офицеровъ штаба, каждыя 5 минутъ, бѣгать на телеграфъ. Почтенный Золотухинъ не сходилъ со станціи до вечера и наконецъ, въ 5 часу, перехвативъ таки депешу ко мнѣ, почти бѣгомъ принесъ ее и бросившись цѣловать меня, кричалъ:

— Правда, ваше превосходительство, правда! Вотъ она, депеша-то къ вамъ. Читайте!

Несмотря на то, что начало уже смеркаться, я приказалъ бить сборъ и такъ какъ войска были на готовѣ, то быстро собрались на площадку, среди города. Громко прочтя депешу и поздравивъ полки, я приказалъ тутъ же отслужить благодарственный молебень, съ салютомъ изъ всѣхъ стоявшихъ на батареяхъ орудій. Неумолкаемое „ура“ вторило пушечнымъ выстрѣламъ и долго еще разносилось по Ловчинскимъ улицамъ, а эхо окружающихъ скалъ повторяло его. Послѣ молебна я съ трудомъ добрался до квартиры: болгары съ криками окружали меня; женщины хватали за руки и цѣловали ихъ. На посланную Великому князю, отъ имени войскъ, поздравительную телеграмму я получилъ слѣдующій отвѣтъ: „Сердечно благодарю войска и тебя за поздравленіе и за славную службу“.

Съ этого дня жизнь наша въ Ловчѣ измѣнилась: орудія и караулы сняты съ позицій, насталъ дѣйствительный отдыхъ, во время котораго въ полкахъ осматривали оружіе, исправляли одежду и обувь, заготавливали вьюки. Улицы оживились наѣхавшими изъ-подъ Плевны офицерами всевозможныхъ полковъ, чтобы запасть сапогами, провизіею и теплою одеждою. Мои офицеры, наоборотъ, жаждали увидѣть Плевну, но желающихъ оказалось такъ много, что я разрѣшилъ увольнять не болѣе 3-хъ съ полка.

1-го декабря я поѣхалъ въ Боготѣ, лично поздравить Великаго князя съ Георгіемъ 1-й степени. Во время обѣда, при которомъ, въ числѣ прислуги, было нѣсколько взятыхъ въ плѣнъ арабовъ, видимо выдрессированныхъ къ этому дѣлу пашами, я сидѣлъ противъ начальника артиллеріи, а онъ возлѣ Великаго князя.

— Кто старше ты или Свѣчинъ? спросилъ меня Его Высочество.

— Мы стоимъ рядомъ, но онъ старше — отвѣчалъ я.

— А я думалъ, что тебѣ придется принять 9-й корпусъ.

Прошу читателя замѣтить этотъ вопросъ, такъ какъ онъ имѣетъ значеніе для послѣдующаго.

Настоящая поѣздка въ Главную квартиру была необходима и для того, чтобы узнать, что предстоитъ моему отряду. Еще передъ обѣдомъ спросилъ я объ этомъ, встрѣченнаго возлѣ столовой, генерала Непокойчицкаго.

— Съ чего вы взяли, что предполагаются передвиженія? Все остается какъ было, отвѣтилъ онъ.

— Я спрашиваю не изъ пустаго любопытства, возразилъ я, — а потому, что встрѣтилъ по дорогѣ сюда квартирмейстеръ 16-й дивизіи, значитъ передвиженія уже начались. Кромѣ того, въ Ловчѣ масса всякаго рода запасовъ, нужно же распорядиться ими, иначе придется все бросить.

— Въ свое время получите приказанія, а теперь я ничего не знаю.

И въ подобныя-то минуты опять секреты, — подумалось мнѣ.

За тѣмъ же обѣдомъ, ради сбереженія интересовъ казны, я обратился къ начальнику артиллеріи князю Масальскому, съ прямо касающимся его вопросомъ: „какъ мнѣ поступить съ складами снарядовъ и съ пороховыми погребами въ Ловчѣ?“

— А кто вамъ приказывалъ устраивать ихъ, спрашиваетъ онъ вмѣсто отвѣта.

— Мнѣ было предписано это начальникомъ полевого штаба арміи.

— Ну такъ его и спрашивайте. Если считаютъ возможнымъ дѣлать распоряженія по артиллерійской части помимо меня, то пусть и поступаютъ какъ знаютъ.

Значитъ и здѣсь ничего не узнаешь, сказалъ я самъ себѣ; одинъ секретничаетъ, а другой, изъ личности, жертвуетъ дѣломъ. Результатомъ послѣдняго было то, что все что стоило такихъ трудовъ и денегъ, при выступленіи черезъ 3 недѣли изъ Ловчи, пришлось бросить на расхищеніе „братушекъ“.

Послѣднія 3 недѣли жизни въ Ловчѣ сильно напоминали намъ Россію. Начавшіеся около Николина дня морозы держались между 3 и 7 градусами. Выпалъ снѣгъ; установился прекрасный первопутоть. Наши обозные и артиллеристы ухитрились устроить нѣсколько розвальней и саней, на которыхъ мы обновляли болгарскую зиму, катаясь на тройкахъ, по шоссе, къ сторонѣ Плевны изъ Сельви.

Между тѣмъ Ловча съ каждымъ днемъ переполнялась проходившими войсками. Кромѣ 1-й кавалерійской дивизіи, расположившейся въ окрестныхъ деревняхъ, въ городѣ находились: 3 стрѣлковая бригада и полки 16-й дивизіи Скобелева, оставшагося здѣсь 3 дня. Нельзя было надивиться его умѣнію

проявлять извѣстный шикъ, даже въ такихъ мелочахъ, на которыя никто другой не обратилъ бы вниманія. Дворъ дома, гдѣ онъ квартировалъ, представлялъ видъ грандіознаго стана. Огромные костры, пылая всю ночь, освѣщали ближайшія улицы и отражались заревоиъ; къ деревьямъ и по забору былъ привязанъ десятокъ неразсѣданныхъ лошадей. Вокругъ огней сидѣли и стояли и донцы, и кубанцы, и осетины; кто-то видѣлъ даже 2-хъ киргизовъ или туркменъ, а въ числѣ ординарцевъ генерала находились и гвардейскіе офицеры. Надо было имѣть особый талантъ, чтобы, въ званіи начальника армейской дивизіи, умѣть такъ широко и эффектно обработать свой небольшой по положенію штабъ, въ самую разнообразную и многочисленную свиту. Отдавая ему мой визитъ, я засталъ Скобелева, поправляющимъ какую-то рукопись, а черезъ столъ противъ него, на диванѣ, завернувшись въ бурку, спалъ длинноволосый господинъ, въ родѣ корреспондента. Во время нашего разговора вошелъ офицеръ Литовскаго полка, съ вопросомъ: „какой обѣдъ прикажете, Ваше Превосходительство, приготовить на завтра?“ Видимо недовольный и появленіемъ и вопросомъ, Скобелевъ, нахмуря брови, отвѣтилъ: „потомъ“—и офицеръ исчезъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

1877.

Исслѣдованія и рекогносцировки. — Записка о центральныхъ проходахъ. — Рѣшеніе идти черезъ Траянъ. — Сформированіе отряда. — Организація движенія. — Подъемъ перваго эшелона. — Ночное дѣло стрѣлковъ. — Подъемъ орудій. — Отдѣльная колонна Сухомлинова. — Второй и третій эшелоны — Архимандритъ Макарій. — Депеши изъ Главной квартиры и съ Шипки. — Сочельникъ и день Рождества въ горахъ. — Диспозиція и бой 26 декабря. — Подъ пулями — Обходъ Грекова и атака Орлинаго гнѣзда. — Донесеніе о побѣдѣ. — Преслѣдованіе и взятіе деревни Корнари и транспорта.

26-го минувшаго декабря исполнилось ровно десять лѣтъ со времени перехода и взятія Траянского перевала на Балканахъ. Значеніе дѣла, совершеннаго за два дня до паденія Шипки, было поглощено этимъ событіемъ и прошло тогда какъ бы незамѣченнымъ; но память о немъ красуется, въ видѣ надписи, на знаменахъ двухъ старѣйшихъ полковъ русской арміи ¹⁾. Одно событіе заслонило другое, вслѣдствіе разницы въ числѣ участвовавшихъ и положенія лицъ, стоявшихъ во главѣ предприятий.

Что же касается результатовъ и ихъ послѣдствій, то, конечно, они сравнимаемы быть не могутъ, но это нисколько не умаляетъ заслугъ отрядовъ, дѣйствовавшихъ на обоихъ пунктахъ, потому что каждый изъ нихъ, одинаково свято, исполнилъ свой долгъ и съ одинаковымъ успѣхомъ достигъ указанныхъ цѣлей. Масштабы и средства для ихъ достиженія были различны: большимъ кораблямъ досталось большое и плаванье, но и меньшій, выдержавъ одинакую съ ними борьбу, достигъ пристани.

¹⁾ За отличія оказанныя Старонингерманландскимъ и Новоингерманландскимъ полками, при взятіи Траянского перевала, имъ даны георгиевскія знамена, съ надписью: „За переходъ черезъ Балканы у Траяна“.

Описаніе того, какъ это случилось, составитъ предметъ слѣдующихъ главъ моихъ воспоминаній, вызванныхъ желаніемъ ознакомить ихъ читателей съ подвигомъ, который былъ совершенъ небольшимъ отрядомъ, на высочайшемъ изъ Балканскихъ переваловъ. И вслѣдъ за тѣмъ, когда происходило дѣло, и въ теченіи десяти минувшихъ лѣтъ, о немъ мало говорили и еще меньше писали. Пусть же русскіе люди узнаютъ его подробности, оцѣнятъ его значеніе и заслуги тѣхъ частей родной арміи, которыя совершили его.

Пишущему эти строки довелось стать во главѣ отряда, назначеннаго для перехода черезъ Траянъ, а потому въ моихъ рукахъ сосредоточивались всѣ данныя для его организаціи. Говорю это не ради того, чтобы выставить себя виновникомъ успѣха, а для того, чтобы читателямъ было извѣстно, почему я могъ знать всѣ подробности и судить о нихъ не только какъ участникъ, но какъ распорядитель и отвѣтчикъ за возложенное на отрядъ порученіе.

Но чтобы оно обозначилось яснѣе, необходимо указать на нѣкоторыя предшествовавшія дѣйствія, для чего придется возвратиться къ происходившему за мѣсяць до паденія Плевны.

Въ одинъ изъ октябрьскихъ вечеровъ, явился ко мнѣ генеральнаго штаба подполковникъ Сухомлиновъ и передалъ, что Великій князь главнокомандующій желаетъ, чтобы я занялъ Траянский и Розелитскій перевалы, при чемъ добавилъ, что хотя Его Высочество, отправляя его, и довольно настойчиво говорилъ объ этомъ, но предоставляетъ мнѣ свободу дѣйствій.

— Такъ какъ вы передали мнѣ волю главнокомандующаго, то я на васъ и возложу подробное разслѣдованіе и изученіе подъемовъ, отвѣчалъ я Сухомлинову ¹⁾.

При тогдашнихъ силахъ отряда, ослабленнаго отдѣленіемъ цѣлой бригады къ генералу Гурко, и при необходимости имѣть

¹⁾ При первомъ свиданіи съ этимъ штабъ-офицеромъ, я понялъ, съ кѣмъ имѣю дѣло и не ошибся, потому что въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, которые онъ оставался при мнѣ, я могъ только удивляться его такту и усердію. Впродолженіи всей многолѣтней моей службы я не встрѣчалъ офицера генеральнаго штаба болѣе способнаго, полезнаго и пріятнаго для войскъ и ихъ начальниковъ.

хотя небольшія части въ Ловчѣ и Сельви, невозможно было и думать о немедленномъ занятіи переваловъ. Поэтому я рѣшилъ отклонять это предпріятіе, до ожидаемаго уже тогда паденія Плевны. Еслибы оно и имѣло успѣхъ, то не принесло бы въ то время желаемой пользы, а только подвергло бы, расположенныя на заоблачныхъ высяхъ войска, страшнымъ лишеніямъ. Дабы доказать это и убѣдить, что я вовсе не отказываюсь отъ мысли идти черезъ Траянь, я настойчиво предпринялъ изслѣдованіе подъёмовъ. Для ихъ рекогносцировки были посылаемы сотенные командиры, стоявшіе у подножій, и съ ними подполковникъ Сухомлиновъ. Вмѣстѣ съ этимъ я доносилъ, что опасаться спуска турокъ по сѣверному склону не слѣдуетъ, разъ что онъ повсюду охраняется сотнями и пѣхотными поддержками. При одной изъ подобныхъ рекогносцировокъ это мнѣніе вполне подтвердилось.

Стоявшій у подножія Розелитскаго перевала, въ деревнѣ Острецѣ, сотникъ Аенасевъ получилъ свѣдѣніе, будто на высшей точкѣ перевала—горѣ Мара-Гайдукъ, турки строятъ укрѣпленіе и въ числѣ двухъ тысячъ намѣрены спуститься на нашу сторону, съ цѣлью раззорить болгарскія деревни и кулибы (хутора) сѣвернаго склона. Условясь со стоявшимъ совместно съ нимъ командиромъ роты, Александровскимъ, Аенасевъ рѣшился лично убѣдиться въ справедливости дошедшихъ до него слуховъ. Выступивъ въ горы въ 4 часа утра, 30 октября, они весь день карабкались по крутизнамъ, но могли пройти только половину подъема.

На слѣдующій день, уже подъ вечеръ, не доходя верстъ двухъ до вершины, турки встрѣтили ихъ выстрѣлами, не причинившими по дальности никакого вреда. Ободренные этимъ, Александровскій и Аенасевъ, направивъ роту правѣе и сотню лѣвѣе укрѣпленія, продолжали подыматься. Тогда турки прекратили огонь и ушли. Видимо было, что они только ждали предлога, чтобы избавиться отъ невыносимой стоянки на высотѣ 7,000 футовъ. Послѣ срытія укрѣпленія, оба предпріимчивые офицера, оставивъ на высотѣ партію Болгаръ при десяти казакахъ для наблюденія, возвратились въ Острецъ.

Получивъ депешу о занятіи Мара-Гайдука и зная какъ Великій князь интересуется перевалами, 1-го ноября я поѣхалъ въ Боготъ; но помня, что прежде чѣмъ что-либо докладывать

Главнокомандующему, по порядку службы слѣдуетъ доложить о томъ же начальнику штаба арміи, я зашелъ къ генералу Непокойчицкому.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ меня, какъ только я переступилъ порогъ его хаты.

— Я пріѣхалъ доложить, что вчера рота и сотня изъ Остреча заняли Розелитскій перевалъ.

— Да? сказалъ онъ невозмутимымъ тономъ, точно дѣло идетъ о такой бездѣлицѣ, про которую разспрашивать и не стоитъ.

— Угодно вамъ доложить объ этомъ Главнокомандующему, или прикажете мнѣ сдѣлать это? спросилъ я.

— Пойдемте къ Великому князю вмѣстѣ.

Войдя въ юрту Его высочества, Непокойчицкій, указывая на меня произнесъ: „Вотъ генералъ пріѣхалъ доложить, что его казаки и рота заняли вчера Мара-Гайдукъ“.

— Какъ! неужели? съ видимымъ интересомъ сказалъ Великій князь. Да какъ ты передрогъ!—и затѣмъ крикнулъ: „Подать поскорѣе водки, сыру, чаю; а покуда садись и скорѣе рассказывай, вотъ карта“.

Только-что я началъ, какъ смотрю начальникъ штаба повернулся и вышелъ. Тогда невольно подумалось: неужели военныя дѣйствія менѣе интересны, нежели жалобы на войска нашихъ гражданскихъ правителей.

Послѣ подробнаго доклада о занятіи перевала, Великій князь сказалъ:

— Ну спасибо; значитъ есть надежда перебраться и здѣсь. Имѣй въ виду, что быть можетъ скоро я прикажу тебѣ тронуться, куда окажется возможнымъ.

— Позвольте, Ваше высочество, прежде подробнѣе ознакомиться съ подъемами. На Мара-Гайдукъ съ артиллеріею и даже съ выюками подниматься немислимо, но я все-таки поручу Сухомлинову еще разъ осмотрѣть его; мнѣ кажется, что намъ лучше имѣть въ виду Траянь.

— Смотри, такъ-ли? здѣсь того мнѣнія, что переходя западнѣе Розелита, придется идти къ Шипкѣ черезъ Калоферское ущелье и штурмовать сильную позицію; между тѣмъ какъ, переваливая черезъ Розелитъ, это избѣгается.

— Совершенно такъ, но я смѣю увѣрить, что если теперь,

въ октябрѣ, Турки бросили перевалъ, по невозможности стоять на немъ, то въ декабрѣ, когда начнутся постоянныя метели и сильные морозы, Мара-Гайдукъ будетъ совершенно непроходимъ.

Отпуская меня, Великій князь прибавилъ: „работай какъ началъ и о всемъ почаще увѣдомляй меня“.

Изъ объясненій съ лицомъ, которому могли быть подробно извѣстны намѣренія Его высочества, выяснилось, что до паденія Плевны существовала такая комбинація: предполагаемое въ то время движеніе за Балканы имѣло цѣлью только освобожденіе войскъ генерала Радецкаго отъ невыносимой стоянки на Шипкинскомъ перевалѣ. Тогда предполагали, что генералъ Гурко, взявъ Арабъ-Конакъ, пойдетъ къ востоку, и когда дойдетъ до Златицы, то въ голову его колонъ выйдетъ мой Новоингерманландскій полкъ изъ Тетевени. Когда же они пройдутъ Клисурское ущелье, то изъ Ловчи, перейдя Траянъ, выйдетъ мой отрядъ; наконецъ роты и сотни, занимающія Сельви, перейдутъ Балканы черезъ Розелитъ и такимъ образомъ вся моя дивизія соединится у Калофера и образуетъ авангардъ арміи, наступающей, по долинамъ Гюпса и Тунджи, на Шипку съ запада.

— Позвольте на это замѣтить,—возразилъ я,—что все это кажется возможнымъ и даже красивымъ только смотря на карту; но можно ли полагаться на удачу подобныхъ комбинацій при такихъ препятствіяхъ, какъ Балканы. Достаточно двухъ, трехъ дней метели, чтобы всѣ расчеты измѣнились. Не слишкомъ ли рисковано, со столь незначительными силами, какъ мои у Тетевени и Сельви, спускаться съ Балканъ въ то время, когда главная армія еще у Плевны, и даже не опредѣлилось направленіе движенія генерала Гурко, то есть, — пойдетъ ли онъ, спустившись, на западъ, или на востокъ, а это будетъ зависеть отъ того, куда отступятъ передъ нимъ турки.

Въ теченіе ноября мѣсяца подполковникъ Сухомлиновъ еще разъ подробно изслѣдовалъ Розелитскій и три раза Траянскій перевалы. Чтобы отклонить существовавшіе въ Главной квартирѣ намѣренія направить меня на Розелитъ и по возможности убѣдить, какъ рискованно, съ находившимися тогда въ моемъ распоряженіи 5-ю баталіонами, предпринимать отъ

дѣльный переходъ за Балканы, я составилъ слѣдующую подробную записку о перевалахъ.

„Изслѣдованіе Балканскихъ проходовъ черезъ Мара-Гайдукъ къ Калоферу и черезъ Траянъ къ Теке и Корнари, начатое мною съ первыхъ чиселъ октября, производилось почти еженедѣльно. Для наблюденія за ними поставлено было по сотнѣ и по ротѣ въ Острецѣ и Траянѣ. Подполковникъ генеральнаго штаба Сухомлиновъ нѣсколько разъ подымался съ казацкими партіями и болгарскими охотниками до самыхъ вершинъ и убѣдился, что Траянскій перевалъ занятъ турецкими укрѣпленіями, а Мара-Гайдукъ, хотя и брошенъ турками, но теперь уже невозможенъ для подъема.

„Траянскій перевалъ имѣетъ два подъема и спуска: одинъ отъ Успенскаго монастыря и другой отъ выжженного города Траяна. На первомъ, вьющаяся по скалѣ тропа представляетъ на вершинѣ ребро двухъ сходящихся подъ острымъ угломъ плоскостей, теперь совершенно занесенныхъ снѣгомъ и непроходимыхъ. Подъемъ отъ Траяна можно считать сравнительно лучшимъ, но все-таки, по личному удостовѣренію Сухомлинова и по показаніямъ старожиловъ, для прохода артиллеріи немыслимъ, для пѣхоты же представляетъ едва-ли преодолимые трудности“.

Приведенную записку я отправилъ начальнику штаба, Непокойчицкому, съ Сухомлиновымъ, при слѣдующемъ письмѣ:

„При самомъ искреннемъ желаніи сказать о Розелитскомъ и Траянскомъ перевалахъ согласное съ видами Великаго князя, я по долгу присяги не могу вводить Его высочество въ заблужденіе и черезъ это подвергать вѣренныя мнѣ войска гибели, въ непроходимыхъ заоблачныхъ горахъ и дебряхъ, гдѣ стужа уже теперь доходитъ до 18 градусовъ. Пройти, хотя бы и со страшными усиліями и сбивая непріятеля, пѣхота можетъ; но удержатся ли 5 баталіоновъ на высотѣ 7,000 футь? какъ устроить подвозъ продовольствія и снарядовъ, транспортировку раненыхъ и больныхъ, что окажется и что мы встрѣтимъ при спускѣ на югъ въ долину Гюпса,—всѣ эти вопросы дѣлаютъ предположенія о немедленномъ переходѣ болѣе чѣмъ рискованными.

„Простите, если я, быть можетъ, говорю несогласное съ вашимъ мнѣніемъ, но считаю святою обязанностію высказать

начальнику штаба мое убѣжденіе, основанное на желаніи исполнить долгъ службы по присягѣ и совѣсти“.

Подполковнику Сухомлинову я поручилъ, отдавая письмо, сколь возможно отклонять идею о *немедленномъ, отдельномъ переходѣ* и всѣми силами стараться объ отсрочкѣ его до тѣхъ поръ, покуда событія не подготовятъ возможности согласовать движеніе съ общими дѣйствіями.

Сразу послѣ паденія Плевны, въ Главной квартирѣ составлялся планъ общаго перехода арміи черезъ Балканы. Для приведенія его въ исполненіе, въ первой половинѣ декабря, войска, составлявшія отрядъ обложенія, были направлены на подкрѣпленіе тѣхъ, которые уже занимали пункты, избранные для перехода.

9 декабря я получилъ изъ Главной квартиры депешу: „Великій князь проситъ васъ пріѣхать завтра, вмѣстѣ съ подполковникомъ Сухомлиновымъ“. Цѣль вызова состояла въ сообщеніи плана общаго движенія войскъ за Балканы, причемъ мнѣ было объявлено, что я перехожу по Траянскому перевалу. Такъ какъ въ это время подъ моимъ начальствомъ оставалось всего полтора полка пѣхоты, 3 батареи и 2 казачьихъ полка, то я просилъ Главнокомандующаго хотя нѣсколько усилить отрядъ.

— Само собою разумѣется, отвѣтилъ Его высочество, что ты будешь усиленъ стрѣлковою бригадою и полкомъ или двумя кавалеріи, о чемъ тебя увѣдомятъ; а теперь займись подготовкою, устройствомъ продовольствія, организуй возлѣ себя побольше болгарскихъ четъ и вели еще разъ осмотри тѣ подъемы. Когда выступать—я сообщу, но мы еще увидимся.

Чтобы воспользоваться остающимся временемъ, я поручилъ подполковнику Сухомлинову, вмѣстѣ съ прибывшимъ въ дивизію новымъ начальникомъ штаба, подполковникомъ Сосновскимъ, еще разъ осмотри тѣ сѣверный склонъ подъема, заѣхать къ архимандриту Успенскаго монастыря Макарію, не разъ помогавшему намъ при рекогносцировкахъ, чтобы условиться съ нимъ, относительно заготовки вьюковъ сухарей, расчистки пути и проч.

По возвращеніи Сосновскаго и Сухомлинова, 19 декабря я поѣхалъ въ Боготъ, получить послѣднія указанія Великаго князя. Тамъ я узналъ, что вмѣсто обѣщаннаго усиленія от-

ряда, 3-ю стрѣлковую бригаду и первую кавалерійскую дивизію отдають Скобелеву. Съ трудомъ удалось уговорить дать мнѣ хоть одинъ стрѣлковый баталіонъ и получить обѣщаніе, послѣ перехода перевала, возвратитъ дивизіи вторую бригаду.

Послѣднее приказаніе и наставленія Его высочество закончилъ словами:

— Удастся перейти, честь и слава, а нѣтъ,—такъ демонстрируй, но работай усердно. Я знаю, что переходъ почти невозможенъ, но ты сдѣлаешь это для меня.

По возвращеніи въ тотъ же вечеръ въ Ловчу, вся ночь прошла въ распоряженіяхъ къ предстоящему походу, въ составленіи маршрутовъ, инструкцій и приказаній относительно подвоза продовольствія и патроновъ, устройства тыла, транспортировки и т. п.

20 декабря, утромъ, былъ отданъ мною приказъ о разформированіи Ловче-Сельвинскаго отряда и объ образованіи изъ него Траянскаго. Но прежде чѣмъ излагать подробности предварительныхъ распоряженій, считаю необходимымъ вкратцѣ упомянуть о томъ, когда и въ какихъ пунктахъ переходили прочія войска арміи.

Въ минувшую войну русскія войска были двинуты черезъ ту среднюю часть Балканъ, которая до сихъ поръ считалась недосыгаемымъ оплотомъ Турціи, а потому не была укрѣплена ею заранѣе. Твердыни, которыя взяты потомъ нашими отрядами, были воздвигнуты уже по объявленіи войны.

По взятіи Плевны, наши войска были направлены черезъ Балканы нѣсколькими колонами, на слѣдующіе проходы:

1) На лѣвомъ флангѣ,—черезъ Ханкойскій перевалъ (4.000 футовъ) перешла 25 и 26 декабря колона князя Святополкъ-Мирскаго, безъ боя, но затѣмъ въ долину Тунджи имѣла кровопролитныя дѣла 27 и 28 числа.

2) Въ центрѣ—шли двѣ колоны: а) Шипкинскій перевалъ (4.900 футовъ) взялъ 28 декабря отрядомъ генераль-лейтенанта Радецкаго; б) по Зеленодревесному перевалу (4.500 футовъ) шла колона генерала Скобелева 2-го, имѣвшая дѣла 27 и 28 декабря. Западнѣе Шипки, Траянскій перевалъ (6.700 ф.) пройденъ 23, 24, 25 и взятъ 26 декабря вѣрнымъ мнѣ Траянскимъ отрядомъ.

3) На правомъ флангѣ—черезъ проходы: Арабъ-Конакъ

скій, Златицкій, Ташкисенскій и Лютиковскій (отъ 3.000 до 3.400 ф.) прошли колонны Западнаго отряда генерала Гурко.

Изъ означеннаго перечня Балканскихъ проходовъ видно, что Траянскій—самый высочайшій изъ нихъ. Общій характеръ мѣстности 17-ти верстнаго подъема на перевалъ слѣдующій.

Путь отъ Траяна до начала подъема у Княжевицкихъ кулибъ, на протяженіи 5 верстъ, идетъ долиною рѣки Бѣлой-Осьмы, большею частью по карнизамъ крутыхъ скалъ. Представляя на каждомъ шагѣ прелестные ландшафты, онъ чрезвычайно живописенъ, даже зимою. До кулибъ приходится два раза переходить рѣку въ бродъ, что, по словамъ Болгаръ, при разливахъ считается невозможнымъ. У кулибъ, сряду по переходѣ Осьмы, начинается и тянется съ версту весьма крутой подъемъ, кажущійся снизу непреодолимымъ. Затѣмъ тропы, поднимаясь, идетъ то лѣсомъ, то горнымъ хребтомъ, съ отвѣсными къ ущельямъ боками, по крайне узкимъ карнизамъ, висающимъ надъ пропастью. Версты за 3 до вершины, передъ ложиною, покрытою дубовымъ лѣсомъ, находится небольшое четырехугольное каменное зданіе, въ видѣ сарая безъ крыши. Это овчарня, служащая во время бурь и метелей убѣжищемъ пастухамъ и странникамъ. Пройдя за нее съ версту лѣсомъ, путь упирается въ громадную гору, имѣющую видъ голаго черепа. Тутъ всякая растительность прекращается и отсюда начинается подъемъ на перевалъ, сразу подъ угломъ 60, а мѣстами и 70 градусовъ, весь занесенный снѣгомъ, изъ-подъ котораго кое-гдѣ, какъ сахарныя головы, выглядываютъ каменные глыбы. О томъ, каковъ былъ дальнѣйшій подъемъ къ вершинѣ, на которой, едва замѣтною черною грядою, виднѣлись турецкія укрѣпленія, я скажу ниже.

Убѣдясь изъ послѣдней моей поѣздки въ Главную квартиру, что на увеличеніе отряда надѣяться трудно, я не настаивалъ на этомъ, тѣмъ болѣе, что одно изъ вліятельныхъ тамъ лицъ выразилось такъ: „Если ваши 5-ть баталіоновъ и погибнутъ, то это не будетъ имѣть вліянія на ходъ кампаніи“.

Не личная опасность смущала меня, а отвѣтственность за отрядъ. Я обѣщалъ сдѣлать все, что зависитъ отъ человѣческихъ усилій, но за вѣрный успѣхъ не ручался, потому что ни Арабъ-Конакскій хребетъ, ни знаменитый Шипкинскій

перевалъ, несмотря на всѣ ихъ трудности, не могутъ идти въ сравненіи съ Траянскимъ Балканомъ, составляющимъ, послѣ Мара-Гайдука, высшую точку всѣхъ Балканскихъ горъ. Мѣстные жители называютъ его „Дери-магаре“, или „Смерть магарска“, то-есть гибель ословъ. Всѣ же военные писатели, въ томъ числѣ Каницъ и Мольтке, считали Траянскій перевалъ невозможнымъ для движенія войскъ: „Тотъ генералъ,—говоритъ послѣдній,—который вознамѣрится перейти черезъ Траянъ, заранѣе заслуживаетъ имя безразсуднаго, потому что достаточно двухъ баталіоновъ, чтобы задержать наступленіе цѣлаго корпуса“.

Здѣсь, по показаніямъ лѣтописцевъ: „безслѣдно гибли Римскіе легіоны, а турки, покорители Византіи и Болгарскаго царства, искали другихъ путей, считая Траянскій непроходимымъ“.

Помня послѣднія слова Великаго князя при выходѣ моемъ 19 декабря изъ его юрты, я, по возвращеніи вечеромъ въ Ловчу, собралъ къ себѣ всѣхъ лицъ моего штаба и вмѣстѣ съ Сухомлиновымъ и Сосновскимъ проработалъ всю ночь. Имѣя въ виду, что разстояніе между Шипкою и Корнари, гдѣ намъ предстояло спуститься, 70 верстъ, что при одновременномъ началѣ движенія моего въ горы, съ наступленіемъ Радецкаго, турки, въ моментъ боя, когда дорога всякая рота, не стали бы отдѣлять противъ меня ни одного табора, я рѣшилъ, дабы привлечь на себя ихъ вниманіе и отвлечь отъ Радецкаго, обнаружиться раньше, а потому назначилъ начало подъема на 23 декабря, т. е. за 4 дня до общаго наступленія на Шипку, отложеннаго на 27-е, о чемъ мнѣ было сообщено слѣдующею шифрованной депешей генерала Непокойчицкаго: „Великій князь приказалъ вамъ сильно демонстрировать, чтобы облегчить дѣйствія Радецкаго, который атакуетъ Шипку 27-го, а Скобелевъ 26-го спустится съ горъ и займетъ Иметли“¹⁾.

Въ теченіе ночи съ 19-го на 20-е было сдѣлано слѣдующее:

1) Составлено распредѣленіе отряда на эшелоны, для постепеннаго ихъ подъема на перевалъ. Двинуть весь отрядъ разомъ

¹⁾ Какъ будетъ указано ниже, Скобелевъ спустился не 26-го, а только 28-го декабря.

нельзя было по невозможности собрать такое число вьючныхъ животныхъ, которое было бы достаточно для подъема продовольствія и снарядовъ для всѣхъ.

2) Для разбросанныхъ у подгорій, въ Сельви, Острецѣ и Тетевени, частей отряда составлены маршруты, съ такимъ расчетомъ, чтобы въ извѣстный день сосредоточить каждый эшелонъ у Княжевицкихъ Кулибъ.

3) Вмѣстѣ съ маршрутами разосланы командирамъ частей предписанія о тѣхъ мѣрахъ, которыя каждый изъ нихъ долженъ принять при выступленіи и во время движенія.

Дальнѣйшія распоряженія видны изъ отданнаго мною приказа по формируемому отряду. Дѣлаю изъ него тѣ извлеченія, которыя необходимы для разъясненія дальнѣйшихъ моихъ дѣйствій.

„По волѣ Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, изъ Ловче-Сельвинскаго отряда формируется, подъ моимъ начальствомъ, для перехода черезъ Балканы отъ Траяна, Траянской отрядъ изъ слѣдующихъ частей: Староингерманландскій пѣхотный полкъ въ полномъ составѣ, Новоингерманландскаго полка 8 ротъ, 10-й стрѣлковый баталіонъ, рота 6-го сапернаго баталіона, Донскіе казаки №№ 24 и 30 полки, и 3-я батарея 3-й артиллерійской бригады; всего 5½ баталіоновъ, 10 сотенъ и 8 орудій. Всѣ прочія батареи дивизіи остаются временно въ Ловчѣ.

Начальникомъ штаба отряда назначается подполковникъ Сосновскій.

Всѣмъ чинамъ штаба 3-й дивизіи войти въ составъ отряднаго штаба.

Начальникомъ артиллеріи быть полковнику Золотухину, а отряднымъ комендантомъ майору Лебединскому.

Генеральнаго штаба подполковнику Сухомлинову состоять при мнѣ для порученій. Ординарцами ко мнѣ назначаются: Лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Величества полка штабъ-ротмистръ Крестовскій, Староингерманландскаго полка — поручикъ Эрнротъ, Великолуцкаго — поручикъ Яковлевъ и 24-го казачьяго — хорунжіе Марковъ и Грошевъ.

Общее начальство надъ остающимися чинами и складами въ Ловчѣ возлагаю на подполковника Новоингерманландскаго

полка Чигирина, которому руководствоваться особо даннымъ мною предписаніемъ.

„Дивизионному интенданту, съ состоящею при немъ командою, остаться въ Ловчѣ, для усиленной заготовки сухарей, которые ежедневно отправлять въ кулибы, гдѣ чиновнику Романовичу устроить складъ и руководить транспортировкой его на вьюкахъ къ перевалу.

„Отрядному врачу Кунаховичу, по взятіи перевала, возвратиться въ Ловчу къ подвижному лазарету; всѣмъ прочимъ врачамъ слѣдовать съ отрядомъ, а равно и ротѣ носильщиковъ“.

Распределение войскъ на эшелоны было слѣдующее:

Первый эшелонъ (полковника Бородина) 10-й Стрѣлковый баталіонъ, 2 орудія и 2 сотни, долженъ былъ выступить изъ Ловчи 21 декабря и 23 начать движеніе по подъему.

Второй эшелонъ (флигель-адъютанта, полковника графа Татищева) выступаетъ 21-го изъ Сельви, приходитъ въ Траянъ 23 и начинается подыматься 24 декабря.

Третій эшелонъ (майора Духновскаго), состоя изъ частей, расположенныхъ въ Ловчѣ, выступаетъ 22-го, на слѣдующій день соединяется въ Траянъ со вторымъ и подымается вмѣстѣ съ нимъ.

Четвертый эшелонъ (майора Кобордо) — 22-го выходитъ изъ Тетевени въ деревню Шипково, гдѣ поступаетъ подъ начальство полковника Сухомлинова и совершаетъ отдѣльный переходъ черезъ Балканы, — на Рахманлы.

Послѣ этихъ, такъ сказать, строевыхъ распоряженій, наступили самыя трудныя, наиболѣе меня озабочивавшія, — это обезпеченіе продовольствіемъ и устройство черезъ переваль сообщенія съ оставляемыми въ тылу обозами и командами. Въ отрядѣ состояло 6,500 человекъ, требовавшихъ ежедневно 350 пудовъ сухарей. Это количество я и приказалъ всякій день отправлять изъ Ловчи въ кулибы. Для передачи же ихъ на переваль требовалось 150 вьюковъ.

Оба офицера генеральнаго штаба, отрядный врачъ и полиціймейстеръ выѣхали изъ Ловчи въ Траянъ 21-го числа. На первыхъ было мною возложено озаботиться возможно большимъ сборомъ вьюковъ и воловыхъ подводъ, для подъема орудій и вызовомъ изъ деревень и кулибъ Болгаръ, для проложенія

пути и расчистки заносовъ. Докторъ Кунаховичъ долженъ былъ устроить въ кулибахъ помѣщеніе для больныхъ и раненыхъ, распорядиться транспортировкой ихъ съ горъ и эвакуаціею въ Ловчу. Неотъемлемую при всемъ этомъ помощь оказывалъ командированнымъ лицамъ настоятель Траянского Успенскаго монастыря, архимандритъ Макарій и старшина окружія Георгій, бывший ратникъ ополченія. Первый всю осень распоряжался охраною сѣверныхъ спусковъ мѣстными горцами, сопровождалъ Сухомлинова во всѣхъ рекогносцировкахъ и теперь не оставлялъ отряда ни на минуту. Утромъ онъ провожалъ эшелоны въ горы, руководилъ тамъ расчисткою пути по подъему, вечеромъ являлся ко мнѣ за приказаніями, ночью хлопоталъ въ монастырѣ по заготовкѣ хлѣба и вина, отправлялъ все это на выюкахъ къ войскамъ, а къ разсвѣту, верхомъ на горной лошади, отецъ Макарій уже былъ опять на подъемѣ. Георгій много содѣйствовалъ по сбору выюковъ, фуража и подводъ.

Что же касается самихъ Болгаръ вообще, то готовность ихъ помогать намъ выражалась болѣе обѣщаніями, чѣмъ дѣломъ. Въмѣсто необходимыхъ 150 выюковъ въ день, въ первый же день они выставили всего 70, а затѣмъ, несмотря на щедрую плату, по 8 франковъ въ сутки, при всѣхъ усиліяхъ отца Макарія, невозможно было получать болѣе 30-ти. То же самое нужно сказать и о рабочихъ для расчистки пути. Собранные архимандритомъ и Георгіемъ подводы приходилось караулить и рабочихъ окружать часовыми, безъ чего они разбѣгались. Между тѣмъ позади эшелоновъ, какъ бы крадучись, шла на подъемъ масса кое-какъ вооруженнаго народа. Было нѣсколько партій, болѣе или менѣе организованныхъ, со знаменами и хоругвями, но во время боя никто не видалъ этихъ ополченцевъ и если ихъ было человекъ 20 въ цѣпи, то эти составляли исключеніе.

Покуда эшелоны шли къ сборному пункту, я оставался въ Ловчѣ для организаціи тыла и для устройства правильной доставки снарядовъ и патроновъ на переваль. Тогда же было отправлено мною въ Главную квартиру подробное донесеніе о всѣхъ моихъ распоряженіяхъ и принятыхъ мѣрахъ. Въ полученномъ отвѣтѣ, кромѣ благодарностей за рациональность всего мною сдѣланнаго, снова дѣлались намеки на то, что мнѣ луч-

ше идти черезъ Розелитъ и спуститься у Калофера, между тѣмъ какъ въ полевомъ штабѣ знали, что организація перехода черезъ Траянъ уже подготовлена. Этотъ совѣтъ былъ выраженъ въ слѣдующей формѣ: „Въ телеграммѣ къ вамъ Великій князь даетъ указаніе движенію вашего отряда на Калоферъ. Это, конечно, только указаніе того направленія, которое желательно для содѣйствія Радецкому, но все зависитъ отъ обстоятельствъ. Во всякомъ случаѣ, предупреждаю, что настолько извѣстны виды Главнокомандующаго, ваша дивизія, по всей вѣроятности, *послѣ спуска Радецкаго и подхода Гурко къ Филиппополу*, пойдетъ по долинѣ Гюпса, также на Филиппополь, или въ этомъ направленіи. Спустившись въ долину, вамъ придется *смотреть въ оба и быть готовымъ къ различнымъ случайностямъ*, но во всякомъ случаѣ, если турки бы оставили Златицу и Клиссуру и вы будете обезпечены съ запада, дѣйствуйте рѣшительно къ востоку. Посылайте донесеніе прямо на имя Главнокомандующаго“.

Прошу читателей вспомнить подчеркнутое мною, когда дойдетъ дѣло до взгляда на мои дальнѣйшія дѣйствія и до разбора ихъ.

Утромъ, 22-го декабря, въ 8 часовъ, я сѣлъ въ запряженные тройкою сани и по отличному зимнему пути выѣхалъ въ Траянъ, гдѣ уже кипѣла усиленная дѣятельность. У отведеннаго мнѣ дома стояли собранные выюки и подводы, казаки конвойной сотни хлопотали у коновязей, части эшелоновъ, съ пѣснями, проходили въ кулибы. Вечеромъ собрались ко мнѣ: Татищевъ, Сосновскій, Кунаховичъ, командиръ казачьяго полка Грековъ и отецъ Макарій. Сухомлиновъ не былъ на совѣщаніи потому, что съ утра выѣхалъ на встрѣчу четвертаго эшелона въ Шипково. Въ виду тѣхъ трудностей, которыя предстояли для подъема артиллеріи, я рѣшилъ взять съ собою на переваль только 4 орудія, подъемъ которыхъ велѣлъ начать въ тотъ же день, какъ только стрѣлки и батарея придутъ въ кулибы. Подполковникъ Сосновскій спросилъ: разрѣшаю ли я, если окажется возможнымъ, атаковать укрѣпленія врасплохъ, однимъ первымъ эшелономъ, не дожидая подхода прочихъ?

„Имѣйте въ виду,—отвѣчалъ я ему,—что главная цѣль отряда—демонстрированіе, но если представится случай взять

укрѣпленіе, такъ сказать, налетомъ, то, конечно, упускать его не слѣдуетъ“.

По полученіи окончательныхъ распоряженій о немедленномъ движеніи въ горы, всѣ поименованныя лица отправились къ своимъ мѣстамъ, а же остался въ Траянѣ, чтобы выждать прибытія къ началу подъема остальныхъ эшелоновъ.

Части перваго эшелона стали подходить въ Княжевицкія кулибы около 2-хъ часовъ дня, но артиллерія могла придти только къ вечеру и чтобы перевести батарею черезъ Осьму на бивакъ, пришлось каждый передокъ, каждое орудіе, каждый зарядный ящикъ отдѣльно спускать къ броду и поднимать на крутой берегъ на рукахъ. Надзоръ за этимъ дѣломъ былъ порученъ ординарцу моему, Крестовскому, успѣвшему заранее подробно ознакомиться съ мѣстностью. Въ помощь артиллеристамъ была назначена рота стрѣлковъ и вся работа производилась при свѣтѣ костровъ. Послѣ переправы орудій, два изъ нихъ, какъ идущія съ первымъ эшелономъ, начали разбирать на части: тѣло привязали на заранее содранные дубовые лубки, передки, лафеты, колеса разложили по особымъ салазкамъ. Саперы помогали прикрѣплять эти части, стрѣлки увязывали вьюки, Староингерманландцы рубили деревья и тутъ же вытесывали изъ нихъ полозья и подкладки подъ салазки. Видъ бивака представлялъ весьма оживленную и оригинальную картину, освѣщенную пылающими кострами.

Полковникъ Бородинъ, съ своими стрѣлками, долженъ былъ тронуться 23-го числа, въ 2 часа утра. Когда первое орудіе было разложено на лубки и салазки, въ нихъ впрягли по нѣсколько паръ буйволовъ, и къ каждому салазкамъ назначено человекъ по 40 солдатъ и Болгаръ, которые на лямкахъ помогали тащить орудія, подпирая ихъ съ боковъ и сзади. Не говоря о крутизнѣ подъема, приходилось перерубать и обходить то сваленное бурей поперекъ дороги вѣковое дерево, то глыбу торчащихъ камней, то образовавшуюся отъ осеннихъ дождей и горныхъ потоковъ промоину, и все это—идя въ гору, при 45 градусной крутизнѣ. Кирки, ломы, топоры, лопаты—все было въ дѣлѣ. Рабочіе, собравъ всѣ силы, дружно налягутъ на лямки, затянутъ родную русскую „дубинушку“, гикнутъ, протащутъ 5—6 шаговъ и снова остановятся, чтобы перевести духъ. Вслѣдствіе этого, орудіе настолько отставало

отъ стрѣлковъ, что послѣдніе, подымаясь все въ гору и гору, уже не слыхали за собою ни голосовъ, ни стука топоровъ и кирокъ. Достигнувъ овчарни, Бородинъ сдѣлалъ небольшой привалъ. Надъ нею уже развивался бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ.

Вотъ какъ описываетъ одинъ изъ участниковъ пройденную къ полудню стрѣлками до овчарни часть подъема. „Чудный, прелестно фантастическій видъ представляли пройденные нами хребты и склоны, роскошно покрытые лѣсомъ. Деревья были сплошь загущены инеемъ; ползучія растенія оплетали ихъ вѣтви и висѣли въ неподвижномъ воздухѣ цѣлыми гирляндами и все это представлялось взору какъ бы изваяннымъ изъ одной громадной глыбы серебра, рукою дивнаго художника. Лѣсъ стоялъ какъ очарованный. Узенькая тропинка, проложенная вчера развѣдчиками, нерѣдко шла по самому краю лѣсистыхъ обрывовъ. Глянешь внизъ—и конца не видно крутому склону. Одинъ невѣрный шагъ, одинъ скользкій скатъ на кособорѣ и все это, тяжести и люди, мгновенно рухнутъ въ пропасть... Было о чемъ призадуматься“.

Видя, что въ этотъ день напрасно рассчитывать на содѣйствіе артиллеріи, а между тѣмъ необходимо сегодня же начать демонстрацію, Сосновскій и Бородинъ рѣшили идти далѣе. Это было необходимо еще потому, что эшелонъ Сухомлинова могъ уже спускаться къ Рахманлы и надо было отвлечь отъ него уже спускаться къ Рахманлы и надо было отвлечь отъ него турокъ, иначе, при малочисленности отряда, онъ былъ бы предоставленъ явной гибели.

По прибытіи къ овчарнѣ двухъ Староингерманландскихъ ротъ и казаковъ, стрѣлки, въ 4 часа дня, тронулись къ главному перевалу. Для описанія подъема снова обращаюсь къ впечатлѣнію участниковъ. Увидя голый черепъ, макушка котораго исчезла въ густомъ, молочно-бѣломъ туманѣ, одинъ изъ офицеровъ, указывая на него проговорилъ: „Вонъ она, смерть-то магарска“. Времени оставалось немного, а потому немедленно было приступлено къ разработкѣ подъема. Надо было вести его зигзагами, потому что прямое направленіе имѣло 60-ти градусную крутизну. Этотъ тяжелый трудъ приняли на себя: Крестовскій, вмѣстѣ съ другими ординарцами, сотникъ Поцѣлуевъ и нѣсколько стрѣлковыхъ офицеровъ. До пояса въ снѣгу, проваливаясь въ занесенныя ямины, скользя

по оголеннымъ плитамъ, они шли впереди рабочихъ, пролагая дорогу, въ буквальномъ смыслѣ, собственною грудью. Это было до того утомительно, что при 17-ти градусномъ морозѣ люди обливались потомъ, а дышать было почти нечѣмъ; воздухъ, скованный стужей, на высотѣ 5,900 ф. былъ такъ разрѣженъ, что у нѣкоторыхъ показалась кровь изъ носа, ушей и горла. Болѣе 4-хъ часовъ длился подъемъ на черепъ Траяна и когда достигли вершины гребня, было уже около 9 часовъ вечера.

Чтобы не обнаруживать незначительности силъ эшелона, Сосновскій, переговоривъ съ Бородинымъ, предложилъ ему идти на укрѣпленіе и захватить его врасплохъ. Въ это время подошелъ къ нимъ командиръ 30-го казачьяго полка, полковникъ Грековъ, человекъ, котораго можно охарактеризовать такъ: „огненный пылъ въ лихой атакѣ, и невозмутимое хладнокровіе подъ пулями“.

Съ нѣсколькими проводниками изъ Болгаръ, среди ночной туманной мглы, эти лица, вмѣстѣ съ моими ординарцами, стали впереди стрѣлковъ. На послѣдней террасѣ баталіонъ перестроился по-ротно въ двѣ линіи, послѣдовала тихая команда— „маршъ“, люди перекрестились и двинулись. Имъ было приказано соблюдать полную тишину и не отвѣчать на выстрѣлы. Цѣпь была уже въ восьми-стахъ шагахъ отъ укрѣпленій, какъ вдругъ, на высотахъ влѣво, запылалъ костеръ и вслѣдъ за этимъ, моментально, весь очеркъ Траянского черепа обозначился огнями ружейныхъ выстрѣловъ. Всѣ шансы внезапнаго нападенія исчезли. Оставаться подъ огнемъ было безцѣльно, отступать не хотѣли, и вотъ цѣпь, а за нею и резервы, безъ выстрѣла бросились впередъ, но не доходя 500 шаговъ до подошвы отвѣсной скалы „Орлинаго гнѣзда“, очутились въ мертвомъ пространствѣ, образуемомъ незначительною складкою мѣстности. Видя невозможность захвата, офицеры воспользовались этимъ и остановили свои части. Несмотря на стужу, стрѣлки залегли на снѣгу и оставались въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока Турки не прекратили огонь и только передъ разсвѣтомъ, оставивъ за гребнемъ наблюдательные посты, Бородинъ приказалъ ротамъ отступить на бивакъ у овчарни.

24-го декабря, на разсвѣтѣ, я получилъ отъ Сосновскаго слѣдующую записку:

„У перевала, 4 часа утра. Сейчасъ возвратился изъ-подъ укрѣпленій. Первое орудіе доведено только до овчарни. Снѣгъ на перевалѣ до полутора аршина; Болгары дороги на подъемъ не расчистили. Тревожусь участію Сухомлинова. Пользуясь туманомъ и рассчитывая на слабость укрѣпленія, казавшагося мнѣ такимъ при рекогносцировкѣ, я предложилъ Бородину сдѣлать попытку овладѣть имъ внезапно. Лишь только стрѣлки приблизились на ружейный выстрѣлъ, Турки открыли огонь, который не прекращался всю ночь почти ни на минуту. Укрѣпленія въ эти дни рѣшительно преобразились и представляютъ теперь три яруса ложементовъ; но самое важное— построены новыя, которыхъ прежде не было. Употреблю всѣ усилія, чтобы къ полудню втащить орудіе. Днемъ сообщу подробности; теперь же, послѣ двухъ бессонныхъ ночей, отъ безсилія не въ состояніи“.

Ночная рекогносцировка стоила намъ: убитыми 8 стрѣлковъ; ранено: офицеръ, 10 стрѣлковъ и 2 казака; контужено: 1 оберъ-офицеръ и 6 стрѣлковъ. Кромѣ того, полковникъ Бородинъ, 2 офицера и 48 стрѣлковъ обморожены.

Вслѣдъ за запискою Сосновскаго получено было мною съ нетерпѣніемъ и тревогою ожидаемое донесеніе отъ Сухомлинова. Онъ писалъ, что, прибывъ 22-го вечеромъ въ Шипково, не нашелъ тамъ ни ротъ, ни казаковъ, долженствовавшихъ придти изъ Тетевени. Сознавая всю важность удачнаго обхода на Рахманлы, онъ рѣшился идти на перевалъ съ 2-мя сотнями, взятыми изъ Траяна. Проводники увѣряли его, что лѣтомъ въ этомъ мѣстѣ можно пройти Балканы въ теченіи 9 часовъ. Рассчитывая, что при заносахъ придется идти гораздо долѣе, сотни выступили въ 4 часа утра. Въ горахъ не только дороги, но и признака человѣческаго слѣда не оказалось. Несмотря на это, предприимчивый и энергичный Сухомлиновъ поднимался 6 часовъ, пробираясь по сугробамъ, и прошелъ только меньшій хребетъ, до деревни Рыбарцы, отъ которой начинался главный перевалъ. Пролагая грудью путь по глубокой цѣлинѣ, не только люди, но и лошади, веденныя въ поводу, выбивались изъ силъ и отставали. Съ полудня пошелъ снѣгъ, но казаки все-таки карабкались, хватаясь за вѣтви и цѣпляясь за камни, пока вьюга не залѣпила глаза, а проводники отказались взбираться выше. Идти далѣе по открытому черепу

значило бы подвергнуть сотни явной гибели. Все это заставило Сухомлинова вернуться въ Шипково, куда онъ добрался только ночью и гдѣ уже засталъ четвертый эшелонъ, который не могъ поспѣть по маршруту, тоже вслѣдствіе заноса въ горахъ.

По полученіи этихъ донесеній, я послалъ приказанія: Соновскому—оставить стрѣлковый баталіонъ въ лѣсу у овчарни, ускорить подъемъ орудій и изыскивать средства для обхода фронтальной турецкой позиціи; Сухомлинову — по прибытіи въ кулибы, оставить тамъ пѣхоту, какъ общій резервъ отряда, а самому, съ 2-мя сотнями присоединиться ко второму эшелону и, являсь графу Татищеву, оставаться при немъ.

Такъ какъ къ полудню третій эшелонъ Духновскаго долженъ былъ дойти до овчарни, то въ этотъ же день я переѣхалъ къ вечеру въ кулибы, чтобы оттуда лично руководить дальнѣйшими движеніями по перевалу. Убѣдясь въ невозможности поднять всю взятую съ собою батарею, я приказалъ ограничиться подъемомъ только тѣхъ двухъ орудій, которыя были уже разобраны, а прочимъ возвратиться въ Ловчу. Сдѣлавъ необходимыя распоряженія для усиленія транспортировки въ горы сухарей и патроновъ, я отправился къ овчарнѣ, откуда, при благопріятствовавшей погодѣ, отлично былъ видѣнъ не только весь черепъ перевала, но и конусообразная скала „Орлинаго гнѣзда“, увѣнчанная укрѣпленіями, имѣвшими видъ остроугольнаго люнета. Татищева и Сухомлинова я не засталъ у овчарни; они, съ большею частью ротныхъ командировъ, отправились на перевалъ, чтобы ознакомиться съ мѣстностью и съ расположеніемъ турецкихъ укрѣпленій. При нихъ, около 5-ти часовъ пополудни, первое орудіе было собрано и поставлено на той самой горѣ, на которой 23-го горѣлъ сигнальный костеръ Турокъ.

Наканунѣ праздника Рождества Христова, ровно въ половинѣ 6-го, грянулъ первый русскій орудійный выстрѣлъ съ Траянскаго Балкана и горное эхо долго разносило его по ущельямъ. Вслѣдъ за попавшею шрапнелью, надъ непріятельскимъ люнетомъ показалось бѣлое облачко и граната горнаго орудія, давъ недолетъ, зарылась въ снѣгъ. Затѣмъ все смолкло, и этими пробными выстрѣлами закончился православный сочельникъ на Траянѣ.

Но не закончились работы и усиленные труды на подъемѣ. Въ это время начинали подымать на черепъ второе орудіе. Думая личнымъ присутствіемъ помочь дѣлу, я поѣхалъ туда и воочию убѣдился, какихъ страшныхъ, нечеловѣческихъ усилий требовала эта операція. При мнѣ спускалась съ черепа рота саперъ, для того, чтобы, поужинавъ на бивакѣ, ночью снова приняться за работу. Тому, кто видѣлъ каково было спускаться съ черепа, вполне правдивыми покажутся слова Крестовскаго, писавшаго, что „ужасы спуска еще труднѣе ужасовъ подъема“. Только русскій солдатъ могъ бодро и безропотно вынести то, что мы, участники Балканскихъ переходовъ, видѣли въ эти дни.

Осмотрѣвъ раненыхъ и сдѣлавъ распоряженія, чтобы 25-го числа демонстраціонное поддерживалось одною кононадой и чтобы на перевалѣ остались только караулы съ сильными казачьими пикетами, я, для составленія донесеній Великому князю и диспозиціи къ назначенному мною на 26-е число штурму, пользуясь дивнымъ луннымъ освѣщеніемъ, на ночь возвратился въ кулибы. Нельзя выразить, что-за дивныя картины довелось мнѣ видѣть при спускѣ. Приближаясь къ занятой для меня хатѣ, я былъ пораженъ необыкновеннымъ зрѣлищемъ, которое представляла Бѣлая Осьма. Это совершенно горная рѣка прозрачна какъ кристалъ съ изумруднымъ отливомъ. Образую при лунномъ свѣтѣ мириады блестящихъ, какъ брилліанты, искръ, она вьется, шумитъ, пѣнится, прыгаетъ съ камня на камень, льется каскадами. То замерзая хрустальными подвѣсками, то сбѣгая съ камней въ видѣ стеклянныхъ колпаковъ, то прорываясь между расщелинами скалъ, среди ночной тишины, рѣка производитъ тотъ шумъ, который какъ-то особенно вліяетъ на душу. Долго простоялъ бы я на крыльцѣ моего домика, не отрывая глазъ отъ дивной картины, если бы не окликъ часовыми резервнаго бивака двухъ всадниковъ, направлявшихся къ моему жилищу. Это были отецъ Макарій, въ сопровожденіи служки. У обоихъ было по винтовкѣ за плечами и по пистолету за поясомъ. Мы вмѣстѣ вошли въ хату, гдѣ уже кипѣлъ походный самоваръ, а мой вѣрный слуга, Трофимъ, встрѣтилъ меня докладомъ, что надо дать знать старшему адъютанту о моемъ возвращеніи, такъ какъ

у него есть нѣсколько полученныхъ въ мое отсутствіе депешъ и донесеній.

— Почему это Болгары, спросилъ я отца Макарія, такъ неохотно помогаютъ намъ? Сегодня мнѣ доложили, что едва собрали 30 вьюковъ и то только потому, что Георгій взялъ съ собою казаковъ и пригрозилъ ими.

— Какъ вы хотите, чтобы было иначе,—отвѣчалъ архимандритъ, когда 400 лѣтъ народъ рождался, жилъ и умиралъ въ рабствѣ, не зная, что значитъ законъ и совѣсть, не зная другого побужденія, кромѣ кнута и палки.

— Но, кажется возразилъ я—въ теченіи полугода, что русскіе среди болгаръ, они могли бы убѣдиться, что мы пришли освободить, а не угнетать ихъ.

— Да, но чтобы понять это, необходима увѣренность, что ваши побѣды навсегда укрѣпятъ за нашимъ народомъ свободу; повѣрьте, все зависитъ отъ боязни, что русскіе уйдутъ и тогда настанетъ расправа со всѣми, кто угрожалъ имъ.

Въ это время вошелъ адъютантъ Байковъ съ депешами и я простился съ архимандритомъ, обѣщая принять его предложеніе заѣхать завтра, по случаю великаго праздника, къ нему въ монастырь.

Первая поданная мнѣ депеша была за подписью начальника полевого штаба, который писалъ: „Главнокомандующій одобряетъ всѣ ваши предположенія и приказалъ, чтобы вы обо всемъ доносили Его высочеству возможно чаще. Великій князь приказалъ продолжать сильныя демонстраціи, чтобы облегчить дѣйствія Радецкаго, который 27-го атакуетъ Шипку, а Скобелевъ 26-го числа спустится съ горъ и займетъ Иметли. Атакъ съ фронта и напрасныхъ потерь избѣгайте¹⁾“.

Вторая депеша была отъ Радецкаго; въ ней значилось совершенно иное, а именно: „Колоны генераловъ Скобелева и Мирскаго начинаютъ движеніе 25-го декабря, при чемъ надо предполагать“... Далѣе, вѣроятно по ошибкѣ противъ ключа, десяти словъ понять было нельзя, а затѣмъ депеша кончалась

¹⁾ Какъ замѣчено выше, Скобелевъ подошелъ къ Иметли только 27-го, что и было причиною того затруднительнаго положенія, въ которомъ очутился князь Святополкъ-Мирскій, войска котораго должны были драться одни, въ теченіи цѣлыхъ сутокъ.

словами: „прошу возможно скорѣе войти въ связь со Скобелевымъ“.

Прочія телеграммы изъ Главной квартиры извѣщали о направленіи, данномъ различнымъ колонамъ генерала Гурко, о движеніи одной изъ нихъ на Петричевъ, при чемъ были убиты генералы Каталей и Философовъ,—оба бывшіе мои товарищи и сослуживцы.

Въ то время, когда на Руси уже догорали Рождественскія ёлки, я сидя надъ картой, обдумывалъ комбинаціи для предстоящаго штурма и писалъ Великому князю: „Послѣ страшныхъ усилій одно орудіе поставлено на перевалѣ и открыло огонь, другое будетъ поднято въ теченіи ночи. Ночная демонстрація и рекогносцировка указали, что перевалъ и южный склонъ сильно укрѣплены и обороняются низомомъ. Во второй линіи два укрѣпленія связаны траншеями; оборона двухъ-ярусная. По полученнымъ свѣдѣніямъ къ Корнари подходитъ подкрѣпленіе. Морозъ на вершинѣ дошелъ до 27 градусовъ; отморозившихся въ стрѣлковомъ баталіонѣ 48, убитыхъ 10. Атака съ фронта немыслима; постараюсь найти обходъ. Колонна Сухомлинова на Рахманлы едва не погибла въ снѣгахъ, отъ метели; 26-го буду атаковать“.

Чѣмъ ближе подходило время рѣшительнаго дѣйствія, тѣмъ болѣе озабочивала меня мысль о будущемъ. Если удастся сбить турокъ и спуститься къ Корнари, невольно рождался вопросъ,—что же дальше? Незная ничего, что я встрѣчу въ долинѣ Гюпса, найдется ли тамъ продовольствіе, въ какихъ силахъ турки занимаютъ укрѣпленныя ими ущелья, къ востоку у Клисуры и къ западу у Калофера; не зная чѣмъ кончится наступленіе Радецкаго на Шипку,—все это, вмѣстѣ съ сознаніемъ, что послѣ спуска у отряда нѣтъ уже отступленія,—сильно меня тревожило. Хотя въ послѣднюю бытность въ Главной квартирѣ и было условлено, что вторая моя бригада, спустившись у Златицы, направится на соединеніе со мною черезъ Клисуру, но удастся ли ей взять эту сильную позицію—еще вопросъ.

Старанія отыскать обходный путь къ южному спуску не остались безъ результатовъ. Призванные на совѣщаніе мѣстные горцы заявили, что надо пробовать спуститься въ ущелье восточнѣе нашей позиціи. Подполковникъ Сухомлиновъ вы-

звался лично изслѣдовать этотъ путь. Въ день Рождества, рано утромъ, съ нѣсколькими офицерами Староингерманландскаго и 30-го казачьяго полковъ, съ охотниками изъ унтеръ-офицеровъ, сопровождаемый проводниками, онъ началъ спускаться по скату, неимѣвшему признака человѣческаго слѣда. Гуськомъ, держась другъ за друга и увязая въ снѣгу, гдѣ ползкомъ, гдѣ скачками, смѣльчами добрались до извѣстной горцамъ тропы, прошли по ней съ версту къ югу и, убѣдясь, что они уже за линіею турецкой позиціи, возвратились къ биваку. Къ этому времени второе орудіе было уже поставлено сажень на 300 лѣвѣе перваго, черезъ что оно могло дѣйствовать по тѣмъ укрѣпленіямъ, которыя препятствовали бы обходу.

Получивъ эти свѣдѣнія, я составилъ на 26-е число слѣдующую диспозицію:

„Завтра, 26-го декабря, всѣмъ находящимся на перевалѣ эшелонамъ, подъ начальствомъ флигель-адъютанта графа Татищева, подойти до разсвѣта къ артиллерійской позиціи, откуда въ 7-мъ часовъ утра начать наступленіе двумя колонами:

„Въ лѣвую колонну, — командира 30-го казачьяго полка, полковника Грекова, — назначаю: 10-й стрѣлковый баталіонъ, 1-й баталіонъ Староингерманландскаго полка, первую и 3-ю стрѣлковыя роты Новоингерманландскаго полка и 5 сотенъ 30-го казачьяго. Этой колоннѣ, пройдя позади орудій, спуститься въ оврагъ лѣвѣе лѣса и, обойдя правый флангъ противника, выбить Турокъ изъ боковыхъ укрѣпленій и занять на южномъ спускѣ деревню Корнари.

„Правой колоннѣ: 2-му и 3-му баталіонамъ Староингерманландскаго полка, 3-мъ сотнямъ 24-го и одной сотнѣ 30-го казачьихъ полковъ, подъ личнымъ начальствомъ полковника графа Татищева, давъ время лѣвой колоннѣ совершить обходъ, демонстрировать, а буде окажется возможнымъ, то и атаковать главное укрѣпленіе „Орлиное грѣздо“ съ фронта, а по выбитіи непріятеля спуститься къ Теке и, принявъ мѣры къ обезпеченію отъ нечаяннаго нападенія, направить по 2 сотни къ Клиссурѣ и Калоферу, а также освѣтить мѣстность къ югу.

„Всѣмъ прочимъ частямъ отряда остававаться въ общемъ резервѣ, за главною вершиною перевала, впредь до приказанія.

„Перевязочные пункты устроить: передовой — за горою правѣе орудій, главный — у овчарни.

„Я буду находиться сначала на позиціи у орудій, а во время атаки съ фронта — на возвышеніи, впереди резерва“.

Отправивъ эту диспозицію къ Татищеву, я вспомнилъ объ обѣщаніи быть въ монастырѣ, куда поѣхалъ, около полудня, въ саняхъ. Въ главныхъ воротахъ ограды меня встрѣтилъ архимандритъ съ братіею и, при пѣніи рождественскаго тропаря, ввелъ въ церковь. Послѣ молебствія и многолѣтія Государю Императору, отецъ Макарій въ краткихъ словахъ разсказалъ мнѣ исторію своей обители, указалъ нѣкоторыя древнія иконы, а затѣмъ пригласилъ меня и трехъ монаховъ къ себѣ въ келію, гдѣ не обошлось безъ угощенія шашлыкомъ и кофеемъ. Здѣсь же я узналъ, что 4 мѣсяца назадъ, иноки, въ день своего храмоваго праздника Успенія Божіей Матери, выдержали нападеніе банды башибузуковъ. Въ отомщеніе за неудачу, турки тогда же выжгли и разграбили Траянъ, одинъ изъ лучшихъ городовъ сѣверной Болгаріи.

26-го декабря, до разсвѣта, я выѣхалъ съ конвойною полусотнею и членами отряднаго штаба на подъемъ и къ восходу солнца былъ у овчарни. Тамъ все было уже готово для принятія раненыхъ съ передоваго перевязочнаго пункта. У начала подъема меня догнали два казака съ почтоваго поста у кулибъ и подали двѣ телеграммы: одну отъ начальника штаба, другую отъ Великаго князя. Въ первой было сообщено, что генераль Гурко 22 декабря занялъ Софію; въ депешѣ же Великаго князя значилось: „Когда спустишься съ горъ, пошли сильные разѣзды къ сторонѣ Златицы, дабы взойти въ связь съ кавалеріею, которая послана къ сторонѣ твоего отряда. Гуркѣ писано, чтобы части твоей дивизіи направились безъ замедленія черезъ Клиссуру на Карлово“.

Около 6-ти часовъ утра, когда я подъѣзжалъ къ подъему на черепъ, горы были еще покрыты бѣловатымъ туманомъ, а на небѣ кое-гдѣ мелькали звѣзды; лѣвая колонна черною лентою виднѣлась тянувшуюся отъ артиллерійской позиціи къ оврагу. Бывши на половинѣ подъема, около 7-ми часовъ утра, мы услышали первый выстрѣлъ изъ нашихъ орудій, а когда поднялись на черепъ, то казакъ отъ Грекова подалъ мнѣ записку, что вся его колонна спустилась въ ущеліе; пра-

вая же стояла за скатомъ позади послѣдняго возвышенія. Турки сегодня отвѣчали уже изъ двухъ горныхъ орудій дальняго боя.

Поднявшись на черепъ Траяна, я невольно остановился, пораженный открывшеюся передо мною картиной. Произведенное ею впечатлѣніе далеко превосходило все, что было испытано мною, смотря съ высотъ Монблана и Кульма. Въ блескѣ великолѣпнаго зимняго утра открылось не только „Орлиное гнѣздо“, увѣчанное на остроконечной скалѣ неприятельскими укрѣпленіями, но и за ними глубоко внизу виднѣлись черепичныя крыши домовъ и бѣлые минареты деревень долины. Вдали, уже за южнымъ спускомъ, блестящею змѣйкою сверкала не замерзшая рѣчка, то прикрываемая рощами, то выскакивающая изъ-за нихъ. Это рѣка Гюпсъ, орошающая поэтическую „долину розъ“. Затѣмъ взоръ упирался словно въ эффектную дальнюю занавѣсъ театральной сцены, съ залитыми лилово-розовымъ свѣтомъ горами, складки и тѣни которыхъ казались такъ близкими, какъ-будто эти горы стояли непосредственно за турецкими позиціями. То были Малые Балканы.

Болѣе получаса казалось, что турки не замѣчаютъ обхода, какъ вдругъ въ 9 часовъ, страшный, только у нихъ возможный, трескъ ружейной пальбы огласилъ горы. Съ позиціи у орудій было видно, что выстрѣлы изъ траншей направлены вправо, въ сторону нашей обходной колонны. Въ то-же время я получилъ вторую записку Грекова о томъ, что онъ дошелъ до высоты праваго фланга турецкихъ укрѣпленій и будетъ атаковать ихъ. Для отвлеченія непріятеля отъ этой атаки, Татищевъ приказалъ второму баталіону, маіора Духновскаго, начать движеніе противъ „Орлинаго гнѣзда“ съ фронта. вмѣстѣ съ этимъ приказаніемъ Духновскому отправлена была записка слѣдующаго содержанія: „Колона Грекова обошла и атакуетъ; начинайте наступленіе, но не зарывайтесь; атакуйте только въ томъ случаѣ, когда замѣтите нерѣшительность и колебаніе непріятеля“.

Самое трудное для 2-го баталіона было выйти изъ-за прикрывавшаго его изгиба горы, прямо подъ выстрѣлы укрѣпленія и подъ ними, на открытой полянѣ, въ снѣгу выше колѣна, строить боевой порядокъ. Но Духновскій началъ выводить

роты по частямъ: вторая стрѣлковая рота тронулась первой; нѣсколько унтеръ-офицеровъ и стрѣлковъ выбѣжали впередъ и когда они, пригнувшись къ землѣ, шли другъ за другомъ, весь передній фасадъ „Орлинаго гнѣзда“ опоясался сплошною линіею огня. Пренебрегая имъ, стрѣлки по примѣру своихъ охотниковъ, постепенно усиливая ихъ, черезъ нѣсколько минутъ образовали цѣпь, легли и закопались въ снѣгу. За стрѣлковою ротою пошла 5-я, а остальные три, образуя вторую линію, вышли изъ-за изгиба уже тогда, когда цѣпь доползла до той складки мѣстности, гдѣ турецкія пули перелетали черезъ нее. Прежде чѣмъ трогаться, люди снимали шапки и крестились: всѣ понимали, на какое страшное дѣло ведутъ ихъ.

Въ это время я переѣхалъ отъ орудій на возвышеніе, прикрывавшее перевязочный пунктъ, откуда отлично были видны всѣ движенія цѣпи и резервовъ. Мѣсто, гдѣ я остановился со свитою, находилось, по крайней мѣрѣ, въ верстѣ отъ „Орлинаго гнѣзда“. Вотъ въ какомъ видѣ представлялось тогда атакуемое Духновскимъ укрѣпленіе. Высшая точка конусообразной скалы составляла исходящій уголъ люнета. Съ фланговъ его спускались, внизъ по гребню, сложенные изъ камней ложементы; подъемъ къ исходящему углу укрѣпленія представлялся почти отвѣснымъ, такъ что мы были убѣждены въ невозможности взойти по немъ, а потому, всѣ надежды возлагали на ударъ Грекова во флангъ и съ тыла. Эти надежды не были обмануты.

Пройдя правый флангъ турокъ, Грековъ предоставилъ распоряженіе пѣхотными частями маіору Иванову, самъ же, съ 4-мя сотнями, пошелъ на рысяхъ въ обходъ южнаго спуска, прямо на Корнари. Когда, по данному сигналу, роты начали наступленіе, непріятель встрѣтилъ ихъ залпами изъ верхнихъ ложементовъ и бѣглымъ огнемъ изъ нижнихъ. Масса свинца пронеслась черезъ головы наступающихъ, далеко назадъ. Видя, что пальба не останавливаетъ напора, турки попытались встрѣтить атакующихъ штыками и густою массою бросились изъ траншей впередъ. Въ этотъ моментъ 1-ая стрѣлковая рота Старо-ингерманландцевъ, съ крикомъ „ура“ ринулась имъ во флангъ, прочія подхватили это „ура“ и вся линія бросилась на штурмъ неприятельской позиціи. Турки момен-

тально были выбиты изъ траншей и, неся громадные потери, бросились бѣжать по спускамъ на Теке и Корнари; казаки и стрѣлки преслѣдовали бѣгущихъ.

Покуда это происходило у Грекова, баталіонъ Духновскаго все ближе и ближе подползалъ къ фронтальному укрѣпленію. Занятый ходомъ боя, я такъ былъ далекъ отъ мысли о какой-либо опасности, что оставилъ конвой и ординарцевъ при себѣ, тогда какъ стоило бы спустить ихъ на 30 шаговъ за гребень и они были бы невидимы для турокъ.

— Ваше превосходительство, потрудитесь немного спуститься къ перевязочному пункту, сказалъ мнѣ адъютантъ Федоровъ.

— А что? спросилъ я его.

— Развѣ вы не слышите свиста? это турецкія пули; конвойная сотня и вы служите мишенью.

— Скверно же они стрѣляютъ; прикажите конвою спуститься за бугоръ—отвѣчалъ я.

Въ это время подошелъ ко мнѣ полковникъ Золотухинъ и доложилъ, что у перваго орудія осталось всего 5 снарядовъ, а въюковъ съ ними по подъему еще не видно. Надо было поскорѣе послать къ овчарнѣ, куда снаряды подносились поднимающимся 4-мъ эшелономъ. Чтобы написать записку, я подошелъ къ себѣ штабъ-ротмистра Крестовскаго. О томъ, что случилось потомъ, пусть скажетъ самъ Крестовскій, а онъ въ своихъ запискахъ говорить слѣдующее:

„Желая отправить какое-то приказаніе, начальникъ отряда вынулъ записную книжку и, положивъ ее сзади на мое плечо, сталъ что-то писать карандашомъ. Въ это время пуля рѣзко свиснула между его лицомъ и моимъ затылкомъ и выбила карандашъ изъ руки генерала“¹⁾.

Послѣ этого случая, тотъ же адъютантъ, подойдя ко мнѣ, говорить:

— Отойдите отсюда, ваше превосходительство; вспомните, что у васъ семейство, дѣти.

— Ахъ, оставьте меня, съ видимымъ неудовольствіемъ вырвалось у меня. И дѣйствительно мнѣ было досадно, потому

¹⁾ Официальные письма корреспондента „Правительственного Вѣстника“.

что до этой минуты нравственное напряженіе было такъ сильно, что я ни разу не вспомнилъ о семьѣ, былъ совершенно покоенъ духомъ, а послѣ сказаннаго адъютантомъ какое-то неопредѣленное ощущение, нѣтъ-нѣтъ, да и отзывалось на сердцѣ.

Съ бугра, прикрывавшаго перевязочный пунктъ, невооруженнымъ глазомъ было отлично видно, какъ въ цѣпи, то тамъ, то здѣсь, какія-то черныя точки, точно мухи на бѣлой ска-терти, вдругъ дѣлались неподвижными; это были раненые, между которыми суетились посланные туда санитары и подносили ихъ къ перевязочному пункту. Я на нѣсколько минутъ спустился къ нему. Тамъ врачи Кунаховичъ и Кимберъ, со-всѣмъ еще юноша, перевязывали страдальцевъ, подъ свистомъ переносившихся черезъ нихъ пуль, а священникъ Староингерманландскаго полка, Іоаннъ Доброхотовъ, напутствовалъ тѣхъ, кто былъ уже безнадеженъ. При мнѣ носильщики принесли изъ цѣпи вѣсть, что командиръ 5-й роты, штабъ-капитанъ Швейбуцкій, убитъ. Первая пуля попала ему въ ладонь; обернувъ ее платкомъ, онъ продолжалъ распоряжаться, и въ тотъ моментъ когда крикнулъ ротѣ: „Не робей, ребята, подавайся впередъ“, вторая пуля ударила его въ грудь выше сердца. Онъ два раза быстро повернулся на мѣстѣ и упалъ уже мертвымъ.

Между тѣмъ, „Орлиное гнѣздо“ все еще не сдавалось, хотя наша цѣпь нѣсколько поднялась и дошла до покрывавшихъ подножіе кустовъ. Замѣтивъ, что пальба турокъ слабѣетъ, я приказалъ усилить артиллерійскій огонь. Золотухинъ самъ повезъ мое приказаніе полковнику Поталчину, который лично наводилъ орудія. Напа прапнелъ рвалась то надъ брустверомъ, то внутри укрѣпленія.

Было уже два часа дня. Ко мнѣ подъѣхали графъ Татищевъ и Сухомлиновъ. Въ виду депеши Великаго князя—„не увлекаться фронтальною атакою и не нести напрасныхъ потерь“ а также видя неодолимые трудности штурма, мы уже начали совѣщаться, что предпринять. Между тѣмъ изъ группы отошедшихъ въ сторону адъютантовъ и ординарцевъ, не отводившихъ отъ глазъ биноклей, слышались фразы:

— Смотрите, смотрите! Турки что-то засуетились.

— Да, отъ исходящаго угла люнета бѣгутъ по боковымъ фасамъ.

— А наши-то, словно кошки, подаются все выше и выше.

— Глядите, они какъ пчелы облѣпили скалу.

Въ этотъ моментъ пальба турокъ снова страшно усилилась.

— Неужели Духновскій штурмуетъ? обратился я къ Татищеву.

— Не беспокойтесь, — отвѣчалъ графъ, вѣроятно турки дрогнули, иначе онъ не нарушилъ бы приказанія не зарываться.

Съ замираніемъ сердца смотрѣли мы, какъ лихой баталіонъ, сойдясь въ общую лаву, безъ дистанцій и интерваловъ, цѣпляясь за камни, подсаживая другъ друга, лѣзъ по скалѣ. Вдругъ до насъ долетѣло побѣдоносное „ура“. Подъ напоромъ наступленія турки прекратили стрѣльбу и на вершинѣ „Орлинаго гнѣзда“ развернулось родное знамя второго баталіона Староингерманландскаго полка!

Это была торжественная, на всю жизнь памятная минута.

Снявъ шапку, я перекрестился, а все, что было вокругъ меня, бросало фуражки кверху и кричало „ура“; офицеры кинулись поздравлять меня съ побѣдою, обнимались, цѣловали другъ друга; солдаты и казаки перемѣшались съ Болгарами, ждавшими конца за горою, кричали „ура“ и крики „живіо Царю Александру“ понеслись по горамъ и ущеліямъ.

Такъ палъ непроходимый Траянъ и палъ не передъ сильнымъ полчищемъ, а передъ пятитысячнымъ русскимъ отрядомъ, не превосходившемъ численностью тѣхъ, кто защищали эту твердыню природы. Пророческія предсказанія военныхъ авторитетовъ не сбылись, и казавшееся непреодолимымъ — побѣждено комбинаціею движеній, настойчивостью и энергіею офицеровъ и не имѣющими предѣловъ выносливостью, отвагою и храбростью русскаго солдата.

Отдавъ графу Татищеву и Сухомлинову приказанія о дальнѣйшемъ преслѣдованіи турокъ и о мѣрахъ какія слѣдовало принять по спускѣ въ долину, я проѣхалъ къ взятому укрѣпленію. Надо было взглянуть на него съ восточной стороны, чтобы судить о его неприступности и той рѣшимости и храбрости, которыя одушевляли атакующихъ въ минуту боя. Не удайся обходное движеніе — никакія усилія не могли бы одолѣть позиціи съ фронта. „Орлиное гнѣздо“ только потому

и было взято, что защищавшіе его видѣли бѣгство своихъ изъ фланговыхъ укрѣпленій и, понеся огромныя потери, знали, что колона Грекова обошла ихъ съ тыла.

Изъ „Орлинаго гнѣзда“ я отправилъ Великому князю слѣдующее донесеніе:

„Считаю себя счастливымъ донести Вашему Императорскому Высочеству, что непроходимый Траянъ перевалъ взятъ съ боя и пройденъ. Знамя Староингерманландцевъ водружено на высочайшей вершинѣ Балканъ. Я рѣшился атаковать неприступную позицію потому, что найдена была возможность спустить 3 баталіона и 5 сотень въ обходъ и выбить турокъ изъ фланговыхъ ложементовъ. Казаки посланы преслѣдовать бѣгущихъ; два баталіона направлены въ Теке. Потери еще не приведены въ извѣстность, но во всякомъ случаѣ онѣ не велики. Какъ особенно отличившихся назову: полковниковъ графа Татищева и Грекова, подполковниковъ Сухомлинова и Сосновскаго и маіора Духновскаго“.

Для составленія подробной реляціи, я возвратился на ночь въ Траянъ, гдѣ уже сдѣлалось извѣстнымъ объ одержанной нами побѣдѣ. По всему протяженію спуска мнѣ постоянно встрѣчались толпы Болгаръ, спѣшившихъ на верхъ, чтобы вслѣдъ за войсками нахлынуть на брошенные жителями турецкія деревни и пожить тамъ, чѣмъ возможно. Немало было и такихъ, которые отправлялись на прежнія свои жилища, въ окрестности Карлова и Сопота, въ Клиссуру и Каллоферъ. У овчарни, куда уже были доставлены всѣ раненные, я остановился для ихъ осмотра и ободренія, благодарилъ ихъ и, отъ имени Великаго князя, велѣлъ раздать имъ по серебряному рублю.

Ко времени моего возвращенія въ Траянъ, что было около 8-ми часовъ вечера, туда уже сбѣжалось населеніе горныхъ хуторовъ, отъ монастыря и изъ окрестныхъ деревень, съ цѣлью встрѣтить меня и убѣдиться въ дѣйствительности побѣды. Изображеніе этой встрѣчи и нѣкоторыхъ эпизодовъ описанныхъ дней попали потомъ на страницы иллюстрацій; но, изображая наружные виды происходившаго, подобныя картины не могли передать внутренняго ихъ содержанія и тѣхъ ощущеній, которыя испытывались нами, участниками событій. Полагаю, что всякій видѣвшій радостныя слезы женщинъ и дѣтей, антү-

зізми і восторгі їх мужей і отцевъ, бросавшихся на колѣни, крестившихся при нашомъ приближеніи, цѣловавшихъ руки і полы одежды, не только офицеровъ, но казаковъ моего конвоя,—всякій испытавшій это, едва-ли повѣритъ теперешнимъ газетнымъ статьямъ, выставляющимъ всѣхъ Болгаръ забывшими все для нихъ сдѣланное. Нынѣшніе правители і чиновники, торгаши і отчасти офицеры Болгаріи, не народъ, а наемники і выходцы, почти чуждые народу, который, я убѣжденъ, при первомъ появленіи Русскихъ за Дунаемъ, возсталъ бы всею массою противъ своихъ правителей, предающихъ Болгарію въ руки папства і нѣмцевъ.

27-го декабря Сосновскій былъ посланъ мною съ подробнымъ донесеніемъ къ Великому князю, находившемуся въ то время въ Ловчѣ. Отправляя реляцію, я писалъ Его высочеству: „Не нахожу выраженія для достаточной обрисовки самоотверженія, трудовъ і усилій, которые выказали всѣ чины отряда, при исполненіи возложеннаго на меня порученія. Непроходимый і высочайшій изъ Балканскихъ переваловъ не остановилъ частицы Вашей арміи і эта частица будетъ считать себя счастливою, если ей удалось заслужить одобреніе своего Главнокомандующаго“.

Въ тотъ же день я вновь поѣхалъ къ перевалу, но на половинѣ пути поднялась такая вьюга, что ни архимандритъ Макарій, ни предприимчивый Георгій не только не взялись проводить меня, но умоляли не рисковать, а горцы хватали за поводья нашихъ лошадей, крича, что мы навѣрно погибнемъ на черепѣ, гдѣ, по ихъ рассказамъ, сила мятелі такова, что въ нѣсколько минутъ заноситъ осла вмѣстѣ съ всадникомъ. „Траянъ закурился—кричали они—бѣда, вы погибнете“. Въ овчарнѣ я получилъ отъ Татищева, Сухомлинова і Крестовскаго нѣсколько записокъ, отправленныхъ съ казаками, успѣвшими перейти перевалъ до начала вьюги. Изъ нихъ было видно, что по взятіи „Орлинаго гнѣзда“ баталіонъ Духновскаго, сбросивъ съ себя сухарные мѣшки і палатки, пустился по спуску къ Теке, въ погоню за турками.

Южный спускъ съ Траянова перевала оказался гораздо круче і скалистѣе сѣвернаго подъема. Людямъ приходилось прыгать внизъ, съ камня на камень, по ступенямъ имѣвшимся мѣстами до полутора аршина вышины. Когда роты собрались

у Теке было уже совершенно темно; на ясное темно-синее небо выплывала луна, сіявшая рядомъ съ Рождественскою звѣздою. Между тѣмъ въ долинѣ і въ деревнѣ безпрестанно вспыхивали огоньки ружейныхъ выстрѣловъ. Такіе же огоньки мелькали влѣво, по направленію къ Корнари, откуда вдругъ раздались два отчетливые залпа і вслѣдъ за ними грянуло „ура“, а горное эхо повторяло какіе-то стоны і вопли. Это колона Грекова кончила свою расправу съ турками.

Мы оставили ее въ тотъ моментъ боя, когда майоръ Ивановъ, взявъ боковыя укрѣпленія, пошелъ по ущелью вслѣдъ за казаками въ долину, по тропѣ ведущей къ Корнари. Непріятель, выбитый изъ укрѣпленій, успѣлъ занять селеніе і соединиться съ двумя свѣжими таборами, пришедшими на помощь отъ Шипки. Турки засѣли за окружающіе деревню сады і плетни. Не смотря на ихъ огонь, двѣ сотни проронились по улицамъ, двѣ другія въ обхватъ деревни і за нею, какъ вихрь, наскочили на новый таборъ. За казаками бѣгомъ шли роты і штыками выбивали непріятели изъ засадъ. Во время схватки взято знамя свѣжаго табора, его командиръ і 40 человекъ анатолійскаго низама, съ двумя офицерами. Остальные, или легли на мѣстѣ подъ ударами штыка і пика, или бѣжали къ малымъ Балканамъ і, не смотря на наступившія сумерки, были преслѣдуемы казаками, вмѣстѣ съ увлекшимися кучками пѣхоты.

Нельзя умолчать о слѣдующемъ замѣчательномъ эпизодѣ преслѣдованія. Нѣсколько человекъ Староингерманландскаго полка, уже въ темнотѣ, наткнулись въ полѣ на повозки турукъ, нагруженныя имуществомъ бѣжавшихъ жителей. Отыскивая спрятанное оружіе, въ одной изъ повозокъ солдаты нашли священническую ризу і оторванный кусокъ плащаницы, на которомъ, по пунцовому бархату, сохранилась часть надписи со словами: „во гробѣ новѣ, покрывъ положи“.

Передъ взятіемъ Корнари, двѣ роты съ частью казаковъ были направлены вправо къ Теке, на перерѣзъ бѣжавшимъ съ высотъ туркамъ. На половинѣ пути эти роты наткнулись на непріятельскій военный обозъ, уходящій подъ прикрытіемъ партіи черкесъ і человекъ 200 пѣхоты. Черкесы хотѣли было встрѣтить роты атакою, но покуда они собирались, казаки гикнули і смяли ихъ, а капитанъ Шелеповъ штыками

выбилъ прикрытіе изъ-за повозокъ. Черезъ нѣсколько минутъ, 80 подводъ съ рисомъ, фасолью, патронами и палатками, сдѣлались добычею отряда. Казалось все было кончено, какъ вдругъ по лѣвому флангу цѣпи открылся бѣглый огонь. Шагахъ въ двухъ-стахъ оказался высокій курганъ, покрытый кустами. На немъ засѣла партія Черкесъ и десятка два фанатиковъ. Фельдфебель Александровъ, быстро сомкнувъ лѣвофланговые звенья, отвѣтилъ залпами на дерзость толпы, оборонявшейся въ то время, когда все уже бѣжало. Рота моментально окружила курганъ; на крикъ капитана Шелепова: „сдавайся, проси аманъ!“ — турки отвѣтили новымъ залпомъ, — Александровъ упалъ замертво. Смерть любимого фельдфебеля была какъ бы сигналомъ для мести: не отвѣчая на залпъ, рота гаркнула „ура“ влетѣла на курганъ и... все было кончено, все замерло.

Только въ 9 часовъ вечера баталіоны собрали своихъ людей, выставили караулы и охранительные посты. Наступила ночь. Мирно покоилась „долина розъ“, окутанная легкимъ туманомъ, не препятствовавшимъ мѣсяцу обливаться ее серебристымъ свѣтомъ.

Потери наши, сверхъ ожиданій, сравнительно съ достигнутымъ результатомъ, оказались весьма не велики, а именно: убиты 1 оберъ-офицеръ и 25 нижнихъ чиновъ, ранено 2 офицера и 61 рядовой; безъ вести пропало 8, обморозилось 48; итого выбыло изъ строя 145 человекъ. У непріятеля взято въ плѣнъ 65, въ томъ числѣ одинъ штабъ и два оберъ-офицера; отбито знамя, кавалерійскій значекъ, горное орудіе и военный транспортъ изъ 80 повозокъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

1878.

Занятіе Клиссуры, Калофера и Карлова. — Турецкій парламентаръ. — Присоединеніе 2 бригады. — Новый годъ на переходѣ. — Движеніе къ Филиппополю. — Недоразумѣнія и приказанія. — Прибытіе генерала Скобелева 1-го. — Движеніе на Чирпанъ. — Записка генералу Гурко. — Вступленіе въ Чирпанъ. — Новыя недоразумѣнія — Подготовленіе къ переправѣ черезъ Марицу. — На станціи желѣзной дороги. — По пути смерти. — Присоединеніе Траянского отряда къ западному.

Во время минувшей войны, послѣ громадныхъ потерь подъ Ловчею, Плевной и Горнымъ-Дубнякомъ, образовался крайне странный взглядъ на оцѣнку дѣйствій и на результаты боя. Только тотъ успѣхъ и принимался въ расчетъ, при которомъ потери насчитывались сотнями и тысячами. О такихъ дѣлахъ кричали, прославляли ихъ; на тѣ же, при которыхъ хотя и достигались выходящіе изъ ряда послѣдствія, но потери были не велики, смотрѣли какъ на дѣло самое обыкновенное, о которомъ поговаряютъ день или два, и потомъ забываютъ. Вѣроятно всякій согласится съ выводомъ, сдѣланнымъ однимъ изъ нашихъ писателей, о разборѣ послѣдствій всякаго сраженія.

„Важнѣйшая задача каждаго военачальника — говорить онъ, — состоитъ въ выиграніи дѣла при наименьшихъ потеряхъ. Конечно, это менѣе эффектно, но за то болѣе существенно и полезно. Сыпать солдатами, какъ горохомъ, если нѣтъ на то вопіющей необходимости, вовсе не заслуга, и тѣмъ болѣе чести тому, кто сумѣлъ достигнутьжелаемаго съ меньшимъ числомъ жертвъ“.

Главный результатъ успѣха Траянского отряда заключается въ томъ, что появленіе его за Балканами заставило турокъ очистить Калоферъ и Клиссуру и еще за день до паденія Шипки бѣжать къ югу, со всего пространства между центральнымъ Балканомъ и рѣкою Марицею. Плѣнные турки го-

ворили, что паническое бѣгство совершилось потому, что никто не считалъ возможнымъ переходъ Русскихъ черезъ Траянъ, „а если ужъ черезъ него перешагнули,—говорили они,—то гдѣ же послѣ этого не пройдутъ ихъ силы?“

Послѣ трехчасоваго отдыха, въ полночь на 27 декабря, были посланы Татищевымъ двѣ сотни и баталіонъ къ Клиссурѣ, съ приказаніемъ рекогносцировать ущелье и войти въ связь съ 2-ю бригадою, шедшею на присоединеніе отъ Златицы. Другія двѣ сотни направлены были на Карлово, для развѣдки Калоферскаго ущелія и связи съ колоною Скобелева у Иметли. Полученныя на разсвѣтѣ донесенія отъ развѣздовъ извѣщали, что всѣ деревни долины Гюпса, обитаемыя исключительно турками, брошены, и что въ нихъ масса скота, зерна, сѣна, сушеныхъ фруктовъ, фасоли и проч. Послѣднее во многомъ развязало мнѣ руки, избавивъ отъ тѣхъ хлопотъ и заботъ, которыя предстояли по передачѣ сухарей изъ Ловчи въ Кулибы и за переваль.

28 декабря, осмотрѣвъ по пути спускъ вновь разобранныхъ орудій съ горъ и подымавшуюся партію плѣнныхъ, я прибылъ въ Корнари, куда къ этому времени подоспѣли донесенія, что Карлово очищено турками, ушедшими къ Филиппополю и что къ сторонѣ Шипки слышна сильная канонада. Едва я слѣзъ съ коня, какъ съ перевала сообщили, что на немъ начинается такая мятель, что положеніе спускаемыхъ орудій дѣлается критическимъ. Къ вечеру всякое сообщеніе съ переваломъ прекратилось, между тѣмъ какъ въ Корнари наступила совершенно теплая и тихая лунная ночь.

Чѣмъ болѣе я вникалъ въ положеніе моего отряда, тѣмъ болѣе убѣждался, что оно далеко не безопасно. Взявъ переваль и спустившись за Балканы, мы очутились безъ артиллеріи, почти безъ патроновъ, а плѣнные офицеры и солдаты дали показанія, что въ 15 верстахъ отъ Карлова, на Филиппопольскомъ шоссе, сосредоточено до 10 таборовъ. Ко всему этому, пути отступленія для меня не существовало; ни о томъ, гдѣ находится 2-я бригада, ни о томъ, что дѣлается подъ Шипкою, мы не имѣли еще свѣдѣній, и къ довершенію всего, начавшаяся на Траянѣ вьюга грозила погребсти на перевалѣ наши орудія, транспорты и конвойныхъ посланныхъ съ плѣнными. Вотъ въ

такое положеніе можно быть иногда поставлену и послѣ одержанной побѣды. Было о чемъ призадуматься.

На сколько былъ тяжелъ для меня день 28 декабря, на столько радостнымъ оказалось 29-е число. Съ самаго ранняго утра одно успокоительное донесеніе получалось за другимъ. Прежде всего писали изъ Клиссуры, что турки, бросивъ укрѣпленія, отошли отъ ущелія къ югу, а наши развѣзды вошли въ связь съ идущею отъ Златицы, на соединеніе со мною, второю бригадою. Очищеніе турками ущелія было совершеною неожиданностью, явленіемъ вполнѣ необъяснимымъ. Взять ихъ позицію было бы невозможно, такъ какъ, на протяженіи 7 верстъ, Клиссурское ущелье представляло корридоръ, между отвѣсными скалами, прегражденный въ четырехъ мѣстахъ каменными завалами. Изъ Калофера доносили, что, вслѣдствіе одержанной генераломъ Радецкимъ побѣды на Шипкѣ, турки положили оружіе, и путь отъ Карлова къ Казанлыку очищенъ. Вслѣдствіе этого я въ тотъ же день направилъ графа Татищева съ его полкомъ и тремя сотнями въ Карлово, а 10-му стрѣлковому баталіону приказалъ передвинуться къ Филиппопольскому шоссе. 30 декабря метель на Траянѣ прекратилась; утромъ прибылъ транспортъ патроновъ изъ склада въ кулибахъ, а изъ монастыря были присланы архимандритомъ 50 вьюковъ печенаго хлѣба.

Къ полудню солнце въ долинѣ грѣло такъ сильно, что люди ходили въ однихъ мундирахъ, а спускавшіе орудія были въ рубахахъ. Подъ вечеръ горное эхо со стороны Клиссуры донесло до Корнари три равномерные пушечные выстрѣла. Это были сигналы приближающейся второй бригады. Изъ доставленнаго съ посланнымъ впередъ офицеромъ рапорта, я съ грустью узналъ, что вмѣсто бригады вели ко мнѣ не болѣе двухъ баталіоновъ, потому, что въ Псковскомъ полку оставалось на лицо всего 900, а въ Великолуцкомъ 1200 штыковъ. Все остальное, то есть около 4-хъ тысячъ человекъ, легло въ бояхъ, а большею частію вслѣдствіе 6-ти недѣльной стоянки на вершинахъ Арабъ-Конака и Этрополя, сдѣлалось жертвою болѣзни и стужи. Принадлежащая бригадѣ артиллерія не шла съ нею. Вмѣсто своихъ орудій я получилъ: 2 конныя 16-й батареи, два казачьей № 19-го батареи и батарею 31-й артиллерійской бригады. Всѣ они не имѣли ящиковъ, такъ что са-

мыми снаряженными оказались мои два орудія, спустившіяся въ тотъ же день съ Траяна. Кромѣ этого, полки получили другое, крайне оригинальное, къ нимъ присоединеніе. Въ теченіе трехъ предшествовавшихъ дней пригонъ казаками брошеннаго Турками и блуждавшаго по долинамъ скота достигъ такихъ размѣровъ, что въ Корнари стояло въ загонахъ 2000 крупныхъ и 1000 мелкихъ его головъ. Куда мнѣ было дѣвать его, какъ распорядиться его кормомъ и уходомъ за нимъ? Хотя сѣна въ долинахъ было вволю, но сколько нужно было взять народа изъ строя, чтобы раздать кормъ такой массѣ, напоить ее, разсорттировать по загонамъ и прочее. Дабы выйти изъ этого затрудненія, я приказалъ: выдѣлать по 100 головъ въ каждый баталіонъ, въ счетъ порціоннаго скота, остальной мелкій скотъ раздать Болгарамъ даромъ, а крупный продать имъ по умѣренной цѣнѣ и вырученныя деньги выдать, въ видѣ жалованья, правильно сформированнымъ болгарскимъ четамъ.

31-го декабря прибылъ въ Корнари Великолуцкій полкъ, соединенный въ одинъ баталіонъ. Это были остатки славнаго полка; нѣкоторыя его роты обратились въ полувзводики. Онѣ были одѣты въ прожженные и изорвавшіяся въ лѣсныхъ дебряхъ и по скаламъ шинели, въ лапти и болгарскіе опанки. Закопѣлые, обросшіе волосами, нижніе чины казались закаленными огнемъ костровъ и 20 градуснымъ морозомъ ветеранами. Какъ мнѣ ни хотѣлось видѣть Псковской полкъ, но чтобы не заставлять его дѣлать для этого лишній переходъ, я направилъ его мимо Корнари, прямо къ Филиппопольскому шоссе.

Въ тотъ же день, около 3-хъ часовъ, мнѣ доложили, что къ моей квартирѣ ведутъ турецкаго парламентаря. Выйдя на террасу дома, я увидѣлъ на его дворѣ группу конныхъ, состоящую изъ турецкаго офицера, трубача и 4-хъ драгунъ. Когда съ глазъ парламентаря и его конвоя сняли бѣлыя повязки, я велѣлъ вести его ко мнѣ. вмѣстѣ съ Сухомлиновымъ и лицами моего штаба, въ комнату вошелъ невысокій блондинъ лѣтъ тридцати и отрекомендовался турецкимъ военнымъ врачомъ, по фамиліи Моизъ, присланнымъ съ письмомъ отъ Филиппопольскаго коменданта къ Великому князю. На мой вопросъ о свойствѣ даннаго ему порученія, онъ подаль мнѣ запечатанный пакетъ, предлагая прочесть вложенный въ него

документъ. Въ письмѣ на французскомъ языкѣ комендантъ, въ почтительныхъ выраженіяхъ, извѣщалъ, что такъ какъ между Оттоманскою Портою и Россіею съ 27-го декабря заключено перемиріе, то онъ проситъ остановить дальнѣйшее наступленіе русскихъ войскъ къ Филиппополю. Замѣтивъ, что парламентаръ совершенно свободно объясняется по-французки, а потомъ оказалось и по-нѣмецки, я повелъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

— Находя крайне страннымъ сообщеніе вашего начальника, я сомнѣваюсь, чтобы вы были приняты Великимъ княземъ и едва-ли получите какой-либо отвѣтъ на это письмо.

— Позвольте узнать, генералъ, спросилъ удивленный парламентаръ, на чемъ вы основываете ваше предположеніе?

— Вотъ на чемъ, отвѣчалъ я: во-первыхъ, вы забываете, что нашъ Главнокомандующій, какъ родной братъ русскаго Императора, можетъ входить въ сношенія, по столь важному вопросу какъ перемиріе, только непосредственно съ главнокомандующимъ турецкою арміею, или съ лицомъ, аккредитованнымъ для этого Султаномъ, а не съ комендантомъ какого-либо города; во-вторыхъ, еслибы между воюющими сторонами состоялось соглашеніе о перемиріи, то, конечно, Великій князь зналъ бы объ этомъ ранѣе вашего начальства; и, въ третьихъ, еслибы перемиріе было дѣйствительно заключено, то я имѣлъ бы увѣдомленіе отъ штаба нашей арміи.

Моизъ, кажется, сразу понялъ, что хитрость не удалась и молча опустилъ глаза.

— Задерживать посланнаго къ Его высочеству, продолжалъ я, нѣтъ основаній, поэтому вы получите конвой, который препроводитъ васъ въ Главную квартиру; а такъ какъ вы, вѣроятно, проголодались и прозябли въ дорогѣ, то позвольте предложить вамъ закусить, чѣмъ Богъ послалъ и покормить вашихъ людей.

Турокъ (судя по выговору, скорѣе Еврей) охотно принялъ мое предложеніе; ему подали, только-что оконченный, нашъ скромный обѣдъ, состоявшій изъ куриного супа, жареной баранины и компота.

Послѣ двухъ стакановъ краснаго вина (подарка отца Макарія), Моизъ сдѣлался до того словоохотливъ, что высказалъ собственное свое недоумѣніе насчетъ перемирія.

— Надо вамъ сказать, говорилъ онъ, что не далѣе, какъ семь дней назадъ, жили мы въ Филиппополѣ совершенно спокойно; вдругъ приходитъ извѣстіе о наступленіи генерала Гурко отъ Софіи, а потомъ и о переходѣ Русскихъ черезъ Траянъ. Вы понимаете, какое это производитъ впечатлѣніе? Черезъ Траянъ!! Мы этому не вѣрили, считали баснею, какъ вдругъ является къ коменданту дѣйствовавшій противъ васъ Раффикъ-бей. Онъ рвалъ на себѣ волосы, плакалъ какъ дитя, но объяснялъ свое пораженіе тѣмъ, что Русскіе наступали въ громадныхъ силахъ.

— Невѣрныя же у васъ свѣдѣнія, м-г Моизъ, перебилъ я его. — Мои силы равнялись вашимъ, а занятые вами позиціи стоили цѣлаго корпуса.

— Но у васъ была артиллерія?

— Она была и у Турокъ.

— Вѣроятно число вашихъ горныхъ орудій было гораздо больше?

— У меня не было ни одного горнаго орудія.

— Какъ же это, какія же пушки были съ вами?

— Со мною были всего два 9-ти фунтова орудія; если вы сомнѣваетесь, то можете взглянуть на нихъ, они здѣсь недалеко.

Моизъ поблагодарилъ за предложеніе и затѣмъ съ нѣкоторою задумчивостію продолжалъ:

— Долженъ сознаться, что появленіе Раффикъ-бея въ Филиппополѣ произвело почти панику. Въ ночь на 28-е комендантъ потребовалъ меня къ себѣ и объявилъ, что, такъ какъ я владѣю языками, то онъ посылаетъ меня съ письмомъ къ вашему Главнокомандующему о заключенномъ перемиріи. Въ это время ему подають депешу. Прочтя ее, онъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ объявляетъ, что перемиріе не состоялось, а потому и въ командировкѣ нѣтъ надобности. Я возвратился къ себѣ, но въ 3 часа ночи опять требуютъ къ коменданту. Онъ встрѣчаетъ меня словами: „Новая депеша, перемиріе заключено; вотъ вамъ письмо, отправляйтесь въ русскую Главную квартиру. И вотъ я передъ вами, по пути къ Великому князю. Всѣ эти противорѣчащія депеши, эти колебанія, мнѣ кажутся непонятными.

— Положеніе, въ которомъ находятся ваши войска, замѣ-

тилъ я, нѣсколько разъясняетъ дѣло. Вашимъ генераламъ, тѣмъ или другимъ способомъ, надо было остановить наше наступленіе. Способъ-то только они выбрали черезчуръ азіатскій: думали обмануть и не удалось. Помолчавъ, Моизъ продолжалъ:

— Я почти увѣренъ, что въ мое отсутствіе Русскіе займутъ Филиппополь, а это заставляетъ меня бояться за участь жены и семейства.

— Могу увѣрить васъ, отвѣчалъ я, что Русскіе не сдѣлаютъ ни малѣйшей непріятности вашей семьѣ.

— О, я опасаясь не Русскихъ, съ живостью возразилъ докторъ. — Неужели вы, генералъ, полагаете, что у насъ кто-либо изъ порядочныхъ людей вѣрить въ жестокость Русскихъ. Я говорю о башибузукахъ и Черкесахъ, которые не упустятъ случая грабить своихъ же.

Чтобы не задерживать посланнаго къ Великому князю парламентаря, ему и его спутникамъ, на томъ же дворѣ моей квартиры, завязали глаза, казаки взяли поводья ихъ лошадей и шествіе тронулось, провожаемое массою сбѣжавшихся Болгаръ и нашихъ солдатъ поглазѣть на незваныхъ гостей.

Готовясь къ выступленію изъ Корнари, мнѣ оставалось еще многимъ распорядиться. Видя, что нижніе чины второй бригады до того обезсильли и обносились, что многіе не могутъ слѣдовать съ отрядомъ, я велѣлъ сформировать изъ каждого полка по одному сводному баталіону, составивъ его изъ людей наиболѣе сохранившихъ силы, прочихъ же перевести въ Карлово. Для скорѣйшаго возстановленія силъ, я приказалъ довольствоваться ихъ удющенною пищею и какъ можно поспѣшнѣе исправить ихъ одежду и обувь. Это было возложено мною на командовавшаго Псковскимъ полкомъ подполковника Кобордо, назначеннаго вмѣстѣ съ тѣмъ начальникомъ тыла отряда. Ему же я поручилъ образованіе продовольственныхъ складовъ и охрану ихъ.

1-го января, рано утромъ, собрались ко мнѣ всѣ командиры частей, для полученія послѣднихъ приказаній: выступающіе — о дальнѣйшемъ движеніи и цѣляхъ отряда, остававшіеся — о приведеніи въ исполненіе сдѣланныхъ распоряженій. Вмѣстѣ съ восходомъ солнца, поздравивъ другъ друга съ новымъ годомъ, мы сѣли на коней и тронулись къ Карлову. Легкій

3-хъ градусный морозъ уничтожилъ слѣды дневной оттепели; войска шли бодро и весело. Съ штабомъ отряда шла только конвойная сотня и саперная рота съ двумя орудіями. Староингерманландскій полкъ былъ уже въ Карловѣ, прочія части въ деревняхъ по подножію Малыхъ Балканъ прикрывали фланговое движеніе. Два сводные баталіона 2-й бригады шли въ переходѣ позади штаба и составляли резервъ. Путь отъ Корнари до Карлова пролегалъ по той же благодатной долигѣ Гюпса; по брошеннымъ деревнямъ шарили „братушки“.

Единственнымъ пунктомъ, принадлежавшимъ въ этой мѣстности Болгарамъ, былъ Сопоть, небольшой, пять мѣсяцевъ назадъ процвѣтавшій, чистенькій и красивый городокъ. Трудно себѣ представить, что сдѣлали изъ него турки. Теперь Сопоть, съ двумя разрушенными церквами, представлялъ площадь обгорѣлыхъ развалинъ, въ которыхъ не осталось камня на камнѣ. Пройдя разоренный городъ, я остановился для привала на его окраинѣ. Когда группа штабныхъ офицеровъ собралась къ разложенному на фундаментѣ одного изъ домовъ коври и, по моему приглашенію, приступила къ холодной закускѣ, къ намъ подошло нѣсколько монахинь (калугерокъ) Сопотскаго монастыря, поцѣженныхъ вслѣдствіе своей старости. Между ними находилось нѣсколько вдовъ, мужа и дѣти которыхъ были зарѣзаны лѣтомъ. Одѣтыя въ черныя платья, онѣ принесли намъ теплыя лепешки, овечій сыръ и яблоки; лепетали что-то, кланялись, съ волненіемъ пожимали намъ руки, гладили нашихъ лошадей и, какъ дѣти, въ одно и то же время и плакали, и смѣялись отъ радости. Одна изъ старицъ неожиданно опустилась на колѣни, перекрестясь взглянула на небо, и чисто произнесла по-славянски: „благодаримъ Тя, Господи, яко днесъ видѣста очи мои спасеніе наше“. Другія рассказывали про всѣ ужасы разграбленія турками ихъ обители, уводъ молодыхъ послушницъ и про кощунства, совершенныя въ ихъ храмѣ.

Только-что мы тронулись съ привала, какъ меня нагналъ нарочный казакъ изъ Ловчи, съ накопившеюся въ наше отсутствіе почтою. Среди множества конвертовъ оказалось нѣсколько писемъ на мое имя, отъ семьи и знакомыхъ изъ Тамбова и Нижняго, отъ сыновей и дочерей изъ Петербурга. Болѣе мѣсяца я не имѣлъ извѣстія отъ своихъ, а потому неожиданное ихъ полученіе, да еще при той обстановкѣ, въ которой

мы находились, доставило такую отраду, которую пойметъ только тотъ изъ читателей, кто когда-либо бывалъ въ подобномъ положеніи.

Въ полуверстѣ отъ Карлова меня встрѣтила депутація отъ города, съ духовенствомъ во главѣ. Благодаря энергіи и распорядительности графа Татищева, я нашелъ въ Карловѣ полный порядокъ. Военная полиція была уже на мѣстахъ, у всѣхъ складовъ съ турецкими запасами стояли часовые. Открывшій свои дѣйствія городской совѣтъ ожидалъ меня въ залѣ отведенной мнѣ квартиры бывшаго англійскаго консула, только-что выѣхавшаго въ Адрианополь. Оставивъ у себя председателя совѣта и отпустивъ другихъ, я просилъ его ознакомить меня съ настоящимъ положеніемъ населенія и города, показавшагося мнѣ нетронутымъ. Объясняя настоящее, президентъ коснулся и прошедшаго. Карлово не было сожжено и разграблено Турками только потому, что среди его болгарскаго населенія было много армянъ и турокъ, и что въ немъ имѣли дачное пребываніе европейскіе консулы изъ Адрианополя. Это обстоятельство и было причиною, что неистовства турокъ ограничились кощунствами, произведенными въ двухъ православныхъ храмахъ, въ день пророка Іліи. При осмотрѣ этихъ церквей, мнѣ показывали запекшуюся на мраморномъ полу лужу крови и другую такую лужу на площадкѣ лѣстницы, ведущей на кафедру, гдѣ былъ зарѣзанъ священникъ, говорившій проповѣдь. Въ другой церкви, на ликахъ Спасителя и Николая Чудотворца, были выковырены глаза, выскоблены кинжалами носы и уши; всѣ прочія иконы прострѣлены, и Распятіе, стоявшее надъ иконостасомъ, лежало на полу расколотымъ.

Какъ ни было необходимо сдѣлать въ Карловѣ дневку, но я на другой же день, 2-го января, продвинулъ всѣ части впередъ за Малые Балканы, соединивъ ихъ при этомъ по-эшелонно на Филиппопольскомъ шоссе. Проводивъ лично Староингерманландскій полкъ, я вернулся въ Карлово, гдѣ еще было немало хлопотъ по распредѣленію найденныхъ запасовъ между войсками и по устройству летучей почты къ Казанлыку, куда уже спустилась Главная квартира черезъ Шипку. Въ этотъ же день послѣ обѣда вступилъ въ Карлово Казанскій драгунскій полкъ, направленный на усиленіе отряда черезъ Траянъ, а послѣ обѣда пріѣхалъ ко мнѣ отъ Великаго князя

генераль-лейтенантъ Скобелевъ І. Онъ вручилъ мнѣ предписание Главнокомандующаго, которое привожу въ подлинникѣ:

„Великій Князь главнокомандующій приказать изволилъ: принять общее начальство надъ кавалеріею ввѣреннаго вамъ отряда генераль-лейтенанту Скобелеву І-му. Для сего, ваше превосходительство, изволите назначить въ его распоряженіе Казанскій драгунскій полкъ, 30-й и 24-й казачьи полки, оставивъ изъ послѣднихъ столько, сколько необходимо для службы при дивизіи. Скобелеву І-му приказано двинуться по долигѣ Гіонса къ сторонѣ Филиппополя, держа постоянно связь съ отрядомъ Гурко и съ первою кавалерійскою дивизіею, которая предшествуетъ наступленію отряда генерала Радецкаго.

„Ваше превосходительство, предшествуемые кавалеріею Скобелева І-го, должны также взять направленіе на Филиппополь, чтобы угрожать пути отступленія турокъ, дѣйствующихъ противъ генерала Гурко.

„Въ этомъ отношеніи вы должны соображать ваши движенія и дѣйствія съ отрядомъ Гурко. *Еслибы, подходя къ Филиппополю, вы узнали, что турки уже прошли этотъ городъ* и отрѣзать имъ отступление не можете, то должны двинуться на Чирпанъ и вообще составлять промежуточный отрядъ между отрядомъ Гурко и главными силами арміи, которыя направляются на Эски-Загры и Германлы“.

Это предписание указывало мнѣ сдѣлать то, что уже было сдѣлано, и потому, въ день его полученія, я отправилъ въ Главную квартиру слѣдующее донесеніе:

„Указанія Вашего Императорскаго Высочества предупреждены. Стрѣлковый баталіонъ и Новоингерманландскій полкъ уже на половинѣ пути между Карлово и Филиппополемъ, а завтра вся первая бригада будетъ въ 10 верстахъ отъ него. Драгуны только-что прибыли. Изъ остатковъ 2-й бригады формирую два сильные баталіона, которые составятъ мой резервъ“.

Подъ вечеръ пріѣхалъ изъ Казанлыка Сухомлиновъ. Мнѣ достаточно было взглянуть на него, чтобы замѣтить, что въ Главной квартирѣ чѣмъ-то не довольны. Поданная имъ записка, писанная рукою генерала Левицкаго, начиналась словами: „Главнокомандующій крайне недоволенъ медленностію вашихъ движеній“, а затѣмъ подтверждалось то же, что было и въ

приведенномъ предписаніи, съ добавленіемъ: „присылайте ваши донесенія Его Высочеству возможно чаще“.

Изъ предшествовавшаго разсказа читатели видѣли, что дѣлалось въ отрядѣ каждый день, со времени Траянскаго боя, то есть съ 27-го по 30-е декабря, когда первый полкъ уже 29-го перешелъ въ Карлово, а стрѣлковой баталіонъ стоялъ впереди его на Филиппопольскомъ шоссе. Пусть всякій скажетъ, могъ ли я, 27-го и 28-го числа, тронуть эти части отъ Корнари, покуда не освѣтилъ мѣстности до Клисурры и Калофера, куда уже въ ночь 26-го, сряду послѣ боя, посланы были кавалерійскія партіи. Не изъ того ли же полевого штаба писали мнѣ, чтобы послѣ спуска я „смотрѣлъ въ оба направо и налево“; теперь же я какъ бы осужденъ за то, что съ 5-ю баталіонами и 2-мя орудіями не пошелъ далѣе, когда вторая бригада въ эти числа еще не прошла занятого неприятелемъ Клисурскаго ущелья. Все это указывало на то, что въ полевомъ штабѣ, вѣроятно, не были получены мои донесенія, а между тѣмъ, я писалъ по два раза въ день обо всемъ, что дѣлалъ, но отправлялъ записки черезъ Траянъ въ Ловчу и только 30-го, когда отъ моихъ же разъѣздовъ узналъ о паденіи Шипки, сталъ посылать ихъ въ Казанлыкъ.

Полученное замѣчаніе не могло не произвести на меня тяжелаго впечатлѣнія; я уже предвидѣлъ, что совершенное моимъ отрядомъ на Траянѣ останется въ тѣни. Надо было употребить всѣ средства, чтобы не дать повода въ чемъ-либо обвинить меня вторично.

3-го января, рано утромъ, Скобелевъ І-й, вслѣдствіе сдѣланныхъ мною съ нимъ наканунѣ условій, выступилъ съ драгунами къ Филиппополю; казачьи же части, заранѣе выдвинутыя по тому же направленію, были уже далеко впереди. Въ этотъ же день пѣхотные эшелоны продвинулись еще верстъ на 30 по шоссе.

Въ ночь на 4-е января былъ полученъ мною новый сурпризъ, въ видѣ слѣдующей записки:

„Вчера ночью я имѣлъ честь послать вашему превосходительству *приказаніе* наступать вамъ со всею дивизіею на Филиппополь. Сегодня вновь получилъ *приказаніе* подтвердить *приказаніе*, чтобы вы шли форсированнымъ маршемъ на Филиппополь, дѣлая въ день по 25-ти верстъ. При этомъ идти

Изъ Прошлаго.

безъ обозовъ и выдавать людямъ по фунту хлѣба. Въ такіе дни, какъ мы переживаемъ, нужно дѣлать сверхъ-естественныя усилія“.

Записка послана 1-го января, но откуда—неизвѣстно; под-писана она такъ: Начальникъ штаба, генераль-маіоръ Липинскій. Гдѣ онъ былъ начальникомъ штаба и какія могъ имѣть ко мнѣ отношенія—я не зналъ. Не говоря о слогѣ записки, начну съ того, что посланнаго 31-го декабря ночью *приказанія*, какъ выражается ея авторъ—я не получалъ; затѣмъ является вопросъ: чье *приказаніе* онъ сообщалъ? До этой минуты я не имѣлъ никакого распоряженія о томъ, чтобы мой отрядъ былъ кому-либо подчиненъ, кромѣ Главнокомандующаго, между тѣмъ тонъ и смыслъ записки указываютъ на какое-то подчиненіе. Въ ней даже говорится, какъ довольствоваться людей, какіе дѣлать переходы, и даются совѣты о сверхъестественныхъ усиліяхъ¹⁾.

Диспозиціею, отданною мною на 4-е января, предписывалось: летучему отряду генерала Скобелева I-го—идти безостановочно на Филиппополь и буде возможно занять его; прочимъ частямъ слѣдовать за нимъ и, остановясь въ одномъ переходѣ отъ этого города, ожидать дальнѣйшихъ распоряженій, сообразно съ тѣми свѣдѣніями, которыя получатся отъ летучаго отряда. На этомъ же переходѣ встрѣчный казакъ подаль мнѣ записку отъ Скобелева I-го, слѣдующаго содержания: „Войска генерала Гурко занимаютъ Филиппополь. Вступаю туда же съ драгунами и казаками“.

Хотя въ вышеприведенномъ приказаніи Главнокомандующаго ясно указанъ случай, когда отрядъ долженъ свернуть на Чирпанъ, но прежде чѣмъ измѣнять направленіе колонъ, я хотѣлъ вполне удостовѣриться въ томъ, что происходитъ въ Филиппополѣ, а потому послалъ туда подполковника Сосновскаго, самъ же, съ первымъ полкомъ, остановился въ пунктѣ ближайшаго поворота съ шоссе. Сосновскій нашелъ Филиппополь уже занятымъ и видѣлъ въ немъ гвардейскую

¹⁾ Выше приведенная записка была мнѣ подана ночью, какъ присланная изъ западнаго отряда. Не разглядѣвъ неразборчивой подписи, я счелъ ее подписанною начальникомъ штаба этого отряда, о чемъ ошибочно упомянулъ въ помѣщенной мною статьѣ Русскаго Вѣстника „Траяновъ переваль“, за что приношу извиненіе.

артиллерію. Вслѣдствіе этого я, въ тотъ же вечеръ, послалъ приказаніе всѣмъ частямъ свернуть на Чирпанъ, давъ при этомъ эшелонамъ такое направленіе, чтобы они шли на одной высотѣ, параллельно Марицѣ; а такъ какъ отъ шоссе до Чирпана было 50 верстъ, то предписывалось выступить какъ можно раньше.

5-го января, рано утромъ, передъ самымъ выступленіемъ, мнѣ подали записку отъ начальника штаба арміи, отъ 2-го января. Въ ней было сказано: „Великій князь приказалъ, чтобы вы, съ полученія сего, безотлагательно отправились по долину Гіопса на Филиппополь, а если получите свѣдѣнія, что противникъ оставилъ этотъ городъ, или что онъ *уже занятъ нашими*, то возьмите направленіе на Чирпанъ. Это направленіе должна принять и кавалерія Скобелева I-го. О вашихъ распоряженіяхъ увѣдомляйте для доклада Его Высочеству“.

Итакъ, вторично получено приказаніе сдѣлать то, что давно уже было сдѣлано. Видимо, что или донесенія мои не получены, или забыли о нихъ.

Свернувъ съ шоссе, всѣ три колонны шли параллельно, одна другой, сближаясь иногда версты на 4, такъ что полки видѣли другъ друга. Этотъ фланговый маршъ, прикрытый съ фронта рѣкою, шелъ по плоской, почти ненаселенной равнинѣ, покрытой снѣгомъ гораздо болѣе, чѣмъ у Карлова, что, при бывшей два дня оттепели, вынуждало безпрестанно переходить въ бродъ ручьи и мелкіе притоки Марицы. Когда войска прошли уже верстъ 20 и остановились въ 9-мъ часу на привалѣ, къ сторонѣ Филиппополя слышались пушечные выстрѣлы, слившіеся потомъ въ общую канонаду. Она то удалялась, то приближалась, то смолкала, то раздавалась съ новою силою. По временамъ турецкая ружейная трескотня была слышна до того ясно, что всѣ были увѣрены въ переходѣ боя на нашъ берегъ Марицы. Пославъ полкамъ приказаніе остановиться, я велѣлъ маіору Грошеву, взявъ конвойную сотню, осмотрѣть всю мѣстность до рѣки и вправо къ Филиппополю. Въ то же время, съ офицеромъ и 8-ю казаками, послана была къ генералу Гурко слѣдующая записка: „Хотя я имѣю положительное приказаніе Главнокомандующаго, въ случаѣ занятія вами Филиппополя, идти на Чирпанъ, но, слыша канонаду,

прошу увѣдомить,—не нужно ли мое содѣйствіе? Благоволите сообщить о вашемъ направленіи на 6-е и 7-е января“.

Въ теченіи полутора часа Грошевъ облетѣлъ до 20-ти верстъ и узналъ, что бой идетъ на той сторонѣ рѣки, находящейся въ полномъ разливѣ и покрытой густымъ льдомъ. Посланные имъ еще дальше разѣзды постепенно возвращались съ докладомъ, что дѣло происходитъ верстахъ въ 12-ти за Филиппополемъ, слѣдовательно не ближе 25 верстъ отъ насъ, что подтверждали и бѣжавшіе изъ города Болгары.

Убѣдясь въ невозможности поспѣть на помощь, еслибы она и была нужна, и въ виду того, что около 3-хъ часовъ пальба прекратилась, чтобы исполнить приказаніе Великаго князя, я велѣлъ продолжать движеніе на Чирпанъ. День былъ пасмурный и сырой. Часу въ 5-мъ повалилъ снѣгъ, и тропа, по которой мы шли, сдѣлалась до того неясною, что еслибы не проводникъ-священникъ, то мы навѣрно заблудились бы, тѣмъ болѣе, что ни впереди, ни по сторонамъ не видѣлось ни одного селенія.

Потеря времени на остановку и наступившая темнота съ метелью были причиною, что ни одна изъ колонъ, хотя и сдѣлала до 40 верстъ въ одинъ переходъ, не дошла до города, а это вынудило полки ночевать въ 5-ти и 6-ти верстахъ отъ него. Сообразивъ, что бывшему противъ генерала Гурки Сулейманъ-пашѣ можно отрѣзать путь отступленія къ Адрианополю только быстрою переправою черезъ Марицу, я немедленно, ночью же, послалъ двухъ казачьихъ офицеровъ какъ въ городъ, такъ и къ рѣкѣ, для собранія свѣдѣній, гдѣ возможно перейти ее въ бродъ, или скорѣе устроить переправу. Показанія Болгаръ и возвратившихся къ разсвѣту разѣздовъ сводились къ тому, что переправа, съ большими затрудненіями и опасностію, буде и возможна, то только противъ желѣзно-дорожной станціи Іени-Михалесы; кромѣ того было узнано, что въ Чирпанѣ находится эскадронъ л.-гв. Уланскаго полка, разѣзды котораго вошли уже въ связь съ 1-ою кавалерійскою дивизіею.

Оставивъ войска на мѣстахъ ночлега, откуда имъ было ближе къ Марицѣ, я съ штабомъ, конвойною сотнею и саперною ротою, 6-го января, въ день Богоявленія, вступилъ въ Чирпанъ. У вѣзда въ городъ насъ встрѣтило населеніе, а старшій протоіерей, во главѣ прочаго духовенства, поднесъ

мнѣ на оловянномъ блюдѣ пшеничный хлѣбъ, солонку и стопу мѣстнаго вина. Послѣ сказаннаго привѣтствія, онъ предложилъ намъ слѣдовать въ церковь, гдѣ совершилъ молебствіе, съ провозглашеніемъ многолѣтія: „Александру II-му, Освободителю Болгаріи, Царю нашему и Императору“. По выходѣ изъ церкви, весь мой штабъ и прочіе офицеры, на расхватъ были разобраны зажиточными хозяевами въ свои дома, гдѣ насъ ожидало радушное угощеніе. Съ непривычки это даже стѣсняло. Впрочемъ, съ самаго вступленія нашего въ предгорья Балканъ, начиная съ выжженнаго Траяна, была уже замѣтна разница въ бытѣ и характерѣ болгарскаго населенія, сравнительно съ придунайскимъ. На сколько послѣднее забито и ко всему равнодушно, не исключая собственнаго быта, на столько живущее въ горахъ и за Балканами, бойче, предприимчивѣе и развитѣе. Даже и женщины южной Болгаріи гораздо красивѣе сѣверной.

На отведенной квартирѣ меня ожидали: командиръ Уланскаго эскадрона Бибииковъ, предсѣдатель уже составленнаго болгарами городского совѣта и прибывшій изъ Главной квартиры, Кавалергадскаго полка поручикъ Хвошинскій, отправляемый въ Сербію съ Георгіевскими крестами. Бибииковъ сообщилъ, что въ городѣ находятся громадныя склады запасовъ и патроновъ.

Видя явную необходимость войти въ сношеніе съ Главною квартирою, распорядиться приведеніемъ въ извѣстность запасовъ, а главное,—принять мѣры для скорѣйшаго устройства переправы, я рѣшился сдѣлать въ Чирпанѣ дневку. Ею впрочемъ не могли воспользоваться 10-й стрѣлковый баталіонъ и саперная рота, которые, при начальникѣ штаба, были посланы для сбора матеріаловъ и устройства переправы у деревни Іогурчу, противъ Іени-Михалесы. Отдавъ необходимыя приказанія, я послалъ ординарца моего, Крестовскаго, на телеграфную станцію, взять и разобрать всѣ оставшіяся тамъ депеши турецкаго правительства, а другому ординарцу, Эрнроту, приказалъ приготовиться къ отѣзду въ Іени-Загру, гдѣ предполагалъ Великаго князя. Вмѣстѣ съ другими донесеніями полковому штабу, я писалъ генералу Непокойчицкому:

„Въ дополненіе донесенія моего о найденныхъ турецкихъ запасахъ въ долину Гіопса, имѣю честь сообщить, что все

пройденное отрядомъ пространство представляетъ неисчислимыя богатства подобныхъ запасовъ. Въ Карловскомъ складѣ оставлено 2,000 мѣшковъ галетъ, 200 мѣшковъ рису, 1,500 мѣшковъ ячменя и 70 мѣшковъ фасоли. Затѣмъ есть ружья, патроны, гранаты. Для ихъ охраны сдѣлано все, что возможно, но по малочисленности отряда я не могу оставлять въ городахъ людей и посылать команды въ деревни, гдѣ все расхищается. Запасы зерна въ Чирпанѣ, хотя не приведены еще въ извѣстность, но громадны, и кромѣ того здѣсь оставлено турками 395 ящиковъ съ патронами, по 10,000 въ каждомъ, что составляетъ почти 4 милліона. Было бы крайне полезно прислать въ пройденный мною край нѣсколько интендантскихъ чиновниковъ съ командами, такъ какъ безъ энергическихъ мѣръ, черезъ недѣлю все будетъ расхищено“.

Что касается даннаго Крестовскому порученія о разборѣ турецкихъ телеграммъ, то изъ представленной имъ выписки было видно: 1) что комендантъ Шипки, еще 25 декабря, предписывалъ прислать къ нему какъ можно скорѣе всѣ войска, какія только есть въ Чирпанѣ; 2) что наплывъ бѣжавшаго населенія начался со дня перехода русскихъ черезъ Траянъ; 3) Чирпанскій каймакъ доносилъ, что ни жители, ни мустафисы (запасные солдаты) его не слушаютъ и не хотятъ оставлять своихъ семей и жилищъ. Особенно интересна слѣдующая телеграмма Филиппопольскому губернатору, отъ 28 декабря: „Громадныя силы русскихъ разбили нашихъ въ большомъ сраженіи. Казанлыкское населеніе бѣжитъ поголовно. Учрежденія Красной Луны остаются на мѣстѣ. Приходится такъ плохо, что администраціи надо выбирать. Состоявшіе при мнѣ офицеры, чиновники и телеграфисты бѣжали. Узналъ сейчасъ, будто заключено перемиріе“.

Кстати объ этомъ странномъ, выдуманомъ турками, перемиріи. Несомнѣнно, что оно было придумано съ цѣлью отступить безъ потерь и, оправаясь отъ паники, собраться у Адрианополя, гдѣ и дать намъ отпоръ, который, подобно Плевнѣ, могъ бы затянуть кампанію на нѣсколько мѣсяцевъ. Не безъинтересно и то, что этимъ обманомъ и безчестнымъ поступкомъ турецкаго правительства не только не возмущалась европейская пресса, но даже умолчала о немъ.

Въ ночь на 7-е января былъ наконецъ полученъ отвѣтъ на мою

записку генералу Гурко, съ предложеніемъ содѣйствія. Начальникъ его штаба писалъ: „Его Высокопревосходительство послалъ сегодня утромъ къ вамъ ординарца съ предложеніемъ перейти Марицу и стать у деревни Ахланъ, гдѣ и составить общій резервъ войскъ, оперирующихъ противъ арміи Фуад-паши, при которой находится, какъ кажется, самъ Сулейманъ. Въ настоящее время бой идетъ на Станимакской дорогѣ. Турки пробиваютъ себѣ отрѣзанный имъ путь отступления“.

Хотя на этомъ отвѣтѣ и не было обозначено числа его отправленія, но, судя по его содержанію, онъ писанъ 5-го числа, а полученъ мною только черезъ два дня. Разслѣдовать причину подобнаго промедленія, а равно и то, почему никакого предложенія я не получилъ, было некогда, такъ какъ всѣ мои мысли были заняты заботою объ устройствѣ переправы. Сопоставляя же факты оказывается, что моя кавалерія съ Скобелевымъ 1-мъ и Сухомлиновымъ была въ Филиппополѣ 4 числа въ полдень, и отъ нихъ легко могли узнать, что и пѣхота моя всего въ полупереходѣ. Если же, вмѣсто того, чтобы послать ко мнѣ ординарца 4-го же числа, послали его на другой день, то, конечно, онъ не могъ найти меня на шоссе, потому что, согласно повелѣнію Главнокомандующаго, отрядъ мой въ это время шелъ уже къ Чирпану.

Въ продолженіи двухдневнаго въ немъ пребыванія продовольствіе отряда не представляло никакихъ затрудненій, такъ какъ предсѣдатель городского совѣта обнаружилъ въ этомъ отношеніи особенную энергію. При самомъ вступленіи въ городъ онъ заявилъ, что у него уже заготовлено 350 пудъ печенаго хлѣба и сколько угодно галетъ находится въ турецкомъ складѣ. Взять ихъ болѣе какъ на 5 дней впередъ, безъ отягощенія людей, было невозможно. Чтобы оставшіеся затѣмъ припасы не погибли, я оставилъ въ Чирпанѣ офицера съ небольшою командою, а для караула у патроновъ—фейерверкера съ 6-ю рядовыми, о чемъ донесъ полковому штабу. Впослѣдствіи оказалось, что эти команды ни къ кому не были замѣнены; пробывъ же въ караулѣ три недѣли, онѣ издержали оставленныя имъ порціонныя деньги, почему и должны были, на свой страхъ, возвратиться къ своимъ частямъ. Что случилось съ запасами и милліонами патроновъ—неизвѣстно.

Въ то время, когда я уже садился на лошадь, чтобы ѣхать къ избранному, въ 12 верстахъ отъ Чирпана, мѣсту переправы, получено было распоряженіе Главнокомандующаго о томъ, что Траянскій отрядъ поступаетъ въ составъ Западнаго, подъ начальство генералъ-адъютанта Гурко. Но такъ какъ до 12 января я не получалъ отъ него никакихъ указаній, то самостоятельное существованіе Траянскаго отряда слѣдуетъ считать до дня дѣйствительнаго соединенія его съ Западнымъ. Поэтому, какъ предстоявшая переправа черезъ Марицу, такъ и слѣдовавшая за нею въ теченіе 4-хъ дней распоряженія, исходили непосредственно отъ меня.

Подполковникъ Сосновскій, съ саперною ротою и 10-мъ стрѣлковымъ баталіономъ, въ полдень 6-го января, прибылъ къ деревнѣ Йогорчу, лежащей въ полуверстѣ отъ мѣста избраннаго для устройства переправы. Состояніе Марицы, разлившейся на 110 сажень и почти сплошь покрытой льдомъ, съ перваго взгляда указывало на всю трудность предстоявшей работы, тѣмъ болѣе, что быстрота теченія достигала 6-ти футовъ въ секунду, а залитое пространство, по словамъ жителей, было покрыто яминами и рытвинами; поэтому пустить пѣхоту въ бродъ я считалъ невозможнымъ. Видимые на рѣкѣ слѣды, происходившей на томъ же мѣстѣ переправы бѣжавшаго турецкаго населенія, ясно указывали то же самое. Русло ея было покрыто опрокинутыми возами и поломанными каруцами, которыя торчали изъ воды въ различныхъ положеніяхъ. Тутъ же высывались, гдѣ рога, гдѣ ноги попавшихъ въ ямины буйволовъ. На одной изъ затертыхъ льдомъ повозокъ видна была замерзшая съ дѣтьми женщина и нѣсколько труповъ людей и животныхъ лежали выброшенными на отмели берега, загроможденнаго покинутыми повозками. Ими-то и воспользовались саперы и стрѣлки—плотники, какъ подмостками, для устройства мостковъ. Саперы, съ полнымъ самоотверженіемъ шли по грудь въ воду, устанавливали въ линію каруцы и телѣги и вбивали колья для козелъ тамъ, гдѣ глубина превышала высоту повозокъ. Все это дѣлалось охотно, безропотно, при морозѣ въ 6 градусовъ и продолжалось весь день и всю ночь. Только благодаря безпримѣрному усердію, распорядительности и личному примѣру командира саперной роты Попкова съ его офи-

церами, удалось пребороть препятствія, казавшіяся непреодолимыми. Въ то же время, сажень на 100 ниже, по указанію болгаръ, былъ отысканъ плохой паромъ, который быстро былъ исправленъ и примѣненъ для переправы орудій. Къ вечеру 7-го числа уже была выдвинута черезъ рѣку линія повозокъ до противоположнаго берега, а въ теченіе ночи, при свѣтѣ костровъ, принялись за укладку лежней и настилки. Для этого было разобрано нѣсколько крайнихъ домовъ деревни. Полученный изъ нихъ матеріалъ какъ-то: полы, двери, полки, закромы,—солдаты и казаки переносили къ переправѣ, а саперы прибавляли деревянными гвоздями и привязывали лозовыми прутьями къ импровизированнымъ устоямъ. По полученіи отъ Сосновскаго донесенія, что къ разсвѣту устройство мостковъ будетъ окончено, я отдалъ приказаніе: Новоингерманландскому полку выступить къ переправѣ съ такимъ расчетомъ, чтобы подойти къ ней до 7-ми часовъ утра, а Староингерманландскому—до 10-ти.

Окончивъ въ теченіе ночи послѣднія распоряженія по охраненію складовъ, 8-го января на разсвѣтѣ, вмѣстѣ съ чинами штаба, я выѣхалъ изъ Чирпана на мѣсто переправы. Утро стояло морозное, съ порывистымъ вѣтромъ; обгоняемая мною войска шли быстро и весело. Этому не мало способствовало то, что по невозможности переправить воловій обозъ, пришлось бросить его; патроны были переложены на вьюки, порціонный скотъ каждая часть гнала за своею колоною, а турецкіе галеты были выданы на 3 дня людямъ на руки. Что ожидало войска послѣ трехъ дней—это теперь уже не очень озабочивало меня, до того мы привыкли рассчитывать не на свое, а на турецкое интендантство, точно нарочно заготовлявшее для насъ всякаго рода запасы всюду, куда только мы ни приходили. Надо думать, что ни одна война въ будущемъ не представитъ такого примѣра, такой, хотя неумышленной, заботливости о продовольствіи непріятеля. Представляю вниманію читателей такой фактъ: со дня выступленія изъ Ловчи, т. е. съ 23-го декабря, по день вступленія 17-го февраля въ Родосто, уже на берегу Мраморнаго моря, мой отрядъ не видалъ ни одного интенданта, ни одного агента товарищества Горвицъ, Коганъ и комп. и не получалъ ни одного указанія или распоряженія

о томъ, откуда получать сухари, какъ и чѣмъ продовольствовать людей.

Когда мы подъѣзжали къ переправѣ, половина стрѣлкового баталіона была уже на той сторонѣ; Новоингерманландскій полкъ на привалѣ, у берега рѣки, варилъ въ котелкахъ похлебку, а саперы обогрѣвались и сушили у костровъ; имъ и казакамъ раздавали водку. Сойдя съ коня, я принялъ непосредственно на себя всѣ распоряженія по ходу переправы. Каждый баталіонъ долженъ былъ отдыхать до тѣхъ поръ, покуда я не пришлю за нимъ. Роты подходили къ спуску черезъ $\frac{1}{4}$ часа одна за другою; люди вступали на зыбіе мостки по-одиночкѣ и шли по нимъ шаговъ на пять одинъ отъ другаго. Десять бывшихъ при отрядѣ орудій къ полудню подошли къ парому; переправа каждого съ передкомъ занимала $\frac{3}{4}$ часа, и почти столько же времени требовалось на обратный путь парома. Передъ закатомъ солнца вѣтеръ сталъ до того порывистъ, что пришлось прекратить перевозъ артиллеріи, а ночью паромъ сорвало съ причала и унесло версты на двѣ, между тѣмъ четыре орудія оставались еще не переправленными.

Такъ какъ казачьихъ и артиллерійскихъ лошадей нельзя было пустить по мосткамъ, а паромъ не подымалъ болѣе шести, то я рѣшилъ направить ихъ въ бродъ, для отысканія котораго вызвалъ охотниковъ. Первымъ вызвался молодой казакъ; не успѣлъ онъ отойти 20-ти сажень отъ берега, какъ вдругъ лошадь его точно нырнула вмѣстѣ съ всадникомъ, а большая льдина наплыла на то мѣсто, гдѣ они погрузились.

Невольный крикъ вырвался у всѣхъ, слѣдившихъ за смѣльчакомъ съ нашего берега, но черезъ нѣсколько секундъ что-то черное, барахтающееся въ брызгахъ, показалось изъ подъ сломавшейся льдины; это конь казака выбрался изъ глубокой подводной рывтины на отмель и остановился. Почти въ то же мгновеніе всплылъ и его сѣдокъ. Почувствовавъ подъ собою дно, онъ сталъ на ноги, перекрестился, вскочилъ въ сѣдло; какъ ни въ чемъ не бывало, хлестнулъ коня нагайкою и благополучно, то ходомъ, то вѣлавъ, достигъ противоположнаго берега, откуда тѣмъ же путемъ, но ужъ безъ приключеній, возвратился на нашу сторону. Всѣ роты бывшіе у переправы, сбѣжались смотреть на удачу казака, встрѣтили его криками

и рукоплесканіями, а я приказалъ скорѣе раздѣть его, вытереть водкой, напоить горячимъ чаемъ, завернуть въ полушубокъ и бурку, и уложить возлѣ костра, гдѣ онъ почти моментально заснулъ богатырскимъ сномъ.

Около двухъ часовъ дня, напоромъ льда обрушило часть мостковъ у противоположнаго берега, но къ счастью на мелкомъ мѣстѣ, такъ что нѣсколько человѣкъ только выкупались. За стрѣлками переходили рѣку сводные баталіоны второй бригады, а затѣмъ, лишь въ сумерки, дошла очередь до Новоингерманландцевъ. Переправа въ бродъ артиллерійскихъ лошадей и казаковъ, во главѣ которыхъ пошелъ ихъ полковой командиръ, полковникъ Кузнецовъ, совершилось благополучно. Я переправился уже подъ вечеръ и, чтобы выждать окончанія перехода Новоингерманландскаго полка, остановился на желѣзнодорожной станціи Лени-Михалесы, въ полуверстѣ отъ рѣки и въ 5 верстахъ отъ деревни того же имени, гдѣ назначилъ сборъ и ночлегъ всего отряда. Въ станціонномъ домѣ мы застали еще трехъ служащихъ: начальника станціи—швейцарца, телеграфиста изъ грековъ и нѣмецкаго инженера. Разсываясь въ увѣреніяхъ, что рады нашему приходу, они предлагали намъ свои квартиры и покуда мы пили чай, другъ передъ другомъ пускались рассказывать о перенесенномъ ими страхѣ, отъ нашествія на станцію бѣжавшаго населенія. По ихъ словамъ, съ 30-го декабря всѣ поѣзда, подвозившіе войска къ Филиппополю, захватывались эмигрантами силою. Не только вагоны и платформы набивались биткомъ, но женщины и дѣти лѣзли на крыши, цѣплялись за подножки, хватались за буфера. Только-что отходилъ одинъ поѣздъ, какъ налетала новая толпа бѣглецовъ, съ кинжалами и ятаганами требовала вагоновъ, а ихъ не было. Хотя правленіе дороги и предписывало, чтобы всѣ служащіе оставались на мѣстахъ, но большая часть ихъ ушла въ города, занятые нашими войсками. Принявшіе насъ умоляли меня оставить на станціи хотя роту, для охраны ихъ отъ набѣга башибузуковъ. Швейцарецъ рассказывалъ, что еще до боя подъ Филиппополемъ, Сулейманъ велѣлъ туркамъ уходить въ Азію, и все жечь и уничтожать, что сообщеніе съ Андрианополемъ прервано, и что у Трѣова появились сильныя русскіе отряды.

Между тѣмъ, посланные къ рѣкѣ узнавать о ходѣ пере-

правы ординарцы привозили на станцію все менѣе и менѣе утѣшительныя извѣстія. Вслѣдствіе усилившихся порывовъ вѣтра, въ 8-мъ часу, мостки снова обломились, но и тутъ саперы выручили пѣхоту: въ полтора часа все было исправлено, и переходъ продолжался. Узнавъ объ этомъ, я оставилъ на станціи переправившіяся роты Новоингерманладцевъ, самъ же съ сводными баталіонами перешелъ въ деревню, на шоссе, гдѣ посланный впередъ съ казаками адъютантъ отвелъ для штаба опустѣлый домъ, проходя къ которому по большому двору, приходилось наткаться на какія-то занесенныя снѣгомъ кучи,—то были убитые и замерзшіе...

— Мерзѣйшій ночлегъ, ваше превосходительство, сказалъ встрѣтившій меня адъютантъ, — да выбрать не изъ чего; все разрушено и повсюду масса всякихъ труповъ.

Ежеминутно опасаясь за участь переправы, въ 12-мъ часу ночи, я послалъ къ ней Крестовскаго, еще разъ взглянуть, что тамъ дѣлается и узнать, начали ли переходить Староингерманландцы, а также—какія приняты мѣры для подвода снесеннаго внизъ парома. Возвратясь далеко за полночь, Крестовскій доложилъ, что переправа, при поднявшейся бурѣ, крайне затруднительна: людей чуть не срываетъ съ мостковъ, снѣгъ бьетъ имъ прямо въ лицо, залѣпляя глаза, холодъ проникаетъ до костей, доски обледенѣли такъ, что двигаться можно только съ крайнею осторожностью, и что, вслѣдствіе этого, дай Богъ, чтобы послѣдній баталіонъ могъ перейти къ разсвѣту, а о полкѣ графа Татищева ранѣе завтрашняго дня и думать нечего. Вотъ въ какихъ словахъ передаетъ Крестовскій, въ своихъ запискахъ, ночную картину переправы: „представьте себѣ, при завываніи вѣтра въ лѣсу противоположнаго берега, освѣщеннаго кострами и міриадами крутящихся въ воздухѣ искръ и огненныхъ языковъ,—шумъ волнъ, трескъ льдинъ, напирających на мостки и ихъ скрипъ подъ ногами солдатъ, которые, закутавъ головы въ башлыки, съ ружьями на перевѣсѣ, осторожно подвигаются по обледенѣлымъ мосткамъ, въ то время какъ вѣтеръ неистовыми порывами рветъ полы шинелей, а въ воздухѣ крутятся тучи снѣжной мятели“.

Войдя въ отведенную мнѣ хату, я какъ убитый уснулъ на покрытой ковромъ кучѣ, добытаго казаками сѣна. Несмотря

на впечатлѣнія этого памятнаго дня и озабочивавшія меня мысли, усталость взяла свое.

Заканчивая этимъ свой рассказъ о дѣйствіяхъ, бывшаго подъ моимъ начальствомъ Траянскаго отряда, подведу итоги достигнутыхъ имъ результатовъ, состоявшихъ:

1) Въ привлеченіи на себя отъ Шипки и Филиппополя 6-ти непріятельскихъ таборовъ и полное ихъ разбитіе, со взятіемъ непріступнаго укрѣпленія, двухъ знаменъ, орудія, транспорта и плѣнныхъ.

2) Въ распространеніи паники по всей долинѣ Гіонса и очищеніи турецкими войсками двухъ сильно укрѣпленныхъ ущелій у Калофера и Клыссуры, откуда турки ушли, когда еще не состоялось паденіе Шипки.

3) Захватъ въ пользу войскъ громаднаго количества скота и всякаго рода запасовъ, что дало возможность продовольствовать отрядъ безъ расходовъ для казны.

4) Обезпеченіе съ запада праваго фланга войскъ, спускавшихся въ долину Тунджи.

5) Такое же обезпеченіе лѣваго фланга и затѣмъ тыла западнаго отряда, чего бы не случилось, еслибы турки не были сбиты съ Траянова перевала.

Полагаю, что этихъ результатовъ достаточно для заключенія, что войска, составлявшія Траянскій отрядъ, свято исполняли свой долгъ, и что обвинять ихъ въ медленности движеній нельзя.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

1878.

По пути смерти.—Два дня въ Хаскіюѣ.—На мѣстѣ избіенія.—Представленіе новому начальнику.—Стрѣлки на переходѣ.—Вступленіе въ Адріанополь.—Въ кругу лицъ главной квартиры.—Тревога отъ пожара.—Выступленіе.—Соломоновъ судъ на походѣ.—Вступленіе въ Демотику.—Архимандритъ Герасимъ.—Занятіе Дадеагача и Еноса.—Мостъ у Кулель.—Священникъ-фанатикъ.—Адресы грековъ.—Хозяйственные затрудненія.

Съ 8-го января 1878 года, ввѣренная мнѣ 3-я пѣхотная дивизія уже дѣйствовала по указаніямъ генералъ-адъютанта Гурко, но при ней еще состояли постороннія части, оставленныя подѣ моею командою¹⁾.

9-го января, первые лучи яснаго зимняго утра, прежде всего освѣтили намъ страшную картину, прикрытую наканунѣ метелью и ночнымъ мракомъ: на дворѣ, на улицѣ, внутри полу-сгорѣвшихъ домовъ, повсюду валялись людскіе трупы. Чтобы избавиться отъ подобнаго зрѣлища и скорѣе вывести войска изъ этой юдоли смерти, я приказалъ выступать, не ожидая окончанія переправы послѣдняго полка. По выходѣ изъ селенія представилось зрѣлище еще ужаснѣе того, отъ котораго мы уходили. На пространствѣ 30-верстнаго перехода до Хоскіюя, по обѣимъ сторонамъ дороги, мы видѣли на каждаго пяти верстахъ, цѣлыя площади, покрытыя разбитыми транспор-

¹⁾ Для ясности послѣдующаго разсказа переименуемъ ихъ. Кромѣ своихъ Старо и Новоингерманландскаго полковъ и двухъ сводныхъ баталіоновъ 2-ой бригады, при дивизіи находились: 10-ый стрѣлковый баталіонъ, рота 6-го сапернаго баталіона, Екатеринославскій драгунскій полкъ и часть 24-го казачьяго полка; изъ артиллеріи-же: 2 орудія своей, четыре 31-ой артиллерійской бригады, и 2 конныя орудія. Всѣ эти части, по переходѣ Марицы, съ 8-го на 9-е января ночевали на шоссе изъ Филиппополя въ Адріанополь въ деревнѣ Усне-Махалеси.

тами бѣжавшаго населенія. Между поломанными повозками и разметаннымъ по полю домашнимъ хламомъ, въ самыхъ ужасныхъ позахъ, лежали убитые и замерзающіе. Во многихъ мѣстахъ, между трупами шевелились въ агоніи еще живыя существа, покрытыя рубищами. Это были семьи бѣжавшихъ, дряхлые отцы и матери, жены и дѣти, истерзанные и коченѣющіе. Никакое перо не въ силахъ описать того впечатлѣнія, какое мы испытывали, видя предсмертныя судороги несчастныхъ. Ни поле битвы, ни перевязочные пункты подѣ Плевной, ничто не могло равняться съ тѣмъ, что теперь испытывали наши нервы. Нельзя было взглянуть въ сторону, чтобы не содрагаться отъ ужаса. Тамъ женщина, у отмороженныхъ и уже почернѣвшихъ ногъ которой лежатъ два трупа малютокъ, прижимаетъ къ груди двухъ другихъ, еще не замерзшихъ. Здѣсь старуха устремила тупой, безсмысленный взоръ на раскрытую рану въ груди убитаго старика? Полагаясь на твердую поступь моего коня, большую часть этого перехода, я ѣхалъ закрывъ глаза; но вотъ конь спотыкается, невольно взглядываешь внизъ и видишь голаго, посинѣвшаго, примерзшаго спинкою къ шоссе ребенка, съ поднятыми вверхъ рученками! И это на каждомъ шагу, и чѣмъ далѣе, тѣмъ ужаснѣе, тѣмъ раздирательнѣе. Въ находившейся на половинѣ перехода деревнѣ нельзя было выбрать мѣста для привала, гдѣ-бы не было убитыхъ болгаръ, или замерзшихъ турокъ. Пришлось полтора часа оставаться въ полѣ, на холодномъ вѣтрѣ со снѣгомъ.

Можно вполне согласиться съ мнѣніемъ, что видѣнное нами напоминаетъ мученичество первыхъ вѣковъ христіанства. Турецкое населеніе, пораженное паникой, бѣжитъ цѣлыми ордами и караванами, само не зная куда, нападаетъ на встрѣчающееся болгарское; они рѣжутъ, душатъ другъ друга; при одномъ слухѣ о приближеніи русскихъ, турки бросаютъ дома и имущество, сыновья—дряхлыхъ отцовъ, матери полуживыхъ дѣтей, которыхъ подбирали и многихъ спасали отъ смерти наши солдаты.

Такъ, не доходя Хоскіюя, Новоингерманландскій полкъ подобралъ шестерыхъ и донесъ ихъ до ближайшей деревни. Сознывая, что далѣе идти съ подобной ношей невозможно и что при первомъ нарядѣ на аванпосты, или на другую службу

все-таки придется бросить дѣтей, быть можетъ въ полѣ, солдаты внесли ихъ въ хату, посадили возлѣ разведеннаго въ очагѣ огня, отогрѣли, накормили размоченными галетами, и тамъ оставили. Нѣкоторые изъ малютокъ, рассказывали офицеры, тотчасъ уснули, другіе нисколько не дичились тѣхъ, кого отцы ихъ считали безжалостными гяурами. Что сдѣлалось съ этими крошками? Спасло-ли ихъ сѣрдоболіе русскаго солдата, или только отсрочило ихъ мученическую кончину?

Потомъ намъ довелось видѣть, на лафетѣ орудія одной изъ гвардейскихъ батарей, дѣвочку лѣтъ пяти, закутанную въ попону. Возлѣ идущій солдатикъ бережно придерживалъ ее.

— Гдѣ Богъ послалъ? спрашиваютъ его.

— Намедни на шаше подобрали. Турецкая она... замерзала совсѣмъ, а теперь отошла.

— Куда-же вы ее дѣнете?

— Батарейная дочка будетъ,—отвѣчалъ артиллеристъ, въ Питерѣ въ пріютъ отдадимъ.

Уже подъ вечеръ я привелъ дивизію въ Хаскіюй, гдѣ напелъ Гродненскій и Уланскій Его Величества гвардейскіе полки. Городъ, раскинутый по холмамъ, между которыми извивалось нѣсколько ручьевъ, представлялъ полнѣйшій хаосъ, со всѣми слѣдами только что кончившейся междоусобицы. Турецкіе трупы еще валялись по улицамъ, болгарскіе сносили въ церкви, для отпѣваній. Даже и при насъ еще раздавались изъ-за угловъ и садовъ выстрѣлы. Это заставило меня, какъ старшаго въ городѣ, немедленно образовать городское управленіе и мѣстную полицію, которымъ было объявлено, что если послѣдуетъ хоть одинъ выстрѣлъ, то у всѣхъ жителей будетъ тотчасъ-же отобрано оружіе и съ виновными поступлено по всей строгости военнаго времени. Двое сутокъ дивизія оставалась въ Хаскіюй. Они были для меня не отдыхомъ, а рядомъ постоянныхъ разборовъ, жалобъ христіанъ на турокъ и обратно. Послѣдніе, впрочемъ, чаще жаловались на башибузуковъ и бѣглыхъ солдатъ своей арміи, наводнившихъ окрестныя деревни; греки же и болгары, ободренные приходомъ нашихъ войскъ, заявляли претензіи не только на настоящее, но и на давно прошедшее. Кто правъ и кто виноватъ разобрать было трудно. Между тѣмъ мнѣ необходимо

было воспользоваться двухдневною остановкою, чтобы розыскать гдѣ-нибудь въ окрестностяхъ турецкіе запасы, для снабженія полковъ хлѣбомъ, такъ какъ взятое изъ Чирпана уже выходило. Оказалось, что и здѣсь турки позаботились, чтобы мы не голодали. Въ 12 верстахъ, на желѣзнодорожной станціи Кечерли, отысканъ былъ складъ турецкихъ запасовъ. Немедленно собрано и нанято было до 20 подводъ, которыя привезли 300 пудъ отличныхъ галетъ. Они могли быть розданы только частямъ, стоявшимъ въ городѣ, но меня очень озабочивало, найдутъ-ли что-либо баталіоны, стоявшіе по деревнямъ. Зная, что имъ придется идти отдѣльно отъ штаба, и по боковымъ дорогамъ на Адрианоуполь, я отдалъ слѣдующій приказъ по дивизіи: „Съ удаленіемъ нѣкоторыхъ частей отъ дивизіоннаго штаба, снабженіе ихъ хлѣбомъ съ каждымъ днемъ дѣлается труднѣе. Конфискуемые въ городахъ и по желѣзной дорогѣ турецкіе запасы, хотя и помогаютъ дѣлу, но при движеніи эшелоновъ разными путями, доставка къ нимъ галетъ, при неимѣніи обоза, невозможна. Поэтому предписываю: эшелоннымъ начальникамъ, по приходѣ въ селеніе галеты, зерно и муку, принадлежащую турецкому правительству и эмигрировавшимъ жителямъ, конфисковать; если-же таковыхъ не окажется, то покупать у болгаръ. Каждой части гораздо легче найти средство для продовольствія небольшого числа людей, нежели штабу дивизіи обезпечивать имъ девяти-тысячный отрядъ“.

11-го января, съ двухъ сторонъ получены были два важныя извѣстія: съ востока, — что Скобелевъ 2-й, съ полками первой кавалерійской дивизіи, вступилъ въ Адрианоуполь, а съ запада, — что генералъ Гурко идетъ съ гвардіею отъ Филиппополя и предписываетъ мнѣ продолжать движеніе черезъ Германлы къ Адрианоуполю.

Оставленіе турками безъ боя второй своей столицы, проукрѣпленіе которой столько было говорено и писано, а съ другой стороны слухи, что въ Главную квартиру прибыли уполномоченные для заключенія перемирія, давали надежду на скорое окончаніе войны. Какъ-то и радостно и досадно становилось при этой мысли. Радостно—когда думалось, что наступаетъ конецъ всѣмъ лишеніямъ и близко возвращеніе въ Россію, и досадно,—что придется остановиться, не доходя до

Константинополя, когда тутъ-то бы и гнать турокъ въ Азію. Но при этомъ невольно приходило на мысль: гдѣ сухари, гдѣ патроны? Съ нами было только то, что помѣщалось въ мѣшкѣ и сумкѣ солдата, — все остальное находилось еще за Балканами.

Вечеромъ 11-го января пришла въ Хаской 1-я гвардейская бригада, но мы не успѣли свидѣться съ Преображенцами и Семеновцами, потому что съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня выступили въ Германлы. Боковымъ моимъ колонамъ послана была диспозиція, по которой онѣ должны были идти въ томъ же направленіи, а 13-го выйти на Адрианопольское шоссе, по которому слѣдовать до Мустафы, куда въ тотъ же день придетъ и штабъ дивизіи.

Дальнѣйшее движеніе, отъ Хаской до Германлы, происходило при той же, если еще не при болѣе ужасной обстановкѣ. 20 верстъ мы шли, имѣя, по сторонамъ шоссе, картины ужасовъ и разоренія, которыя отвратительнымъ и раздирающимъ душу видомъ превосходили все, доселѣ испытанное въ этомъ родѣ. Здѣсь они шли безъ перерывовъ, представляя сплошное зрѣлище смерти, крови и слѣдовъ самыхъ безчеловѣчныхъ истязаній. Масса домашняго скота бродила по побоищу, другой валялся мертвымъ въ ручьяхъ и канавахъ. Все описанное произошло отъ того, что здѣсь встрѣтился 20 тысячный транспортъ переселенцевъ съ партіями болгаръ, возвращающихся изъ Адрианополя, куда они были согнаны для работъ на укрѣпленіяхъ. Услыша завязавшуюся стрѣльбу, высланные изъ Германлы разъѣзды донесли объ этомъ, находившемуся въ то время въ этомъ городѣ, генералу Скобелеву 2-му.

Принявъ происшедшее столкновеніе за войска Сулеймана, отступавшія подъ напоромъ западнаго отряда, онъ приказалъ полковнику Панютину, съ Углицкимъ полкомъ, произвести усиленную рекогносцировку. Когда орудія открыли огонь съ фронта, переднія повозки быстро повернули назадъ, заднія же не знали о происходящемъ впереди, и началось страшное столкновеніе: корруци трещали, ломались, опрокидывались; толпы, бывшія впереди, бросились назадъ, на встрѣчу старавшимся протискаться впередъ, и тогда, среди ночной тьмы, началось общее междоусобное побоище.

Мы проходили это мѣсто спустя 5 дней послѣ совершившагося. Все, что было живое ушло, остались одни умиравшіе и замерзающіе и, Боже! какихъ, какихъ только сценъ ужаса мы не видѣли!

Страшно было подумать, что могло произойти отъ разложженія той массы труповъ людей и животныхъ, которая лежала по сторонамъ шоссе, если не будутъ приняты самыя скорыя и энергическія мѣры для ихъ уничтоженія.

Германлы, городокъ лежащій при желѣзной дорогѣ, при нашемъ вступленіи утопалъ въ грязи. Въ немъ оставались не разрушенными только дома болгаръ, все же турецкое было разорено и разграблено. Къ вечеру въ него вступила 1-ая гвардейская бригада, а вслѣдъ за нею прибылъ генералъ Гурко съ своимъ штабомъ. Я поспѣшилъ представиться ему. Это было первое наше свиданіе, такъ какъ до того мнѣ не доводилось даже видѣть его. Онъ встрѣтилъ меня вопросомъ:

— Какъ же это, генералъ, вы не хотѣли помочь мнѣ подѣ Филиппополемъ?

— Что я хотѣлъ сдѣлать это доказывается запискою, которую я спрашивалъ нужна ли моя помощь?

— Знаю; но хорошо, что Богъ помогъ мнѣ справиться. Въѣдъ противъ меня было до 80 таборовъ, при 100 орудіяхъ.

— Какъ вамъ извѣстно, отвѣчалъ я, мнѣ дано было положительное приказаніе, если Филиппополь занятъ нашими войсками, идти на Чирпанъ. Гвардія заняла его въ ночь на 4-е января, а на утро въ немъ была уже кавалерія моего отряда. Мнѣ было даже указано направить генерала Скобелева I къ Чирпану, но я не сдѣлалъ этого, а послалъ его къ вамъ. Какимъ же образомъ, зная, что Филиппополь уже занятъ нашими, могъ я нарушать приказаніе Великаго князя и не принять указаннаго имъ направленія?

— Все это такъ, но находясь въ 100 верстахъ отъ насъ, Великій князь, могъ не знать о томъ затрудненіи, въ которое могли быть поставлены войска, еслибы дѣло приняло другой оборотъ. Бываютъ случаи, когда надо дѣйствовать вопреки приказаній.

— Во всякомъ случаѣ нельзя предполагать, чтобы я не желалъ помочь вамъ.

— Ну, объ этомъ говорить уже нечего. Выступайте завтра въ Адрианополь, гдѣ надѣюсь, мы послѣзавтра увидимся.

Сопоставляя начало этого разговора съ полученнымъ недѣлю назадъ замѣчаніемъ о медленности движенія, что уже опровергнуто мною въ предшествовавшей главѣ расчетомъ по днямъ, я внутренно задавалъ себѣ вопросъ: что то будетъ построено на этихъ данныхъ тѣми, кому хотѣлось умалить все сдѣланное Ловче-Сельвинскимъ и Траянскимъ моими отрядами?

Возвратясь въ квартиру, я отправилъ нарочныхъ въ боковыя колонны, съ приказаніями, чтобы онѣ на утро непременно вышли бы на шоссе. Меня сильно озабочивало то, перешли-ли сводные баталіоны и Новоингерманландскій полкъ въ окрестности Германлы, такъ какъ наступившая ростопель и сильные розливы ручьевъ и рѣчекъ, могли помѣшать этому и тогда они оставались бы въ горахъ, безъ возможности быть поддержанными. Долго ночью ждалъ я возвращенія посланныхъ. Одинъ изъ нихъ совсѣмъ не вернулся, а другой привезъ назадъ данную ему записку, говоря, что нигдѣ не могъ разыскать сводныхъ баталіоновъ.

Послѣ испытанныхъ въ теченіи послѣднихъ дней ощущений, переходъ до Мустафы, несмотря на его величину, казался отдыхомъ. День былъ теплый, совершенно весенній; окрестные холмы, сбросивъ снѣжный покровъ, зеленѣли осеннею, неуспѣвшею поблекнуть, травою. Пройдя версты 4 отъ ночлега, мы пересѣкли рельсы желѣзной дороги, по которой, на всѣхъ парахъ, летѣлъ къ намъ навстрѣчу обратный поѣздъ изъ Адрианополя, отвозившій туда 16-ю дивизію. Появленіе его оживило всѣхъ. Послышались разговоры въ рядахъ солдатъ.

— Вишь, братцы, и чугунокъ появилась; да и мѣста-то стали походить на наши.

— Да и то наши. Теперь это та-же Россія, потому что чугунокъ-то наши взяли, значитъ и земля это наша.

Вскорѣ я нагналъ 10-й стрѣлковый баталіонъ, вышедшій на шоссе проселками. Это успокоило меня насчетъ боковыхъ колонъ, особенно когда полковникъ Бородинъ передалъ, что графъ Комаровскій, ночевавшій вмѣстѣ съ нимъ, ведетъ свой

полкъ по тому же пути. Стрѣлки шли замѣчательно бойко. Обгоняя ихъ я спросилъ:

— На сколько дней у васъ ребята сухарей въ мѣшкахъ?

— Вчера послѣдніе догрызли,—отвѣчали они; а между тѣмъ шли лихо, съ пѣсенниками и плясунами передъ ротами. Немецъ молодецъ и отрядный видъ представлялъ и Староингерманладскій полкъ.

Далѣе, на всемъ переходѣ, я съ конвоемъ перегонялъ баталіоны Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. Вмѣстѣ съ послѣднимъ сдѣланъ былъ привалъ, во время котораго принцъ Ольденбургскій прислалъ мнѣ сказать, что по полученнымъ отъ болгаръ свѣдѣніямъ, въ деревнѣ за рѣкою, башибузуки грабятъ и убиваютъ жителей; но посланный мною туда разъѣздъ возвратился съ донесеніемъ, что въ деревнѣ никакихъ башибузуковъ не было. Къ подобнымъ фальшивымъ сообщеніямъ болгары прибѣгали довольно часто, рассчитывая получить или денежную награду, или посылку къ нимъ команды для охраны.

Верстахъ въ 5 отъ Мустафы, шоссе пересѣкало желѣзную дорогу, возлѣ самой станціи, у которой только что остановился поѣздъ. Онъ везъ генерала Гурко, со всѣмъ его штабомъ, конвоемъ и ротою Преображенцевъ. На локомотивѣ стояли наши инженеры. Всѣ имѣли какое-то радостное настроеніе.

Когда мы подходили къ Мустафѣ, передъ городомъ стоялъ громадный транспортъ съ переселенцами. Старики и женщины, закутанные въ лахмотья, дико посматривали на насъ; одни отворачивались, чтобы не видѣть гяура, другіе видимо изумлялись, что проходящія войска никого не трогаютъ. Я велѣлъ переводчику подзвать ко мнѣ трехъ стариковъ, сидѣвшихъ возлѣ ближайшей повозки. На мой вопросъ, куда они перѣзжаютъ? турки отвѣчали, что сами не знаютъ, но что имъ велѣно бросать жилища и бѣжать отъ русскихъ на югъ. Опасаясь скопленія въ городѣ бродячаго народа и столкновенія переселенцевъ съ оставшимися въ Мустафѣ болгарами, я посоветовалъ туркамъ возвратиться въ свои деревни, но оставилъ у транспорта казачій взводъ, съ приказаніемъ никого изъ нихъ не пропускать въ городъ.

Такъ какъ вслѣдъ за нами вступала въ Мустафу 1-я гвардейская бригада, то скопленіе войскъ было такъ велико, что

мнѣ заняли квартиру за рѣчкою, на окраинѣ города, въ усадьбѣ богатаго болгарина. Онъ намъ рассказывалъ, что надъ возведеніемъ Адрианопольскихъ укрѣпленій полгода работали, безвозмездно, тысячи болгаръ, силою сгоняемыхъ отъ Софіи и Филиппополя. Видя потомъ эти громадныя форты, вооруженныя круповскими орудіями большого калибра, казалось непонятнымъ, какимъ образомъ турки могли отдать Адрианополь безъ боя.

Въ виду предстоявшаго на слѣдующій день значительнаго перехода, не смотря на то, что Новоингерманландскій полкъ пришелъ на ночлегъ только послѣ полуночи, а о сводныхъ баталіонахъ не было и слуха, я назначилъ выступленіе въ 4 часа утра. Къ этому времени пройденная накануне въ бродъ рѣчка, къ утру разлилась до того, что сидя на высокомъ конѣ, пришлось класть ноги чуть не на шею лошади, а люди шли погружаясь въ воду выше пояса. Тронувшись за полтора часа до разсвѣта, въ 10 часовъ утра, колонна была остановлена для привала на горѣ, съ которой уже были видны минареты знаменитой Сулеймановской мечети и силуэты окружающихъ городъ укрѣпленій. Хотя мы и знали, что уже 4 дня какъ авангардъ арміи занялъ вторую столицу Турецкой Имперіи, такъ вотъ и казалось, что эти укрѣпленія брызнуть огнемъ. Чѣмъ ближе мы подходили, тѣмъ болѣе возбуждалось нетерпѣніе увидѣть первый большой, вполне турецкій городъ.

Гвардейскіе полки были остановлены въ двухъ верстахъ отъ города, съ воспрещеніемъ вступать въ него до приказанія. Я подобнаго распоряженія не получалъ и потому, не останавливаясь, ввелъ мои части въ сѣверное предмѣстье. Раскинутое по рукавамъ Тунджи, оно тонуло въ грязи и по своему неряществу ничѣмъ не отличалось отъ пройденныхъ нами мѣстечекъ Румыліи.

Насколько мрачными показались мнѣ узкія, хотя и убранныя коврами и флагами, улицы Адрианополя, настолько великолѣпна была отведенная мнѣ и моему штабу квартира. Мы ѣхали къ ней среди громаднаго стеченія народа. На главной улицѣ всѣ окна и балконы были открыты и наполнены зрителями; все болгарское и греческое населеніе ожидало вѣзда Великаго князя, прибывшаго въ 3 часа дня по желѣзной до-

рогѣ. Кромѣ красивыхъ гречанокъ и армянокъ, которыми были заняты переднія мѣста открытыхъ магазиновъ и лавокъ, коегдѣ, между народомъ, попадались закутанныя въ бѣлыя кисейныя чарды, въ зеленые и черные шерстяные бурнусы, турчанки. Занятая для насъ квартира состояла изъ большого двухэтажнаго дома, съ бельведеромъ, съ цѣльными зеркальными стеклами; паркетныя узорчатые полы, мраморныя лѣстницы, прекрасная мебель, плафоны лѣпной работы,—все это, послѣ полугодоваго скитанія, послѣ ночлеговъ въ разоренныхъ домахъ, часто безъ пола и иконъ, казалось чѣмъ-то необыкновеннымъ и невиданнымъ. Грекъ, арендовавшій этотъ домъ у богатаго бѣжавшаго турка, и семья его были предупредительны до крайности. Въ богатыхъ покояхъ размѣстились не только чины штаба, но и всѣ артиллерійскіе и конвойные офицеры.

По прибытіи въ Адрианополь первымъ дѣломъ было узнать, что предстоитъ дивизіи далѣе. Для этого, сряду послѣ вѣзда Великаго князя, я отправился въ конакъ (домъ генералъ-губернатора), гдѣ размѣстилась Главная квартира. Это большой каменный домъ, съ дворомъ, отдѣленнымъ отъ улицы рѣшеткою. Его казарменная наружность немногимъ была лучше внутренности. Громадныя сѣни, съ грязною лѣстницею, вели во второй этажъ, въ серединѣ котораго находилась обширная полутемная зала, или вѣрнѣе, широкій корридоръ, съ множествомъ дверей въ отдѣльныя комнаты, съ надписями тѣхъ присутствій, которыми онѣ были заняты, на примѣръ: касса, канцелярія, телеграфъ и т. д. Во внутреннихъ комнатахъ была видна претензія на убранство, но, начиная съ паркета и кончая полинялыми драпировками, все было грязно.

По случаю происходившаго у Великаго князя совѣщанія, я не могъ видѣть Его Высочество, но дожидался генерала Гурко, въ обществѣ нѣсколькихъ генераловъ и лицъ свиты, не бывшихъ на совѣщаніи, между которыми шелъ слѣдующій разговоръ:

— Вы не знаете, спрашивалъ одинъ, занялъ Струковъ Чарлу, или нѣтъ?

— Право, не знаю, отвѣчалъ другой; а вотъ лучше скажите, что слышно о перемиріи?

— Неужели его заключать! съ азартомъ спрашиваетъ собесѣдъ.

— Заключать или нѣтъ, не знаю, но слышалъ, что уполномоченныхъ завтра привозятъ сюда.

— Вотъ ужъ это напрасно, возразилъ третій, въ формѣ генеральнаго штаба. Намъ теперь не переговариваться слѣдуетъ, а идти впередъ и впередъ.

— Позвольте узнать, замѣтилъ одинъ изъ строевыхъ генераловъ, съ кѣмъ и съ чѣмъ идти?

— Вотъ странный вопросъ! Какъ съ кѣмъ, съ войсками.

— А вы знаете, сколько у этихъ войскъ сухарей и патроновъ; вы провѣрили въ какомъ комплектѣ полки и батареи; вы имѣете свѣдѣнія сколько у насъ заболѣвшихъ и отсталыхъ?

— Это рѣшительно все равно; намъ нужно какъ можно скорѣе войти въ Константинополь, хотя бы съ одними знаменными рядами.

— Для того, чтобы тамъ ихъ и оставить вмѣстѣ съ знаменами, продолжалъ генералъ. Нѣтъ, извините; дайте войскамъ вздохнуть, оправиться, дайте отсталымъ присоединиться къ полкамъ, подвезти патроны и снаряды. Для этого нужна недѣля, много двѣ; тогда никто насъ не остановитъ и мы вступимъ въ Константинополь не съ одними знаменными рядами. Съ ними одними далеко не уйдете.

— А на что-же у насъ кавалерія? началъ было спорящій.

— Вѣдь это вѣрно, прервалъ его кто-то. Я вчера обгоняю одинъ изъ гвардейскихъ полковъ и указывая на остановившуюся на пригоркѣ для привала колонну, спрашиваю знакомаго офицера, который это баталіонъ?

„Какъ баталіонъ, возразилъ онъ, тутъ весь полкъ“.

Въ это время генералъ Гурко вышелъ изъ залы гдѣ происходило совѣщаніе. Увидя меня онъ отошелъ въ сторону и тутъ же передалъ, чтобы я на другой же день выступалъ въ Демотику и занялъ бы желѣзнодорожный мостъ черезъ Марицу, у Кулелы-Бургаса (25 верстъ отъ Адрианополя къ югу). Я рѣшился просить его дать дивизіи дневку, такъ какъ сводные баталіоны еще не подошли, въ полкахъ нѣтъ ни одного сухаря и неизвѣстно найдемъ ли мы по пути тѣ же средства, которыя находили до сихъ поръ. Приведенные мною резоны склонили начальника отряда оставить дивизію, на 15-е января

въ Адрианополь и снабдить ее дня на три галетами изъ турецкихъ запасовъ. На слѣдующій день, рано утромъ, я послалъ подполковника Сосновскаго въ штабъ, узнать откуда и когда полки могутъ принять обѣщанное. Между тѣмъ возвратился разыскивавшій сводные баталіоны хорунжій Грошевъ; онъ доложилъ, что нашелъ маіора Федотова съ его баталіонами, пробиравшимися къ Мустафѣ горами праваго берега Марицы. За разливами горныхъ рѣчекъ баталіоны не могли выйти на шоссе у Германлы. Зная, что неизвѣстность о нихъ интересовала генерала Гурко, я поспѣшилъ доложить ему, что они найдены и къ вечеру будутъ въ Адрианополь, но не заставъ дома поѣхалъ въ Канакъ.

Когда я подымался по лѣстницѣ, Великій князь спускался съ нея. Это была первая наша встрѣча послѣ Траяна. Не останавливаясь, Его высочество протянулъ мнѣ руку съ словами: „Спасибо тебѣ за все“. Наверху я нашелъ генерала Гурко.

— Ну, генералъ, сказалъ онъ, извините, сухарей не оказалось. Турецкій складъ галетъ Скобелевъ роздалъ раньше нашего прихода болгарамъ.

— Какъ же быть, ваше высокопревосходительство? что мы сдѣлаемъ, если турки ничего не оставили въ Демотикѣ?

— Э! гдѣ люди, тамъ и хлѣбъ. Ужъ если пришли сюда, то пройдете и дальше.

Къ счастью грекъ, нашъ хозяинъ, отлично знавшій Демотику и ея окрестности, успокоилъ меня, увѣряя, что тамъ можно закупить хлѣба у грековъ и болгаръ сколько угодно, что край значительно заселенъ и сколько ему извѣстно, турецкія войска не касались его.

Остальное время дневки проведено было нами въ приведеніи себя въ нѣкоторый порядокъ. Каждый спѣшилъ воспользоваться адрианопольскими банями, купить кое-что изъ бѣлья и запастись съѣстнымъ. Казаки конвойной сотни разыскивали гдѣ-то два легенькихъ фургона и продали ихъ намъ, что было очень кстати, потому что спины въючныхъ лошадей штаба были до того сбиты, что дальнѣйшее движеніе на въюкахъ было бы крайне затруднительно. При предстоящемъ выступленіи никто изъ насъ не зналъ что будетъ дальше, куда движемся отъ Демотики, до которой было всего два перехода. Въ

Главной квартирѣ говорили только, что кавалерія далеко впереди и будто англичане уже ввели свой флотъ въ Дарданеллы.

Въ ночь передъ наступленіемъ мы были разбужены, сначала отдаленными, а потомъ все ближе и ближе слышавшимися, выстрѣлами. Изъ окна обращеннаго на одинъ изъ расположенныхъ по возвышенности фортѣвъ, среди ночнаго мрака, было видно, какъ огоньки вспыхивали сначала у этого форта, потомъ постепенно приближались, а затѣмъ стали показываться и въ предмѣстьи. Невольно промелькнула мысль о ночномъ нападеніи. Приказавъ сѣдлатъ, я сталъ поспѣшно одѣваться и велѣлъ скорѣе послать отъ конвойной сотни развѣдчиковъ. Во всемъ домѣ поднялась тревога: одинъ за другимъ выскакивали изъ своихъ комнатъ полуодѣтые адъютанты и ординарцы. Между тѣмъ нашъ хозяинъ побѣжалъ на вышку бельведера, откуда вскорѣ возвратился съ извѣстіемъ, что въ городѣ горятъ большія казармы и что у нихъ въ обычаѣ извѣщать жителей о пожарѣ стрѣльбою. Впослѣдствіи оказалось, что въ казармы только что вступила бригада второй гвардейской дивизіи и что причиною пожара было неосторожное разведеніе костровъ.

16-го января, въ 8 часовъ утра, подъ сильнымъ дождемъ, лившемъ вторые сутки, мы выступили изъ Адрианополя. Нигдѣ не оставалось и слѣда снѣга, а на еще болѣе разлившейся Марицѣ не было видно ни одной льдинки. 10-й стрѣлковый баталіонъ, находившійся при дивизіи съ самой Ловчи, накануне былъ взятъ отъ меня, но саперная рота оставлена. Недоходя до вокзала желѣзной дороги, насъ обогнали нѣсколько каретъ, довольно изящной и одинаковой отдѣлки. Окрашенные въ темно-вишневый цвѣтъ, онѣ вмѣсто герба имѣли на дверцахъ нарисованныя цвѣтуція розы. Сбруя, одежда кучеровъ и ливреи прислуги, все было одинаково и съ иголки. Это были загородные, придворные турецкіе экипажи, ѣхавшіе къ поезду, за пашами прибывшими для переговоровъ о перемиріи. Смотря на эти кареты думалось: гдѣ же то конечное раззореніе турціи, о которомъ такъ шумятъ и пишутъ уже многія годы? Тоже самое приходило на мысль и потомъ, когда я видѣлъ въ Санъ-Стефано залитыхъ въ золото гайдуковъ турецкихъ министровъ и повсемѣстное обращеніе турецкаго золота.

При поворотѣ съ шоссе, у дебаркадера, меня до того поразила чистота работы находившагося тамъ укрѣпленія, что

я остановился на нѣсколько минутъ, чтобы осмотрѣть его. Всѣ покатои и откосы, всѣ малѣйшіе детали представляли верхъ совершенства. У амбразуръ стояли совершенно новыя орудія большого калибра; ими-же было нагружено нѣсколько платформъ. Гласисъ форта можно было сравнить только съ газономъ самага чопорнаго англійскаго парка.

Лившій два дня дождь превратилъ всѣ поля и дороги въ болото. Даже на значительной возвышенности трудно было выбрать мѣсто для привала. Уже подъ вечеръ мы добрались до деревни Емюрли, гдѣ предстояло ночевать. Въ ней было всего 17 дворовъ, на половину грековъ и армянъ, на половину турокъ. Мнѣ съ адъютантами выбрали помѣщеніе у очень молодого и красиваго армянина, удобопонятно говорившаго по французки. Едва я успѣлъ войти въ комнату, какъ мнѣ доложили, что нѣсколько турокъ, собравшись во дворѣ, просятъ меня принять ихъ. Это были депутаты изъ окрестныхъ селеній, явившіеся съ жалобою, что христіане, пользуясь приходомъ русскихъ, отбиваютъ у нихъ табуны и стада. Сбѣжавшіеся греки и армяне оспаривали жалобу, заявляя, что лошади и скотъ принадлежатъ имъ, что турки его отняли, а потому они теперь только берутъ свое обратно. Адъютанту Байкову, не разъ производившему допросы плѣнныхъ, я поручилъ разобрать въ чемъ дѣло. Выйдя къ жаловавшимся вмѣстѣ съ хозяиномъ и моимъ переводчикомъ, Байковъ выбралъ одного изъ грековъ и отведя его въ сторону спросилъ: какъ турки отбивали у нихъ стада, въ разное время, или сразу?

— Налетѣли сразу и все ограбили.

— А когда это было, теперь, или давно, спрашиваетъ Байковъ.

— Давно; лѣтомъ ужъ годъ было.

— И съ тѣхъ поръ больше не грабили?

— Всегда грабили, каждый день; постоянно, до самага вашего прихода.

— Какъ-же ты только что сказалъ, что они все сразу ограбили?

Грекъ какъ будто замаялся, но тотчасъ поправился.

— Да, скотъ взяли сразу, а все другое грабили постоянно.

Прочіе показывали почти тоже самое, но сбивались во времени, говоря, будто турки стали забирать скотъ только двѣ

недѣли назадъ, узнавъ о приближеніи русскихъ, а до того жили съ христіанами дружно. Изъ этого было ясно, что стада принадлежатъ туркамъ. Когда Байковъ доложилъ о результатѣ допроса, я вышелъ къ спорящимъ и громогласно объявилъ, что признавая скотъ турецкимъ, приказываю возвратить его. Турки остолбенѣли отъ удивленія; греки принялись кричать, крестились, укоризненно качали головами.

— *C'est bon, mais ce n'est pas à la turque*, замѣтилъ стоявшій позади меня хозяинъ.

— Вы находите что я рѣшилъ неправильно, спросилъ я его.

— О, я не говорю этого; я только сказалъ, что не по турецки.

— Какъ-же, по вашему мнѣнію, на моемъ мѣстѣ рѣшили-бы турки?

— Очень просто: скотъ спорный; одни говорятъ нашъ, — и другіе говорятъ нашъ; ну, и конфисковать его, чтобы ни тѣмъ, ни другимъ не было обидно.

Утро 17-го января порадовало насъ яснымъ, совершенно весеннимъ днемъ. Возвратившіеся разъѣзды донесли, что нигдѣ нѣтъ и слуховъ о непріятелѣ. Дѣйствительно турки точно исчезли съ лица земли и трудно было понять куда разбрелась разбитая Сулеймановская армія. Мы шли уже совершенно спокойно, обыкновеннымъ походнымъ порядкомъ и къ полудню подходили къ Демотику, чрезвычайно красиво раскинутой по склонамъ горы, на скалистой вершинѣ которой красовались величественныя развалины древней Византійской крѣпости. Довольно чистый, уже оживившійся городокъ былъ занятъ баталіономъ 30-й дивизіи и дивизиономъ гвардейскихъ драгунъ. Первый на другой же день выступилъ на присоединеніе къ своему полку; драгуны же остались въ моемъ распоряженіи и вмѣстѣ съ прибывшимъ потомъ эскадрономъ конно-гренадеръ и 24-мъ казачьимъ полкомъ, составили импровизированный кавалерійскій авангардъ дивизіи.

Преимущественно греческое населеніе города встрѣтило насъ весьма сочувственно. Сряду по вступленіи, ко мнѣ явились члены уже образовавшагося городского управленія: греческій митрополитъ, его помощникъ архимандритъ Герасимъ, старшій мулла и городской докторъ. Изъ перваго съ ними объясненія оказалось, что городомъ приняты энергическія мѣры

къ снабженію войскъ всѣмъ необходимымъ, что турки оставили въ мѣстныхъ казармахъ нѣсколько сотъ пудовъ галетъ и запасы разныхъ продуктовъ, что по распоряженію городского совѣта конфисковано много скота, принадлежащаго эмигрировавшему населенію и что въ районѣ 50 верстъ отъ города находятся склады десятиннаго сбора турецкаго правительства.

Благодаря отцу Герасиму полки были немедленно и въ изобиліи снабжены фуражемъ, хлѣбомъ и мясомъ; подъ лазаретъ отвели прекрасное зданіе греческой семинаріи; всѣ офицеры размѣщены по удобнымъ и чистымъ квартирамъ.

На другой-же день по вступленіи въ Демотику, я назначилъ дивизіи церковный парадъ, у монастыря, расположеннаго на горѣ тѣсно заселеннаго греческаго квартала. Изъ ограды, на встрѣчу войскамъ вышелъ съ крестнымъ ходомъ митрополитъ, окруженный нѣсколькими монахами и священниками. Сказанное имъ по гречески привѣтствіе было тутъ-же передано мнѣ, самымъ чистымъ русскимъ языкомъ, архимандритомъ Герасимомъ. Оказалось, что большую часть своей молодости онъ провелъ въ Россіи, учился въ Кіевѣ, 10 лѣтъ служилъ дьякономъ греческаго подворья въ Москвѣ, а потомъ долго — священникомъ въ Тифлисѣ. Хотя собственный монастырь отца Герасима находился въ 40 верстахъ отъ Демотики, но онъ былъ вызванъ въ нее митрополитомъ, именно для пріема русскихъ.

Церковная служба въ православномъ храмѣ доставила всѣмъ намъ особенную отраду. Ее, по личной моей просьбѣ, архимандритъ совершалъ на славянскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ полковыми священниками и пѣвчими. Подобнаго служенія мы не слыхали болѣе полугода. Послѣ молебна я, съ чинами штаба, отдалъ визитъ митрополиту, который принялъ насъ по восточному: усадилъ на диваны, угощалъ кофеемъ, сластями и папиросами. Выйдя отъ него, мы долго не могли уйти съ монастырской террасы, до того восхитителенъ былъ видъ съ нея на долину Марицы, съ выющеюся по ея правому берегу желѣзною дорогою.

Архимандритъ Герасимъ очень часто навѣщалъ меня и много рассказывалъ о мѣстномъ краѣ. По его словамъ Демотика потому избѣгла раззоренія, что турки не впускали въ нее черкесовъ, которые, въ сущности, плохіе мусульмане. „Они фанатики, —

говорилъ Герасимъ, — только въ отношеніи грабежа, составляющаго ихъ символъ и вѣру, и въ ихъ глазахъ мечеть — не святыня“. За недѣлю до нашего вступленія всѣ власти и защиточные мусульмане покинули Демотику. Старшій мулла уговорилъ остальныхъ остаться и первый показалъ примѣръ подчиненія христіанской общинѣ города. Благодаря вліянію духовенства, ни болгары, ни греки не посягнули ни на одного турка.

— Да, роли перемѣнились, — говорилъ архимандритъ, — турки смирились, но чего имъ стоитъ, и что будетъ стоять намъ это смиреніе? Оно куплено цѣною униженія отоманскаго самолюбія и гордости передъ гяурами. Повѣрьте, что турки въ душѣ глубоко оскорблены этимъ и горе намъ, если они возвратятся сюда господами.

При отправленіи изъ Адрианополя, главною для меня цѣлью было указано исправленіе и охраненіе огромнаго желѣзнодорожнаго моста черезъ Марицу, у Кулелы — Бургаса, въ 12 верстахъ отъ Демотики, гдѣ отдѣляется вѣтвь желѣзной дороги къ Эгейскому морю, до новаго порта Дадеагача. Для исполненія этого я отправилъ полковника графа Комаровскаго съ его полкомъ, сначала въ Кулелы, а потомъ, по исправленіи мостоваго полотна, предписалъ ему оставить двѣ роты и саперъ на этомъ берегу, а съ остальными перейти на другую сторону рѣки, въ Узунъ-Кепри. Порча моста произошла отъ излишней ретивости корнета Миллера, посланнаго съ кавалерійскимъ развѣздомъ изъ Адрианополя, сряду по его занятіи.

Опасаясь появленія турокъ изъ за Марицы, Миллеръ распорядился взорвать мостъ, но къ счастью зарядъ динамита оказался слабымъ и испортилъ только нѣсколько шпалъ и рельсовъ. И безъ этой порчи желѣзно-дорожные мосты Турціи, не имѣя настилки и подшивки подъ шпалами, не позволяютъ проходить по нимъ иначе, какъ въ вагонахъ. Испорченная часть была поправлена въ одни сутки, но устройство мостковъ по сторонамъ пути, для пѣхоты и провода лошадей, потребовало недѣлю, потому что длина мостовъ, раздѣленныхъ островами, доходила до версты, а матеріаловъ въ Кулелахъ не было никакихъ. Потомъ наплась возможность купить ихъ въ Демотикѣ, но доставка досокъ за 12 верстъ, по неимѣніи подвижнаго состава, представляла значительныя затрудненія.

Независимо отъ распоряженій по исправленію мостовъ, необходимо было принять мѣры къ возможно большому освѣщенію мѣстности. Возвратившійся изъ поисковъ къ западу, эскадронъ конно-гренадеръ, доставилъ свѣденія, что въ пройденномъ имъ на 50 верстъ пространствѣ, все спокойно. Хотя такіе-же свѣдѣнія были получены и отъ занявшаго Ферре (30 верстъ южнѣе Демотики) полковника Лейбъ-драгунскаго полка Дубовскаго, но я счелъ необходимымъ предписать командиру 24-го казачьяго полка Кузнецову двинуться съ 3-мя сотнями къ Ферре, а оттуда, вмѣстѣ съ Дубовскимъ, идти къ Дадеагачу и буде окажется возможнымъ, взять его, такъ какъ по словамъ отца Герасима, тамъ находились большіе склады и туда-же могла собираться разбитая Сулеймановская армія, для посадки на суда.

Въ тотъ же день, вечеромъ, я получилъ отъ помощника начальника штаба западнаго отряда, полковника Сухотина, записку слѣдующаго содержанія: „Начальникъ отряда, генералъ-адъютантъ Гурко приказалъ: до особаго распоряженія никакимъ развѣздамъ и частямъ войскъ не переходить линіи Урша Шаркіой, въ направленіи къ Галипполи. Вмѣстѣ съ симъ присовокупляю: 1) есть слухи, что къ конечному пункту желѣзной дороги собираются остатки арміи Сулейманъ-паши. 2) Что начальникъ отряда ожидаетъ донесеній о томъ, какъ вы прибыли въ Демотику, что находится направо и налево отъ васъ и что впереди. 3) Что было-бы необходимо направить усиленную казачью развѣдку до моря, для собранія свѣдѣній о непріятелѣ“.

Изъ содержанія приведенной записки, читатели вѣроятно замѣтятъ, что втеченіи всей компаніи меня преслѣдовала какая-то странность, получать приказаніе дѣлать то, что уже сдѣлано и доносить о томъ, о чемъ уже донесено. Бывшее въ этомъ родѣ, при командованіи Траянскимъ отрядомъ, случилось и въ Демотикѣ. Тотъ, кто будетъ когда-либо разбирать дѣйствія моихъ отрядовъ только по документамъ штабовъ, придетъ къ заключенію, что я былъ чуждъ всякой инициативы и дѣлалъ только то, что мнѣ указывали. Въ сущности-же происходило обратное, то есть, указывали на то, что было уже предпринято и исполнено. Такъ происходило при движеніи отъ

Корнари и Карлова къ Филиппополю и Чирпану, такъ повторилось и теперь.

Отправка драгунскаго дивизиона и 3-хъ сотень къ морю оказалась вполне своевременною. 20-го января вечеромъ прибылъ въ Демотику, съ экстреннымъ поѣздомъ изъ 3-хъ вагоновъ, инженеръ Ивановъ, завѣдывавшій занятыми нами участками желѣзной дороги. Когда онъ заявилъ мнѣ, что намѣренъ по-пробовать проѣхать къ Дадегачу, куда турки свезли весь свой подвижной составъ, въ которомъ мы сильно нуждались, то я предложилъ ему взять съ собою роту стрѣлковъ. Въ то время когда она, на слѣдующее утро, тихо подѣзжала къ Дадегачу, по шоссе подходилъ къ нему-же Кузнецовъ и драгуны. Стрѣлки за версту вышли изъ вагоновъ и быстро заняли сараи и зданіе дебаркадера. Въ тотъ-же день вечеромъ Ивановъ телеграфировалъ мнѣ: „Мы взяли пять машинъ и 170 вагоновъ. Турки бѣжали отъ насъ на пароходы. Сію минуту посылаю поѣздъ въ Демотику. Прошу прислать баталіонъ. Здѣсь громадныя запасы“.

Въ прибывшихъ ночью вагонахъ, второй баталіонъ Старингерманландскаго полка отправился въ Дадегачъ и занялъ его. Въ это время турецкіе солдаты еще спѣшно отплывали въ лодкахъ на пароходы; комендантъ и всѣ служащіе дѣлали то-же самое. Такимъ образомъ Дадегачъ достался намъ безъ выстрѣла. Находившіеся въ немъ консулы подняли свои флаги, а австрійскій и англійскій даже попробовали протестовать противъ занятія нами порта, увѣряя, что уже заключено перемиріе. Полковникъ Кузнецовъ твердо заявилъ имъ, что дѣйствуетъ по приказанію своего начальства, что о перемиріи намъ неизвѣстно и что онъ никого не допуститъ вмѣшиваться въ свои распоряженія.

По полученіи донесенія о занятіи Дадегача, я писалъ Кузнецову, чтобы онъ собралъ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ по побережью Эгейскаго моря и о сообщеніи между Дадегачемъ и Эносомъ. Они отдѣлялись другъ отъ друга дельтою Марицы, въ 22 версты шириною. Оба эти города имѣли тогда для насъ особое значеніе: въ нихъ находились громадныя склады и множество купеческихъ конторъ. Оказалось, что единственнымъ средствомъ пробраться въ Эносъ было отправиться туда моремъ и за немѣніемъ парохода, на лодкѣ. На это

вызвались: старшина Тарасовъ, корнетъ Миллеръ и два казачьихъ офицера съ 20-ю казаками. Они застали Эносъ въ большой тревогѣ: Каймакамъ немедленно скрылся, купцы за-пирали конторы, телеграфисты спѣшили отправлять во всѣ концы депеши о прибытіи русскихъ; одни суда торопились уходить изъ порта, другіе—кончать нагрузку. Иностранные консулы, по преимуществу мѣстные торговцы изъ грековъ, не замедлили заявить, что все находящееся на судахъ и въ складахъ, ихъ собственность. Несмотря на это Тарасовъ успѣлъ переписать всѣ неотопедшія суда, объявилъ консуламъ и старшинамъ города, что они отвѣтятъ за всякое присвоеніе, или растрату турецкихъ правительственныхъ запасовъ и воспретилъ, впредь до распоряженія русскихъ властей, выпускъ кораблей изъ порта. Пробывъ часовъ 8 въ Эносѣ, наши возвратились въ Дадегачъ.

Изъ этого факта можно заключить въ какомъ состояніи находились турки въ описываемое время. Въ городѣ, имѣющій до 12 тысячъ жителей, являются 4 офицера съ 20 казаками, распоряжаются тамъ какъ дома, описываютъ что имъ нужно, отдають приказанія, которыя и исполняются.

Распоряженіе, чтобы наши разѣзды не переходили на Галипольскій полуостровъ указывало на скорое заключеніе перемирія и въ то-же время наводило на мысль, что вмѣшательство Англіи вѣроятно осуществилось. Между греками уже ходилъ слухъ о проходѣ англійскихъ броненосцевъ черезъ Дарданеллы. Между тѣмъ занять Галлиполи не представляло тогда ни малѣйшаго труда и турки сдали-бы его, со всѣми неприступными батареями, безъ выстрѣла, какъ сдали Адрианополь, потому что въ то время тамъ находилось не болѣе 10 тысячъ изнуреннаго и оборваннаго сброда, объятыхъ паникой и деморализованныхъ остатковъ Сулеймановской арміи, успѣвшихъ прибыть на судахъ изъ Гумарджина и Дадегача.

Великолѣпные ясные, почти весенніе дни дѣлали стоянку въ Демотикѣ пріятнымъ отдыхомъ. Послѣ перенесенныхъ тяжелыхъ трудовъ, послѣ лишеній, испытанныхъ на вершинахъ Балканъ, послѣ форсированныхъ маршей отъ Траяна до Эгейскаго моря, этотъ отдыхъ былъ крайне необходимъ. Но, ни мнѣ, ни лицамъ моего штаба, не приходилось пользоваться имъ вполне. Умиротвореніе окрестнаго ту-

речкаго населенія, устройство порядка въ занятомъ краѣ, охрана конфискованныхъ запасовъ, все это требовало не мало заботъ; но все-таки, между дѣломъ, удавалось предпринимать прогулки въ окрестности и особенно на гору, къ византийскимъ развалинамъ. Оттуда открывался дивный видъ, верстъ на 20 по долинѣ Марицы и на снѣжныя вершины Родопскихъ горъ. Въ одну изъ подобныхъ прогулокъ мы были удивлены услыша, хотя и отдаленные, но сильные залпы тяжелыхъ орудій. Потомъ оказалось, что въ этотъ день англичане ввели свои мониторы въ Дарданеллы и, ради заявленія объ этомъ, производили морскія эволюціи съ пальбою.

Между тѣмъ примѣненіе моста черезъ Марицу у Кулелъ, къ проходу войскъ, шло очень медленно. Доставка купленного въ Демотикѣ матеріала для настилки была главнымъ затрудненіемъ, такъ какъ подъемныя лошади полковъ оставались за Балканами, а получить платформы для перевозки досокъ по рельсамъ не было возможности. На всѣ мои депеши объ этомъ полевой штабъ отвѣчалъ, что подвижной составъ занятъ. Такимъ образомъ дивизія, взявъ сама 5 локомотивовъ и 170 вагоновъ, не могла получить хотя бы десятка ихъ.

Два раза я ѣздилъ въ Кулелы на дрезинѣ, для осмотра работъ и ихъ ускоренія и на всякій случай приказалъ искать возможности къ переправѣ войскъ гдѣ нибудь ниже Демотики. Всѣмъ начальникамъ кавалерійскихъ партій, посланныхъ къ югу, было предписано еще разъ тщательно рекогносцировать берега Марицы, но всѣ они доносили, что вслѣдствіе сильнаго разлива, до самаго устья переправы нигдѣ устроить невозможно. Тогда я запросилъ полковника Дубовскаго, находившагося съ гвардейскими драгунами въ Дадеагачѣ, нельзя-ли перевести войска въ Энось, что, въ случаѣ приказанія занять этотъ городъ, избавило-бы ихъ отъ кружнаго пути верстъ въ 90, черезъ Узунъ-Кепри и Кешанъ. Дубовскій отвѣчалъ мнѣ слѣдующею телеграммою: „По собраннымъ свѣдѣніямъ, переправа черезъ Марицу въ Ферре невозможна. Изъ Дадеагача легко перевезти какъ пѣхоту, такъ и артиллерію. Суда, находящіяся въ портѣ, могутъ вмѣщать по 200 человекъ, или по два орудія. Для кавалеріи переправа опасна, потому что борта судовъ весьма низки. Перѣздъ въ 22 версты, при бла-

гопріятномъ вѣтрѣ—2 часа. Можно достать отъ 30 до 40 судовъ по 20 франковъ ¹⁾).

Въ концѣ января вражда между христіанами и турками разгорѣлась до такой степени, что надо было принять мѣры къ ея прекращенію. Ежедневно приходили депутаціи съ заявленіями, что, или христіане грабятъ и угоняютъ скотъ, или турки собираются въ банды и нападаютъ на села и церкви. Съ другой стороны архимандритъ Герасимъ сообщалъ, что хотя къ нему и являются посланцы съ мольбою о помощи, но что въ нѣкоторыхъ приходахъ сами священники-греки разжигаютъ племенную вражду и съ кафедры проповѣдуютъ объ отомщеніи туркамъ за страданія христіанъ, говоря, что само небо, пославшее русскихъ, повелѣваетъ безпощадное мщеніе. Одинъ изъ такихъ проповѣдниковъ, получивъ выговоръ митрополита, провозгласилъ его въ церкви измѣнникомъ, другомъ турокъ и ослушался приказанія явиться въ митрополию. Чтобы остановить распространеніе фанатической пропаганды, пришлось арестовать этого священника. Въ самой Демотикѣ, народъ потребовалъ суда надъ нѣсколькими турками, содержащимися въ тюрьмѣ за убійства. По мѣстнымъ законамъ виновные подлежали смертной казни. Я потребовалъ къ себѣ старшаго муллу, приказалъ ему составить, изъ почетныхъ мусульманъ города совѣтъ и представить мнѣ его рѣшеніе. Въ тотъ же день мулла принесъ смертный приговоръ, который, вмѣстѣ съ закованными преступниками, былъ мною отправленъ на конфирмацію, адрианопольскому генералъ-губернатору Свѣчину.

Слухи о возстаніи турокъ къ западу отъ Демотики усиливались до того, что въ штабъ являлись люди, увѣрявшіе, будто сами видѣли тысячныя скопища башибузуковъ. Это заставило послать, верстъ за 50 къ западу, сотню майора Грошева, а по другой дорогѣ—2 роты, при капитанѣ Глѣбѣ-Кошанскомъ. Имъ было предписано: разгонять и обезоруживать скопища,

¹⁾ Кстати замѣчу, что вся наша корреспонденція по телеграфамъ передавалась порусски, но французскими буквами. Для примѣра привожу начало телеграммы Дубовскаго: „Po sobrannim svedeniam pereprava w Feré nevosmojna. Is Dadeagatha legko perevesti kak pehotou tak i artilleriou“. и т. д.

дѣлать по турецкимъ деревнямъ обыски, уничтожать найденное оружіе; въ виду же заключеннаго перемирія, стараться достигать цѣли безъ пролитія крови, но при сопротивленіи водворять порядокъ силою.

Въ какой мѣрѣ дѣйствія командированныхъ офицеровъ были благоразумны и цѣлесообразны, доказывается слѣдующимъ адресомъ, на греческомъ языкѣ, присланнымъ мнѣ жителями городка Ортакіоя. Привожу его въ переводѣ.

„Ваше превосходительство! мы весьма благодарны вамъ за попеченіе о христіанахъ. Вы благоволили отправить къ намъ маіора Грошева. Онъ быстро водворилъ порядокъ. Умоляемъ оказать и дальнѣйшее, назначивъ къ намъ Грошева въ постоянные правители нашего окружія, за что будемъ вѣчно благодарить васъ. Обращаемъ мольбы къ Всевышнему о благоденствіи вашемъ на многія лѣта. Ортакіой 26 января 1878 года. Игнатій митрополитъ Ортакіойскій и 14 подписей ¹⁾“.

По отправленіи Новингерманландскаго полка въ Узунъ-Кепри, я очень тревожился тѣмъ, онъ будетъ тамъ довольствоваться, но первая же депеша полковаго командира успокоила меня. Онъ доносилъ: „У меня есть хлѣбъ, мука и мясо; не присылайте ихъ изъ Демотики. Галеты сберегаю для марша. Капитанъ Олесовъ съ двумя ротами оставленъ въ Кулелахъ и снабженъ всѣмъ“.

22-го января прибылъ въ Демотику отъ генерала Гурко

¹⁾ Не менѣе замѣчательнъ и другой адресъ, поданный отъ окружія, въ которомъ водворялъ спокойствіе капитанъ Глѣбъ-Кошанскій. Привожу его въ подлинникѣ.

„Вашему превосходительству, покорніи рабы отъ села Казалджи. Понеже были есма толика лѣта рабы турски, а нынѣ освободили есте насъ, то премного радуемся благодаряци, яко подалъ еси намъ и Господь силу и ваша благодаримъ, яко избавили есте насъ отъ руди супостатовъ. А нынѣ турци насъ устрашають глаголюще къ намъ: яко вашъ день есте, а подиръ мало времени будетъ нашъ; ѿ найцемъ бити васъ съ пушками тамо и тамо. А ми въ сердцахъ ваша! Боймся да не бы отошла сила русска на зады ѿ оставитъ насъ въ рукахъ супостатъ нашихъ турецкихъ ѿ погублени будемъ. Молимъ ты ся: не остави насъ въ отчаяніе. И да подасть Господь многи лѣта благочестивому Государю нашему Александру, всей Россіи ѿ вамъ. Аминь! Дидимотике граде и подписи жительскія: Харитонъ Анастасовъ, Василій Айдоновъ, Дима Лавреновъ—все селяне отъ села Кали и все селяне отъ села Шарылы: Константинъ Фучиджи и Христо и прочіи и вси!“

нарочный офицеръ съ извѣстіемъ о перемиріи и привезъ его условія.

На основаніи этихъ условій всѣ побережья Эгейскаго и Мраморнаго морей, отъ Дадеагача до Санъ-Стефано, должны быть очищены турками. Мнѣ приказано было занять ихъ, для чего, вмѣсто отзываемыхъ къ своимъ полкамъ гвардейскихъ эскадроновъ, къ дивизіи снова придали Екатеринославскій драгунскій и 24 казачій полки. О саперной ротѣ не было упомянуто, а потому она осталась при дивизіи.

Какъ только прошелъ слухъ о перемиріи, ко мнѣ явились три какіе-то господина, назвавшіе себя агентами компаніи желѣзныхъ дорогъ въ Турціи. Одинъ изъ нихъ, бойкій французъ, не приминувъ вернуть, что бывалъ въ Царскомъ Селѣ и Петергофѣ, знакомъ съ Дюссо и Борелемъ; онъ заявилъ мнѣ, что они уполномочены компаніею просить, чтобы всѣ турецкіе запасы, взятые для войскъ и еще неизрасходованные, были сданы, а въ израсходованныхъ полки выдали бы имъ квитанціи. Столь странное требованіе словоохотливый французъ оправдывалъ тѣмъ, что турецкое правительство, еще до прихода нашихъ войскъ въ Румелію, то есть ранѣе 1 января, продало ихъ компаніи всѣ запасы, въ счетъ уплаты за перевозку войскъ и эмигрировавшаго населенія. Нахальство явившихся простиралось до того, что они настаивали, чтобы мы повсемѣстно охраняли, принадлежащее компаніи имущество. Когда я потребовалъ документальныхъ доказательствъ, то уполномоченный могъ показать только депешу своего правленія. Вмѣсто всякаго удовлетворенія, я отправилъ этихъ господъ, заявлять свои претензіи начальнику полеваго штаба, въ Андрианополь.

Въ виду предстоящаго движенія за Марицу, всю бывшую при дивизіи артиллерию я отправилъ въ Кулелы, къ Олесову, которому предписалъ задержать изъ приходящихъ поѣздовъ хотя двѣ платформы, для перевозки исподволь орудій за мостъ. Къ задержанію платформъ, хотя бы силою, приходи-пріобрѣгнуть поневолѣ, потому что не было возможности добиться отъ кого требовать подвижной составъ для нуждъ дивизіи. На подобныя съ моей стороны вопросы изъ отряднаго штаба не отвѣчали, а инженеръ Ивановъ ссылался, что ничего не можетъ сдѣлать безъ начальника инженеровъ, сноситься съ

которымъ, прямо не по командѣ, я не считалъ себя въ правѣ.

Прежде чѣмъ говорить о переходѣ на новое расквартирование по берегу моря, обращусь къ положенію частей дивизіи, оставленныхъ за Балканами.

Чѣмъ далѣе полки отходили къ югу, тѣмъ болѣе удалялись отъ своихъ обозовъ и хозяйственныхъ управленій. Завѣдующіе хозяйствомъ, казначеи, квартирмейстры и дѣлопроизводители; канцеляріи, лазареты, мастерские, — все это осталось далеко сзади, частью за Марицей въ Карловѣ, частью въ Орханіи и Ловчѣ. Со 2 января я не имѣлъ отсюда никакихъ извѣстій, а два офицера посланные нарочно въ тылъ, развѣдывать обозы, еще не возвращались.

Впослѣдствіи, запоздалыя донесенія изъ Карлова и Сельви указывали, что обозы 2-й бригады наконецъ прибыли въ Карлово, что изъ числа больныхъ и отсталыхъ многіе возвратились въ строй, что турецкіе склады сохранены и мѣстныя полиціи устроены.

Если бы всѣ обозы арміи не были направлены черезъ одинъ Шипкинскій перепалъ, то все принадлежащее дивизіи и оставшееся въ тылу ея, гораздо скорѣе присоединилось бы къ полкамъ, черезъ Плевну, Орханію и Филиппополь, по непрерывному шоссе; теперь же нельзя было и предвидѣть когда это случится. Между тѣмъ я нѣсколько разъ получалъ подтвержденія о скорѣйшемъ присоединеніи батарей, точно направленіе ихъ отъ меня зависѣло, а командовавшій бригадою полковникъ Золотухинъ—даже выговоры за то, что батареи находившіяся съ октября мѣсяца въ Западномъ отрядѣ, такъ долго не присоединены къ дивизіи, тогда какъ Золотухинъ даже не зналъ гдѣ они. Дабы читатели не удивлялись подобной безызвѣстности начальниковъ о своихъ частяхъ, нужно сказать, что сколько разъ я не посылалъ черезъ полевой штабъ, для передачи въ тылъ конвертовъ и депешъ—ничто не доходило по назначенію. Уже болѣе мѣсяца мы не имѣли ни одной вѣсточки изъ Россіи. Всѣ свѣдѣнія, о происходившемъ внѣ раіона дивизіи, ограничивались тѣмъ, что разсказывали ѣздившіе въ Адрианоуполь.

Продовольствіе дивизіи во время предстоящаго движенія къ морю, въ томъ предположеніи, что турки имѣли время отвсюду вывезти свои запасы, очень озабочивало меня. Трудно было

думать, чтобы и въ этотъ разъ счастье продолжало благоприятствовать намъ. Между тѣмъ ни объ интенданствѣ, ни о товариществѣ продовольствія не было даже и слуха; наконецъ если и было бы у кого купить муку или зерно, то полки не имѣли денегъ, такъ какъ казначеи и денежные ящики остались за Балканами, а всѣ суммы взятыя изъ Ловчи, были издержаны. Все это вмѣстѣ заставило меня обратиться къ генералу Непокойчицкому съ слѣдующимъ письмомъ:

„Ввѣренная мнѣ дивизія, съ самаго перехода въ августѣ мѣсяцѣ черезъ Дунай, находилась и нынѣ находится въ исключительномъ и крайне невыгодномъ положеніи для ея управленія. Четыре мѣсяца она была разбросана по разнымъ отрядамъ и до сихъ поръ еще не вполне соединилась, потому что 2-я бригада вынуждена была оставить большую часть своихъ людей, за слабостію силъ, для поправки въ Карловѣ, а полковые штабы со всѣми обозами остались въ тылу. Неприсчисленная ни къ какому корпусу, дивизія не имѣетъ: ни своего почтового отдѣленія, ни казначейства, ни даже интенданта, оставшагося за болѣзною въ Ловчѣ. Разлученная съ органами своихъ полковыхъ хозяйственныхъ управленій, дивизія третій мѣсяцъ не получаетъ содержанія, ротные командиры не имѣютъ денегъ, а офицеры терпятъ крайнюю нужду. Они перешли Балканы съ тѣмъ, что было на нихъ и уже 6 недѣль остаются въ такомъ положеніи, потому что ихъ одежда, бѣлье и обувь остались въ обозахъ. Чтобы сколько нибудь помочь имъ, я уже роздалъ въ роты 400 полуимперіаловъ изъ оставшейся у меня экстраординарной суммы Траянского отряда. Въ виду вышеизложеннаго, прошу васъ войти въ положеніе дивизіи и не оставить распоряженіемъ о слѣдующемъ: 1) о выдачѣ въ полки теперь же, заимообразно, по 3,000 рублей звонкою монетою; 2) о приказаніи немедленно пропустить обозы черезъ Шипку, куда уже посланы мною офицеры для ихъ встрѣчи и 3) о присылкѣ въ дивизію интенданта.

Обойтись безъ этихъ мѣръ я не вижу возможности, почему и прошу оказать къ исполненію ихъ ваше содѣйствіе. До сихъ поръ я дѣлалъ все, что отъ меня зависѣло, относительно продовольствія людей и съ 1-го октября велъ его самъ, не получая ничего отъ интендантства“.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

1878.

Новое расквартирование.— Движеніе къ морю.— Встрѣча въ Узунъ-Кепри.— Въ Кешанѣ.— Занятіе позиціи передъ Галипольскимъ полуостровомъ.— Двѣнадцать дней въ Шаркіюф.— Переходъ до Родосто.— Турокъ говорящій по русски.— Жизнь въ Родосто.— Продовольственные курьезы.— Сѣно изъ Марсея.— Томительная неизвѣстность.— Эпидемія.— Заключеніе мира.— Поѣздка въ С. Стефано.— Просьба объ отпускѣ.— Отъѣздъ изъ арміи въ Россію.

По новому квартирному росписанію, части дивизіи должны были разположиться по побережьямъ Эгейскаго и Мраморнаго морей, въ слѣдующемъ порядкѣ: при устьѣ Марицы, въ Эносѣ—сводные баталіоны 2-ой бригады и штабъ 24-го казачьяго полка, причемъ командиръ Псковскаго полка, полковникъ Зубатовъ, назначенъ мною начальникомъ города и его округа. Въ Уршѣ, у самаго начала перешейка, съ западной его стороны—Новоингерманландскій полкъ и съ восточной, въ Шаркіюф—Староингерманландскій пѣхотный и Екатеринославскій драгунскій полки, съ штабомъ дивизіи. Вдоль всей этой линіи, по берегу моря, черезъ каждые 5 верстъ, поставлены были казачьи посты.

Становясь ближе всѣхъ другихъ войскъ къ Галиполи, полки считали новую свою стоянку весьма видною въ боевомъ отношеніи. Въ случаѣ возобновленія военныхъ дѣйствій, они рассчитывали первыми быть въ дѣлѣ и смотрѣли на это, какъ на особое къ нимъ довѣріе.

1-го февраля, одновременно двинулись къ морю: сводные баталіоны и Новоингерманландскій полкъ—изъ Узунъ-Кепри, Староингерманландскій и штабъ дивизіи—изъ Демотики. Съ этого же числа, благопріятная погода сразу измѣнилась въ невыносимую. При вступленіи штаба въ Узунъ-Кепри свирѣпствовала сильная снѣжная буря. Несмотря на это, жители города, съ духовенствомъ во главѣ, встрѣтили насъ за двѣ

версты, при началѣ длинной дамбы, устроенной на каменныхъ аркахъ, черезъ болотистый притокъ Марицы. Здѣсь пришлось, съ открытою головою, выслушивать длиннѣйшую рѣчь греческаго архіерея, пригласившаго насъ сряду по вступленіи въ церковь. Тамъ, послѣ молебствія, начались рѣчи на греческомъ и болгарскомъ языкахъ, а наконецъ выступилъ какой-то учитель и на самомъ ужасномъ французскомъ діалектѣ вздумалъ прославлять наши подвиги. Между прочимъ онъ выразился, что христіане ожидали нашего пришествія, какъ евреи ждали Мессію, но тѣ потомъ распяли своего Спасителя: „Мы же,—сказалъ ораторъ, не будемъ распинать васъ“.

Не смотря на усталость длиннаго перехода, при бурной и холодной погодѣ, пришлось до поздняго вечера принимать членовъ городского совѣта и депутаціи отъ армянскаго, греческаго и болгарскаго обществъ. Пусть бы онѣ являлись всѣ разомъ, а то каждая приходила черезъ полчаса послѣ другой и считала обязанностью непременно говорить рѣчь, или рассказывать длинныя исторіи о турецкихъ звѣрствахъ, тогда какъ дорога была всякая минута.

2-го февраля Староингерманландскій полкъ, съ драгунами, выступилъ далѣе, но втеченіи цѣлаго дня могъ пройти всего 20 верстъ, а орудія только 12. Глинистые подъемы и низменности между возвышеніями, до того растворились отъ дождей, что колеса вязли по ступицу, а лошади выбивались изъ силъ. Я съ штабомъ, съ конвойными ротою и сотнею, долженъ былъ на сутки остаться въ Узунъ-Кепри, такъ какъ туда прибыли завѣдующіе хозяйствомъ 2-й бригады, съ которыми я не видѣлся съ октября мѣсяца. Надо было узнать отъ нихъ о матеріальномъ положеніи полковъ, выслушать словесные отчеты о расходахъ и остаткахъ всякаго рода. Я очень хорошо зналъ, что приходы по фуражу въ осенніе мѣсяцы и по мясному довольствію за январь и февраль должны быть громадны, а между тѣмъ, у одного изъ дававшихъ отчетъ достало духу сказать, что я обидѣлъ полки, предписавъ всѣ деньги, полученные на мясо за январь и февраль, показать къ зачету въ казну.

— Говорите это тому, кто не понимаетъ дѣла и самъ не командовалъ полкомъ, а не мнѣ—отвѣтилъ я этому господину, и благодарите судьбу, что, по военнымъ обстоятельствамъ, я

не могъ слѣдить за вашими приходами и расходами какъ слѣдуетъ. Вспомните, что полки получили даромъ по 100 воловъ, взятыхъ казаками по переходѣ Траяна.

3-го февраля, рано утромъ, мы тронулись къ Кешану. Дорога представляла едва проходимую топь, пересѣкаемую ручьями и канавами. Люди не шли, а брели; тѣ же, кто былъ верхомъ, ежеминутно рисковали, что конь завязнетъ, или провалится въ ямину. Пришлось посылать казаковъ впередъ, узнавать, гдѣ можно проѣхать. Сдѣлавъ сорокаверстный переходъ, мы вступили въ большое болгарское село Мальтепе, гдѣ нашли все въ изобиліи. Старикъ-хозяинъ, занятого для меня дома, смотрѣлъ на насъ съ умиленіемъ и просилъ позволенія угостить казаковъ конвоя. Оказалось, что еще въ 1829 году онъ былъ проводникомъ русскаго отряда, занявшаго Чорлу. На слѣдующій день, въ ясное, хотя и холодное утро, мы пришли въ Кешанъ. На этомъ переходѣ былъ впервые встрѣченъ караванъ верблюдовъ, съ товарами изъ Родосто. Видъ незнакомыхъ животныхъ очень занималъ солдатъ.

Передніе эшелоны дивизіи уже прошли Кешанъ ранѣе. Сводные баталіоны отсюда свернули на свою стоянку въ Уршу, оставивъ въ Кешанѣ роту, и за коменданта—ея командира, капитана Гулевича. Встрѣчая меня онъ доложилъ, что турки мало вѣрятъ въ перемиріе, что въ городѣ находится станція международнаго телеграфа, имѣющая сообщеніе съ Константинополемъ и Вѣною, и что начальникъ станціи, турокъ, продолжаетъ получать депеши своего правительства. Когда я потребовалъ его къ себѣ, то онъ сказался больнымъ, и прислалъ своего помощника, француза, отъ котораго мы съ радостію узнали объ открытіи сообщенія съ Одессою. Пусть читатель представитъ себѣ нашъ восторгъ, когда на посланныя телеграммы мы получили на слѣдующее утро отъ нашихъ родныхъ отвѣты.

Несмотря на перемиріе, невозможно было оставить за турками права пользоваться безконтрольною передачею депешъ, въ мѣста расположенія нашей арміи. Поэтому я немедленно назначилъ начальникомъ станціи французскаго агента международнаго общества и предписалъ ему соблюдать слѣдующее: 1) не принимать отъ частныхъ лицъ депешъ касающихся расположенія, передвиженія и силы русскихъ войскъ, или распо-

ряженій русскаго правительства; 2) всѣ депеши турецкаго правительства, прежде передачи адресату, предъявлять коменданту; 3) телеграфистовъ изъ турокъ не имѣть при аппаратахъ, исключая тѣхъ случаевъ, когда они будутъ необходимы для принятія депешъ на турецкомъ языкѣ.

Объявленіе этихъ мѣръ было причиною, что всѣ турецкіе чиновники немедленно просили дозволенія выѣхать въ Галлиполи, что я и разрѣшилъ имъ, съ выдачею пропускныхъ билетовъ чрезъ наши аванпосты.

Въ Кешанѣ явился ко мнѣ инженеръ—капитанъ Крюковъ, съ отзывомъ начальника инженеровъ арміи, въ которомъ было сказано, что офицеръ этотъ командирится для избранія и укрѣпленія позицій у начала Галлипольскаго полуострова, между Уршою и Шаркіоемъ, и что я долженъ дать ему рабочихъ и инструменты для устройства батарей. Ни изъ полевого штаба, ни изъ штаба отряда объ этомъ не писали ни слова. Несмотря на это, составивъ соображеніе о нарядѣ рабочихъ и о сборѣ шанцоваго инструмента со всѣхъ частей дивизіи, прежде чѣмъ начать работы, я счелъ необходимымъ лично осмотрѣть позиціи у перешейка.

Утромъ, 6-го февраля, мы выступили изъ Кешана. Обогнавъ находившійся на привалѣ Староингерманландскій полкъ, я поспѣшилъ впередъ, чтобы пораньше пріѣхать въ Уршу и собрать скорѣе свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ Галлиполи. Къ этому побуждали и носившіеся въ Кешанѣ слухи, будто англичане уже высадились на полуостровѣ и заняли Болеаръ¹⁾.

По спускѣ съ Кешанской возвышенности, дорога шла сначала по болотистой низменности, а во второй половинѣ—по небольшому песчаному хребту, покрытому рѣдкимъ лѣсомъ. Подымаясь на этотъ послѣдній передъ моремъ перевалъ, произошелъ эпизодъ, вполне характеризующій нашего солдата. Бѣду я впереди конвоя и вижу, что въ полуверстѣ бредетъ одиночный солдатикъ, по формѣ принадлежащій Великолуцкому полку моей дивизіи, а полкъ этотъ, уже два дня какъ свернулъ къ Эносу, совершенно въ другую сторону.

— Куда ты идешь, спрашиваю я.

¹⁾ Болеаръ—самая узкая часть перешейка, верстахъ въ 8-ми сѣвернѣе Галлиполи, покрытая сплошными укрѣпленіями.

— Въ полкъ, ваше Превосходительство, отвѣчаетъ сильно изнуренный, едва предвигающій ноги солдатикъ.

— А гдѣ твой полкъ?

— Не могу знать.

— Какъ-же ты идешь впередъ, не зная гдѣ полкъ?

— Да я видѣлъ, отвѣчалъ онъ, что идутъ все роты нашей дивизіи, вотъ я и бреду за ними. Силы-то во мнѣ нѣтъ, такъ я по маленьку, выхожу пораньше, чтобы не отстать до ночлега.

— Гдѣ-же ты отсталъ отъ полка и когда?

— Еще объ Рождествѣ; иду все одинъ отъ самаго Этрополя.

Мы были уже въ 350-ти верстахъ отъ Этрополя, а между тѣмъ этотъ полубольной, щедушный человѣкъ, не зная языка, не имѣя гроша денегъ, идетъ по непріятельской странѣ все впередъ и впередъ, только потому, что туда-же идетъ русская рать. Чѣмъ онъ питался полтора мѣсяца, какими шелъ дорогами, что его ожидало при потерѣ послѣднихъ силъ?—все это извѣстно одному Богу. И не пошелъ-же онъ назадъ, къ сторонѣ родины, по извѣстному и пройденному имъ пути, занятому своими, а идетъ впередъ, единственно для того, чтобы попасть въ свой полкъ и въ свою роту. Сколько въ этомъ фактѣ сознія долга и привязанности къ своей товарищеской семьѣ.

Приказавъ посадить бѣдняка на мою заводную лошадь и при случаѣ отправить въ его полкъ, черезъ нѣсколько минутъ я въѣхалъ на вершину хребта и передо мною, совершенно неожиданно, открылась дивная, поразительная картина: мы увидѣли Эгейское море! При яркомъ солнечномъ освѣщеніи, оно походило на безконечное зеркало, въ которомъ отражались южные склоны горъ. Влѣво горизонтъ окаймлялся Галлипольскимъ полуостровомъ, прямо лежалъ островъ Сорросъ, а вправо шло безбрежное пространство открытаго моря. На немъ виднѣлись два парохода и нѣсколько парусныхъ судовъ. Все это вмѣстѣ, послѣ странствій по скаламъ, трущобамъ и снѣгамъ, казалось какимъ-то очарованіемъ и манило къ себѣ.

Между моремъ и подножіемъ пройденныхъ нами возвышенностей была совершенно плоская, версты въ 4 шириною, песчаная равнина. На ней-то, противъ начала перешейка, среди сопокъ, лежалъ несчастный городишко Урша, жители котораго исключительно турки, ушли въ Галлиполи, забравъ съ собою скотъ и не оставивъ ни зерна, ни клочка сѣна.

Сразу по прибытіи въ Уршу мнѣ доложили, что вопреки условій о перемиріи, чтобы между демаркаціонными линіями обѣихъ сторонъ была пятиверстная нейтральная полоса, турки, въ 3-хъ верстахъ отъ Урши, занимаютъ какую-то деревушку. Это обстоятельство и желаніе лично осмотрѣть мѣстность, на которой начальникъ инженеровъ предположилъ строить укрѣпленія, заставило меня, на слѣдующій день рано утромъ, вмѣстѣ съ присланнымъ отъ главной квартиры инженеромъ Крюковымъ, поѣхать къ занятой турками деревнѣ. Оказалось, что тамъ всего 2 роты, которыя по тревогѣ быстро выстроились, но не обнаруживали ни малѣйшей враждебности. Зная, что отъ ихъ пребыванія въ нашемъ сосѣдствѣ, ни имъ пользы, ни намъ вреда не будетъ, я оставилъ ихъ въ покоѣ. Осмотръ-же мѣстности ясно указалъ, что строить укрѣпленія передъ Уршою не было никакой надобности. Гораздо было-бы полезнѣе, построить таковыя на вершинахъ лежащихъ близъ Кешана, такъ какъ онѣ менѣе приступны и командуютъ всѣми спускающимися къ морю склонами. Между тѣмъ террасы, расположенныя передъ Уршою ниже тѣхъ, которыя спускаются къ городу отъ перешейка и закрываютъ все, что южнѣе. Кромѣ того, какое значеніе могли-бы имѣть укрѣпленія близкія къ морю, безъ крѣпостныхъ орудій? Стоило непріятелю поставить два броненосца по сторонамъ перешейка и наши батареи, съ полевыми орудіями, оказались-бы безсильными. О всемъ этомъ я доносилъ и постройка укрѣпленій у перешейка осталась въ проэктѣ.

Вступленіе штаба дивизіи и Староингерманландскаго полка въ Шаркію сопровождалось церемоніальною встрѣчею всего городского населенія, съ архіереемъ и депутаціею во главѣ. Здѣсь снова повторились рѣчи и пѣніе гимновъ, но въ большемъ размѣрѣ и съ прибавкою того, что народъ провожалъ насъ съ миртовыми вѣтвями въ рукахъ, а архіерей, какъ былъ въ облаченіи, такъ сѣлъ на коня и въѣхалъ въ Шаркію рядомъ со мною. Кромѣ того, насъ поразилъ еще характеръ пѣнія молитвъ народомъ. Вся его масса тянула одну безконечную ноту, составляя этимъ аккомпаниментъ тѣхъ варіацій, которыя видѣлись нѣсколько священниковъ, гнусливыми голосами. Подобная манера скорѣе походила на еврейскіе кантаты, чѣмъ на церковное пѣніе христіанъ.

Въ Шаркіюѣ мы застали полнѣйшій хаосъ; въ немъ не существовало никакой власти, никакого управленія и порядка, а между тѣмъ въ городѣ было много купеческихъ конторъ, портовыхъ складовъ и все турецкое населеніе не эмигрировало. Пользуясь отсутствіемъ власти, греки рассчитывали присвоить себѣ казенные запасы турокъ. Стоило коменданту, по указанію кого-либо изъ жителей, наложить секвестръ на тотъ или другой правительственный складъ, какъ греки спѣшили заявлять претензію, что складъ этотъ уже купленъ ими. Надо было какъ можно скорѣе водворить порядокъ, для чего я немедленно учредилъ городской совѣтъ, которому приказалъ опредѣлить, что именно принадлежитъ частнымъ лицамъ, и что турецкому правительству. Въ составъ совѣта вошли: архіерей какъ предсѣдатель и шесть членовъ, изъ которыхъ два турка. вмѣстѣ съ этимъ совѣту была дана мною инструкция, главными основаніями которой было:

1) Немедленно привести въ извѣстность всѣ казенные продовольственные запасы и сдать ихъ назначенному мною коменданту; 2) установить таксы на всѣ припасы и продукты и объявить ихъ; 3) учредить мѣстную полицію изъ жителей и раздѣлить городъ на участки; 4) всѣ подати и налоги, какъ денежные, такъ и натурою, когда-либо установленные турецкимъ правительствомъ, какъ его доходъ, отмѣняются. Таможенные-же пошлины и налоги въ пользу города, оставаясь въ полной силѣ, расходуются на его нужды; 5) объявить, что торговля и всѣ мирныя занятія свободны; 6) всякое приказаніе старшаго русскаго начальника исполняется совѣтомъ немедленно и безпрекословно.

Принятые мѣры вполнѣ обезпечили продовольствіе войскъ, а наступившая весенняя погода давала надежду, что стоянка въ Шаркіюѣ будетъ для всѣхъ пріятнымъ отдыхомъ, но не прошло и трехъ дней, какъ сформированный городской совѣтъ сталъ причинять мнѣ немало хлопотъ. Члены его начали ссориться между собою, пошли непрерывные доносы; избранный начальникомъ таможни, по профессіи медикъ, былъ уличенъ во взяточничествѣ и въ наложеніи произвольныхъ поборовъ съ приходящихъ къ городу судовъ. Затѣмъ пошли всякаго рода клеветы и масса жалующихся осаждала мою квартиру. Дошло до того, что архіерей изъ сосѣдняго города, лич-

ность весьма симпатичная, явился ко мнѣ съ просьбою, воспрепятствовать Шаркіюскому архіерею вмѣшиваться въ дѣла его епархіи и подъ видомъ контрибуціи для русскихъ, собирать произвольныя подати и налоги. Досаднѣе всего было то, что всѣмъ подобнымъ продѣлкамъ греки давали видъ, будто онѣ дѣлаются по приказанію русскаго начальства.

Не менѣе хлопотъ и безпокойства причиняли мнѣ греческія интриги въ Эносѣ, къ которымъ скоро присоединилось вмѣшательство консуловъ, въ отношенія города къ войскамъ. Какъ члены городского управленія, и какъ купцы—эти господа рѣшали дѣла такъ, какъ имъ выгоднѣе по личнымъ ихъ расчетамъ. Когда-же я требовалъ безпрекословнаго исполненія, то консулы отговаривались тѣмъ, что при военномъ положеніи страны, находящейся во власти иноземцевъ, они не знаютъ чѣмъ руководствоваться. Вслѣдствіи этого я писалъ начальнику полевого штаба:

„Англійскій, германскій и греческій консулы въ Эносѣ обратились ко мнѣ съ вопросомъ: какими законами должны они руководствоваться, при исполненіи своихъ обязанностей—турецкими ли, основанными на обычаяхъ и коранѣ, или общими международными? Я приказалъ объявить имъ, что, какъ члены городского совѣта, они обязаны безусловно исполнять требованія представителя русской военной власти, а въ прочихъ дѣлахъ, до которыхъ мы не касаемся, руководствоваться инструкціями своихъ правительствъ“.

Несмотря на это, нахальство германскаго консула дошло до того, что когда я предписалъ произвести аукціонную продажу, невывезенныхъ турками, втеченіи 10-ти дней по заключеніи перемирія, зерновыхъ запасовъ, не идущихъ на продовольствіе войскъ, то онъ заявилъ, что все находящееся въ турецкихъ магазинахъ,—неказенное, а купленное имъ у турокъ ранѣе перемирія. Запрашивать Галлипольскаго губернатора о справедливости подобнаго заявленія я считалъ совершенно напраснымъ, такъ какъ послѣдній, вѣроятно заранѣе вступилъ въ сдѣлку съ нѣмцемъ, и конечно отвѣтилъ-бы въ его пользу, а потому предписалъ старшему въ Эносѣ, полковнику Зубатову, не обращать вниманія на претензіи консуловъ и выреченную за продажу сумму дѣлить пополамъ, съ тѣмъ, чтобы одна половина шла на содержаніе города, а другая посту-

пила-бы въ экстраординарную сумму. Вѣроятно консулы жаловались на меня Галлипольскому губернатору Дебатъ-пашѣ, потому что онъ, письмомъ на мое имя, просилъ выпустить изъ Эноса всю нагруженную на иностранныя суда пшеницу, такъ какъ она, будто-бы, куплена турецкимъ правительствомъ еще до перехода русскихъ черезъ Балканы. Такимъ образомъ выходило, что консула покупаютъ запасы у турецкаго правительства, а оно покупаетъ ихъ у тѣхъ-же консуловъ.

Немало надобѣли въ Шаркіоѣ постоянныя приглашенія negociантовъ на обѣды и завтраки, скучнѣе которыхъ трудно было что-либо вообразить. Отказываться отъ нихъ въ началѣ я считалъ неудобнымъ, потому что съ приглашеніемъ являлись сами хозяева. въ сопровожденіи архіерея и переводчика француза, но потомъ это до того надобѣло, что я сказывался больнымъ и запретилъ принимать приглашателей. На этихъ обѣдахъ я убѣдился, что кулинарное искусство грековъ находится въ плохомъ состояніи: курица съ рисомъ, баранина съ рисомъ, варенье съ рисомъ, во всевозможныхъ видахъ—вотъ и все. Единственное разнообразіе составляли устрицы, ловимыя здѣсь въ такомъ количествѣ, что ихъ продавали по франку за сотню.

Въ Шаркіоѣ, мы оставались всего 12 дней. На наши мѣста пришла 2-я гренадерская дивизія, мнѣ же приказано было перейти въ Родосто и поставить Новоингерманладскій полкъ въ Айнарджикѣ, а вторую бригаду въ Малгарѣ. Наканунѣ выступленія, отъ прибывшаго изъ-за Балканъ доктора Кунаховича я узналъ, что дивизионный подвижной лазаретъ, вмѣстѣ съ обозами и тремя батареями остававшимися въ Ловчѣ, пришелъ въ Адрианополь, а возвратившійся изъ главной квартиры подполковникъ Сосновскій сообщилъ, что Великій князь и большая часть арміи находятся въ Санъ-Стефано. Последнее извѣстіе заставляло ежеминутно ждать другаго, болѣе радостнаго, именно, занятія Константинополя. Несомнѣнно, что подобная надежда раздѣлялась всеми. Потомъ оказалось, что было даже сдѣлано распоряженіе о сформированіи, изъ частей гвардіи, особаго отряда, долженствовавшаго вступить въ столицу Турціи ¹⁾.

¹⁾ Привожу въ подлинникѣ отзывъ начальника полевого штаба къ командиру гвардейскимъ корпусомъ: „Увѣдомляю Ваше Сіятельство

Въ настоящее время, когда уже прошло 10 лѣтъ со времени нашей стоянки подъ стѣнами Царьграда, лица причастныя къ дипломатіи, никакъ не хотятъ понять, почему мы, военные, не можемъ забыть чувствъ оскорбленнаго самолюбія, которые испытывали смотря на куполь Св. Софіи и на берега Босфора. Есть между дипломатами и такіе, которые увѣряютъ, что занятіе Константинополя причинило бы Россіи безчисленныя бѣдствія. Они оправдываютъ свое мнѣніе тѣмъ, что въ день нашего вступленія въ Константинополь, англійскіе броненосцы заперли-бы Черное море и прекратили бы сообщеніе съ Одессою, а Австрія пресѣкла бы связь съ Бессарабією и тогда армія очутилась бы въ безвыходномъ положеніи. Спорить съ людьми, имѣющими смутныя понятія о военномъ дѣлѣ, трудно. Они забываютъ, что когда мы подходили къ Константинополю, то Одесса еще не имѣла для насъ никакого значенія, такъ какъ армія могла существовать и безъ нее; что противъ Австріи мы имѣли 7-й и 10-й корпуса, и болѣе 10 резервныхъ дивизій занимали Бессарабію и Румынію; наконецъ, что треть нашихъ силъ оставалась нетронутою на Волыни и въ Польшѣ. Они забываютъ, что 1 февраля, когда мы легко могли занять Галлиполи, мимо него прошло всего 2 броненосца, а владѣя Дарданелами можно было не пропустить къ Босфору ни одного корабля англійской флотиліи, стоявшей тогда у Мальты.

Для нашихъ дипломатовъ не существовало, да кажется и теперь не существуетъ для Россіи другихъ способовъ борьбы съ тѣми, кто угрожаетъ ей, или страшаетъ ее, кромѣ уступокъ и дипломатическихъ нотъ. Всякій рѣшительный шагъ, всякая

что вслѣдствіе приказанія Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, долженъ быть сформированъ особый отрядъ, изъ слѣдующихъ частей: 1-й бригады 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, гвардейской стрѣлковой бригады, Л. Гв. Сапернаго бат., 1-й Гвард. артил. бригады, Л. гв. Уланскаго полка и 6-й Донской гвард. конной батареи“.

Начальствованіе всѣмъ отрядомъ будетъ возложено на особое лицо. Отряду этому немедленно передвинуться къ демаркаціонной линіи, стать противъ Буюкъ-Чекменджи, гдѣ онъ получитъ приказаніе слѣдовать къ монастырю Св. Стефана, а затѣмъ вступить въ Константинополь, куда вмѣстѣ съ отрядомъ вступить и Его Высочество. Занятіе Константинополя будетъ по всѣмъ вѣроятіямъ мирное, а потому слѣдуетъ принять мѣры длѣ соблюденія самаго строгаго внутренняго порядка и дисциплины.

Изъ Прошлаго.

побѣда, всякій совершившійся фактъ, пугаетъ ихъ. Нравственный духъ войскъ, военный геній полководца, геройство, стойкость и самоотверженіе русскаго народа,—все это въ ихъ мнѣніи должно подчиняться тому, что скажетъ Европа.

Да простятъ мнѣ читатели это отступленіе отъ послѣдовательности моего разсказа. Всякій участникъ минувшей компаніи согласится, какъ тяжело намъ было, послѣ всего испытаннаго и совершеннаго, преклониться передъ ненавистнымъ и оскорбительнымъ для русскаго сердца рѣшеніемъ европейскаго конгресса.

Тотъ, кто привелъ русскія войска къ стѣнамъ Царьграда, говорилъ имъ:

„Изъ рода въ родъ пройдетъ разсказъ о вашихъ подвигахъ, и вся Русь будетъ съ гордостью вспоминать о нихъ“.

Тотъ же августѣйшій вождь, прощаясь съ русскимъ солдатомъ, проложившимъ своею грудью путь къ Босфору, говорилъ ему:

„Тебѣ честь, тебѣ слава, добытая потомъ и кровью Россіи. Для тебя нѣтъ невозможнаго!“

Вотъ это слѣдовало бы имѣть въ виду нашимъ дипломатамъ, а не то, что могла бы потребовать Европа.

Вскорѣ по приходѣ въ Родосто, я получилъ распоряженіе объ отчисленіи отъ дивизіи Екатеринославскаго драгунскаго и 24-го казачьяго полковъ. Жаль намъ было расставаться съ послѣднимъ, такъ какъ онъ почти всю компанію состоялъ при дивизіи и раздѣлялъ съ нею всѣ труды и боевые успѣхи. Конвойную сотню я удержалъ при себѣ, до прихода въ Родосто, гдѣ простился съ ея командиромъ Грошевымъ, неразлучнымъ спутникомъ моимъ отъ Траяна до Мраморнаго моря.

Хотя было бы гораздо ближе идти въ Родосто берегомъ моря, но невозможность провести этимъ путемъ артиллерию заставила направиться черезъ горы. Трехдневный переходъ этотъ былъ въ первой половинѣ весьма труденъ, потому что горныя дороги крайне затрудняли движеніе повозокъ и даже верблюжьихъ вьюковъ, которые полки успѣли завести въ Шаркію, рассчитывая, что уже не встрѣтятъ большихъ препятствій, тѣмъ тѣ, которые преодалевали на Балканахъ. Вслѣдствіе неумѣнья обращаться съ верблюдами, они упрямылись, не хотѣли идти не только подъ ношею, но даже пустыми. Живопис-

ность проходимыхъ ущелій напоминала намъ сѣверный подъемъ Траяна, съ его хуторами. Въ одномъ изъ нихъ пришлось идти мимо греческой деревни, спускаясь къ которой мы видѣли какую тревогу причинило наше появленіе. Къ довольно убогой деревянной церкви сбѣгался народъ. Онъ вышелъ изъ нея съ крестнымъ ходомъ и расположился шпалерой по пути слѣдованія полка, проходившаго съ музыкой. Восторгъ жителей дошелъ до того, что большая часть ихъ опустилась на колѣни, женщины плакали, многіе подбѣгали къ строю, пожимали руки солдатъ, которые уже привыкли къ этому и потому довольно хладнокровно относились къ подобнымъ порывамъ. Они уже испытали, что восторгамъ болгаръ не слѣдуетъ доверяться и смѣшивали ихъ съ греками.

— Отважись, тетка, не до тебя, проговорилъ одинъ изъ уставшихъ.

Услышавшій это офицеръ замѣтилъ:

— За что ты ворчишь? Видишь какъ народъ радуется глядя на васъ.

— Да онѣ ваше благородіе все равно, что наши бабы, рады поголосить, а попроси солдатъ хлѣба „нема братушка“ — скажетъ.

— Тутъ греки,—проговорилъ другой, смотри—все черномазые.

— А кто ихъ разберетъ! заключилъ уставшій.

Чѣмъ проходимые нами мѣста становились менѣ гористы, тѣмъ населенныя христіанами деревни встрѣчались рѣже, а на плоскости всѣ онѣ исключительно были турецкія. Замѣчательно, что въ этой мѣстности, при нашемъ приближеніи, турки не оставляли своихъ жилищъ и охотно принимали насъ. Невыражая ни лстивости, ни боязни, они давали все требуемое и были случаи, что не хотѣли брать денегъ за взятое. Старшина селенія Иддемиркюй, гдѣ ночевалъ штабъ дивизіи, не только не взялъ платы за сѣно, но нагрузилъ и отправилъ съ нами 4 воза, съ тѣмъ, чтобы мы заплатили ему только за перевозку до Родосто, гдѣ по его словамъ, нельзя будетъ купить сѣна ни за какія деньги. На слѣдующемъ ночлегѣ въ Айнарджикѣ, тоже населенномъ исключительно турками, желаніе ихъ выполнить все требуемое выразилось еще сильнѣе. Когда я съ штабомъ вѣзжалъ въ селеніе, всѣ хозяева, въ числѣ 40 че-

ловѣкъ, встрѣтили меня у околицы, построенными въ одну шеренгу. Это были люди почтеннаго вида; нѣкоторые имѣли зеленую чалму,—знакъ того, что были въ Меккѣ, на поклоненіи гробу Магомета. Когда, для ихъ привѣта, я приподнял фуражку, то вмѣстѣ съ раздавшимся гуломъ турецкаго отвѣта, ясно выдались русскіе слова: „желаемъ здравія вашему превосходительству“.

Остановивъ коня, я спросилъ: „Кто это изъ васъ говоритъ по русски?“

Вышелъ видный, съ сѣдою бородою мусульманинъ.

— Почему ты знаешь русскій языкъ?

— Я переселенецъ изъ Крыма, отвѣчалъ онъ, знаю всѣ русскіе порядки, знаю что такое становой.

Мы, переглянувшись, невольно улыбнулись. Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказалось, что много бѣдствій перенесли ушедшіе въ Турцію крымскіе татары. Втеченіи 20 лѣтъ ихъ три раза переселяли: сначала въ Добруджу, потомъ къ Шумлѣ и наконецъ къ Мраморному морю. Вызвавъ старшину, при посредствѣ знающаго „что такое становой“, я приказалъ, чтобы къ слѣдующему утру было готово 300 пудовъ хлѣба. Нетолько не было возраженій, но приказаніе было исполнено въ точности; на утро нижніе чины получили по 3 фунта отличнаго пшеничнаго хлѣба, за который жители сначала не хотѣли брать никакой платы.

17-го февраля, съ Староингерманландскимъ полкомъ и штабомъ дивизіи, я вступилъ въ Родосто. Прибытіе въ городъ, живописно расположенный террасами къ Мраморному морю, имѣющій консуловъ всѣхъ націй и торговый портъ, съ ежедневными пароходами въ Константинополь, казалось намъ праздникомъ. Мы застали въ немъ 5 полковъ гвардейской кавалеріи, съ двумя конными батареями. Гвардейцы разгуливали по улицамъ, не только совершенно оправившимися отъ лишений, но вполне франтами. Они успѣли закупить себѣ обувь, освѣжить одежду и выхолить коней. Мы же вступали такими же, какими были на Балканахъ, и брели отъ нихъ по росто-пели, до моря.

Видъ Родосто, при спускѣ съ прибрежныхъ высотъ, былъ восхитительный. Городъ окаймлялъ заливъ, покрытый множествомъ судовъ разныхъ величинъ и націй, нѣсколько парохо-

довъ дымилось передъ отходомъ, другіе входили въ гавань. Высокіе, вѣчно зеленые кипарисы покрывали кладбища; издали уже виднѣлись разноцвѣтные флаги надъ домами иностранныхъ представителей, а на поляхъ, по сторонамъ города, блестяли на солнцѣ парки орудій гвардейскихъ батарей. Комendanтомъ города я засталъ командира Гродненскаго гусарскаго полка, принца Альтенбургскаго. По его распоряженію уже были открыты всѣ учрежденія. Городской совѣтъ касался только управленія городомъ, а затѣмъ полицейская часть, расквартированіе войскъ, заготовка продовольствія, порядокъ на пристани, почтовая часть и телеграфъ—все было въ вѣдѣніи особо назначенныхъ офицеровъ.

Деньги за забираемый у пекарей хлѣбъ полки уплачивали сами, но это продолжалось безъ всякихъ споровъ только недѣлю, покуда не прибыли агенты воскресшаго товарищества Когана и Горвица, съ заявленіями, что они привезли муку изъ Одессы и, согласно распоряженію интендантства, просятъ получать хлѣбъ отъ нихъ. Нѣкоторые изъ такихъ господъ оказались потомъ подставными лицами разныхъ аферистовъ. Однажды явились ко мнѣ трое разомъ и каждый оспаривалъ свои права, увѣряя, что онъ настоящій, а прочіе самозванцы. Были и такіе, которые говорили только по гречески и по итальянски. Для войскъ было гораздо пріятнѣе имѣть дѣло съ городскими пекарями изъ турокъ, чѣмъ съ этими уполномоченными товарищества, постоянно надоѣдавшими просьбами и жалобами. То они не могли нанять рабочихъ для выгрузки, то просили нарядить для этого солдатъ, то заявляли, что за волненіемъ нельзя выгружать, то жаловались на придирки приѣмщиковъ.

Отсутствіе нашихъ интендантовъ поражало даже иностранцевъ. Французскій консулъ въ Родосто, служившій въ 1854 году чиновникомъ интендантства въ арміи Конробера, говорилъ мнѣ:

— Скажите, пожалуйста, гдѣ находятся ваши интенданты? Вотъ уже мѣсяцъ, что ваша гвардейская кавалерія въ городѣ, теперь же пришла и пѣхота, а нѣтъ ни одного интенданта, такъ что вы, господа генералы, сами хлопчете о продовольствіи солдатъ и о покупкѣ сѣна. У насъ было совершенно иное. Передъ началомъ Крымской кампаніи, я былъ однимъ

изъ младшихъ интендантскихъ чиновниковъ и находился при дивизионномъ генералѣ, сначала въ Мальтѣ, а потомъ въ Добруджѣ. Во время передвиженія войскъ отъ интендантовъ требовалось, чтобы они находились не только при передовыхъ отрядахъ, но слѣдовали бы вмѣстѣ съ разѣздами. Какъ только послѣдніе вступали въ городъ или селеніе, гдѣ предполагался ночлегъ отряда, интендантъ обязанъ былъ немедленно узнать: сколько возможно собрать или купить въ мѣстѣ остановки готоваго хлѣба, муки, или зерна, а равно сѣна; сколько можно найти перевозочныхъ средствъ и т. д. Все это слѣдовало сдѣлать до прибытія отряда, а затѣмъ встрѣтить его начальника и доложить объ этомъ и о существующихъ мѣстныхъ цѣнахъ на всѣ предметы довольствія. За малѣйшее промедленіе, или невѣрность доклада, Конроберъ безъ милосердія взыскивалъ съ интендантовъ, и я помню два случая разстрѣліянія на мѣстѣ тѣхъ, которые были уличены въ корыстныхъ сдѣлкахъ съ поставщиками.

Немало затрудненій встрѣчали войска въ фуражномъ довольствіи во все время стоянки ихъ въ Родосто. Кавалерійскіе полки, пришедшіе гораздо ранѣе насъ, закупили все сѣно и солому на 50 верстъ кругомъ города, такъ что всѣ наши лошади, первое время, питались только распаренною мякиною съ солью. За сѣно для офицерскихъ лошадей платили баснословныя суммы, а между тѣмъ ни интенданство, ни приснопамятное товарищество не помогали намъ. Неизвѣстно чѣмъ бы это кончилось, если бы я, обѣдая однажды у одного изъ мѣстныхъ негоціантовъ, не заговорилъ о бѣдственномъ положеніи нашихъ лошадей.

— Почему, генералъ, спросилъ онъ меня, вы не выпишете сѣна изъ Марселя, или даже изъ Алжира?

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и затѣмъ отвѣтилъ.

— По очень простой причинѣ: во-первыхъ это, вѣроятно, будетъ очень дорого стоить, а во-вторыхъ—мы получимъ это сѣно въ то время, когда здѣсь уже будетъ свѣжее.

— Напрасно вы такъ думаете, возразилъ хозяинъ. Если мы сойдемся въ цѣнѣ, то пароходъ съ сѣномъ придетъ сюда въ 12-й день по отправкѣ депеши, а насчетъ цѣны позвольте сообщить вамъ завтра; я сегодня же спрошу нашу контору въ Марсели.

На утро онъ явился съ отвѣтомъ, что лучшее прессованное сѣно можетъ быть доставлено по 5 съ половиною франковъ за пудъ. Въ это время цѣны, по которымъ полки получали фуражныя деньги, были утверждены по 7-ми франковъ, значить у нихъ оставалось бы еще прибыли по 1½ франка съ пуда.

Конечно я охотно принялъ предложеніе и ровно на 12-й день, громадный французскій пароходъ съ сѣномъ, стоялъ уже въ портѣ. Привезеннаго имъ количества въ нѣсколько тысячъ пудъ мои полки разобрать не могли, но все, что осталось отъ пѣхоты, охотно раскупили кавалеристы, а затѣмъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, они выписали себѣ свѣжее, только-что скошенное сѣно, изъ Алжира. Невольно приходило на мысль: какъ это частный торговый домъ выписываетъ фуражъ изъ Франціи, и продаетъ его по 5½ франковъ, а наше интенданство не успѣваетъ прислать его изъ Одессы? Казалось, слѣдовало бы понять, что сколько ни плати, франками лошади не накормишь.

19-го февраля, по случаю дня возшествія на престолъ, я назначилъ церковный парадъ при греческомъ соборѣ. Служеніе совершалъ мѣстный митрополитъ, совсѣмъ еще молодой, замѣчательно красивый человѣкъ, вмѣстѣ со всѣми нашими полковыми священниками. Потомъ я встрѣчалъ его въ домахъ консуловъ, гдѣ узналъ, что онъ былъ возведенъ въ санъ архіерея, прямо изъ священниковъ дворцовой церкви въ Аѣинахъ. Болѣе близкое съ нимъ знакомство показало, что онъ представлялъ рѣдкое исключеніе между греческими епископами, по своему образованію и отличному знанію французскаго языка. Особенно пріятно было слышать его отзывы о греческой королевѣ Ольгѣ Константиновнѣ, изображавшіе ее особою рѣдкой доброты, ума и царственнаго такта.

Когда я взшелъ въ соборъ, то предсѣдатель городского совѣта, персидскій консулъ, которому на время войны была передана защита русскихъ подданныхъ, подвелъ меня, какъ старшаго въ городѣ, къ устроенному у клироса амвону подъ балдахиномъ, требуя, чтобы я сталъ подъ него; но несмотря на всѣ настоянія грековъ и французскаго консула, дабы не разыгрывать не принадлежащей начальнику дивизіи роли, я отказался отъ этой чести. Исключительною особенностію гре-

ческаго служенія было то, что Символь Вѣры не пѣли, а его читалъ наизусть, по срединѣ церкви, старѣйшій изъ городскихъ обывателей.

Въ тотъ же день утромъ получены были ордена, пожалованные офицерамъ за взятіе Тетевени и Траяна. По окончаніи парада, въ присутствіи бывшихъ на молебствіи, я роздалъ ихъ.

За нѣсколько дней до 19-го февраля носились слухи, что въ годовщину восшествія на престолъ, послѣдуетъ заключеніе мира. Такъ и было въ дѣйствительности, но официальное извѣщеніе объ этомъ пришло только черезъ три дня. Вообще извѣстія изъ главной квартиры, въ послѣднее время, получались все рѣже и рѣже. Хотя ежедневно приходившіе изъ Санъ-Стефано пароходы и привозили оттуда разныя вѣсти, но вѣрить противорѣчащимъ одинъ другому слухамъ было трудно. Изъ отряднаго штаба уже двѣ недѣли не было отвѣта ни на одну бумагу, что ставило штабъ дивизіи въ большое затрудненіе. Полки не получали еще утвержденныхъ цѣнъ на январь и февраль, а потому не могли представлять требованій на эти мѣсяцы; я же, со времени слитія Траянскаго отряда съ Западнымъ, не считалъ себя въ правѣ самъ утверждать цѣны. То же, что въ послѣдніе дни всѣ бумаги поступали прямо отъ начальника полевого штаба, указывало, что Западный отрядъ упраздненъ, но приказа объ этомъ не было.

Жизнь наша въ Родосто проходила подѣ какимъ-то особеннымъ томленіемъ. При такомъ большомъ обществѣ военныхъ, какъ 5 полковъ гвардейской кавалеріи и полкъ пѣхоты, съ дивизионными и бригадными штабами, при возможности получать извѣстія отъ родныхъ, какъ почтою, такъ и телеграфомъ, наконецъ при отличной весенней погодѣ на берегу южнаго моря, казалось нечего было и желать лучшаго, а между тѣмъ заключеніе мира далеко не произвело того впечатлѣнія, котораго отъ него ожидали. Безъизвѣстность о томъ предстоитъ ли скорое возвращеніе съ Россію, или придется начинать новую войну, порождало какую-то безотрадность. Послѣ дѣятельной и полной самыхъ разнообразныхъ ощущеній жизни военного времени, праздная стоянка съ каждымъ днемъ дѣлалась болѣе и болѣе унылою. Ни ежедневная игра военныхъ оркестровъ на берегу моря, ни общіе обѣды въ импровизован-

ныхъ греческими и итальянскими трактирщиками ресторанахъ, съ вывѣсками „Палкинъ или Смуровъ“, ни прогулки верхомъ за городъ, ни катанье на лодкахъ по заливу,—не веселили насъ.

Начавшаяся еще въ Шаркію болѣзненность, съ присоединеніемъ обозовъ, прошедшихъ черезъ зараженные тифомъ мѣстности, начала быстро усиливаться. Съ наступленіемъ же въ началѣ марта теплыхъ дней обнаружилось, что намъ не избѣжать эпидеміи и что необходимо принять мѣры противъ ея развитія. Если дивизія избѣгнула упорности формъ и осложнений сыпнаго тифа, то благодаря только тому, что всѣ заболѣвавшіе имъ были переведены за городъ, въ шатры, разбитые, по моему указанію, на одной изъ ближайшихъ къ морю возвышенностей. Это смягчало форму болѣзни и благопріятствовало ея исходу, но не уменьшало числа заболѣваній. Многие изъ докторовъ подвергались имъ, а къ концу марта, изъ всѣхъ врачей подвижнаго лазарета и полковъ первой бригады, оставалось на ногахъ только двое, на 400 больныхъ.

Неизвѣстность о будущемъ, при отсутствіи той дѣятельности, которая поддерживала моральныя и физическія силы, вмѣстѣ съ измѣнившимися почему-то отношеніями къ лицамъ, вліявшимъ на оцѣнку служебныхъ заслугъ, отзывались на моемъ здоровьи. Устоявъ отъ тифа, я не устоялъ противъ постепенно усиливавшихся приступовъ асмы. Въ соединеніи съ нервнымъ разстройствомъ, она производила невыносимыя мученія. Если бы не доброе участіе сослуживцевъ, раздѣлявшихъ со мною всѣ труды компаніи, то можно бы было дойти до отчаянія. Не получая никакого свѣдѣнія о томъ, оцѣнено ли мое участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и въ особенности взятіе съ боя Траянова перевала, тогда какъ оба бывшіе со мною полковые командиры и оба офицера генеральнаго штаба, по моему же представленію, получили георгіевскіе кресты, а участвовавшіе въ бою полки георгіевскія знамена,—я не могъ равнодушно относиться къ этому. Затѣмъ, вскорѣ по заключеніи мира, три младшіе меня начальника дивизіи получили повышеніе. Заявлять объ этомъ, указывать на статьи статута, или вообще искать причинъ почему такъ случилось, по служебнымъ моимъ правиламъ, я считалъ лишнимъ, хотя имѣлъ полный поводъ разсчитывать, такъ какъ, еще до пере-

хода Балканъ, былъ спрошенъ о моемъ старшинствѣ и получилъ прямое указаніе на предстоявшее повышение. Потомъ, уже по окончаніи войны, одни говорили, что нельзя дѣлать представленій на посты особеннаго значенія, а другіе,—что безъ представленій назначеній не дѣлалось.

Въ началѣ марта привезли изъ Россіи, давно ожидаемыя, мундирныя и годовыя вещи, за которыми были командированы изъ полковъ офицеры еще въ ноябрѣ. Видъ русскаго парахода въ турецкой гавани дразнилъ разстроенные нервы. Солдаты радовались полученію новаго обмундирования и обуви, но это было только минутнымъ утѣшеніемъ: тоска по родинѣ и томительная неизвѣстность овладѣвали людьми самыми энергичными. Только одинъ старикъ, полковникъ Золотухинъ, вносилъ иногда нѣкоторую веселость въ наше штабное общество. Не проходило утра, чтобъ онъ не забѣгалъ ко мнѣ съ какими-нибудь новостями, или слухами. То виднѣющійся на горизонтѣ пароходъ казался ему англійскимъ броненосцемъ, то матросы торговыхъ французскихъ судовъ—подозрительными англичанами.

Другимъ развлеченіемъ было посѣщеніе французскаго консула, почтеннаго семьянина, много-видѣвшаго и испытаннаго. Это былъ типъ совершенно чуждый той французской болтливости и того бохвальства, которымъ отличаются заурядные представители этой націи. Его интересные рассказы о крымской компаніи, въ родѣ вышеприведеннаго сравненія нашей интендантской службы съ французскою, имѣли не мало поучительности.

Въ серединѣ марта я поѣхалъ въ Санъ-Стефано, узнать дѣйствительно-ли справедливы слухи о приходѣ изъ Одессы пароходовъ, для перевозки войскъ въ Россію. Грустное впечатлѣніе произвела на меня эта поѣздка. Ясные дни, какъ нарочно, смѣнились дождливыми, съ обычными равноденственными бурями. Санъ-Стефано тонуло въ непроходимой грязи, такъ что переходя изъ дома въ домъ, прежде чѣмъ войти въ комнату, надо было нанять мальчишку-гречонка отскоблить комья грязи съ сапогъ. Отъ холода и воя вѣтра нельзя было спастись въ квартирахъ, не имѣвшихъ ни печей ни двойныхъ рамъ. Найти гдѣ нибудь незанятый уголъ не было никакой возможности; для того, чтобы переодѣться передъ представленіемъ Великому

князю, я долженъ былъ просить конвойнаго казака дать мнѣ уголокъ въ его конюшнѣ. При входѣ въ домъ занятый Его Высочествомъ, я видѣлъ двухъ турецкихъ гайдуковъ, пріѣхавшихъ на козлахъ нашей, принимаемыхъ въ это время главнокомандующимъ. По всему было замѣтно, что наши шансы пошли на пониженіе. Эти гайдуки, разодѣтые въ шитыя золотомъ куртки, съ нахальными взглядами, преспокойно сидѣли въ передней, не обращая вниманія на пріѣзжавшихъ генераловъ и даже не привстали при проходѣ мимо нихъ начальника полевого штаба.

Если бы не любезность одного изъ лицъ главной квартиры, у котораго я останавливался и въ Боготѣ, предложившаго мнѣ пріютъ, то пришлось бы ночевать хоть на улицѣ. Изъ первыхъ разговоровъ съ близкими къ дѣлу я узналъ, что въ полевомъ штабѣ уже было рѣшено начать перевозку войскъ въ Одессу, составлена была очередь нагрузки, законтрактованы были пароходы, и вдругъ все измѣнилось, потому что англичанамъ неугодно было, чтобы войска грузились въ Босфоръ, который они грозили занять при первомъ движеніи русскихъ къ Буюкъ-Дере, гдѣ предполагалась посадка гвардіи.

Узнанное мною въ Главной квартирѣ указывало, что политическія отношенія усложняются и что на скорое возвращеніе въ Россію мало надежды. Между тѣмъ здоровье мое замѣтно ухудшилось и давнишнія страданія невралгіею въ груди и асма усилились. Это заставило меня просить четырехмѣсячнаго отпуска, который я и получилъ, причемъ генераль Непокройчикъ не преминулъ, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, сообщить мнѣ, что Главнокомандующій высоко цѣнитъ мои заслуги и поручилъ ему благодарить меня за службу въ дѣйствующей арміи, но находя невозможнымъ оставлять дивизію безъ прямаго и постоянного начальника, сдѣлалъ представленіе, о назначеніи на мое мѣсто другаго.

Все, что такъ нравственно тяготило меня, осталось не разъясненнымъ тогда и остается таковымъ до сего времени.

10 апрѣля, простясь съ чинами моего штаба, съ прибывшими на пристань командирами отдѣльныхъ частей и съ Староингерманландскимъ полкомъ, безотлучно бывшимъ при мнѣ во всю компанію, я сѣлъ въ Родосто на пароходъ и въ тотъ

же день вечеромъ пересѣлъ въ Константинополѣ на другой, отходившій въ Одессу.

Откровенный и правдивый рассказъ мой о всемъ, что было испытано и сдѣлано мною во время минувшей компаніи, пусть будетъ доказательствомъ того, что я дѣлалъ, что только могъ для пользы службы, не сторонился отъ опасностей, не жертвовалъ тѣми, кто былъ мнѣ ввѣренъ, ради эффектовъ и личныхъ отличій, а потому съ чистою совѣстью смотрю на свое прошлое.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

СТРАН.

ГЛАВА XVIII (1876). Знакомство съ новою дивизіею.—Лагерь подъ Москвой.—Взгляды начальника округа.—Сербскіе добровольцы.—Пріѣздъ принца Гумберта.—Его военно-административные взгляды.—Пріѣздъ Государыни Цесаревны, Королей датскаго и греческаго.—Представленіе имъ лагеря и войскъ.—Разсказъ о проспавшей тревогѣ.—Перевозъ семьи въ Нижній-Новгородъ.—Нѣтъ худа безъ добра	517
ГЛАВА XIX (1876). Первые знакомства и визиты въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Встрѣча съ моимъ учителемъ и его характеристика.—Опять корпусныя воспоминанія.—Военная гимназія.—Клубы и удовольствія.—Приготовленія къ войнѣ.—Выгодные заказы.—Зимнія занятія.—Мои бесѣды съ офицерами.—Первая мобилизація.—Нижегородское общество.	533
ГЛАВА XX (1877) Вступленіе къ описанію военнаго времени.—Настроеніе общества.—Слухи изъ Кишенева.—Мобилизація дивизіи.—Объявленіе войны.—Возня съ обозами.—Обѣздъ полковъ.—Капитанъ-магометанинъ.—Прощальный обѣдъ и спектакль.—Приказъ по дѣйствующей арміи.—Молебствіе предъ выступленіемъ.—Послѣдніе проводы.—Выѣздъ изъ Нижняго Новгорода.—Остановка въ Москвѣ.—Отѣздъ изъ Округа.	546
ГЛАВА XXI (1877). Отъ Москвы до Бреста.—Прибытіе въ Луцкъ.—Поѣздка въ Щепетовку.—Проѣздъ Государя въ армію.—Князя Горчаковъ и Суворовъ.—Оригинальный полковникъ.—Поѣздка въ Кіевъ.—Подвижныя колонны.—Житомиръ и Бердичевъ.—Извѣстіе о переправѣ у Галаца.—Сравненіе ея съ Систовскою.—Двѣ иконы.—Препровожденіе свободнаго времени.—Продѣлки съ жидами.—Проводы одного сына и пріѣздъ другаго.	562
ГЛАВА XXII (1877). Повелѣніе о походѣ къ границѣ.—Приготовленія.—Неожиданный гость.—Смотръ командующаго войсками.—Посадка на желѣзную дорогу.—Отъ Луцка до Раздѣльной.—Встрѣча съ ранеными въ Жмеринкѣ.—Появленіе интенданта.—День въ Унгенахъ.—Почтовая контора.—Переѣздъ границы.	579

- ГЛАВА XXIII (1877). Три дня въ Яссахъ.—Товарищество продовольствія Грегерь, Коганъ и К°. — Продѣлки румынъ.—Отъ Яссы до Бухареста.—У начальника тыла.—Hôtel de Boulevard.—Благодѣтельный еврей.—На бивакѣ въ Фро-тешти.—Далѣе до Зимницы.—Дневка.—Поѣздка въ главную квартиру.—Секреты.—Неизвѣстность гдѣ 2-я бригада.—Обратно въ Зимницу 592
- ГЛАВА XXIV (1877). Переходъ за Дунай.—Стоянка при Глав-ной квартирѣ.—Интендантскіе транспорты.—Конвоирова-ніе Главной квартиры.—Три дня въ Чуашъ-Махалѣ.—Эпизоды въ Болгарени.—Взглядъ на бой подъ Ловчею.—Бивакъ у Парадима.—У Плевенскихъ батарей.—Ночное движеніе къ Плевнѣ.—30 Августа.—Въ лазаретѣ 5 диви-зій.—На бивакѣ Староингерманландцевъ.—У сестры мило-сердія.—Два раненныхъ.—При румынской атакѣ.—Началь-никъ маршевой команды.—Назначеніе начальникомъ Лов-че-Сельвинскаго отряда. 614
- ГЛАВА XXV (1877). Вступленіе въ Ловчу.—Водвореніе порядка.—Осмотръ и выборъ позицій.—Судебныя порядки на войнѣ.—Гости изъ Главной квартиры.—Болѣзненность въ вой-скахъ.—Постройка укрѣпленій.—Первые поиски къ Запа-ду.—Курьезное предписаніе и отвѣтъ на него.—Недоста-токъ сухарей.—Ожидаемая блокада и осада Ловчи.—Наши гражданскіе дѣятели на войнѣ 646
- ГЛАВА XXVI (1877). Организациа продовольствія средствами стра-ны.—Почтовые курьеры.—Наши парки.—Бѣдствія бол-гаръ.—Взятіе Тетевени.—2-я бригада за Видомъ.—Принцъ Баварскій.—Каломанъ Ивановичъ.—Движеніе 2-й грена-дерской дивизіи чрезъ Ловчу къ Плевнѣ.—Занятіе Розе-литскаго перевала.—Рекогносцировки подполковника Су-хомлинова.—Тревоги изъ за Елены.—Вѣсть о паденіи Плевни.—За обѣдомъ въ Боготѣ.—Послѣдняя поѣздка къ Великому князю.—Послѣдніе дни въ Ловчѣ 667
- ГЛАВА XXVII (1877). Исслѣдованія и рекогносцировки.—Моя за-писка о проходахъ центрального Балкана.—Рѣшеніе идти черезъ Траянъ.—Сформированіе отряда.—Организа-ціа движенія.—Подъемъ перваго эшелона.—Ночное дѣло стрѣлковъ.—Подъемъ орудій.—Отдѣльная колонна Сухомлинова.—Второй и третій эшелоны.—Архимандритъ Мака-рій.—Депеши изъ Главной квартиры и съ Шипки.—Со-чельникъ и день Рождества въ горахъ.—Диспозиціа и бой 26 декабря.—Подъ пулями.—Обходъ Грекова и атака Орли-наго гнѣзда.—Донесеніе о побѣдѣ.—Преслѣдованіе и взятіе деревни Корнари и транспорта 698
- ГЛАВА XXVIII (1878). Занятіе Клиссуры, Калофера и Карлова.—Турецкій парламентаръ.—Присоединеніе 2 бригады.—Но-

- вый годъ на переходѣ.—Движеніе къ Филиппополю.—Не-доразумѣнія и приказанія.—Прибытіе генерала Скобелева 1-го.—Движеніе на Чирпанъ.—Записка генералу Гурко.—Вступленіе въ Чирпанъ.—Новыя недоразумѣнія.—Подго-товленіе къ переправѣ черезъ Марицу.—На станціи же-лѣзной дороги.—Ужасныя картины.—Присоединеніе Траян-скаго отряда къ западному 731
- ГЛАВА XXIX (1878). По пути смерти.—Два дня въ Хаскіюѣ.—Намѣ-стѣ избѣнія.—Представленіе новому начальнику.—Стрѣлки на переходѣ.—Вступленіе въ Андріанополь.—Въ кругу лицъ Главной квартиры.—Тревога отъ пожара.—Выступленіе.—Соломоновъ судъ на походѣ.—Вступленіе въ Демотику.—Архимандритъ Герасимъ.—Занятіе Дыдагача и Еноса.—Мостъ у Кулель.—Священникъ-фанатикъ.—Адресы гре-ковъ.—Хозяйственныя затрудненія. 754
- ГЛАВА XXX (1878). Новое расквартированіе.—Движеніе къ мо-рю.—Встрѣча въ Узунъ-Кепри.—Въ Кешанѣ.—Занятіе по-зиціи передъ Галипольскимъ полуостровомъ.—Двѣнадцать дней въ Шаркіюѣ.—Переходъ до Родосто.—Турокъ говоря-щій по русски.—Жизнь въ Родосто.—Интендантство и сѣно изъ Марсея.—Томительная неизвѣстность.—Эпиде-мія.—Заключеніе мира.—Поѣздка въ С. Стефано.—Просьба объ отпускѣ.—Отъѣздъ изъ арміи 780

О П Е Ч А Т К И.

въ 1-й части.

Напечатано:

СТРАН.	СТРОКА.	
3	10	снизу 1880
8	4	" въ своемъ
22	1	сверху принятому
30	2	" приходится
57	13	" корпусамъ
58	5	снизу для прихотей
103	15	" скотоводствомъ
132	1	сверху гораздо
145	16	снизу преимущество
147	16	" наливка
163	9	" пакнулся
187	3	" это.... слуги
249	6	снизу онъ
251	10	" средствамъ
271	12	сверху укшаньемъ
306	18	" что первый желалъ
335	3	снизу это
347	18—21	" Ченгеры,
391	13	сверху представлялось
396	14	снизу докими
417	12	" говода
423	7	" которую?
438	11	сверху воспещается
480	11	снизу въ намъ
484	8	" Затѣмъ
488	4	сверху тебѣ

во 2-й части.

557	7	сверху прощадь,
581	4	" къ столовую
604	17	снизу пойдутъ
627	9	сверху высидившая
651	18	" отправлены
720	7	" смѣльчаки

Слѣдуетъ читать:

1830
въ своемъ
приняту
приходилось
корпусахъ
до прихотей
скотоводствомъ
гораздо
преимущество
начальника
наткнулся
этого... слугу
отъ
средствами
кушаньемъ
что желалъ
онъ
Ченгеры,
представляясь
домики
города.
которую?
воспрещается
къ намъ
Зачѣмъ
себѣ

площадь,
въ столовую
подойдутъ
высидившая
отправлены
смѣльчаки